

АНДРА

РАУН

КАК ДВЕ КАПЛИ
ВОДЫ

Annotation

Трагедия, связанная с авиакатастрофой, в которую попала тележурналистка Эйвери Дэниелз, обернулась для нее подарком судьбы. Она оказалась в центре драмы страстей и необузданных эмоций. После аварии тяжело раненную Эйвери по ошибке приняли за некую Кэрол Ратледж. Вскоре и сама журналистка поняла, что после пластической операции она обрела внешность жены Тейта Ратледжа – влиятельного тexasского политика. Лежа в больнице, журналистка случайно узнает, что кто-то в окружении Тейта готовит на него покушение. Для того, чтобы спасти ему жизнь, Эйвери придется выдать себя за Кэрол, поставить под удар собственную карьеру, пережить множество опасных перевоплощений, окунуться в жаркие любовные объятия.

- [Сандра Браун](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Сандра Браун
Как две капли воды

Пролог

Самое обидное заключалось в том, что лучшего дня для полета и быть не могло. Январское небо было совершенно безоблачным и таким синим, что на него было больно смотреть. Видимость – превосходная. С севера дул холодный, но несильный ветер.

В это время дня загруженность аэропорта была от умеренной до сильной, но наземные службы работали четко, строго выдерживая график. Самолетам не приходилось кружить в ожидании посадки, а на полосе стояли в ожидании разрешения на взлет не больше двух лайнеров одновременно.

Пятница. Обычное утро в международном аэропорту Сан-Антонио. Единственное, с чем возникли некоторые проблемы у пассажиров рейса номер 398 компании «Эйр-Америка», так это дорога в сам аэропорт. На шоссе номер 410 велись дорожные работы, из-за чего образовалась пробка длиной в целую милю.

Тем не менее девяносто семь пассажиров успели на регистрацию и, распахав ручную кладь по полкам над креслами, теперь устраивались на своих местах, пристегивали ремни, а кое-кто уже листал книги, газеты и журналы. Экипаж занимался последними рутинными приготовлениями. Бортпроводницы обменивались шутками, загружая напитками тележки и заваривая кофе, выпить который никому не было суждено. После того как пассажиров пересчитали, разрешили дополнительную посадку из резервного списка. Убрали трап, и самолет начал выруливать к взлетной полосе.

В динамиках раздался дружелюбный голос командира корабля, сообщившего пассажирам, что их самолет взлетает следующим. Объявив, что погодные условия в аэропорту назначения в Далласе превосходные, он отдал экипажу команду приготовиться к взлету.

Ни один человек на борту, включая командира, не подозревал, что самолет, выполняющий рейс 398, продержится в воздухе меньше тридцати секунд.

– Айриш!

– Угу?

– В аэропорту только что взорвался самолет.

Айриш Маккейб мгновенно встрепенулся:

– Что? Катастрофа?

– Пожар. Пламя до небес. В самом конце взлетной полосы.

Заведующий отделом информации Айриш Маккейб торопливо сунул данные последних зрительских опросов в стол. С удивительным для его возраста и комплекции проворством он обогнул стол и выскочил из своего застекленного кабинета, едва не сбив с ног корреспондента, который принес текст очередного информационного выпуска.

– На взлете или на посадке?

– Пока неизвестно.

– Кто-нибудь уцелел?

– Неизвестно.

– Рейсовый самолет или частный?

– Неизвестно.

– Черт побери, да была ли катастрофа? Что вам вообще известно?

Корреспонденты, фотографы, секретари и посыльные уже сгрудились с мрачными лицами вокруг радиоприемника, настроенного на полицейскую волну. Айриш потянулся к регулятору громкости.

«...взлетной полосы. Пока не видно ни одного уцелевшего пассажира или члена экипажа. Пожарные машины мчатся к месту аварии. Видны дым и пламя. Вертолеты подняты в воздух. Машины „скорой помощи“...»

Айриш принялся громко отдавать приказания, перекрывая треск радиоприемников.

– Ты, – ткнул он пальцем в того, кто несколько секунд назад принес сенсационную новость, – бери выездную бригаду и туда. (Репортер с оператором устремились к выходу.) Кто позвонил первым? – Айришу надо было это знать.

– Мартинес. Он ехал на работу и застрял в пробке.

– Он на связи?

– Да, звонит из машины.

– Пусть подъедет к месту аварии так близко, как сумеет, и заснимет на видео как можно больше, пока не приедет бригада. И вертолет надо поднять. Кто-нибудь, сядьте на телефон и выловите мне пилота! Надо встретить его. – Он обвел взглядом присутствующих,

явно выискивая кого-то. – Айк еще здесь? – Ему понадобился ведущий утренней программы новостей.

– Пошел в туалет.

– Давай его сюда. Пусть идет в студию. Выйдем с экстренным сообщением. Мне нужно заявление от кого-нибудь с диспетчерской вышки, от руководства аэропорта, от авиакомпании, от полиции – что угодно, с чем мы можем выйти в эфир раньше, чем ребята из Управления безопасности на транспорте заткнут всем рот. Давай, Хэл, действуй. И кто-нибудь позвоните Эйвери домой. Скажите, чтобы...

– Не получится. Она сегодня улетает в Даллас, забыл?

– А, черт. Забыл. Нет, погодите, – сказал Айриш, прищелкнув пальцами, и лицо его озарилось надеждой. – Может, она еще в аэропорту. Тогда она будет на месте раньше всех. Если ей удастся пробиться к терминалу «Эйр-Америки», она сможет сделать репортаж с точки зрения простого пассажира. Если вдруг позвонит, зовите меня немедленно.

Он снова с нетерпением прильнул к радиоприемнику. В крови бушевал адреналин. Все это означает, что о выходных надо забыть, вместо них будет сумасшедшая работа, головная боль, холодная еда и безнадежно остывший кофе, но, несмотря на это, именно сейчас Айриш чувствовал себя в своей стихии. Ничто, как авиакатастрофа, не могло быть лучшим завершением информационной недели, а значит, и самым верным способом поднять рейтинг программы.

Тейт Ратледж затормозил перед самым домом. Он помахал рабочему фермы, который выруливал на своем пикапе. С радостным лаем к хозяину кинулся колли-полукровок.

– Привет, Шеп!

Нагнувшись, Тейт потрепал пса по лохматой голове. Тот смотрел на него с откровенным обожанием.

С такой же благоговейной преданностью относились к Тейту Ратледжу десятки тысяч людей. Причин для восхищения хватало. Начиная с взъерошенной шевелюры и до кончиков потертых ботинок, он выглядел своим в доску для любого мужчины и предметом вожделения для любой женщины. Но на каждого горячего поклонника у него приходился такой же заклятый враг.

Велев собаке оставаться снаружи, он вошел в просторную прихожую, снял темные очки и двинулся в кухню, откуда доносился запах свежесваренного кофе. Желудок заурчал, напоминая, что Тейт не позавтракал, отправляясь рано утром в Сан-Антонио. Он представил себе подрумяненный бифштекс, пышный омлет и хрустящие ломтики поджаренного хлеба. В животе заурчало еще громче.

Родители сидели на кухне за круглым дубовым столом, который стоял там, сколько Тейт себя помнил. Когда он вошел, мать обернулась. Лицо у нее было ошеломленное и бледное, как мел. Отец, Нельсон Ратледж, поднялся и, протянув вперед руки, шагнул ему навстречу.

– Тейт...

– В чем дело? – произнес он, недоумевая. – На вас посмотреть – подумаешь, будто кто-то умер.

Лицо Нельсона исказилось:

– Ты что, не слушал по дороге радио?

– Нет. У меня работал магнитофон. А что? – Его внезапно охватила паника. – Что случилось, черт возьми?

Он перевел взгляд на маленький телевизор в углу на полке. Именно туда смотрели мать с отцом, когда он вошел.

– Тейт, – сказал Нельсон, и голос его от волнения дрогнул. – Второй канал только что прервал выпуск «Колеса фортуны» экстренным сообщением. Несколько минут назад в аэропорту при взлете потерпел крушение самолет.

Тейт судорожно вобрал в себя воздух и так же резко выдохнул.

– Пока нет подтверждения, какой именно это был рейс, но полагают, что...

Нельсон замолчал, горестно качая головой. Зи потянулась к бумажной салфетке и прижала ее ко рту.

– Самолет Кэрл? – прохрипел Тейт. Нельсон кивнул.

Она с трудом выбиралась из серого тумана. Она убеждала себя: за туманом обязательно будет просвет, пусть даже пока он еще не виден. На какой-то миг она засомневалась, стоит ли так рваться к этому просвету, но то, что осталось позади, было настолько ужасно, что поневоле толкало ее вперед.

Боль окружала ее со всех сторон. Она все чаще возвращалась из благословенного забытья в мучительное бодрствование, сопровождавшееся такой невыносимой и всепоглощающей болью, что она даже не могла понять, что именно болит. Болело все – внутри и снаружи. Боль заполняла ее целиком. Когда ей начинало казаться, что больше она не в силах этого выносить, она снова погружалась в теплое бесчувствие и по жилам растекался волшебный эликсир. Она проваливалась в спасительное забытье.

Однако проблески сознания раз от раза становились все длиннее. Сквозь пелену до нее доносились глухие звуки. Из всех сил сосредоточившись, она смогла их понемногу различить: вот непрерывное посвистывание аппарата искусственной вентиляции легких, вот непрекращающийся писк электронной аппаратуры, а это – повизгивание резиновых подошв на кафельном полу, а вот телефонные звонки.

В очередной раз придя в сознание, она услышала обрывки разговора.

– Невероятное везение... При том, что на нее вылилось столько горячего... Ожоги главным образом поверхностные.

– Сколько понадобится времени... реагировать?

– Терпение... Такого рода травмы сильнее отражаются... чем на теле...

– Как она будет выглядеть, когда... позади?

– Завтра... с хирургом. Он вам... всю процедуру.

– Когда?

– ... не будет опасности инфицирования.

– Это... отразится на плоде?

– Плоде? Но ваша жена не беременна.

Смысл слов не доходил до нее. Они обрушивались из черной пустоты подобно метеоритному дождю. Она хотела спрятаться от них, потому что они вторгались в блаженное небытие. Она хотела только одного – ничего не знать и ничего не чувствовать. Отключившись от этих голосов, она снова погрузилась в мягкое, обволакивающее безмолвие.

– Миссис Ратледж? Вы меня слышите?

Она машинально среагировала, издав из ноющей груди тяжелый стон. Попыталась поднять веки – безуспешно. Один глаз все же приоткрылся, и яркий луч света, казалось, ударил прямо в мозг. Наконец этот ненавистный свет убрали.

– Она приходит в себя. Немедленно дайте знать мужу, – произнес бесплотный голос.

Она попробовала повернуть голову в ту сторону, откуда он доносился, но и это не удалось.

– У вас есть телефон отеля?

– Да, доктор. Мистер Ратледж его оставил на случай, если она придет в себя, когда его здесь не будет.

Завитки серого тумана понемногу рассеивались. Слова, смысл которых прежде до нее не доходил, начинали рождать в мозгу логические ассоциации. Теперь она понимала слова, но по-прежнему не могла уразуметь, о чем идет речь.

– Я знаю, что вам очень больно, миссис Ратледж. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы облегчить ваши страдания. Вам пока нельзя разговаривать. Просто расслабьтесь. Скоро здесь будут ваши родные.

В голове отдавались быстрые удары сердца. Она хотела дышать – и не могла. Вместо нее дышала машина. Воздух шел в легкие через трубку, вставленную в рот.

Она снова попыталась открыть глаза. Опять открылся лишь один, и то наполовину. Сквозь щелку она различала неясный свет. При попытке сфокусироваться она почувствовала боль, но зато смутные очертания начали принимать определенную форму.

Да, она в госпитале. Это уже ясно.

Но почему? Каким образом? Это было как-то связано с кошмаром, который остался позади, в том тумане. Ей не хотелось ничего вспоминать, поэтому она предпочла сосредоточиться на настоящем.

Она лежала без движения. Как она ни старалась, руки и ноги не слушались. Голова тоже. У нее было такое чувство, будто ее уложили в одеревеневший кокон. Эта неподвижность пугала. Неужели это навсегда?!

Сердце забилося сильнее. Немедленно рядом возникла фигура.

– Миссис Ратледж, не стоит волноваться. Все будет в порядке.

– Пульс участился, – раздался еще чей-то голос по другую сторону кровати.

– Наверное, она просто испугалась, – произнес первый голос. – Она дезориентирована – не понимает, что с ней происходит.

Над ней склонился кто-то в белом:

– Все будет в полном порядке. Мы уже позвонили мистеру Ратледжу, он сейчас приедет. Вы ведь будете рады его видеть? Он так счастлив, что вы наконец пришли в себя.

– Бедняжка... Можешь себе представить – вот так проснуться, чтобы на тебя столько сразу обрушилось.

– Я тебе больше скажу – не могу себе представить, как можно пережить авиакатастрофу.

Беззвучный крик молнией пронзил мозг.

Она вспомнила!

Скрежет металла. Крики и стоны. Дым, густой и черный. Огонь – и леденящий ужас.

Она действовала автоматически, в соответствии с инструкциями, сотни раз слышанными от стюардесс на разных рейсах, которыми ей доводилось летать.

Вырвавшись из охваченного пламенем фюзеляжа, она стала ощупью пробираться в залитом кровью и дымом пространстве. Ей было очень больно, но она продолжала бежать, сжимая...

Сжимая – что? Она помнила только, что это было нечто очень ценное, что-то такое, что она обязана была спасти.

Она помнила, как упала и, уже лежа, бросила последний взгляд на мир. По крайней мере, так она успела подумать. Она даже не почувствовала боли от столкновения с землей. После этого она погрузилась в забытие, которое до сего момента оберегало ее от ужасных воспоминаний.

– Доктор!

– Что такое?

– Сердцебиение снова резко участилось.

– Хорошо, надо ее немного успокоить. Миссис Ратледж, – сказал врач повелительным тоном, – успокойтесь. Все в порядке. Вам не о чем волноваться.

– Доктор Мартин, приехал мистер Ратледж.

– Попросите его подождать, пока она не успокоится.

– В чем дело?

Издали донесся новый, властный голос:

– Мистер Ратледж, я попрошу вас дать нам несколько...

– Кэрол?

Внезапно она почувствовала его присутствие. Он был совсем близко, склонился к ней. В его голосе звучало мягкое увещание.

– Все будет в порядке, ты поправишься. Я понимаю, ты напугана и встревожена, но все будет хорошо. И с Мэнди, слава Богу, тоже все в порядке. У нее несколько переломов и поверхностные ожоги рук. Мама с ней, в палате. Она скоро поправится. Ты слышишь меня, Кэрол? Вы с Мэнди выжили, а это самое главное.

Сразу за его головой был яркий свет неоновой лампы, поэтому черты лица она разглядеть не могла, только угадывала, как он выглядит. Она с жадностью впитывала каждое слово утешения. И поскольку он произносил их с убежденностью, она ему верила.

Она потянулась к его руке – вернее, попыталась. Должно быть, он это уловил, потому что сам легонько положил ей руку на плечо.

От этого прикосновения тревожное чувство пошло на спад, а может быть, это начало действовать успокоительное, которое ввели внутривенно. Она расслабилась, неведомым образом чувствуя себя в безопасности рядом с этим незнакомым мужчиной.

– Засыпает. Вы можете идти, мистер Ратледж.

– Я останусь.

Она закрыла глаз, стирая расплывчатый образ. Наркотик действовал чарующе. Ее нежно покачивало, как в маленькой лодочке, убаюкивая и погружая в надежную гавань безразличия.

Кто такая Мэнди? – подумала она, проваливаясь в сон.

Она знакома с этим человеком, который называет ее Кэрол?

Почему все обращаются к ней как к миссис Ратледж?

Они думают, что она его жена?

Как они ошибаются.

Она с ним даже незнакома.

Когда она снова очнулась, он был рядом. Она не знала, прошло ли несколько минут, или часов, или дней. Время здесь, в палате интенсивной терапии, никак не ощущалось, отчего она еще больше теряла чувство реальности.

В тот момент, когда она разлепила веки, он наклонился над ней и сказал:

– Привет.

Не видеть его четко было для нее мучительно. Открывался только один глаз. Она уже догадалась, что вся голова у нее забинтована и именно поэтому не поворачивается. Доктор уже предупредил, что и говорить она не может. Нижняя часть лица, казалось, окаменела.

– Ты понимаешь меня, Кэрол? Ты понимаешь, где ты находишься? Если да – моргни.

Она моргнула.

Он сделал какое-то движение рукой. Ей показалось, он взъерошил волосы, но она не была уверена.

– Вот и хорошо, – сказал он со вздохом. – Говорят, тебе нельзя волноваться, но я тебя знаю и думаю, ты хочешь иметь исчерпывающую информацию. Я прав?

Она моргнула.

– Ты помнишь, как вы сидели в самолет? Это было позавчера. Вы с Мэнди собрались на несколько дней в Даллас за покупками. Ты помнишь крушение?

Она отчаянно пыталась дать ему понять, что она не Кэрол и не знает, кто такая Мэнди, но смогла лишь моргнуть в ответ на вопрос о катастрофе.

– В живых осталось только четырнадцать человек.

Она не поняла, что из глаза у нее потекли слезы, пока он не достал салфетку, чтобы вытереть их. Его руки, такие сильные на вид, оказались и очень нежными.

– Каким-то чудом – одному Богу известно, как, – ты сумела выбраться с Мэнди из горящего самолета. Ты что-нибудь помнишь?

На этот раз она не моргнула.

– Ну да ладно, это неважно. Как бы то ни было, ты спасла ей жизнь. Она, конечно, очень напугана. Боюсь, у нее больше пострадала

психика, чем тело, и с ней будет нелегко. Сломанную руку ей зафиксировали. У нее нет сильных повреждений. Ей даже не придется делать пересадку кожи. Ты, – он пристально посмотрел на нее, – ты закрыла ее своим телом.

Она не слишком хорошо поняла его взгляд, но похоже было, что он сомневается, что все происходило именно так. Он продолжал:

– Служба безопасности ведет расследование. Они уже нашли черный ящик. Все как будто шло нормально, но потом один из двигателей просто взорвался. От взрыва воспламенились топливные баки. Самолет превратился в огненный шар. Но прежде чем фюзеляж был полностью охвачен пламенем, ты сумела выскочить через запасной выход на крыло с Мэнди в руках. Один из уцелевших пассажиров сказал, что видел, как ты расстегивала ее ремень. Он говорит, вы втроем сквозь дым пробрались к двери. Он говорит, у тебя все лицо было в крови, наверное, тебя сильно ударило.

Ничего из этого она не помнила. Она помнила только охвативший ее ужас при мысли о том, что ее ждет смерть от удушья в дыму, если прежде она не сторит. Он хвалит ее за мужественные действия во время крушения. А она просто следовала инстинкту выживания.

Возможно, со временем подробности трагедии прояснятся. А может быть, и нет. Она не была уверена, что ей хочется вспоминать этот кошмар. Снова пережить ужасные минуты после катастрофы будет все равно что еще раз пройти через ад.

Если уцелели только четырнадцать человек, следовательно, число погибших измеряется десятками. Тот факт, что она оказалась в живых, привел ее в некоторое недоумение. Судьба предназначила ей выжить, и она никогда не узнает почему.

У нее перед взором все поплыло, и она догадалась, что снова плачет. Он молча промокнул ей глаз салфеткой.

– Тебе сделали анализ на содержание газов в крови и решили применить аппарат искусственной вентиляции легких. У тебя сотрясение мозга, но серьезных повреждений головы нет. И ты сломала большую берцовую кость правой ноги, когда прыгала с крыла на землю. Руки у тебя забинтованы из-за ожогов. И все же, слава Богу, все повреждения чисто поверхностные, если не считать отравления дымом. Я знаю, тебя тревожит лицо, – смущенно продолжал он. – Не стану тебя обманывать, Кэрл. Я понимаю, что ты хочешь знать всю

правду. – Она моргнула. Он помолчал, неуверенно глядя на нее. – Лицо пострадало очень сильно. Я нанял лучшего специалиста по пластической хирургии в штате. Он специализируется на реконструктивных операциях после аварий и травм вроде твоих.

Теперь она моргала изо всех сил, но не в знак согласия, а от волнения. В ней взыграло женское тщеславие, хотя она и лежала в реанимации, счастливая от сознания того, что осталась жива. Она хотела знать, насколько сильно пострадало лицо. Сами слова «реконструктивная хирургия» звучали зловеще.

– У тебя сломан нос. И одна скула. Вторая скула раздроблена. Поэтому и глаз завязан. Его ничто не поддерживает. – Охваченная ужасом, она издала тихий стон. – Нет, не волнуйся, глаз цел. Это счастье. Верхняя челюсть сломана. Но хирург, о котором я тебе сказал, сумеет это поправить. Волосы у тебя отрастут. Тебе имплантируют зубы, которые будут в точности как твои.

Так. Значит, у нее нет ни зубов, ни волос.

– Мы принесли ему твои фотографии – самые последние, под разными ракурсами. Он сумеет в точности воссоздать твое лицо. Ожоги на лице затронули только верхние слои кожи, поэтому пересадок делать не надо. Доктор говорит, обгоревшая кожа сойдет, ты будешь выглядеть на десять лет моложе. Ты должна этому радоваться.

Незначительные нюансы в его речи ускользали от ее сознания, и она старалась сосредоточиться лишь на ключевых словах. Она ясно и отчетливо уяснила одно: там, под повязкой, она выглядит чудовищно.

Ее охватила паника. Наверное, он это почувствовал, потому что снова положил ей руку на плечо.

– Кэрол, я не для того рассказал тебе все, чтобы тебя огорчить. Я понимаю, что ты сильно встревожена. Но я посчитал, что лучше быть откровенным, чтобы ты могла морально подготовиться к тому тяжкому испытанию, которое тебе предстоит. Тебе будет нелегко, но мы все будем тебя поддерживать. – Он помолчал и заговорил тише. – На это время я забуду о наших личных отношениях и приложу все усилия, чтобы ты поправилась. Я останусь с тобой до тех пор, пока ты не будешь полностью удовлетворена работой хирурга. Обещаю тебе. Я у тебя в долгу за то, что ты спасла Мэнди.

Она попыталась помотать головой в знак протеста, но ей это не удалось. Она не могла шевельнуться. Когда же она попробовала что-

нибудь произнести, то боль пронзила пищевод, пострадавший от химического ожога.

Ее тревога все нарастала, пока не пришла сестра и не попросила его уйти. Стоило ему убрать руку с ее плеча, как она вновь почувствовала себя брошенной и одинокой.

Сестра снова ввела ей успокоительное. Лекарство побежало по венам, но она не хотела засыпать. Однако наркотик оказался сильнее, и ей пришлось уступить.

– Кэрол, ты меня слышишь?

Пробуждаясь, она жалобно застонала. От лекарств она чувствовала себя легкой и бесплотной, как будто единственным живым местом во всем ее организме оставался мозг, а все тело давно умерло.

– Кэрол? – Голос шипел совсем рядом с ее забинтованной головой.

Это был другой мужчина, не Ратледж. Его голос она бы узнала. Она не помнила, как он ушел, и не могла понять, кто с ней сейчас разговаривает. Ей захотелось отгородиться от этого голоса. Он звучал совсем не так, как голос мистера Ратледжа. В нем не было утешения.

– Ты еще плоха и можешь умереть. Но если ты почувствуешь, что дело идет к концу, и думать не смей ни о каких предсмертных признаниях, даже если ты будешь в состоянии их делать.

Ей показалось, что это сон. В испуге она открыла глаз. Комната, как всегда, была залита ярким светом. Ее дыхательный аппарат по-прежнему ритмично посвистывал. Тот, кто с ней говорил, был ей не виден. Она ощущала присутствие человека, но видеть его не могла.

– Мы с тобой все еще в одной связке. И ты слишком далеко в это влезла, чтобы все бросить, лучше и не пытайся.

Она заморгала, тщетно пытаясь избавиться от наваждения. По-прежнему человек находился где-то рядом, но не имел никаких очертаний – только бесплотный, зловещий голос.

– Тейту не суждено стать сенатором. Авиакатастрофа припала некстати, но если ты не будешь паниковать, мы сможем обернуть дело даже на пользу себе. Слышишь меня? Если ты выкарабкаешься, мы начнем с того, на чем остановились. Сенатора Тейта Ратледжа не будет. Он умрет раньше.

Она зажмурила глаз в попытке побороть нарастающий страх.

– Я знаю, что ты меня слышишь, Кэрол. Не притворяйся.

Через несколько мгновений она опять открыла глаз и попробовала отвести его как можно дальше вбок. Она по-прежнему ничего и никого не видела, но почувствовала, что загадочный посетитель удалился.

Прошло еще несколько минут, отмеряемых ритмом аппарата искусственного дыхания. Она балансировала между сном и бодрствованием, героически сопротивляясь действию лекарств, борясь с паникой и пытаясь вернуть себе ощущение времени и реальности, которое полностью потеряла в ярко освещенной и стерильной обстановке палаты интенсивной терапии.

Вскоре появилась сестра, проверила капельницу и измерила давление. Ее движения были обычными. Нет сомнения, что, если бы в комнате находился кто-то еще, это отразилось бы на поведении сестры. Удовлетворившись состоянием пациентки, она вышла.

К тому времени, как ее сморил сон, она успела убедить себя, что ей все это просто почудилось.

Тейт Ратледж стоял у окна гостиничного номера, глядя вниз на машины, нескончаемым потоком несущиеся по автостраде. На мокрой мостовой отражались габаритные огни, оставляя за собой размытые красно-желтые полосы.

Услышав за спиной звук открываемой двери, он повернулся на сто восемьдесят градусов и кивком поприветствовал брата.

– Я несколько минут назад звонил тебе в номер, – сказал он. – Где ты был?

– Выпил пива в баре. Футбольный матч показывают.

– А, совсем забыл. Кто выигрывает?

Иронической ухмылкой брат дал понять, что вопрос неуместен.

– Отец еще не вернулся?

Тейт помотал головой, отпустил занавеску и отошел от окна.

– Я умираю с голоду, – сказал Джек. – Ты не хочешь есть?

– Пожалуй. Я как-то не задумывался. – Опустившись в кресло, Тейт потер глаза.

– Ни Кэрол, ни Мэнди не будет от тебя никакой пользы, если ты не станешь беречь себя, Тейт. Вид у тебя ужасный.

– Благодарю.

– Я серьезно.

– Я понял, – сказал Тейт, опуская руки и криво улыбаясь. – Ты, как всегда, прямолинеен и бестактен. Вот почему в политики пошел я, а не ты.

– Не забудь: «политик» – ругательное слово. Эдди не велел тебе его употреблять.

– Даже среди родных и друзей?

– Может войти в привычку. Лучше исключить его из лексикона вовсе.

– Господи, никакого спасу от вас нет.

– Я только стараюсь тебе помочь.

Тейт опустил голову, смущаясь своей несдержанности.

– Прости. – Он покрутил в руках телевизионный пульт, без звука пробегая по всем каналам. – Я сказал Кэрол, что у нее с лицом.

– Правда?

Усевшись на край кровати, Джек Ратледж наклонился вперед, облокотившись на колени. В отличие от брата он был одет в костюмные брюки, белую рубашку и галстук. Правда, сейчас, вечером, он выглядел уже не так опрятно. Накрахмаленная сорочка помялась, рукава были завернуты до локтей. Брюки на коленях сморщились, так как большую часть дня он провел в сидячем положении.

– И как она отреагировала?

– Откуда мне знать? – пробормотал Тейт. – Ничего ведь не видно, кроме правого глаза. Из него текли слезы, так что могу сказать лишь, что она расплакалась. Зная ее тщеславие, могу себе представить, в какую она впала истерику под всеми этими повязками. Если бы она могла двигаться, она бы, наверное, носилась с воплями по коридорам госпиталя. Да и любой бы на ее месте, правда?

Опустив голову, Джек разглядывал руки, будто представляя себе их обожженными и забинтованными.

– Ты думаешь, она помнит катастрофу?

– Она дала знак, что помнит, хотя я не уверен, что во всех деталях. Я опустил самые ужасные подробности и только рассказал, что они с Мэнди оказались в числе четырнадцати оставшихся в живых.

– Сегодня в новостях сказали, что они все еще пытаются собрать обгоревшие останки, чтобы их можно было опознать.

Тейт читал об этом в газетах. Если верить журналистам, это был ад кромешный. Голливудские фильмы ужасов – ничто по сравнению с жестокой реальностью, представшей перед следствием.

Стоило Тенту подумать о том, что Кэрол и Мэнди могли оказаться в числе погибших, как у него внутри все переворачивалось. От этих мыслей его начинала одолевать бессонница. У каждого из погибших была позади своя жизнь, и все они, по каким-то своим причинам, оказались именно в этом самолете. Поэтому каждый некролог вызывал мучительную душевную боль.

Тейт мысленно добавил имена Кэрол и Мэнди к списку погибших: «Среди жертв авиакатастрофы рейса 398 были жена и трехлетняя дочь кандидата в сенаторы Тейта Ратледжа».

Но судьба, к счастью, распорядилась по-иному. Они не погибли. Благодаря удивительному мужеству Кэрол они вышли из этого ада живыми.

– Льет, как из ведра, – тишину нарушил голос Нельсона. Он вошел, держа одной рукой большую коробку с пиццей, а другой стряхивая капли воды с мокрого зонта.

– Мы совсем оголодали, – сказал Джек.

– Я спешил, как мог.

– Пахнет потрясающе, отец. Выпьешь чего-нибудь? – спросил Тейт, направляясь к небольшому встроенному холодильнику, который мать заполнила для него в первый же день. – Пива или чего-нибудь полегче?

– С пиццей? Пива.

– А ты, Джек?

– Пива.

– Как дела в госпитале?

– Он сказал Кэрол, что у нее с лицом, – сказал Джек, не дав Тейту ответить.

– Да? – Нельсон поднес ко рту дымящийся кусок пиццы и надкусил. С полным ртом он пробормотал: – Ты уверен, что в этом была необходимость?

– Нет, не уверен. Но если бы я был на ее месте, я бы хотел знать всю правду, а ты?

– Пожалуй. – Нельсон отхлебнул пива. – Как себя чувствовала мама, когда ты уходил?

– Она вымоталась. Я уговаривал ее переночевать сегодня здесь, а я бы побыл с Мэнди, но она сказала, что они уже вошли в привычный ритм и ей не хочется ничего менять, дабы не навредить Мэнди.

– Да это она только так говорит, – ответил Нельсон. – Скорее всего, просто взглянула на тебя и решила, что тебе хороший сон нужен больше, чем ей. Ты-то действительно вымотался до предела.

– Вот и я говорю, – поддакнул Джек.

– Что ж, может быть, пицца вернет меня к жизни. – Тейт сделал попытку пошутить.

– Отнесись к нашему совету посерьезнее, Тейт, – сурово отозвался Нельсон. – Ты не можешь подрывать еще и свое здоровье.

– И не собираюсь, – подняв приветственным жестом банку, он отпил, а затем серьезно добавил: – Теперь, когда Кэрол пришла в себя и знает, что ее ждет, я смогу спать спокойнее.

– Это будет трудное время. Для всех нас, – заметил Джек.

– Я рад, что ты об этом заговорил, Джек. – Тейт вытер губы салфеткой и мысленно собрался с духом. Он намеревался бросить пробный шар. – Может быть, мне лучше подождать до следующих выборов?

На несколько секунд за столом возникла пауза, после чего Нельсон и Джек заговорили разом, стремясь перекрычать друг друга.

– Ты не можешь принимать такого решения, пока не узнаешь, как прошла ее операция.

– А как же все затраченные усилия?

– Слишком многие люди на тебя рассчитывают.

– И не думай сейчас отступаться, братишка. Ты должен баллотироваться нынче...

Тейт поднял руку, призывая их к тишине:

– Вы сами знаете, как я этого хочу. Господи, да я всегда хотел только одного – стать сенатором. Но я не могу жертвовать благополучием собственной семьи даже ради политической карьеры.

– Кэрол не заслужила таких жертв.

Тейт бросил на брата острый, как бритва, взгляд.

– Но она – моя жена, – объявил он.

Снова последовало напряженное молчание. Прокашлявшись, его нарушил Нельсон:

– Конечно, в том испытании, какое ей предстоит, ты должен будешь находиться рядом с ней как можно больше. Хорошо, что ты сначала думаешь о ней, а потом уже – о своей политической карьере. Я от тебя другого и не ожидал. – Чтобы придать своим словам большую выразительность, Нельсон подался вперед, наклонившись над остатками пиццы, разложенной на круглом столике. – Но не забудь, что Кэрол сама хотела, чтобы ты баллотировался. Я уверен, она будет очень огорчена, если ты из-за нее снимешь свою кандидатуру. Очень огорчена, – повторил он, тыча указательным пальцем в воздух. – Если же взглянуть на вещи более хладнокровно и жестко, – продолжал он, – то это несчастье может сыграть нам даже на руку. Так сказать, бесплатная реклама.

Тейт в негодовании отшвырнул смятую салфетку и встал из-за стола. Несколько минут он бесцельно шагал взад-вперед по комнате.

– Ты что, сговорился с Эдди? Когда я ему сегодня звонил, он сказал практически то же самое.

– Что ж, ведь он руководит твоей кампанией. – При мысли о том, что брат может спасовать, едва кампания набрала силу, Джек побледнел. – Ему за то платят, чтобы он давал тебе дельные советы.

– Ты хочешь сказать – чтобы он тянул из меня жилы.

– Эдди хочет, чтобы Тейт Ратледж стал сенатором Соединенных Штатов, – как и все мы, – и жалованье тут совсем ни при чем. – Улыбаясь во весь рот, Нельсон поднялся и похлопал Тейта по спине. – Ты обязательно будешь баллотироваться в ноябре. Кэрол первая бы так сказала.

– Ну хорошо, – ответил Тейт ровным голосом. – Мне надо было только знать, что я могу на вас рассчитывать. В ближайшие несколько месяцев на меня будет взвалено столько, что одному этот воз не потянуть.

– Можешь на нас положиться, – твердо заявил Нельсон.

– Смогу я рассчитывать на ваше терпение и понимание, когда окажется, что у меня не получается разорваться на два фронта? – Тейт окинул их испытующим взглядом. – Я буду, конечно, стараться не заниматься одним делом в ущерб другому, но раздваиваться я не умею.

– Когда надо, мы заменим тебя, Тейт, – заверил Нельсон.

– Что еще сказал Эдди? – поинтересовался Джек, чувствуя облегчение оттого, что критический момент миновал.

– У него там тьма добровольных помощников, которые заняты сейчас тем, что распихивают по конвертам и рассылают опросные листы.

– А как насчет публичных выступлений? Он что-нибудь еще запланировал?

– На очереди пробная речь перед старшеклассниками какой-то школы в долине. Я велел ему отказаться.

– Почему? – спросил Джек.

– Школьники не голосуют, – резонно ответил Тейт.

– Но у них есть родители. А этих мексиканцев в долине нам надо заполнить на свою сторону во что бы то ни стало.

– Они и так на нашей стороне.

– Не будь так самоуверен.

– Я не самоуверен, – сказал Тейт, – просто это тот самый случай, когда мне надо четко расставить приоритеты. Я должен буду уделять массу времени Кэрол и Мэнди. Мне придется более избирательно

подходить к тому, куда и когда ехать. Каждая встреча должна приносить конкретный результат, а я не уверен, что от слушателей в школе будет много пользы.

– Ты, вероятно, прав, – дипломатично заметил Нельсон.

Тейт понимал, что отец просто старается ему угодить, но он устал и был встревожен, хотелось лечь в постель и попытаться уснуть. Как можно более тактично он намекнул на это отцу и брату.

Когда он провожал их до двери, Джек неловко повернулся и обнял брата.

– Прости, что я к тебе сегодня приставал. Я понимаю, что у тебя творится на душе.

– Если бы ты этого не делал, я бы в одночасье растолстел и обленился. Пожалуйста, и впредь не давай мне покоя. – Тейт одарил его обаятельной улыбкой, которой предстояло вскоре украсить предвыборные плакаты.

– Если у вас тут все в порядке, я завтра поеду домой, – сказал Джек. – Кто-то должен и за домом присмотреть, а заодно проверить, как там мои домочадцы.

– А как, кстати, у них дела? – спросил Нельсон.

– О'кей.

– Последний раз, когда я их видел, не больно-то все было хорошо. Твоя доченька Фрэнсин несколько дней не появлялась дома, а жена... ну, ты знаешь, в каком она обычно состоянии. – Он погрозил старшему сыну пальцем. – Плохо дело, когда мужчина теряет контроль над семьей. – Он перевел взгляд на Тейта. – Тебя это тоже касается, кстати говоря. Вы оба позволяете своим благоверным творить, что им заблагорассудится. – Снова обращаясь к Джеку, он добавил: – Тебе надо помочь Дороти-Рей, пока не поздно.

– Может быть, после выборов этим займусь, – пробормотал тот. Глядя на брата, он добавил: – Если понадобится, не забудь, что я всего лишь в часе езды.

– Спасибо, Джек. Я позвоню, когда смогу.

– Врач не сказал тебе, когда они намерены оперировать?

– Не раньше, чем отпадет опасность инфицирования, – объяснил Тейт. – У нее легкие пострадали от дыма, так что ждать, возможно, придется пару недель. Для него это серьезная дилемма, так как, если

слишком долго тянуть, лицевые кости могут начать срастаться как есть.

– О Господи, – сказал Джек. Потом добавил нарочито бодрым голосом: – Что ж, передай ей от меня привет. И от Дороти-Рей и Фэнси тоже.

– Хорошо.

Джек направился по коридору к своему номеру. Нельсон чуть задержался.

– Я говорил сегодня утром с Зи. Пока Мэнди спала, она наведальась в реанимацию. Зи говорит, на Кэрол смотреть страшно.

У Тейта слегка поникли плечи.

– Да, так и есть. Молю Господа, чтобы этот хирург смог выполнить, что обещает. – Нельсон молча взял Тейта за руку. Тейт положил другую руку сверху. – Сегодня доктор Соьер – хирург, о котором я говорю, – конструировал ее лицо на компьютере. Он изобразил Кэрол на экране на основе тех фотографий, что мы ему дали. Получилось просто удивительно.

– И он рассчитывает, что во время операции сумеет воссоздать этот электронный образ?

– По крайней мере, так он говорит. Он сказал, что какие-то едва заметные различия возможны, но в основном они будут в ее пользу. – Тейт суховато рассмеялся. – Ей это понравится.

– Да, пожалуй, она еще будет считать, что ей повезло, как ни одной другой женщине, – заметил Нельсон со своим обычным оптимизмом.

А Тейт все думал и думал о единственном темном глазе, распухшем и налитом кровью, глядящем на него с неподдельным ужасом. Наверное, она боится умереть. Или что ей придется жить без того неотразимого лица, которое всегда умела использовать с выгодой для себя.

Попрощавшись, Нельсон удалился к себе в номер. Тейт выключил телевизор и свет, разделся, лег в постель и погрузился в воспоминания.

Сквозь шторы комнату озаряли вспышки молнии. Совсем рядом грохотал гром, от которого дребезжали стекла. Тейт смотрел на тени, бросаемые молнией на стены комнаты. Глаза его были холодны и суровы.

Они даже не поцеловались на прощание.

Из-за не давней бурной ссоры в то утро отношения между ними были напряжены. Кэрол не терпелось поскорее оказаться в Далласе и заняться покупками. В аэропорт они приехали рано, так что у них еще было время выпить по чашке кофе в ресторане.

Мэнди случайно пролила на себя апельсиновый сок. Кэрол, естественно, отреагировала слишком бурно. Выходя из кафе, она все отчитывала Мэнди за испачканный передник.

– Господи, Кэрол, да пятна даже не видно, – вступился он за ребенка.

– Я его отлично вижу.

– Тогда не смотри на него.

Она смерила мужа тем убийственным взглядом, который давно перестал на него действовать. Он на руках нес Мэнди к выходу на посадку, рассказывая, какие замечательные вещи ее ожидают в Далласе. У самых ворот он присел на корточки и обнял девочку.

– Желаю тебе интересно провести время, солнышко. Привезешь мне подарок?

– Мамочка, можно?

– Конечно, – ответила Кэрол рассеянно.

– Конечно, – заявила ему Мэнди, расплываясь в улыбке.

– Буду ждать с нетерпением. – Он еще раз притянул ее к себе на прощание.

Выпрямляясь, он спросил у Кэрол, не хочет ли она, чтобы он дождался, пока самолет взлетит.

– Зачем? – ответила Кэрол.

Он не стал спорить, только удостоверился, что все вещи при них.

– Ну, тогда до вторника.

– Смотри, не опоздай нас встретить! – прокричала Кэрол, подталкивая Мэнди к выходу на посадку, где стюардесса проверяла посадочные талоны. – Терпеть не могу болтаться в аэропорту.

Перед тем как пройти в двери, Мэнди еще раз обернулась и помахала ему рукой. Кэрол даже не посмотрела в его сторону. Она самоуверенно и целеустремленно шла вперед.

Может быть, из-за этого теперь в ее единственном глазу столько тревога. Судьба покусилась на самое главное, на чем основывалась ее

неколебимая самоуверенность, – на внешность. Кэрол не выносила уродства. Наверное, она плакала не о тех, кто безвинно погиб в катастрофе, как он поначалу подумал. Скорее всего, она оплакивала себя самое. Может, она даже жалеет, что не погибла, а осталась жить искалеченной – пусть даже на время.

Зная Кэрол, он бы этому не удивился.

В табели о рангах следственного управления округа Бексар Грейсон занимал нижнюю строчку. Вот почему он многократно проверял и перепроверял всякую информацию, прежде чем предстать со своими открытиями перед начальником.

– У вас сейчас есть минутка?

Измученный и ворчливый человек в резиновом переднике бросил на него уничтожающий взгляд через плечо.

– А что ты затеял – партию в гольф?

– Нет, вот это.

– Что? – И он опять повернулся к обгорелой куче, которая когда-то была человеческим телом.

– Рентгеновские снимки зубов Эйвери Дэниелз, – ответил Грейсон. – Труп номер восемьдесят семь.

– Уже произведено опознание и вскрытие. – Эксперт сверился с таблицей на стене. Имя Эйвери Дэниелз было вычеркнуто красным карандашом. – Угу.

– Я знаю, но...

– Родственников у нее нет. Ее опознал сегодня днем близкий друг их семьи.

– Но судя по этим снимкам...

– Послушай, парень, – резко оборвал его тот, – у меня здесь туловища без голов, кисти без рук, стопы без ног. И я должен разобраться с ними сегодня. Так что если кого-то определенно опознали и произвели вскрытие, то дело закрыто, и не приставай ко мне со своими снимками. Договорились?

Грейсон засунул снимки в конверт, в котором они были присланы, и отправил его в мусорную корзину.

– О'кей. И чтоб вы все провалились.

– С удовольствием. Но только после того, как будут опознаны все останки.

Грейсон пожал плечами. Ему платят не за то, чтобы он изображал из себя Дика Трейси (*Ричард (Дик) Трейси – известный тележурналист Би-Би-Си. – здесь и далее примечания переводчика*). Если это загадочное несоответствие никого не волнует, то почему он должен лезть из кожи вон? Он вернулся на свое место и продолжил опознание трупов по рентгеновским снимкам зубов.

Казалось, сама природа надела траур. В день похорон Эйвери Дэниелз шел дождь. Предыдущей ночью по горам Техаса прокатились грозы. Наутро воспоминанием о них был лишь мелкий и холодный серый дождь.

Айриш Маккейб стоял у гроба с непокрытой головой, не замечая ненастной погоды. Он настоял, чтобы гроб был усыпан желтыми розами, которые, он знал, она так любила. Яркие и живые, они, казалось, смеялись над смертью. Это его как-то утешало.

По его покрасневшим щекам катились слезы. Мясистый, весь в прожилках сосудов нос был краснее обычного, хотя в последние дни он почти не пил. Эйвери всегда ругала его за пьянство, уверяя, что чрезмерное потребление алкоголя разрушает печень, повышает кровяное давление и ведет к быстрому старению.

Она поругивала и Вэна Лавджоя – за наркотики, но это не помешало ему заявиться на похороны, изрядно набравшись дешевого виски и накурившись по дороге марихуаны. Вышедший из моды галстук у него на шее свидетельствовал о том, что он придает этому мероприятию исключительное значение и ценит Эйвери несколько выше, чем всех остальных представителей рода человеческого.

Все остальное человечество, впрочем, отвечало Вэну Лавджою полной взаимностью. Эйвери относилась к числу считанных единиц, которые могли его как-то терпеть. Когда корреспондент, которому было поручено сделать сюжет о трагической гибели Эйвери, предложил Вэну поехать с ним на съемку, оператор смерил его презрительным взглядом и сделал непристойный жест, после чего, не говоря ни слова, вышвырнул из комнаты. Такая грубая форма самовыражения была для Вэна Лавджоя типична и служила одной из причин его прохладных взаимоотношений с окружающими людьми.

По окончании непродолжительной панихиды участники похорон двинулись к воротам кладбища, где находилась автостоянка, а Айриш и Вэн вдвоем задержались у могилы. Служащие кладбища наблюдали на почтительном расстоянии, ожидая, когда можно будет удалиться в контору, чтобы наконец согреться и обсушиться.

В свои сорок Вэн был тощ как щепка. У него был впалый живот и торчащие ключицы. Редкие волосы свисали почти до плеч, обрамляя узкое, худое лицо. Это был стареющий хиппи, так навсегда и застрявший где-то в шестидесятых.

Айриш, напротив, был невысок и коренаст. В то время как Вэна, казалось, мог подхватить и унести порыв ветра, Айриш крепко стоял на ногах, и ничто не могло бы его поколебать. Хотя внешне они были столь разительно непохожи, сегодня их лица несли печать одинаковой скорби. Однако горе Айриша было явно сильнее.

В редком для себя порыве сострадания Вэн положил костлявую руку ему на плечо.

– Пойдем куда-нибудь, вмажем.

Тот с отсутствующим видом кивнул. Он сделал шаг вперед и оторвал головку одной из желтых роз, после чего развернулся, вслед за Вэном вышел из-под временного навеса и зашагал по дорожке кладбища. По лицу и плащу его хлестал дождь, но он не прибавил шагу.

– Я... гм... приехал в лимузине, – сказал он, будто только сейчас вспомнив.

– Хочешь и обратно в нем поехать?

Айриш посмотрел на битую-перебитую развалюху Вэна.

– Поеду с тобой. – Движением руки он отпустил шофера и взгромоздился на сиденье рядом с Вэном.

Внутри машина имела еще более жалкий вид. Рваная обивка была кое-как прикрыта потрепанным махровым полотенцем, а темно-бордовый палас, которым были обиты стены, насквозь провонял марихуаной.

Вэн сел за руль и завел мотор. Пока тот неохотно грелся, он раскурил сигарету и протянул Айришу.

– Нет, благодарю. – После некоторого раздумья Айриш все же взял сигарету и глубоко затянулся. Эйвери заставила его бросить курить, и он уже многие месяцы не прикасался к сигаретам. Сейчас его рот и глотку обожгло табачным дымом. – Господи, как хорошо, – вздохнул он и снова затянулся.

– Куда? – спросил Вэн, раскуривая сигарету и для себя.

– В любое место, где нас не знают. Сегодня я намерен выпить до бесчувствия.

– Меня всюду знают. – Вэн скромно умолчал, что напиться до бесчувствия для него обычное дело, но в тех заведениях, где он бывает, этим никого не удивишь.

Он включил передачу, машина, судя по всему, не очень-то хотела слушаться. Однако уже через несколько минут Вэн открыл перед Айришем обшарпанную дверь заведения, расположенного в убогом квартале города.

– Что, здесь пристанем? – спросил Айриш.

– На входе они проверяют, нет ли у тебя оружия.

– Ага, и если нет, то тебе его немедленно выдают, – вяло подхватил Айриш избитую шутку.

Обстановка в баре была мрачноватой. Кабинка, куда они проскользнули, находилась на отшибе и была тускло освещена. Ранние посетители имели столь же потрепанный вид, как и мишура, подвешенная к потолочным светильникам, по-видимому, по случаю Рождества несколько лет назад. Там прочно обосновались пауки. С черного бархата обворожительно улыбалась обнаженная сеньорита, намалеванная каким-то местным дарованием. Разительным контрастом с гнетущей обстановкой была разухабистая мексиканская музыка, громыхающая в динамиках.

Вэн заказал бутылку виски.

– Я бы, пожалуй, чего-нибудь съел сначала, – сказал Айриш неуверенно.

Когда бармен бесцеремонно плюхнул перед ними бутылку и два стакана, Вэн заказал для Айриша еды.

– Не надо было, – запротестовал тот.

Оператор пожал плечами и наполнил стаканы.

– Его старуха готовит, если попросишь.

– И часто ты здесь питаешься?

– Иногда, – ответил Вэн, снова пожав плечами.

Принесли еду, но Айриш, ткнув несколько раз вилкой, решил, что он вовсе не голоден. Он отодвинул щербатую тарелку и протянул руку к своему виски. Первый глоток обжег желудок пламенем. На глаза навернулись слезы. У него перехватило дыхание.

Впрочем, с быстротой опытного пьяницы он пришел в себя и сделал еще один глоток. Но слезы так и остались стоять в его глазах.

– Мне так будет ее не хватать.

Он бесцельно водил стаканом по засаленному столу.

– Да, и мне тоже. Она, конечно, иногда была занудой, но не такой, как многие другие.

Бравурная песенка, звучащая в автомате, кончилась. Больше никто ничего не завел, и это было некоторым облегчением для Айриша. Музыка не вязалась с его тяжелой печалью.

– Знаешь, она ведь была мне как родная дочь, – сказал он. Вэн прикурил очередную сигарету от предыдущей. – Я помню тот день, когда она родилась. Я был тогда в клинике, переживал вместе с ее отцом. Ждал. Вышагивал по коридору. А теперь я буду помнить и день ее смерти. – Заглотив залпом остатки виски, он вновь наполнил стакан. – Знаешь, мне сначала даже в голову не пришло, что разбился именно ее самолет. Я думал только о сюжете, о материале, который она ехала делать, черт бы его побрал. Это было такое плевое дело – я даже оператора с ней не послал. Я думал, она возьмет, если надо, кого-нибудь с корпункта в Далласе.

– Эй, парень, перестань себя винить. Ты просто делал свою работу. Откуда ты мог знать?

Айриш невидящими глазами уставился на янтарное содержимое стакана.

– Тебе приходилось когда-нибудь опознавать тело, Вэн? – Ответ ему был не нужен. – Они лежали в ряд, как... – Он судорожно вздохнул. – Черт, даже не знаю. Никогда не был на войне, но, наверное, это похоже. Она была в застегнутом на молнию пластиковом мешке. У нее не осталось ни волосика на голове, – продолжал он надломленным голосом. – Все выгорело. А кожа... О, Господи. – Он прикрыл глаза толстыми пальцами. По ним потекли слезы. – Это из-за меня она оказалась в этом самолете.

– Ну-ну, парень. – Этим у Вэна исчерпывался запас сочувственных слов. Он подлил Айришу виски, раскурил еще одну сигарету и молча протянул ее другу. Сам он перешел на марихуану.

Айриш затаился.

– Слава Богу, ее мать не дождала до этого дня. Если бы не медальон, который она зажала в руке, опознать тело вообще было бы невозможно. – При воспоминании о том, во что превратил пожар тело Эйвери, внутри у него все перевернулось. – Вот уж никогда не думал, что придется такое говорить, но я действительно рад, что Розмари

Дэниелз нет в живых. Мать не должна видеть своего ребенка в таком состоянии.

Несколько минут Айриш молча потягивал виски, а потом снова поднял на друга глаза, полные слез.

– Я ведь любил Розмари. Мать Эйвери. Черт, я ничего не мог с этим поделать. Отец Эйвери, Клифф, почти все время был в разъездах, в самых Богом забытых местах. Уезжая, он всякий раз просил меня присмотреть за ними. Я был готов убить его за это, хоть он и был моим лучшим другом. – Он отхлебнул. – Не сомневаюсь, что Розмари догадывалась, но мы никогда не говорили с ней об этом. Она любила Клиффа. И я это знал.

С семнадцати лет Айриш заменил Эйвери отца. Клифф Дэниелз, известный фоторепортер, погиб в бою за маленькую деревушку с непроизносимым названием где-то в Центральной Африке. Розмари покончила с собой спустя всего несколько недель после смерти мужа, оставив Эйвери одну, с единственным человеком, на которого она могла твердо рассчитывать, поскольку он был старинным другом семьи, – Айришем Маккейбом.

– Я был для Эйвери отцом не меньше, чем Клифф. А может, даже и больше. Когда она осталась сиротой, она прибежала ко мне. И именно ко мне она прибежала в прошлом году, когда случился этот прокол в Вашингтоне.

– Да, тогда она, может, и сплеховала, но все же репортер из нее был хоть куда, – отозвался Вэн сквозь едкий сладковатый дым.

– В том-то вся и драма, что она умерла, так и не сняв грех с души. – Он сделал еще глоток. – Понимаешь, Эйвери больше всего боялась неудач. Малейший промах становился для нее трагедией. Когда она была девчонкой, она мало видела Клиффа и потом все время как бы старалась заслужить его одобрение, быть достойной его памяти. Мы никогда об этом не говорили, – продолжал он угрюмо, – но я это знаю. Вот почему тот прокол она переживала очень тяжело. Она все стремилась исправить ошибку, вернуть себе доверие, а значит, и чувство собственного достоинства. Жизнь не дала ей на это времени. Черт возьми, ведь она ушла с ощущением провала.

Горе старика тронуло потаенную струну в сердце Вэна. Он решил хоть как-то утешить Айриша.

– Насчет того – ну, твоих отношений с ее матерью... Она ведь о них знала.

Айриш повернул к нему красные, заплаканные глаза.

– А ты откуда знаешь?

– Однажды она мне сказала, – ответил Вэн. – Я просто спросил, как давно вы с ней знакомы. Она сказала, что, сколько себя помнит, ты всегда был рядом с ее семьей. И высказала предположение, что втайне ты любил ее мать.

– И как она на это реагировала? – с волнением спросил Айриш. – То есть, я хочу сказать, ее это не раздражало?

Вэн мотнул головой.

Айриш достал из нагрудного кармана поникшую розу и потрогал нежные лепестки.

– Вот и хорошо. Я рад. Я любил их обеих. – Тяжелые плечи его задрожали. Он крепко зажал цветок в кулак. – О Господи, – простонал он, – мне так будет ее не хватать.

Уронив голову на стол, он горько разрыдался, а Вэн продолжал сидеть напротив, на свой лад переживая обрушившееся на них горе.

Эйвери пришла в себя. Теперь она точно знала, кто она.

Собственно, она этого и не забывала. На нее только нашло временное помутнение из-за лекарств в сочетании с контузией.

Вчера – по крайней мере, ей казалось, что все это было вчера, поскольку все недавно приходившие желали ей доброго утра, – она была немного сбита с толку, что, впрочем, вполне объяснимо. Очнуться после нескольких дней коматозного состояния и обнаружить, что ты не можешь ни двигаться, ни говорить, ни видеть за весьма ограниченными пределами, – такое хоть кого приведет в замешательство. Она редко болела, и обычно ничем серьезным, поэтому нынешнее состояние было для нее настоящим шоком.

Палата интенсивной терапии, с ее постоянно включенным светом и вечной суетой, уже сама по себе может внести сумятицу в мысли. Но что действительно озадачило Эйвери, так это то, что все, как один, называли ее чужим именем. Как могло случиться, что ее приняли за женщину по имени Кэрол Ратледж? Даже мистер Ратледж как будто не сомневался в том, что разговаривает со своей женой.

Ей надо каким-то образом объяснить, что произошла ошибка. Но она не знала, как это сделать, и это ее пугало.

У нее в сумочке лежали водительские права, журналистское удостоверение и другие документы на ее имя. Но они, вероятно, были уничтожены огнем, подумала она.

При воспоминании о взрыве ее по-прежнему охватывал панический ужас, поэтому она сознательно старалась не думать о происшедшем, по крайней мере отложить это до тех пор, пока она не окрепнет, а недоразумение не прояснится.

Где Айриш? Почему он не пришел ей на помощь?

Ответ на этот вопрос поразил ее своей очевидностью. Все тело ее как будто пронзило током. Это казалось невероятным и нелепым, но все было совершенно ясно. Если ее приняли за миссис Ратледж и миссис Ратледж считалась оставшейся в живых, следовательно, она, Эйвери Дэниелз, числится среди погибших.

Она представила себе, какую муку должен испытывать сейчас Айриш. Ее «гибель» будет для него тяжелым ударом. Но пока что она не в силах облегчить его страданий. Нет! Пока она жива, она не должна сдаваться! Надо думать. Надо сосредоточиться.

– Доброе утро.

Она сразу узнала этот голос. Наверное, опухоль в глазу стала понемногу спадать, потому что она видела его более ясно. Черты его лица теперь предстали ей совершенно отчетливо.

Густые, красиво очерченные брови почти смыкаются на переносице. Нос прямой, крупный. Волевая челюсть и упрямый, раздвоенный подбородок, но в нем не чувствуется агрессивности. Рот твердый, широкий, губы тонкие, причем нижняя чуть полнее верхней.

Он улыбался, но глаза оставались серьезными, отметила она про себя. Улыбка казалась какой-то заученной. Она шла не от души. Почему? – подумала Эйвери.

– Мне сказали, ты спала спокойно. Никаких признаков инфекции в легких нет. Это здорово.

Она знала это лицо и этот голос. Знала раньше, до вчерашнего дня. Но пока она не могла припомнить, откуда этот мужчина ей знаком.

– Мама ненадолго оставила Мэнди, чтобы повидать тебя, – обернувшись, он сделал кому-то знак подойти ближе. – Мама, встань здесь, а то она тебя не увидит.

В поле зрения Эйвери возникла очень привлекательная женщина средних лет. У нее были мягкие темные волосы, с красивой серебристой прядью над гладким лбом.

– Здравствуй, Кэрл. Мы все очень рады, что у тебя дела идут на поправку. Тейт говорит, доктора тобой довольны.

Тейт Ратледж! Ну, конечно.

– Расскажи ей о Мэнди, мама.

Незнакомая женщина стала рассказывать ей о незнакомом ребенке.

– Сегодня Мэнди хорошо позавтракала. Вчера ей дали успокоительное, и она очень хорошо поспала. Ей доставляет неудобство гипс на руке, но я думаю, это в порядке вещей. Она любимица всего детского отделения, все сестры ходят вокруг нее на задних лапках. – На глаза у нее навернулись слезы, и она смахнула их салфеткой. – Как подумаешь, что...

Тейт Ратледж обнял мать за плечи.

– Но ведь этого не случилось. Слава Богу.

Эйвери поняла, что она, наверное, вынесла из самолета Мэнди Ратледж. Теперь она вспомнила, как девочка дико закричала, а она стала расстегивать ей ремень, и это почему-то никак не удавалось. Справившись наконец с пряжкой, она схватила перепуганную малышку и вместе с каким-то мужчиной стала пробираться сквозь едкий густой дым к аварийному выходу, прижимая ребенка к себе.

Поскольку ребенок оказался с ней, они и решили, что она – Кэрол Ратледж. Но это еще не все: они и местами в самолете успели поменяться.

В ее мозгу наконец с трудом сошлись все части головоломки, о которой знала она одна. Она припомнила, что на посадочном талоне у нее было обозначено место у окна, но, войдя в самолет, она обнаружила, что кресло занято. Там сидела какая-то женщина, а рядом с ней – ребенок. Эйвери не стала ничего говорить и молча села на свободное место у прохода.

У женщины были темные волосы до плеч – совсем как у нее. И глаза у нее тоже были карие. Они вообще были похожи. Даже стюардесса, хлопотавшая вокруг девочки, спросила, кто из них мать, а кто – тетя ребенка, приняв их за двух сестер.

Теперь ее лицо изуродовано до неузнаваемости. Ее ошибочно опознали по наличию ребенка и ее месту в салоне. О том, что они сидели не на своих местах, никто, конечно, знать не мог. А миссис Ратледж, наверное, вся обгорела. Господи, она просто обязана им все объяснить!

– Тебе, пожалуй, лучше идти, ма, а то Мэнди начнет волноваться, – говорил в это время Тейт. – Передай ей, что я тоже скоро приду.

– До свидания, Кэрол, – сказала женщина. – Я уверена, что после того, как доктор Сойер поработает над твоим лицом, ты будешь опять красивая, как прежде.

У нее глаза тоже не улыбаются, подумала Эйвери, наблюдая, как женщина направляется к двери.

– Да, пока не забыл, – сказал Тейт, снова подходя вплотную к кровати, – тебе привет от Эдди, отца и Джека. Отец, кажется, собирается сегодня встретиться и поговорить с этим хирургом, так что

он к тебе заглянет. Джек сегодня поехал домой, – продолжал он, не догадываясь, что разговаривает не с женой, а с совершенно чужой женщиной. – Думаю, он беспокоится по поводу Дороти-Рей. Да и Фэнси – одному Богу известно, что она может выкинуть, оставшись без присмотра, хотя Эдди пристроил ее добровольной помощницей в штаб предвыборной кампании. Их к тебе не пустят, пока ты в реанимации, но я думаю, ты не очень-то без них скучаешь?

Он думает, что она знает, о ком и о чем идет речь. Как ей показать ему, что она ничего не понимает? Она не знакома с этими людьми. Ее не волнует, чем они занимаются. Ей надо связаться с Айришем. И она должна дать понять этому человеку, что он теперь вдовец.

– Да, слушай, Кэрол, относительно кампании. – По движению плеч она догадалась, что он сунул руки в карманы. На мгновение он нагнул голову, почти коснувшись подбородком груди, а потом опять поднял на нее глаза. – Я, как и планировалось, намерен баллотироваться. И отец, и Джек, и Эдди считают, что я должен это сделать. Они гарантируют мне всяческую поддержку. Это с самого начала обещало быть нелегким делом, но не настолько, чтобы я спасовал. Теперь, конечно, все еще более усложнится. Но я для себя этот вопрос решил.

В последнее время имя Тейта Ратледжа частенько мелькало в прессе. Вот почему ей были знакомы эти лицо и голос, хотя лично они никогда не встречались. Он рассчитывал выиграть на предварительных выборах в мае, а потом, в ноябре, выставить свою кандидатуру в Сенат на место нынешнего представителя штата.

– Я не собираюсь увиливать от своих обязанностей по отношению к тебе и Мэнди, пока вы не поправитесь, но ты должна понять, что путь в Конгресс – это для меня дело всей жизни. Я не намерен ждать еще шесть лет до следующих выборов, иначе я рискую потерять набранный темп. Я просто обязан сделать это сейчас. – Взглянув на часы, он продолжал: – Мне надо идти к Мэнди. Я обещал покормить ее мороженым. У нее руки забинтованы, – добавил он, бросив взгляд на перевязанные и загипсованные руки Эйвери, – ну, ты сама понимаешь. Сегодня у нее первая встреча с психотерапевтом. Беспокоиться не о чем, – поспешил он добавить. – Это скорее мера предосторожности. Я не хочу, чтобы у нее в душе осталась незаживающая рана. – Он сделал паузу, многозначительно глядя на Эйвери. – Вот почему я думаю, ей

пока не стоит с тобой видеться. Я знаю, что мои слова могут прозвучать жестоко, но я боюсь, как бы эти твои бинты не напугали ее до полусмерти, Кэрол. Когда с твоим лицом поработает хирург и оно начнет принимать обычный вид, я буду приводить ее ненадолго. Кроме того, я думаю, ты и сама не рвешься сейчас ее видеть.

Эйвери попыталась заговорить, но во рту у нее торчала дыхательная трубка. Она слышала, как одна сестра сказала другой, что у нее химический ожог связок. Да и челюстью двинуть она не могла. Она отчаянно заморгала, стараясь донести до него свое волнение.

Неправильно истолковав ее, он опустил руку ей на плечо.

– Уверяю тебя, это только дело времени, Кэрол, – принялся он ее утешать. – Доктор Соьер убежден, что все далеко не так страшно, как нам кажется. Сегодня он зайдет к тебе и расскажет о предстоящей операции. Он уже знает, как ты выглядела раньше, и гарантирует, что сделает тебе лицо в точности как прежде.

Она попыталась отрицательно мотнуть головой. Из глаза полились слезы страха и отчаяния. Вошла сестра и попросила его посторониться.

– Пожалуй, вам лучше сейчас уйти, мистер Ратледж, и дать ей отдохнуть. К тому же ей пора делать перевязку.

– Я буду в палате у дочери.

– Мы позовем, если вы понадобится, – любезно ответила сестра. – Ах да, пока я не забыла, звонили снизу напомнить, что драгоценности миссис Ратледж находятся в сейфе здесь, в госпитале. Когда ее привезли, с нее все сняли.

– Благодарю вас. Я их потом заберу.

«Не потом, а сейчас же! Забери их сейчас!» – мысленно что было сил молила Эйвери. Драгоценности в сейфе принадлежат не Кэрол Ратледж, а ей. Как только это обнаружится, станет ясно, что произошла чудовищная ошибка. Мистер Ратледж поймет, что его жена погибла. Для него это будет ударом, но лучше ему узнать правду сейчас, чем потом. Она, конечно, посочувствует несчастью Ратледжа, но зато как обрадуется Айриш! Милый Айриш. Его горю придет конец.

А что, если мистер Ратледж не заберет украшения из сейфа до пластической операции и хирург успеет сделать ей лицо Кэрол Ратледж?

Это была ее последняя мысль, перед тем как обезболивающее подействовало и она впала в блаженное забытие.

«Тейт никогда не станет сенатором».

Она снова переживала этот кошмар. Она отчаянно пыталась отогнать от себя зловещий голос. Как и в тот раз, она никого не видела, но чувствовала где-то совсем рядом присутствие некоего зла. Даже дыхание его она как будто ощущала. Это было похоже на легкую вуаль, накинутую в кромешной тьме, – ты ее не видишь, но чувствуешь – как призрак.

«Тейт Ратледж не станет сенатором. Он умрет раньше. Сенатор Тейт Ратледж умрет. Тейт никогда... Умрет...»

Эйвери закричала и проснулась. Крик, конечно, был беззвучный, но он отдавался у нее в мозгу. Открыв глаз, она узнала яркие лампы под потолком, запах лекарств – неизменный спутник клиники – и свист дыхательного аппарата. Она спала, значит, на этот раз это был действительно ночной кошмар.

Но вчера вечером это был не сон. Вчера вечером она даже имени мистера Ратледжа еще не знала! Значит, ей не могло это присниться, и она отчетливо помнит этот угрожающий голос, голос без лица, шепчущий ей гадости в самое ухо.

Что это – игра воображения? Или Тейту Ратледжу и вправду грозит опасность? Ясно, что она паникует раньше времени. В конце концов, ей столько кололи наркотиков, что она совсем потеряла ориентацию во времени и пространстве. Может быть, она неверно выстраивает последовательность событий? И кому вообще нужно его убивать?

Боже мой, эти вопросы любого озадачат. И ей надо получить на них ответ. Но аналитические способности, кажется, ей изменили – как и многие другие способности. Она не могла больше рассуждать логически.

Если заняться расследованием готовящегося покушения на жизнь Тейта Ратледжа, может всплыть масса ниточек, но пока она совершенно бессильна. Она слишком одурманена лекарствами, чтобы сформулировать четкое объяснение или выработать какое-нибудь решение. Она соображала с трудом. Мозг отказывался действовать, пускай даже речь шла о жизни человека.

Эйвери была возмущена этой навязанной ей проблемой, как будто мало на нее обрушилось и без того, чтобы еще беспокоиться о безопасности какого-то кандидата в сенаторы.

Двигаться она не могла, но внутри ее все кипело от негодования. Нахлынувшие эмоции ее изматывали. И с этой новой проблемой отказывалось совладать ее сознание, на периферии которого все еще была пустота. Она пыталась бороться, но в конце концов уступила и снова впала в спасительное беспамятство.

– Меня ее реакция несколько не удивляет. С жертвами несчастных случаев это часто бывает. – Доктор Соьер, светило пластической хирургии, невозмутимо улыбнулся. – Попробуйте себе представить, что чувствовали бы вы, если бы ваше красивое лицо оказалось изуродованным.

– Благодарю за комплимент, – ответил Тейт холодно.

В тот момент ему хотелось съездить самодовольному хирургу по холеной физиономии. Пусть у него безупречная репутация, зато в жилах, похоже, течет не кровь, а ледяная вода.

В его активе были пластические операции, сделанные несколькими знаменитостям штата, включая молодых актрис, у которых было денег не меньше, чем тщеславия, городских начальников, которые хотели обмануть природу и остановить естественный процесс старения, манекенщиц и телезвезд. Хотя в его квалификации сомневаться не приходилось, Тейту крайне не понравилась самоуверенность, с которой он отмел все опасения Кэрол.

– Я просто попробовал поставить себя на место Кэрол, – сказал он. – Мне кажется, что, учитывая все обстоятельства, она держится молодцом – даже лучше, чем я мог от нее ожидать.

– Ты сам себе противоречишь, Тейт, – заметил Нельсон. Он сидел рядом с Зи на диванчике в комнате для посетителей реанимационного отделения. – Ты только что сказал доктору Соьеру, что она расстроилась, когда услышала о предстоящей операции.

– Я понимаю, что это звучит нелогично. Я только хотел сказать, что она очень мужественно восприняла информацию о Мэнди и о самой катастрофе. Но стоило мне заговорить с ней о том, что ей будут делать пластическую операцию, как она расплакалась. Господи, – сказал он, проводя рукой по волосам. – Вы себе представить не можете, какой у нее жалкий вид, когда она начинает плакать этим единственным глазом. Это как кадр из «Зоны сумерек». [1]

– Ваша жена, мистер Ратледж, была красивой женщиной, – сказал врач. – Ее пугает, что у нее изуродовано лицо. Естественно, она страшится того, что на всю жизнь останется изувеченной. И я считаю

своим долгом убедить ее, что ее лицо может быть восстановлено, а в чем-то даже усовершенствовано. – Сойер сделал паузу, чтобы обвести всех взглядом. – Я чувствую, что вы сами сомневаетесь в моих возможностях. Это совершенно недопустимо. Я жду от вас поддержки и неколебимой уверенности в успехе операции.

– Если бы я сомневался, вас бы сейчас здесь не было, – резко возразил Тент. – У меня нет сомнения в вашей квалификации, вот только сострадания вам недостает.

– Я предпочитаю поберечь свое сострадание для больных. У меня нет времени и сил вешать лапшу на уши их близким, мистер Ратледж. Это удел политиков. Вроде вас.

Они смерили друг друга взглядами. Наконец Тейт улыбнулся, затем суховато рассмеялся:

– Я тоже никому не вешаю лапшу на уши, доктор Сойер. Вы нам нужны, и поэтому вы здесь. И вы – самый самодовольный сукин сын из всех, кого я знаю. Но, по всеобщему мнению, вы – лучший. Поэтому я намерен с вами сотрудничать, чтобы вернуть Кэрол нормальный облик.

– Вот и отлично, – ответил хирург, нисколько не затронутый оскорблением, – тогда пойдете побеседуем с больной.

Войдя в палату, Тейт поспешил вперед, к постели Эйвери.

– Кэрол? Ты не спишь? – Она ответила, открыв глаз. Насколько он мог видеть, взгляд у нее был совершенно ясный. – Привет. Мама и отец тоже здесь. – Он посторонился, давая им подойти.

– Здравствуй, Кэрол, еще раз, – сказала Зи. – Мэнди просила тебе передать, что очень тебя любит.

Тейт забыл предупредить мать, чтобы она не говорила Кэрол о первой беседе Мэнди с детским психотерапевтом. Не все прошло гладко, но, слава Богу, у Зи хватило такта промолчать об этом. Она подвинулась, пропуская Нельсона на свое место.

– Привет, Кэрол. Ты нас всех здорово напугала. Не могу тебе передать, как мы рады, что ты идешь на поправку. – Он снова пропустил вперед Тейта.

– Пришел твой хирург, Кэрол.

Тейт поменялся местами с доктором Сойером, который с улыбкой смотрел на больную.

– Мы уже встречались с вами, Кэрол. Только вы этого не помните. По просьбе ваших родных я навестил вас уже на второй день. Хирург черепно-лицевого отделения сразу предпринял все необходимые меры, как только вы были сюда доставлены. А теперь – моя очередь, – В ее глазу мелькнула тревога. Тейт был рад, что Соьер это тоже заметил. Он потрепал ее по плечу. – Кости лицевого отдела черепа сильно повреждены. Не сомневаюсь, что для вас это не новость. Я знаю, что ваш супруг уже объяснял вам, что лицо можно будет полностью восстановить, но я хочу, чтобы вы теперь услышали это от меня. Я сделаю из вас новую Кэрол Ратледж, еще более красивую, чем прежняя.

Ее забинтованное тело все напряглось. Она попыталась помотать головой и стала издавать отчаянные грудные звуки.

– Что она хочет сказать? – спросил Тейт у врача.

– Что она мне не верит, – спокойно ответил тот. – Она напугана. Обычное дело. – Он наклонился над Эйвери. – Боль, которую вы испытываете, – главным образом, от ожогов, но они все неглубокие. Врач ожогового отделения лечит их антибиотиками. Я прооперирую вас не раньше, чем будет сведен до минимума риск инфицирования как через кожу, так и через легкие. Через одну-две недели вы сможете двигать руками. Вам начнут делать физиотерапевтические процедуры. Эти повреждения носят только временный характер, уверяю вас. – Он нагнулся еще ниже. – Теперь давайте поговорим о вашем лице. Рентген вам сделали, еще когда вы были без сознания. Я внимательно изучил снимки и знаю, что и как надо делать. На операции мне будут ассистировать первоклассные хирурги. Их у меня целая бригада. – Он коснулся ее повязки концом шариковой ручки, как бы намечая контуры будущего лица. – Используя костный трансплантат, мы сделаем вам новые скулы и нос. Челюсть мы восстановим с помощью штифтов, зажимов и спиц. У меня в арсенале масса таких штучек. От виска до виска у вас по темечку пройдет невидимый шрам. Под каждым глазом по линии ресниц мы сделаем насечки. Они тоже будут незаметны. Нос будем делать изнутри, так что здесь шрамов не будет вовсе. Сразу после операции ваше лицо распухнет и покраснеет, так что приготовьтесь к тому, что вы будете выглядеть просто жутко. Но через несколько недель вы снова станете неотразимой красавицей.

– А волосы, доктор Соьер? – спросила Зи.

– Часть придется сбрить, поскольку мне понадобится кусочек ее кожи для пересадки на нос. Но если вас интересует, отрастут ли волосы, сгоревшие в пожаре, то могу вам сообщить, что специалисты ожогового отделения уверены, что да. Это – самая легкая из наших проблем, – сказал он, с улыбкой глядя на забинтованное лицо. – Боюсь, что на какое-то время вам придется отказаться от твердой пищи. Во время операции протезист удалит корни зубов и вставит внутрочелюстные имплантанты. Спустя две-три недели у вас будут новые зубы – точная копия ваших настоящих зубов. Пока будут делать зубы, вам придется получать пищу через трубку, а со временем вы перейдете на мягкую пищу.

Тейт заметил, как беспокойно двигается глаз Кэрол, будто ища у него поддержки. Он стал убеждать самого себя, что докторам виднее, как себя вести и что делать. Конечно, хирург не обращает внимания на тревогу Кэрол, потому что привычен к волнению пациентов. Тейта же оно не на шутку встревожило.

Из папки, которая была у него с собой, Сойер достал большую цветную фотографию Кэрол.

– Посмотрите сюда, миссис Ратледж.

Кэрол на снимке улыбалась той обворожительной улыбкой, которая в свое время и околдовала Тейта. Глаза светились озорством. Лицо обрамляли блестящие темные волосы.

– Операция продлится целый день, мы даже обедать не пойдем, – сказал врач, – но мы с коллегами вернем вам ваше лицо. Не пройдет и восьми – десяти недель после операции, как вы будете выглядеть вот так, только моложе и красивее и с короткой стрижкой. Можно ли мечтать о большем?

Кэрол явно была неудовлетворена. От Тейта не укрылось, что вместо того чтобы развеять ее страхи, визит хирурга только усилил их.

Кэрол попыталась шевельнуть конечностями или хотя бы пальцами рук или ног, но тело отказывалось повиноваться. Головой она и вовсе не могла двинуть. Тем временем каждая последующая минута приближала ее к катастрофе, предотвратить которую было не в ее власти.

Все последние дни – сколько точно, она не могла сказать, но, видимо, около десяти, – она пыталась придумать способ довести до

всех правду, о которой знала только она. Пока она ничего не придумала. По мере того как дни шли и раны у нее на теле заживали, тревога нарастала. Все вокруг думали, что это вызвано задержкой с проведением пластической операции.

Наконец Тейт объявил ей, что операция назначена на следующий день.

– Сегодня был консилиум. Все доктора пришли к заключению, что опасность миновала. Соьер принял решение оперировать. Я приехал сразу, как мне сообщили.

Чтобы сказать ему, какая чудовищная ошибка совершается, у нее остается только сегодняшний вечер. Странно, но она несколько не винила его, хотя в этой трагической цепи событий была доля и его вины. На самом деле она привыкла к его визитам и с нетерпением ждала их. Ей почему-то было с ним надежнее, чем одной.

– Думаю, теперь я могу тебе признаться, что с первого взгляда Соьер мне не понравился, – осторожно присаживаясь на край постели, продолжал он. – Честно сказать, он мне и теперь не нравится, но я ему доверяю. Ты знаешь, что, если бы у меня были сомнения в его высочайшей квалификации, я не позволил бы ему делать операцию.

В этом она не сомневалась и потому утвердительно моргнула.

– Ты боишься?

Она снова моргнула.

– Не могу сказать, что не понимаю тебя, – сказал он угрюмо. – Ближайшие недели будут для тебя очень трудными, Кэрол, но ты с этим справишься. – Его улыбка стала жестче. – Ты всегда твердо стояла на ногах.

– Мистер Ратледж?

Он повернулся на женский голос, окликнувший его от двери, давая Эйвери редкую возможность разглядеть его профиль. Да, с мужем Кэрол Ратледж повезло.

– Вы просили меня напомнить о драгоценностях миссис Ратледж, – сказала сестра. – Они все еще в сейфе.

Мозг Эйвери лихорадочно заработал. Она уже не раз представляла себе, как он войдет в палату и выложит украшения на кровать. «Это не вещи Кэрол, – скажет он. – Но кто вы?» Однако этого не произошло. События развивались по своему сценарию. Может быть, еще не все потеряно?

– Все время забываю их забрать, – ответил он с досадой. – Не могли бы вы послать кого-нибудь вниз забрать их для меня?

– Сейчас позвоню и узнаю.

– Буду вам весьма признателен. Спасибо.

Сердце Эйвери бешено забилося. Она мысленно возносила Господу молитву. Вот сейчас, накануне операции, в одиннадцатом часу вечера, она будет спасена. Ей действительно нужна пластическая операция, но восстанавливать надо лицо Эйвери Дэниелз, а не кого-то еще.

– Ну, в операционной драгоценности тебе не понадобятся, – говорил тем временем Тейт. – Но я понимаю, что ты будешь чувствовать себя увереннее, зная, что твои вещи не пропали и находятся у меня.

Мысленно она ликовала. Все будет в порядке. Ошибка выяснится, ей больше не о чем волноваться.

– Мистер Ратледж, к сожалению, забирать вещи из сейфа кому-либо, кроме самого больного или его близких родственников, против правил нашей клиники. Я никого не могу за ними послать. Извините.

– Ничего страшного. Я постараюсь за ними зайти завтра.

У Эйвери внутри все оборвалось. Завтра будет слишком поздно. Она спрашивала себя, почему Господь уготовил ей это. Не достаточно ли уже она наказана за ту ошибку? Или вся оставшаяся жизнь будет для нее одним сплошным испытанием во искупление единственного провала? Она и так уже потеряла профессиональную репутацию, лишилась доверия коллег, разрушила свою карьеру. Неужели у нее отнимут еще и собственное имя?

– Есть еще одно обстоятельство, мистер Ратледж, – неуверенно проговорила сестра. – Там внизу вас ждут два репортера.

– Репортеры?

– С одной телестудии.

– Здесь? Сейчас? Их что, прислал Эдди Пэскел?

– Нет. Я у них сразу спросила. Просто охотники до сенсаций. По-видимому, просочились слухи, что завтра операция. Они хотят поговорить с вами о последствиях авиакатастрофы для вашей семьи и предвыборной гонки. Что мне им сказать?

– Пусть идут к черту.

– Но, мистер Ратледж, я не могу им этого сказать.

– Конечно, нет. Если вы это сделаете, Эдди убьет меня на месте, – проворчал он себе под нос. – Скажите им, что, пока мои жена и дочь не поправились окончательно, я не намерен делать никаких заявлений по этому поводу. А если они не уйдут, обратитесь к охранникам. И скажите им также, что, если только они попытаются проникнуть в детское отделение и станут приставать к моей дочери или матери, они об этом очень пожалеют.

– Мне жаль, что я доставила вам столько хлопот...

– Вы тут ни при чем. Если они будут вам докучать, зовите меня.

Когда он снова повернулся к ней, Эйвери сквозь слезы заметила тревогу и усталость в его лице.

– Стервятники. Вчера одна газета выхватила из моей речи фразу о ловле креветок в прибрежных водах и процитировала ее вне контекста. Сегодня утром у меня телефон раскалился от звонков, пока Эдди не состряпал встречное заявление с требованием опровержения.

Всякая недобросовестность вызывала у него возмущение.

Эйвери хорошо его понимала. Она достаточно времени провела в Вашингтоне и знала, что из политиков не страдают только самые беспринципные. Людям честным, каким ей казался Тейт Ратледж, приходилось нелегко.

Неудивительно, что он выглядел таким усталым. На его плечах было не только бремя предвыборной гонки, но еще и получивший моральную травму ребенок и жена, которой тоже предстоят тяжкие испытания.

Только... она – не жена ему. Она – чужая женщина. И она не может ему сказать, что он доверится постороннему человеку. Она не может оградить его от нападков прессы или помочь справиться с проблемами Мэнди. Она даже не может предупредить его, что кто-то собирается его убить.

Он просидел с ней до утра. Просыпаясь среди ночи, она всякий раз видела его рядом. По мере того как усталость накапливалась, складки у него на лице становились все глубже. От недосыпания глаза покраснели. Один раз Эйвери слышала, как сестра уговаривала его пойти отдохнуть, но он отказался.

– Я не могу ее сейчас оставить, – сказал он. – Она очень боится.

Мысленно она зарыдала. «Нет, не уходи. Не оставляй меня одну. Я не могу остаться одна».

Наверное, было уже утро, когда другая сестра принесла ему чашку горячего кофе. Запах был потрясающий, Эйвери страстно захотелось кофе.

Явились техники перенастроить аппарат искусственной вентиляции легких. Постепенно ее отлучали от машины – по мере того как легкие оправлялись после химического отравления. По сравнению с тем, как работал аппарат в первые дни, нагрузка на него была снижена многократно, но все же на несколько дней он ей еще понадобится.

Санитары стали готовить ее к операции. Сестры измеряли давление. Она пробовала перехватить чей-нибудь взгляд, чтобы попытаться еще раз донести до них, что происходит чудовищное недоразумение, но никто не обращал на запеленутую с ног до головы пациентку никакого внимания.

Тейт ненадолго вышел, а когда вернулся, с ним был уже доктор Соьер. Этот был бодр и весел.

– Ну, как дела, Кэрол? Мистер Ратледж сказал, что вы неважно спали, зато сегодня – ваш день.

Он внимательно изучал ее карту. Многое из того, что он говорил, произносилось чисто машинально, поняла Эйвери. По-человечески он был ей глубоко несимпатичен, как и Тейту.

Удовлетворившись показателями жизненно важных функций организма, он передал карту сестре.

– В физическом смысле у вас дела идут превосходно. Не пройдет и нескольких часов, как у вас будет новое лицо, и тогда можно будет говорить уже об окончательном выздоровлении.

Собрав все силы, она стала издавать утробные звуки, пытаясь сказать о той роковой ошибке, которую они собираются совершить. Хирург истолковал ее по-своему, решив, что она все еще сомневается в успехе операции.

– Это вполне реально, обещаю вам. Через полчаса начнем.

Она снова попыталась протестовать, на сей раз прибегая к единственному доступному ей средству: она отчаянно заморгала.

– Введите ей предоперационное седативное, чтобы она немного успокоилась, – бросил он сестре и вышел из палаты.

В отчаянии Эйвери мысленно вскрикнула.

Тейт сделал шаг вперед и сжал ей плечо.

– Кэрол, все будет в порядке.

Сестра ввела в вену шприц с наркотиком. В сгибе локтя Эйвери почувствовала легкое потягивание. Через несколько секунд по телу побежало уже знакомое тепло, и скоро даже кончики пальцев ног у нее стали горячими. Это была нирвана, ради которой наркоманы готовы убить. Восхитительное бесчувствие. Она в момент стала невесомой и прозрачной. Лицо Тейта начало расплываться, а потом исчезло вовсе.

– Все будет в порядке. Клянусь тебе, Кэрол.

«Я не Кэрол».

Она усилием воли держала глаз открытым, но он закрывался сам собой под тяжестью свинцового века.

– ...ждать тебя, Кэрол, – сказал он нежно.

«Я Эйвери. Я Эйвери. Я не Кэрол».

Но после операции она уже будет Кэрол.

– Не могу понять, что тебя так огорчает.

Тейт круто развернулся и гневно посмотрел на менеджера своей предвыборной кампании. Эдди Пэскел выдержал его взгляд совершенно невозмутимо. По опыту он знал, что Тейт легко может вспылить, но быстро отходит.

Как он и ожидал, огонь в глазах Тейта скоро погас. До этого он стоял, агрессивно подбоченясь, а теперь опустил руки.

– Эдди, ради всего святого, моя жена только что перенесла очень сложную операцию, которая длилась много часов.

– Понимаю.

– Тогда что непонятного в том, что я разозлился, когда меня окружила толпа назойливых репортеров с их дурацкими вопросами? – Тейт недоуменно помотал головой и вздохнул. – Придется тебе им объяснить. Я был попросту не в настроении давать пресс-конференцию.

– Даже если они перешли все границы...

– Это мягко сказано.

– Но ты сорок секунд был в эфире в шестичасовом и десятичасовом выпуске новостей – и притом на всех трех каналах. Я записал и потом прокрутил еще раз. Ты выглядел раздраженным, хотя, учитывая обстоятельства, это вполне объяснимо. Но в целом, я думаю, это сработало в нашу пользу: ты пал жертвой бессердечных журналистов. Избиратели будут на твоей стороне. Это безусловный плюс.

Тейт грустно усмехнулся, опускаясь в кресло.

– Ты не лучше Джека. Ты не можешь абстрагироваться от кампании, все время прикидываешь, что для нас хорошо, а что – плохо. – Он провел ладонями по лицу. – О Господи, как я устал.

– Выпей пивка. – Эдди достал из маленького холодильника запотевшую банку и протянул Тейту. Взяв и себе тоже, он устроился на краю постели. Они находились в номере Тейта. Какое-то время они молча потягивали пиво, потом Эдди спросил: – Что говорят врачи?

Тейт вздохнул:

– Этот Сойер после операции заливался соловьем. Говорит, что полностью удовлетворен, якобы это лучшая работа его бригады за все годы.

– Самореклама или правда?

– Остается только молиться, чтоб было правдой.

– А когда ты сам сможешь в этом убедиться?

– Сейчас вид у нее неважный. Но через несколько недель...

Он сделал неопределенный жест и еще больше ссутулился в кресле, вытянув перед собой длинные ноги так, что почти коснулся ботинками начищенных до блеска туфель Эдди. На нем были джинсы, еще усугублявшие контраст с Пэскелом, одетым в отутюженные темно-синие фланелевые брюки.

Пока что Эдди не придирался к его внешнему виду. Предвыборная платформа была рассчитана на то, чтобы найти отклик в душе простого человека, а именно – техасского среднего класса. Тейт Ратледж должен был стать защитником униженных. И его одежда пока вполне соответствовала этой роли. Впрочем, это не был политический маневр, он одевался так еще с начала семидесятых, когда они с Эдди учились в Техасском университете.

– Сегодня умер один из уцелевших в катастрофе, – тихо сообщил Тейт. – Парень моих лет, женат, четверо детей. Получил множественные повреждения внутренних органов, но его как-то склеили, и все думали, он выкарабкается. И вот – умер от инфекции. Господи, – он помотал головой, – ты можешь себе представить – пережить такое и умереть от инфекции?

Эдди Понял, что его друг захандрил. Это было опасно как для Тейта лично, так и для всей кампании. Джек уже высказывал опасения по поводу морального состояния Тейта. И Нельсон тоже. В числе прочего в обязанности Эдди входило следить за настроением Тейта и не допускать никаких депрессий или срывов.

– А как Мэнди? – спросил он нарочито бодрым голосом. – Все добровольные помощники в нашей штаб-квартире по ней соскучились.

– Мы сегодня повесили у нее в комнате плакат с автографами. Не забудь поблагодарить всех от моего имени.

– Да, ребята хотели как-то ознаменовать ее выписку домой. Должен тебя предупредить: завтра она получит плюшевого медведя

больше тебя ростом. Ты ведь знаешь, она прямо-таки королева предвыборной кампании.

Наградой Эдди была вялая улыбка.

– Врачи говорят, что переломы у нее заживут бесследно. И от ожогов следов не останется. Она сможет играть в теннис, выступать на стадионе в группе поддержки школьной команды, танцевать – одним словом, делать все что угодно. – Тейт поднялся и сходил еще за парой пива. Опять устроившись в кресле, он сказал: – Физически она оправится. А вот с психикой – тут есть сомнения.

– Дай ребенку время. С такими потрясениями и взрослому нелегко справиться. Не случайно авиакомпании держат специальный штат психологов для тех, кто уцелел в катастрофе, и родственников погибших.

– Я знаю, но Мэнди и без того была чересчур застенчива. А теперь она производит впечатление абсолютно закомплексованного ребенка. Она зажалась. Конечно, если я очень стараюсь, мне удастся ее рассмешить, но мне кажется, она просто хочет мне угодить. В ней не осталось живости, подвижности. Она все время лежит, уставившись перед собой. Мама говорит, во сне она плачет и просыпается от кошмаров.

– А что психолог?

– Эта дубина? – Тейт вполголоса выругался. – Она говорит, что нужно время и терпение и что мне не следует требовать от ребенка слишком многого.

– Ну видишь, все то же самое.

– Я не сержусь на Мэнди за то, что она отказывается действовать по команде, – отрезал он. – Психолог имела в виду именно это, отчего я и пришел в ярость. Но, понимаешь, у моей девочки такой вид, как если бы на ее плечах лежал груз всей вселенной, а это ненормально для трехлетнего ребенка, согласись.

– Но ты ведь не видел детей, оставшихся в живых после авиакатастрофы, – резонно возразил Эдди. – Эмоциональное потрясение, которое она пережила, не может пройти в одночасье, это тебе не физическая травма.

– Я понимаю. Просто... черт, Эдди, не знаю, сумею ли я оправдать ожидания Кэрол и Мэнди, да к тому же еще и избирателей.

Больше всего Эдди боялся, что Тейт раздумает баллотироваться и сойдет с дистанции. Когда Джек сказал, что среди журналистской братии ходят слухи, будто Тейт собирается снять свою кандидатуру, первым его желанием было найти этих сплетников и поубивать на месте. К счастью, до Тейта эти слухи не дошли. Да, надо что-то делать, чтобы поддержать моральный дух кандидата на нужной высоте.

Подавшись вперед, он сказал:

– Ты помнишь, как на втором курсе ты выиграл для нас товарищеский теннисный турнир?

Тейт ответил неуверенно:

– Смутно.

– «Смутно», – усмехнулся Эдди. – Ты и не можешь этого помнить отчетливо, потому что ты был в страшном похмелье. Ты тогда забыл, что предстоит игра, и всю ночь пропьянствовал. Мне пришлось вытаскивать тебя из постели, ставить под холодный душ и тащить к девяти часам на корт, иначе нам записали бы неявку.

Тейт посмеивался.

– И что ты хочешь этим сказать? К чему ты это вспомнил?

– Я это вспомнил потому, – сказал Эдди, сползая с кровати, – что ты сумел взять себя в руки в сложнейших обстоятельствах, когда знал, что должен это сделать. Ты был нашей единственной надеждой на победу в турнире и хорошо это понимал. И ты выиграл, несмотря на то, что за несколько минут до матча с трудом продрал глаза и выблевал дюжину пива.

– Да, но сейчас не студенческий турнир по теннису.

– Зато ты, – сказал Эдди, тыча в него пальцем, – ты остался прежним. Сколько я тебя знаю, ты всегда умел быть на высоте момента. В те два года, что мы вместе учились в университете, и потом, в летном училище, и во Вьетнаме, когда ты тащил меня на себе из этих проклятых джунглей, – ты всегда вел себя как герой.

– Не хочу я быть героем. Я хочу быть сенатором от штата Техас, приносящим пользу своему народу.

– И ты им станешь.

Эдди хлопнул себя по коленкам, будто приняв какое-то важное решение, поднялся и поставил пустую банку на столик. Тейт тоже встал. Случайно он поймал свое отражение в зеркале.

– Господи, Боже ты мой. – Он провел рукой по колючему подбородку. – Кто станет голосовать за эту образину? Почему ты мне не сказал, на кого я похож?

– Смелости не хватило. – Эдди легонько стукнул его по спине. – Тебе надо как следует отдохнуть. И советую с утра тщательно побриться.

– С утра я уеду в госпиталь. Мне сказали, что Кэрол переведут из послеоперационной в отдельную палату около шести часов. Я должен быть там.

Эдди несколько секунд изучал сверкающие носки своих туфель, а затем поднял глаза на друга.

– Ты так возишься с ней все это время, это даже трогательно.

Тейт сдержанно кивнул:

– Спасибо.

Эдди хотел было что-то добавить, но передумал, рассудив, что Тейту не понравятся советы относительно его семейной жизни, особенно из уст холостяка. Он ограничился дружеским похлопыванием по плечу.

– Ухожу, а ты ложись. Завтра созвонимся. Послушаем, что эти врачи скажут.

– Что там дома?

– Все как всегда.

– Джек говорил, ты пристроил Фэнси помогать в предвыборной кампании?

Эдди рассмеялся и, зная, что Тейт не обидится на едкое замечание в адрес племянницы, добавил:

– Днем она у меня засовывает буклеты в конверты. Кто и что ей куда засовывает ночью – не могу сказать.

На скорости семьдесят пять миль в час Фрэнсин-Энджела Ратледж промчалась мимо загона для скота. Машине был год от роду, но она обращалась с ней так, что вполне можно было дать и все пять. Пристегиваться было не в правилах Фэнси, так что на ухабе ее подбросило на добрых шесть дюймов. Приземлившись, она рассмеялась. Она обожала, когда ветер трепал ей длинные распущенные волосы, даже зимой. Быстрая езда с полным

несоблюдением правил дорожного движения была только одним из увлечений Фэнси.

Другим ее увлечением был Эдди Пэскел.

Эта страсть возникла недавно и пока что оставалась нереализованной и безответной. Впрочем, Фэнси ни на минуту не сомневалась, что это только вопрос времени.

Пока же она развлекалась с коридорным в мотеле «Холидей инн» в Кервиле. Они познакомились несколько недель назад в шоферской закуской. Она заскочила туда на обратном пути из кино, поскольку это было одно из немногих заведений в городе, где можно перекусить в любое время суток.

Поверх пластмассового бортика, разделявшего кабинки в кафе, Бак и Фэнси обменялись пламенными взглядами. Фэнси потягивала через соломинку кока-колу, а Бак уписывал чизбургер с беконом. То, как он яростно впивался зубами в жирный сандвич, возбудило ее. Поэтому, проходя мимо его кабинки, она замедлила шаг, словно желая заговорить, но потом продолжила путь. Она быстро расплатилась, против обыкновения обойдясь без лишних слов, и пошла к машине.

Усевшись за руль, она самодовольно улыбнулась. Теперь надо немного подождать. Сквозь окно кафе она видела, как парень торопливо запихнул в рот последний кусок и, на ходу швырнув на стол деньги, устремился к выходу.

Они познакомились и после нескольких фраз пришли к полному взаимопониманию, после чего парень предложил встретиться в том же месте вечером следующего дня и поужинать. У Фэнси возникла еще более заманчивая идея – позавтракать вместе в мотеле.

Бак заявил, что это его даже больше устроит, поскольку у него ключи от всех свободных номеров в «Холидей инн». Этот рискованный план показался Фэнси интересным. Губы ее сами сложились в отработанную соблазнительную улыбку, против которой, она знала, никто не мог устоять. Эта улыбка обещала впереди массу приключений.

– Я буду ровно в семь, – протянула она с хрипотцой. – Я принесу пончики, а за тобой – резинки. – Хотя ее моральные устои были не выше, чем у бродячей кошки, все же у нее хватало ума и эгоизма, чтобы не рисковать здоровьем с каждым встречным и поперечным.

Бак оправдал ее ожидания. Ему, возможно, не доставало опыта, но вынослив он был до чрезвычайности. Он был так силен по этой части и так жаждал ей угодить, что она сделала вид, будто не замечает прыщей у него на заднице. В целом фигура у него была отличная. Поэтому она встретила с ним еще раз шесть.

Сегодняшний вечер – а сегодня у него выходной – они проведут в обшарпанной квартире, которой он так гордится, наскоро соорудят ужин из какого-нибудь мексиканского полуфабриката и запьют дешевым вином, покуривая дорогую травку – это был вклад Фэнси в программу вечера, – а потом будут трахаться на ковре, который казался ей все же немного чище, чем постельное белье.

Бак милый. Он честный. И пылкий. И не раз говорил, что любит ее. С ним полный порядок. И вообще – людей без недостатков не бывает.

Если не считать Эдди.

Она вздохнула, так что тонкий свитер натянулся у нее на груди. Она была без лифчика. К большому неодобрению бабушки Зи, Фэнси не признавала ограничений собственной свободы, налагаемых бюстгальтерами, – как и ремнями безопасности.

Эдди красив. Он всегда такой ухоженный. И одевается как настоящий джентльмен, а не какой-нибудь мальчишка. В основном местные мужики – по преимуществу неотесанная деревенщина – одеваются по-ковбойски. Господи! Никто не спорит, что одежда в стиле «вестерн» может быть иногда очень подходящей. Она сама была одета как пугало, когда год назад ее избрали королевой родео. Но это уместно лишь на родео, по крайней мере, у нее такое мнение.

Эдди же носит темные костюмы-тройки, шелковые сорочки и итальянские кожаные туфли. От него всегда пахнет так, будто он только что из-под душа. Представив его в ванной, она почувствовала влажное тепло у себя между ног. Она жила ожиданием дня, когда сможет дотронуться до его обнаженного тела, поцеловать его, обласкать всего-всего. Она не сомневалась, что это будет истинным наслаждением.

При этой мысли она задрожала от возбуждения, но блаженное чувство вскоре сменилось озабоченностью. Сначала ей придется излечить его от комплексов по поводу разницы в возрасте. Потом надо будет убедить его, что ничего нет в том, что она племянница его

лучшего друга. Собственно, Эдди не говорил ей напрямую, что это его останавливает, но она просто не могла найти иного объяснения его сдержанности в ответ на откровенно призывные взгляды, которые она на него бросала.

Когда она согласилась поработать в штабе предвыборной кампании, все семейство прямо-таки пришло в восторг. Дед чуть не задушил ее в объятиях. Бабуля засияла своей пошлой «дамской» улыбочкой, которую Фэнси ненавидела всей душой, и заявила мягким, невыразительным голосом: «Вот и чудесно, моя милая». Отец, запинаясь от удивления, тоже пробормотал что-то одобрителное. А мамуля вдруг протрезвела настолько, что смогла даже выговорить длинную тираду насчет того, как она рада, что дочь займется для разнообразия чем-то полезным.

В душе Фэнси надеялась, что и Эдди будет рад ее решению, но он отреагировал весьма сдержанно. Он только сказал: «Мы будем рады любой помощи. Кстати сказать, ты печатать умеешь?»

Я умею трахаться, хотела она крикнуть. Но промолчала, дабы не доводить бабушку с дедушкой до сердечного приступа, а также потому, что, по ее мнению, Эдди наверняка знал, что она хочет ему сказать, и она твердо решила не доставлять ему удовольствия своим замешательством.

Поэтому она с должным почтением взглянула на него и ответила: «Чем бы я ни занималась, Эдди, я делаю это с душой».

Взметая пыль, сногсшибательный «мустанг»-кабриолет подрулил к дому, и Фэнси заглушила мотор. Она надеялась, что ей удастся потихоньку пробраться в крыло дома, занимаемое ею и ее родителями, но на этот раз ей не повезло. Не успела она притворить за собой дверь, как из гостиной раздался голос деда:

– Кто там?

– Это я, дед.

Он вышел в переднюю.

– Привет, малышка. – Он нагнулся и поцеловал ее в щеку.

Фэнси знала, что на самом деле он просто проверяет, не пахнет ли от нее спиртным. Она была к этому готова и по дороге изжевала три ментоловые пастилки, чтобы отбить запах дешевого вина и наркотика.

Удовлетворившись, он отпустил ее.

– Где ты сегодня была?

– В кино, – ответила она как ни в чем не бывало. – Как тетя Кэрол? Операция прошла успешно?

– Доктор сказал, отлично. Но первые несколько дней результатов не увидишь.

– Господи, вот ужас, случится же такое – и с лицом, да? – Фэнси изобразила на своей хорошенькой мордашке подобающее случаю огорчение. Когда было надо, она умела ангельски хлопать длинными ресницами. – Надеюсь, все кончится благополучно.

– Я в этом уверен.

По его нежной улыбке она поняла, что дед тронут ее «обеспокоенностью».

– Ну ладно, что-то я устала. Фильм был такой нудный, я чуть не заснула. Спокойной ночи, дед. – Она поднялась на цыпочки и поцеловала его, мысленно съезжившись. Если бы он знал, что делали ее губы час назад, он отстегал бы ее кнутом.

Пройдя через холл, она повернула налево. В конце коридора были широкие двустворчатые двери, за которыми находились комнаты ее и родителей. Она уже собиралась войти к себе, когда из спальни высунулся отец.

– Фэнси, это ты?

– Привет, пап, – сказала она, сладко улыбаясь.

– Привет.

Он не стал спрашивать, где она была, поскольку это его мало интересовало. Поэтому она решила сказать сама.

– Я была... у подружки, – выдержав из тактических соображений небольшую паузу и дождавшись, пока лицо отца примет страдальческое выражение, она спросила: – А где мама?

Он бросил взгляд назад.

– Спит.

Даже отсюда был слышен звучный храп. Она не просто «спала», ей нужно было проспать.

– Ну, тогда спокойной ночи, – сказала Фэнси, входя в свою комнату.

Он еще задержал ее:

– Как дела в штабе кампании?

– Все отлично.

– Работа нравится?

– Нормально. Надо же хоть чем-то заняться.

– Ты могла бы еще поучиться в колледже.

– Пошел он в задницу.

Отец поморщился, но смолчал. Как она и ожидала.

– Спокойной ночи, Фэнси.

– Спокойной ночи, – отозвалась она дерзко и с шумом захлопнула за собой дверь.

– Я мог бы завтра привести к тебе Мэнди. – Тейт пристально рассматривал ее. – Отеки уже стали проходить, теперь она тебя сможет узнать.

Эйвери посмотрела на него. Хотя всякий раз при взгляде на ее лицо он ободряюще улыбался, она знала, что вид у нее еще довольно страшный. Больше не спрячешься за повязкой. Как сказал бы Айриш, от этого тянет блевать.

Тем не менее за неделю, которая прошла после операции, она ни разу не заметила, чтобы Тейт избегал смотреть ей в лицо. И она была благодарна ему. Как только она будет в состоянии держать в руках карандаш, она напишет ему об этом. Повязку с рук сняли несколько дней назад. Вид красной, лоснящейся, незажившей кожи привел ее в ужас. Ногти были коротко острижены, отчего руки казались чужими и некрасивыми. Она ежедневно делала упражнения с резиновым мячиком, изо всех сил сжимая его ослабевшими пальцами, но пока у нее еще не было сил и ловкости зажать в руках карандаш. Как только это произойдет, чего только она не напишет Тейту Ратледжу.

Наконец-то ее освободили от ненавистного дыхательного аппарата. Однако, к ее разочарованию, она все равно не смогла издать ни звука. Для тележурналиста, карьера которого и без того пошатнулась, это было горьким открытием.

Правда, врачи сказали ей, что волноваться не о чем, голос со временем восстановится. Ее предупредили, что когда она начнет говорить, то сначала не сможет сама себя понять, но это нормально, учитывая, что голосовые связки получили сильный химический ожог от дыма.

Более того, у нее не было ни волос, ни зубов, а пищу ей давали только жидкую и через соломинку. В общем и целом, она все еще была развалина.

– Что ты на это скажешь? – спросил Тейт. – Есть у тебя желание повидаться с Мэнди?

Он улыбался, но Эйвери видела, что это неискренне. Ей было его жаль. Он изо всех сил старался быть бодрым и веселым. Сразу после

операции она слышала от него только ободряющие слова. Он и тогда, и сейчас говорил ей, что операция прошла блестяще. Доктор Сойер и все сестры на этаже нахваливали ее за быстрое выздоровление и хорошее настроение.

Какое еще может быть настроение в ее положении? Если бы она могла держать в руках костыли, ей бы и сломанная нога была не помеха, но пока руки были слишком слабы, и она все еще прикована к больничной койке. К черту хорошее настроение. Откуда им знать, что у нее на душе? Может, она вся кипит от злости? Она, конечно, ни на кого не злилась, но только оттого, что это было бессмысленно. Дело уже сделано. Вместо лица Эйвери Дэниелз теперь другое лицо. Она не могла избавиться от этой навязчивой мысли. На глаза навернулись слезы.

Он истолковал их по-своему.

– Обещаю, что Мэнди пробудет здесь недолго, но я уверен, что даже короткое свидание с тобой пойдет ей на пользу. Ты знаешь, она уже дома. Все ее балуют, даже Фэнси. Но она по-прежнему спит тревожно. Возможно, если она с тобой повидается, это ее успокоит. Может, она думает, что ей говорят неправду и на самом деле тебя уже нет. Она так не говорит, но она вообще все время молчит.

С удрученным видом он уронил голову и принялся разглядывать руки. Эйвери уткнулась взглядом ему в макушку. Волосы у него росли вокруг завитка, который был расположен немного несимметрично. Ей нравилось на него смотреть. Не знаменитый доктор, который ее оперировал, и не искусные медсестры, а Тейт Ратледж стал теперь для нее центром вселенной.

Как ей и обещали, левый глаз, как только была реконструирована поддерживавшая его лицевая кость, стал видеть нормально. На третий день после операции сняли швы на ресницах. Шинку с носа обещали удалить завтра.

Каждый день Тейт заказывал ей в палату свежие цветы, как бы отмечая букетом очередной шаг к выздоровлению. Входя, он всегда улыбался. Он никогда не скупился на маленькую лесть.

Эйвери было его жаль. Хотя он и старался не показать виду, но она чувствовала, что навещает он ее больше по обязанности. И все же, если бы он вдруг перестал приходить, она бы, наверное, умерла.

В комнате не было зеркал – вообще ничего, в чем могло бы отразиться ее лицо. Она не сомневалась, что это было сделано умышленно. Ей не терпелось узнать, как она на самом деле выглядит. Может быть, причиной для отчуждения, которое Тейт столь старательно скрывает, является как раз ее уродство?

Как у всякого человека, оказавшегося физически неполноценным, у нее сейчас были обострены все чувства. Она научилась читать между строк, понимать то, что не говорилось, а лишь подразумевалось. Тейт был со своей «женой» вежлив и предупредителен. Того требовала элементарная порядочность. И все же между ними существовал едва уловимый барьер, причина которого была пока Эйвери неясна.

– Так привести мне ее или нет?

Он сидел на краю кровати, стараясь не беспокоить ее сломанной ноги, которая была поднята вверх. Наверное, сегодня холодно, подумала она, глядя на его замшевый пиджак. Зато светит солнце: в дверях он снял и убрал в нагрудный карман темные очки. Глаза у него серо-зеленые, взгляд – открытый и обезоруживающий. Да, весьма привлекательный мужчина, подумала она.

Разве она может отказать ему в этой просьбе? Он был так добр к ней. Пусть даже эта девочка не ее дочь, но, если это способно доставить радость Тейту, она готова сыграть роль ее матери. Один раз.

Теперь она могла не только моргать единственным открытым глазом, но даже выразить свое согласие кивком головы. По сравнению с ее предшествующим состоянием это был значительный прогресс.

– Вот и отлично. – На сей раз улыбка шла от души. – Я посоветовался со старшей медсестрой, она говорит, ты уже можешь одеваться в свои вещи, если хочешь. Я взял на себя смелость прихватить для тебя несколько ночных рубашек и халатов. Для Мэнди будет лучше, если она увидит тебя в чем-то привычном.

Эйвери снова кивнула.

В дверях возникло оживление, и она перевела взгляд в ту сторону. Вошли мужчина и женщина, в которых она узнала родителей Тейта, Нельсона и Зиннию – или Зи, как ее все называли.

– Ого, вы только посмотрите. – Нельсон опередил жену и стремительно подошел к кровати. – Ты прекрасно выглядишь, правда, Зи?

Зи встретила глазами с Эйвери.

– Намного лучше, чем вчера, – вежливо подтвердила та.

– Пожалуй, этот доктор не зря получил свой фантастический гонорар, – смеясь, заметил Нельсон. – Никогда не верил в пластические операции. Всегда считал, что это каприз тщеславных богатых женщин, которым некуда давать мужнины деньги. Но это, – он показал на лицо Эйвери, – это стоит того.

Их комплименты досаждали Эйвери. Она понимала, что все еще выглядит как жертва авиакатастрофы – и никак не иначе.

Тейт, по-видимому, почувствовал ее раздражение и поспешил переменить тему:

– Кэрол согласилась завтра повидаться с Мэнди.

Зи повернулась к сыну и нервно сплела руки:

– Ты уверен, что это необходимо, Тейт? И Кэрол, и Мэнди?

– Нет, совеем не уверен. Сам боюсь.

– А что говорит детский психолог?

– Какая разница, что она говорит? – отрезал Нельсон. – Как психиатр может знать, что нужно, а что не нужно ребенку? Отцу виднее. – Он похлопал Тейта по плечу. – Я думаю, ты поступаешь правильно. Мэнди будет только на пользу повидаться наконец с матерью.

– Надеюсь, ты прав.

Эйвери заметила, что в голосе Зи прозвучала неуверенность. Она разделяла ее озабоченность, но не могла ее высказать. Оставалось надеяться, что великодушный жест, который она согласилась сделать ради Тейта, не обернется своей противоположностью и не принесет еще большего вреда ребенку, пережившему моральную травму.

Зи обошла палату, доливая воду в вазы с цветами, полученными не только от Тейта, но еще от многих людей, имена которых Эйвери ничего не говорили. Поскольку о родных Кэрол не было до сих пор сказано ни слова, она заключила, что таких у нее нет. Единственной ее семьей были родные мужа.

Нельсон и Тейт принялись обсуждать ход предвыборной кампании. Казалось, эта тема занимает их двадцать четыре часа в сутки. Когда прозвучало имя Эдди, она сразу представила себе мужчину с гладко выбритым лицом и в безукоризненном костюме. Он дважды навещал ее, оба раза вместе с Тейтом. Этот человек, постоянно

поддерживающий бодрое настроение во всех окружающих, произвел на нее приятное впечатление.

Брата Тейта зовут Джек. Он старше и какой-то нервный. А может, ей так показалось, поскольку когда он приходил, то все время извинялся за жену и дочь, которые не смогли приехать с ним вместе.

Эйвери уже знала, что жена Джека Дороти-Рей постоянно недомогает, хотя об изнурительной болезни речи не было. Фэнси, по-видимому, для всей семьи являлась яблоком раздора. Из отрывочных реплик Эйвери знала, что ей уже достаточно лет, чтобы иметь водительские права, но не так много, чтобы жить отдельно. Вся семья жила в одном доме где-то в часе езды от Сан-Антонио. Теперь она припоминала, что в репортажах о Тейте Ратледже говорилось о ферме и загородном доме. По всем признакам, семья Ратледжей имела деньги, а значит, и соответствующий вес и влияние.

В разговорах с ней все были дружелюбны и корректны. Они тщательно подбирали выражения, с тем чтобы не доставить ей никаких волнений. Но ее больше интересовало то, что крылось за этими вежливыми словами.

Она изучала выражение их лиц, которые, как правило, были насторожены. Улыбки всегда были сдержанные и несколько натянутые. Родные Тейта обращались с его женой учтиво, но в их взаимоотношениях были подводные течения. Здесь не все было гладко.

– Вот красивое платье, – сказала Зи, возвращая мысли Эйвери к происходящему в палате. Она распаковывала вещи, привезенные Тейтом из дома, и развешивала их в шкафу. – Может, завтра, когда придет Мэнди, наденешь его?

Эйвери слегка кивнула.

– Ты еще не закончила, ма? По-моему, ей надо отдохнуть. – Тейт подошел к постели и заглянул ей в глаза. – Завтра у тебя трудный день. Сейчас тебе, наверное, лучше отдохнуть.

– Ни о чем не тревожься, – сказал Нельсон. – У тебя все идет хорошо, как и следовало ожидать. Пойдем, Зи, оставим их вдвоем.

– Пока, Кэрол, – сказала Зи.

Они вышли. Тейт снова присел на край постели. Он выглядел усталым. Как бы ей хотелось набраться смелости и коснуться его рукой, но она не решалась. Он никогда не прикасался к ней – только

чтобы утешить, когда видел, что она расстроена. В этих прикосновениях не было любви.

– Мы приедем во второй половине дня, после дневного сна. – Он вопросительно замолчал. Она кивнула. – Жди нас около трех часов. Я думаю, будет лучше, если мы с Мэнди придем вдвоем. Никого брать с собой не будем. – Он отвернулся и неуверенно вздохнул. – Не могу представить, какова будет ее реакция, но прошу тебя, Кэрол, учти, что ей пришлось пережить. Я знаю, тебе досталось еще сильнее, но ты – взрослый человек. У тебя больше сил справиться с этим. – Он снова встретился с ней глазами. – А она всего лишь маленькая девочка. Не забывай. – Выпрямившись, он улыбнулся. – Впрочем, я уверен, что все пройдет нормально.

Он поднялся, чтобы уйти. Как всегда, когда он прощался, на Эйвери накатила паника. Он стал для нее единственной ниточкой, связывающей ее с внешним миром. Он был ее единственной реальностью. Уходя, он уносил с собой ее мужество, оставлял одну, охваченную страхами и всеми покинутую.

– Отдохни и хорошенько выспись. До завтра.

На прощание он провел пальцами по ее руке, но не поцеловал. Он никогда ее не целовал. Конечно, ее и целовать-то пока было почти некуда, но, подумалось Эйвери, муж все же мог бы найти способ поцеловать жену – при желании, разумеется.

Она смотрела ему в спину, пока он не скрылся за дверью. Со всех сторон нахлынуло и охватило ее одиночество. Единственным способом побороть его были мысли. Часы бодрствования она проводила, думая о том, как сообщит Тейту Ратледжу, что она – не та, кем он ее считает. Его жена Кэрол наверняка погребена в могиле под именем Эйвери Дэниелз. Как ему сказать об этом?

И как сказать ему, что кто-то из его близких собирается его убить?

Наверное, тысячу раз за последнюю неделю она пыталась убедить себя, что ее таинственный посетитель привиделся ей во сне. Причиной галлюцинации могло стать что угодно. Ей было бы легче поверить, что этого зловещего визита на самом деле не было.

Но она знала, что это не так. Он был. В голове ее так же отчетливо звучал его голос. Она отлично помнит текст. Угрожающие слова и интонации неизгладимо врезались ей в память. И он не шутил. В этом не могло быть сомнений.

Это должен был быть кто-то из Ратледжей, поскольку в реанимацию допускают только ближайших родственников. Но кто именно? Ни один из них, казалось, не испытывал к Тейту никакой злобы, наоборот, его все обожали.

Она стала перебирать всех по очереди. Отец? Невероятно. Было очевидно, что и отец и мать души в нем не чают. Джек? Не похоже, чтобы у него был зуб на младшего брата. Эдди хотя и не был кровной родней, но воспринимался всеми как член семьи, а дружеские отношения между ним и Тейтом были видны невооруженным глазом. Она еще не слышала голосов Дороти-Рей и Фэнси, но тот, который с ней говорил, явно принадлежал мужчине.

И в то же время этот голос не принадлежал никому из ее недавних посетителей. Тогда как этот незнакомец проскочил в палату? Этот мужчина хорошо знал Кэрл. Он говорил с ней совершенно откровенно и как с соучастницей.

Понимает ли Тейт, что его жена планировала его убить? Догадывался ли он, что она что-то замышляет? Может быть, в этом причина того, что, утешая и подбадривая ее, он остается как бы за невидимым барьером? Эйвери понимала, что он дает ей то, чего от него ждут, не более.

Боже, как ей хотелось сесть рядом с Айришем и разложить перед ним эту головоломку, как она часто делала, когда ей предстояло раскрутить какой-то запутанный сюжет. Вдвоем они бы все поставили на место, нашли бы недостающие звенья. Айриш обладает почти сверхъестественной способностью проникать в мотивы человеческих поступков, и его мнение она всегда ценила выше всех других.

От мыслей о Ратледжах и их проблемах у Эйвери разболелась голова, поэтому она с радостью восприняла укол успокоительного на сон грядущий. Теперь в ее палате, в отличие от ярко освещенного отделения интенсивной терапии, оставалась гореть на ночь лишь одна маленькая лампочка.

Балансируя между сном и бодрствованием, Эйвери позволила себе предположить, что будет, если она станет играть роль Кэрл Ратледж. Это будет означать, что Тейт пока останется женатым человеком. Мэнди получит поддержку матери в трудный для нее период реабилитации. А Эйвери Дэниелз, возможно, разоблачит заговор и станет настоящей героиней.

Она мысленно расхохоталась. Айриш бы точно решил, что она спятила. Он бы разразился гневной тирадой, вышел бы из себя, а в заключение пригрозил нашлапать ее за одну только мысль об этом.

И все же искушение было велико. Какой она сделает материал, когда загадка будет решена! Там будет все – и политика, и человеческие характеры, и отношения, и интриги.

Наконец она уснула.

Она нервничала больше, чем во время своей первой пробы на маленькой телестудии в Арканзасе восемь лет назад. Тогда она стояла по щиколотку в грязи и помоях, онемевшими влажными пальцами сжимала микрофон и пересохшими губами рассказывала о свиноводах, подвергшихся воздействию некоего паразита. Потом заведующий отделом информации сухо сообщил ей, что паразиты действуют не на фермеров, а на свиней. Тем не менее, место репортера ей дали.

Это тоже была своего рода проба. Обнаружит ли Мэнди то, что пока оставалось скрытым для других, – что женщина с лицом Кэрол Ратледж не является ее матерью?

В течение дня, пока взволнованные и говорливые медсестры устраивали ей ванну и помогали одеться, а физиотерапевт проводил с ней гимнастику, ее не покидал навязчивый вопрос: хочет ли она, чтобы правда наконец всплыла?

Она не смогла прийти к определенному ответу. Пока что она не видела большой разницы в том, за кого именно ее принимают окружающие. Изменить судьбу не в ее власти. Главное, что она жива, а Кэрол Ратледж погибла. Итог авиакатастрофы был предначертан кем-то свыше – не ею.

При всех своих ограниченных возможностях, она честно приложила все усилия, чтобы привлечь внимание окружающих к роковой ошибке, но ей это не удалось. Теперь ничего изменить она уже не в силах. Пока она не начнет общаться с помощью карандаша и блокнота, она будет для всех Кэрол Ратледж. Эта роль может позволить ей проникнуть в подспудные хитросплетения необычной интриги и тем отплатить Тейту Ратледжу за его доброту. Если он полагает, что свидания с «матерью» пойдут Мэнди на пользу, она готова на время подыграть ему. Сама она считала, что девочке было бы лучше сразу узнать правду о гибели матери, но не в ее силах было рассказать ей об этом. К счастью, лицо Эйвери было уже не столь страшным, чтобы нанести психике ребенка еще большую травму.

Сестра поправила легкий шарфик на голове Эйвери в том месте, где волосы были еще совсем короткие.

– Ну вот. Очень даже неплохо. – Она осталась довольна своей работой. – Еще пара недель – и ваш красавец муж глаз от вас не оторвет. Вы, конечно, знаете, что у нас тут все незамужние сестры поголовно в него влюблены. Да и некоторые из семейных тоже, – добавила она сухо. Она проворно двигалась вокруг кровати, расправляя простыни, а потом стала приводить в порядок букеты в вазах, обрывая увядшие цветки. – Вы ведь не против, правда? – спросила она. – Вы уж, наверное, привыкли, что вокруг него женщины так и выются. Как давно вы женаты? Кажется, он говорил кому-то из сестер, что четыре года. – Она потрепала Эйвери по плечу. – Доктор Сойер творит чудеса. Дайте только время. Вы будете самой красивой парой в Вашингтоне.

– Вы, кажется, склонны выдавать желаемое за действительное?

При этом голосе сердце Эйвери дрогнуло. Она посмотрела на дверь, ища его глазами. Войдя в палату, он снова обратился к сестре:

– Я тоже не сомневаюсь в мастерстве доктора Сойера. Но откуда у вас такая уверенность, что меня изберут?

– По крайней мере, я буду голосовать за вас.

Он рассмеялся глубоким грудным смехом, уютным, как старое вытертое одеяло.

– Прекрасно. Мне будет нужно много голосов.

– А где малышка?

– Я оставил ее у поста дежурной сестры. Через пару минут я за ней схожу.

Поняв тонкий намек, медсестра улыбнулась и подмигнула Эйвери.

– Желаю удачи.

Как только они остались одни, Тейт придвинулся к Эйвери.

– Привет. Ты хорошо выглядишь. – Он глубоко вздохнул. – Ну вот, она здесь. Не знаю, что из этого выйдет. Только прошу тебя, не огорчайся, если она...

Переведя взгляд ей на грудь, он запнулся. Ночная рубашка Кэрол, при всей ее миниатюрности, была заметно велика Эйвери. При виде его замешательства сердце Эйвери забилося.

– Кэрол? – сказал он хрипло.

Он все понял!

– О Господи.

Как ей объяснить ему?

– Как ты похудела, – прошептал он. Он осторожно дотронулся до ее груди. Потом обвел взглядом все ее тело. От его прикосновения у Эйвери прилила к лицу кровь. Из горла вырвался тихий, беспомощный звук. – Я не имел в виду, что ты плохо выглядишь, просто... ты стала другая. Хотя это, наверное, нормально, что ты потеряла несколько фунтов. – Их глаза встретились, и какое-то мгновение они смотрели друг на друга. – Пойду приведу Мэнди.

Эйвери старалась дышать ровно и глубоко, чтобы успокоить разыгравшиеся нервы. До сих пор ей не приходило в голову, что правда будет для них обоих нелегка. Не понимала она и того, как далеко простираются ее чувства к нему. От его прикосновения у нее не только ослабели руки и ноги, но и похолодело все внутри.

Но сейчас ей некогда было копаться в своих переживаниях. Она должна подготовиться к встрече с девочкой. В панике от того, что при виде ее лица ребенок может испугаться, она даже зажмурилась. Она услышала, как они вошли и приблизились к кровати.

– Кэрол?

Эйвери медленно открыла глаза. Тейт держал Мэнди на руках. На ней было белое с синим платьице и белый фартучек, на ногах – белые колготки и синие кожаные туфельки. Левая ручка была в гипсе.

Волосы у девочки были темные и шелковистые, очень густые и тяжелые, но короче, чем Эйвери помнила. Словно читая ее мысли, Тейт объяснил:

– Пришлось ее подстричь, потому что волосы были немного опалены.

Сейчас волосы Мэнди едва закрывали ей щски. У неё была прямая челка до бровей. Большие карие глаза ребенка смотрели настороженно, как у газели.

– Покажи маме, что ты ей принесла, – подсказал Тейт.

В правом кулачке девочка сжимала букет маргариток. Она робко протянула их Эйвери. Пальцы Эйвери не слушались, и Тейт взял букет и бережно положил Эйвери на грудь.

– Я пока посажу тебя к маме на кровать, а сам пойду поищу, куда бы нам поставить цветы. – Тейт опустил Мэнди на край койки, но стоило ему повернуться, как она захныкала и ухватилась за край его куртки. – Ну, хорошо, – сказал он. – Я никуда не уйду.

Он украдкой взглянул на Эйвери и осторожно присел рядом с девочкой на краешек матраса.

– Смотри, что она тебе сегодня нарисовала, – обратился он опять к Эйвери поверх детской головки. Из нагрудного кармана он извлек сложенный лист плотной бумаги и, развернув, поднес ближе к ее лицу. – Скажи, Мэнди, что это такое?

Разноцветные каракули не были похожи ни на что, но Мэнди прошептала:

– Лошадки.

– Это дедушкины лошади, – пояснил Тейт. – Вчера он брал ее кататься, а утром я предложил ей, пока я занят, нарисовать для тебя лошадок.

Приподняв руку, Эйвери сделала ему знак, поднести листок поближе. Она какое-то время рассматривала его, После чего Тейт положил рисунок ей на грудь рядом с маргаритками.

– Мне кажется, маме твой рисунок понравился. – Тейт продолжал смотреть на Эйвери все тем же странным взглядом.

Девочке явно было все равно, понравился маме ее рисунок или нет. Она ткнула пальчиком в шинку на носу Эйвери.

– А это что?

– Это шинка. Помнишь, мы с бабушкой тебе рассказывали? – Обращаясь к Эйвери, он сказал: – Я думал, сегодня уже снимут.

Она приподняла ладонь.

– Завтра?

Она кивнула.

– А для чего она? – спросила Мэнди. Эта шинка ее очень заинтересовала.

– Это вроде твоего гипса. Она защищает мамино лицо, пока оно еще не совсем зажило, как гипс защищает твою ручку, пока косточки внутри не срастутся как следует.

Выслушав объяснения, Мэнди опять повернула серьезные глаза на Эйвери.

– Мамочка плачет.

– Это потому, что она очень рада тебя видеть.

Эйвери кивнула, закрыла глаза и несколько секунд лежала так. Потом снова открыла. Таким образом она хотела передать однозначно утвердительный ответ. Она была рада видеть девочку, которая едва не

погибла в огне. Катастрофа, конечно, оставила в ее душе глубокую травму, но Мэнди, по крайней мере, осталась жива и со временем оправится от потрясения. Одновременно Эйвери почувствовала себя страшно виноватой, что она не та, за кого они ее принимают.

Внезапно, повинувшись порыву, на какой бывают способны только маленькие дети, Мэнди выставила вперед ручку, чтобы дотронуться до щеки Эйвери. Тейт перехватил ее руку на лету. Потом, поколебавшись, он плавно отпустил ее.

– Можешь потрогать, только очень осторожно. Не сделай маме больно.

В глазах Мэнди показались слезы.

– Мамочке больно, – нижняя губа ее задрожала, и она подалась к Эйвери.

Смотреть на страдания ребенка было для Эйвери невыносимо. Повинуясь внезапно охватившему ее материнскому чувству, она негнущейся ладонью погладила девочку по головке и медленно притянула ее к груди. Мэнди охотно приникла к ней всем телом. Безмолвно склонившись к девочке, Эйвери гладила ее по голове.

Мэнди почувствовала ее невысказанную теплоту. Она быстро успокоилась, села прямо и кротко сообщила:

– Мамочка, я сегодня не пролила молоко.

Сердце Эйвери растаяло. Ей захотелось обнять малышку и крепко прижать к себе. Ей хотелось сказать ей, что разлитое молоко не имеет никакого значения, потому что они выжили в страшной катастрофе. Но ей оставалось только молча смотреть, как Тейт опять берет ребенка на руки.

– Не будем злоупотреблять гостеприимством хозяйки, – сказал он. – Пошли маме воздушный поцелуй, Мэнди.

Девочка не послушалась. Вместо этого она робко обвила его ручонками за шею и уткнулась лицом в воротник.

– Ничего, как-нибудь в другой раз, – сказал он Эйвери извиняющимся тоном. – Я сейчас вернусь.

Через несколько минут он возвратился, но уже один.

– Я опять оставил ее у сестер. Они ее там кормят мороженым.

Он снова присел на край кровати, свесив руки между колен. Не глядя на Эйвери, он принялся рассматривать ногти.

– Ну, раз уж все прошло гладко, я бы, пожалуй, привез ее еще раз ближе к концу недели. По крайней мере, мне показалось, что все было хорошо. А тебе?

Он поднял глаза, ожидая от нее ответа. Она кивнула. Опять уткнувшись в свои руки, он продолжал:

– Не знаю уж, как чувствовала себя Мэнди. Ее вообще трудно сейчас понять. Что-то у нее не ладится, Кэрол. – В его голосе звучало такое отчаяние, что сердце Эйвери разрывалось. – Раньше, когда я брал ее в «Макдональдс», она ходила колесом. Теперь – никакой реакции. – Уперев локти в колени, он закрыл лицо руками. – Я все перепробовал, чтобы ее расшевелить. Ничто не срабатывает. Я не знаю, что делать.

Подняв руку, Эйвери погладила его по волосам.

Он вздрогнул и дернулся, почти стряхнув ее руку. Она так поспешно убрала ее, что всю руку прошила острая боль. Она застонала.

– Прости, – сказал он, резко поднимаясь. – Ты в порядке? Позвать кого-нибудь?

Она отрицательно мотнула головой, затем поправила сползший набок шарфик. С особой болезненностью она вдруг ощутила свою наготу и незащищенность. Ей не хотелось, чтобы он видел ее такой уродиней.

Убедившись, что боль у нее прошла, он сказал:

– Не беспокойся за Мэнди. Пройдет время, и все будет в порядке. Не надо было мне тебе говорить. Я просто устал. Кампания набирает силу, и... Впрочем, неважно. Это мои заботы, а не твои. Мне надо идти. Я понимаю, что наш визит тебя утомил. Пока, Кэрол.

В этот раз он даже не коснулся ее руки на прощание.

– Мы не надоели тебе, Тейт?

Он виновато взглянул на менеджера своей компании:

– Прости.

Сознавая, что у Эдди есть причины беспокоиться о нем, Тейт прокашлялся, выпрямился в кожаном кресле и перестал бесцельно крутить в руках карандаш.

Этот день они решили провести дома, чтобы обсудить стратегическую линию предвыборной кампании на последние несколько недель, оставшиеся до предварительных выборов.

– На чем ты отключился?

– Где-то между Эль-Пасо и Суитуотером, – отозвался Тейт. – Слушай, Эдди, а ты уверен, что эта поездка по Западному Техасу так уж необходима?

– Абсолютно необходима, – вмешался Джек. – При нынешней цене на сырую нефть люди только и ждут твоей моральной поддержки.

– Врать я никому не стану. Ты знаешь мое отношение к ложным надеждам и пустым обещаниям.

– Мы хорошо понимаем твою позицию, Тейт, – сказал Нельсон. – Но за кризис, в каком оказалась нефтедобыча, частично несет ответственность и сенатор Деккер. Это он поддержал тогда торговое соглашение с арабами. Самое время напомнить об этом нефтяникам, оставшимся без работы.

Тейт отшвырнул карандаш и поднялся. Сунув руки в карманы джинсов, он прошел к окну.

День был великолепный. Весна еще только-только начиналась, но багрянник и нарциссы уже расцвели. Постепенно начинали зеленеть пастбища.

– Ты что, не согласен с Нельсоном? – спросил Эдди.

– Полностью согласен, – ответил Тейт, продолжая стоять к ним спиной. – Я знаю, что должен быть там, без усталости цитируя недалёковидные суждения Деккера и вселяя оптимизм в отчаявшихся людей. Но я должен быть и здесь.

– С Кэрл.

– Да. И с Мэнди.

– Мне казалось, психолог Мэнди говорила, что время все вылечит и, когда Кэрол вернется домой, девочка быстро поправится, – заметил Джек.

– Да, говорила.

– Значит, твое присутствие или отсутствие никак не могут повлиять на Мэнди. И для Кэрол ты ничего сделать сейчас не можешь.

– Если не считать, что я могу быть с ней рядом, – нетерпеливо проговорил Тейт. Вынужденный защищаться, он повернулся к ним лицом.

– Для чего? Чтобы просто стоять там и смотреть в эти большие распухшие глаза? – воскликнул Джек. – Господи, у меня от них прямо мурашки на коже.

От бестактной реплики брата лицо Тейта сделалось жестким.

– Помолчи, Джек, – оборвал Нельсон.

Тейт холодно сказал:

– Просто стоять и смотреть – пока это все, что я могу для нее сделать, Джек, но делать это – моя обязанность. Разве я не объяснял тебе этого раньше?

Эдди со страдальческим вздохом опустил в кресло.

– Мне казалось, мы все пришли к выводу, что в этой частной клинике Кэрол удобней, чем было бы дома.

– Да.

– За ней там ухаживают как за королевой – намного лучше, чем в госпитале, – заметил Джек. – Она с каждым днем выглядит все лучше. Насчет ее глаз я просто пошутил. Как только краснота спадет, да еще волосы отрастут, она будет выглядеть потрясающе. Не понимаю, в чем проблема?

– Проблема в том, что она еще не оправилась после психической травмы и физического увечья, – ответил Тент раздраженно.

– С этим никто не спорит, – сказал Нельсон. – Но ты не должен упустить свой шанс, Тейт. Ты так же несешь ответственность за свою предвыборную кампанию, как и за свою жену.

– Вы думаете, я этого не понимаю? – обратился он сразу к троице.

– Ты это понимаешь, – сказал Эдди. – И Кэрол это прекрасно понимает.

– Возможно. Но без меня дела у нее идут хуже. Доктор Соьер говорил мне, что она просто впадает в депрессию.

– Откуда ему знать, в депрессии она иди готова плясать от радости? Она ведь еще ни слова...

– Джек! – В голосе Нельсона зазвучали нотки, к которым он нередко прибегал в годы военной службы, когда ему требовалось умерить амбиции чересчур заносчивых летчиков. Обычно в таких случаях они моментально превращались в кающихся грешников. Отставной полковник ВВС до мозга костей, он строго взглянул на старшего сына. Когда дети были маленькими, он редко прибегал к физическому наказанию, оставляя его лишь на случай крайней необходимости. Как правило, дело обходилось одним-единственным уничтожающим взглядом и резким окриком, и дети становились как шелковые. – Попытайся, пожалуйста, войти в положение брата.

Слова отца умили пыл Джека, и он сел в явном раздражении.

– Кэрол первая сказала бы тебе, что надо ехать, – сказал Нельсон Тейту, понизив голос. – Я бы не говорил, если бы не был в том уверен.

– Я согласен с Нельсоном, – вставил Эдди.

– А я согласен с вами обоими. Если бы не авария, она бы уже давно складывала чемодан, чтобы ехать вместе со мной. – Тейт потер затылок, пытаясь снять напряжение и усталость. – Но сейчас, когда я говорю ей, что должен ехать, я вижу в ее глазах панический страх. Этот взгляд не дает мне покоя. Она все еще так ранима. Я чувствую себя виноватым. Прежде чем уезжать на такой большой срок, я должен выяснить для себя, как она перенесет мое отсутствие.

Он молча обвел их взглядом. На всех трех лицах он прочел молчаливый протест. Каждый остался при своем мнении.

Он выдохнул:

– Черт. Пойду пройдуся.

Он вышел из дома. Через пять минут он уже скакал верхом через ближайшее пастбище, огибая стада лениво пасущихся гибридных коров. Никакой цели у него не было, ему просто были нужны уединение и покой, какой дает природа.

Все эти дни он почти ни на минуту не оставался один, но за всю жизнь никогда еще не чувствовал себя так одиноко. Отец, Джек и Эдди были вольны давать ему советы касательно политики, но в личных делах принимать решения мог только он сам.

Он никак не мог забыть, как Кэрол коснулась его головы. Что это означало?

С того дня прошло уже две недели. Он сто раз разобрал тот эпизод по косточкам, и все же неясность оставалась. Из-за его резкой реакции вся сцена длилась не более доли секунды – ровно столько, сколько понадобилось ей, чтобы погладить его по виску. Но он считал, что более интимной минуты между ними не было за все годы их знакомства. Это ощущение было сильнее первого поцелуя, первой близости... и последней близости.

Возле полноводного ручья, бегущего с известковых скал, он опустил поводья и спешил. На камнях росли дубы, хвойные и мескитовые деревья. Дул сильный северный ветер. У Тейта покраснели щеки и заслезились глаза. Он вышел без куртки, правда, солнце было достаточно теплым.

Прикосновение Кэрол сильно взволновало его, потому что это было так на нее не похоже. Она знала, как обращаться с мужчиной. До сих пор, несмотря на все, что между ними случилось, воспоминание о первых днях их влюбленности приводило его в возбуждение. Когда Кэрол хотела, она очень искусно действовала руками. Она умела выразить ими все, что у нее на уме, – поддразнить, искусить, заинтриговать или быть откровенной.

Последнее прикосновение было совсем иного рода. И он почувствовал разницу. Это был жест сочувствия и понимания. Это было не заученное движение, оно шло от чистого сердца, а не от трезвого расчета. То был жест самоотречения.

Как это не похоже на Кэрол.

Он повернулся на звук приближающейся лошади. Почти так же проворно, как до него Тейт, на землю прыгнул Нельсон.

– Я тоже решил подышать, – сказал он. – Уж больно погода хороша. – Задрав голову, он посмотрел на лазурно-голубое небо.

– Не болтай. Ты примчался на помощь.

Нельсон хохотнул и кивком предложил присесть на валун.

– Зи видела, как ты уехал. Она посоветовала устроить перерыв в работе и принесла ребятам перекусить, а меня послала за тобой. Ей показалось, ты чем-то расстроен.

– Да.

– Ну-ну, парень, возьми себя в руки, – приказал Нельсон.

– Не так это просто.

– Мы все с самого начала понимали, что предвыборная гонка потребует много сил. Ты ожидал чего-то другого?

– Дело не в кампании. К ней я готов, – сказал он, решительно выставив вперед подбородок.

– Тогда, значит, в болезни Кэрол? Что ж, и тут было ясно, что не все пойдет гладко.

Повернув голову, Тейт резко спросил:

– Ты не заметил, как она изменилась?

– Врач говорил тебе, что какие-то изменения возможны, но они едва заметны.

– Я говорю не о внешности. Я говорю о том, как она реагирует на некоторые вещи.

– Нет, я ничего такого не заметил. Что, например?

Тейт привел несколько случаев, когда в глазах Кэрол отражались неуверенность, незащищенность, страх.

Нельсон слушал внимательно, потом, после долгого раздумья, ответил:

– Я бы сказал, что ее тревожное состояние вполне естественно, разве не так? Ее лицо было изуродовано до неузнаваемости. От этого любая женщина запаникует, что уж говорить о такой, как Кэрол, – для нее лишиться красоты вполне достаточная причина для душевного волнения.

– Наверное, ты прав, – пробормотал Тейт, – но я бы скорее ожидал от нее сначала злости и только потом страха. Я не могу этого объяснить. Я просто это чувствую. – Он припомнил первое посещение Мэнди, потом добавил: – Я еще трижды привозил ее, и всякий раз Кэрол плакала и прижимала Мэнди к себе.

– Она просто не может забыть, что чуть не потеряла дочь.

– Это нечто большее, отец. Один раз, когда мы вышли из лифта, то увидели, что она выехала нам навстречу в каталке. У нее еще не были вставлены зубы, и голова была замотана шарфиком, и нога в гипсе. – Он недоуменно покачал головой. – Она выглядела черт знает как, но набралась смелости выехать к нам. Как, по-твоему, способна Кэрол на такое?

– Ей не терпелось вас увидеть и похвалиться, что она уже может вставать с постели.

Тейт на мгновение задумался, все же это объяснение показалось ему неубедительным. Когда это Кэрол делала над собой усилие, чтобы доставить кому-то удовольствие? Он был готов поклясться, что, хотя она еще не могла улыбаться, при виде его и Мэнди она внутренне засияла.

– Думаешь, это просто игра?

– Нет, – с сомнением ответил Нельсон. – Но по-моему, это...

– Временно.

– Да, – сказал тот ровным голосом. – Я привык смотреть фактам в лицо, Тейт. Ты сам знаешь. Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь. Мы с Зи рады, что и ты, и Джек со своими семьями живете у нас, и мы хотим, чтобы так все и оставалось. Поэтому мы договорились никогда не вступать в ваши дела. Если бы спросили меня, я бы заставил Дороти-Рей лечиться, а уж Фэнси получила бы у меня столько шлепков по заднице, сколько она заслужила. – Он помолчал. – Может быть, мне надо было высказаться раньше, но я все надеялся, что ты сам справишься со своими семейными делами. Я знаю, что вы с Кэрол в последние два года как будто отделились друг от друга. – Он замахал руками. – Не надо говорить мне почему. Мне это знать необязательно. Я просто это почувствовал, понимаешь? Черт, в каждом браке бывают тяжелые моменты. Мы с Зи от души надеемся, что вы с Кэрол сумеете сгладить все шероховатости, родите еще ребенка, поедете в Вашингтон и проживете до старости лет в согласии. Может быть, то, что случилось с ней, как раз и поможет вам сблизиться снова. Однако, – продолжал он, – не жди, что Кэрол вмиг изменится. Боюсь, что тебе теперь понадобится еще больше терпения, чем раньше.

Тент слушал отца внимательно, стараясь не упустить и того, что осталось между строк.

– Ты хочешь сказать, что я выискиваю в ее поведении то, чего нет?

– И такое возможно, – сказал тот с нажимом. – Обычно, когда человек был на волосок от смерти, он становится сентиментальным. Я знал летчиков, которые угробили свою машину, а сами уцелели. Типичная история. Человек начинает думать обо всем, чего он чуть не лишился, чувствует вину перед близкими за то, что мало уделял им внимания, обещает исправиться, изменить свое отношение к жизни,

стать лучше – и все в том же духе. – Он положил руку Тейту на колено. – Я думаю, именно это и происходит с Кэрол. Я не хотел бы, чтобы ты стал надеяться, будто этот несчастный случай излечит ее от всех ее недостатков и она станет образцовой женой и матерью. Доктор Сойер обещал исправить некоторые изъяны ее лица, но не души, – добавил он с улыбкой.

– Наверное, ты прав, – сказал Тейт. – То есть умом я понимаю, что ты прав. Возможно, я именно это и делаю – выискиваю то, чего нет.

Опершись на плечо Тейта, Нельсон поднялся:

– Ни в чем себя не вини. Время и терпение сделают свое дело. Все, ради чего стоит жить, требует терпения, сколько бы это ни длилось – пусть даже всю жизнь.

Они отвязали лошадей и поехали к дому. На обратном пути они почти не разговаривали. Подъезжая к конюшне, Тейт подался вперед и обратился к отцу:

– А насчет поездки по Западному Техасу...

– Да-да? – перебросив правую ногу через коня, Нельсон соскочил на землю.

– Я решил пойти на компромисс. Поеду на неделю. На более долгий срок я не могу ее бросить одну.

Нельсон легонько шлепнул Тейта по ноге вожжами, потом передал их ему.

– Я знал, что ты примешь правильное решение. Пойду скажу Эдди и Джеку. – Он поспешил в дом.

– Отец. (Нельсон остановился и обернулся.) Спасибо тебе, – сказал Тейт.

Нельсон махнул рукой:

– Займись лошадьми.

Тейт шагом направил коня к конюшне, ведя под уздцы лошадь отца. Соскочив, он принялся чистить коней, чему был обучен с раннего детства.

Но не прошло и нескольких минут, как он опустил руки и уставился перед собой.

В тот вечер ему так нужны были ее нежность и сострадание. Ему хотелось верить, что это был искренний порыв. Ради их семьи, ради Мэнди он молил, чтобы перемены в Кэрол были не временными.

Об этом можно будет судить только позднее, отец прав. Думать сейчас, что Кэрол изменилась, – это выдавать желаемое за действительное. Всем своим прошлым поведением она доказала, что она неверная и ненадежная жена. Он не имеет права доверять ей, иначе все, и прежде всего он сам, будут считать его болваном.

– Будь оно все проклято!

– После этого отправим его на юго-восток выступить перед студентами Техасского технологического института. – Пока Джек расписывал невестке план предстоящей поездки Тейта, ему пришла в голову свежая мысль. – Слушай-ка, Тейт, в том районе полно фермеров, выращивающих хлопок. Почему бы Эдди не организовать для тебя встречу с каким-нибудь кооперативом или еще что-нибудь в этом духе?

– Если он этого еще не сделал, то наверняка сделает. Я, во всяком случае, готов.

– Я ему скажу.

Эйвери с кровати наблюдала за братьями. Сходство было достаточно явным, чтобы отнести их к кровной родне, но в то же время они были и очень непохожи.

Джек на три с лишним года старше. Волосы у него темнее и на макушке уже начали редеть. Не то чтобы у него намечалось брюшко, но Тейт явно в лучшей форме.

Из них двоих Тейт был намного красивее. Ничего отталкивающего в лице Джека, впрочем, заметить было нельзя, но оно было исключительно заурядным. И очевидно, огрубело с возрастом. Тейту это не грозило.

– Извини, что мы увозим его от тебя так надолго. – От нее не укрылось, что Джек всегда говорит с ней, не глядя в лицо. Он как бы обращается к какой-то другой части тела – груди, руке, гипсовой повязке на ноге. – Мы бы не стали этого делать, если бы это не было так важно для выборов.

Зажав в пальцах толстый карандаш, она нацарапала в блокноте: «О'кей». Джек вытянул голову, прочитал слово, вяло улыбнулся и вежливо кивнул. Между Джеком и Кэрол явно существовали какие-то тайные и неприятные отношения. Интересно, в чем тут дело, подумала Эйвери.

– Тейт говорит, у тебя сегодня получилось произнести несколько слов, – сказал он. – Когда ты опять научишься говорить, вот уж мы все тебя послушаем.

Эйвери знала, что Тейту придется не по вкусу то, о чем она должна ему сказать. Он захочет знать, почему она ни разу не написала в блокноте своего настоящего имени и продолжала держать его в тайне даже после того, как обрела достаточную координацию, чтобы общаться с помощью карандаша и бумаги.

Она и сама хотела бы это знать.

От волнения на глаза у нее навернулись слезы. Джек немедленно поднялся и направился к двери.

– Что ж, уже поздно, а мне еще ехать. Счастливо, Кэрол. Тейт, ты идешь?

– Пока нет, но я провожу тебя до холла. – Пообещав вернуться через несколько минут, он вышел из палаты вслед за братом.

– Мне кажется, разговоры о твоей поездке ее расстроили, – заметил Джек.

– В последние дни она стала особенно чувствительна.

– Казалось бы, должна радоваться, что начинает опять говорить, разве не так?

– Наверное, когда пытаешься говорить и чувствуешь, что не получается, радости мало. – Тейт подошел к темной стеклянной двери и открыл ее.

– Гм, Тейт, тебе ничто не показалось странным в том, как она пишет?

– Странным?

Он посторонился, давая пройти двум медсестрам, за которыми следовал мужчина с букетом оранжевых хризантем. Джек уже сделал шаг на крыльцо, но придержал за собой дверь.

– Кэрол ведь, по-моему, правша?

– Да.

– Тогда почему она пишет левой рукой? – Джек передернул плечами. – Мне просто показалось это немного странным. – Он опустил руку, и дверь стала плавно закрываться. – Пока, Тейт.

– Езжай осторожно.

Тейт стоял, глядя вслед брату, пока к нему не подошла медсестра, вопросительно заглядывая в лицо. Повернувшись, он медленно двинулся назад в палату.

Пока Тейта не было в комнате, Эйвери размышляла о том, как он примерно неделю назад изменился. Она почувствовала разницу в его отношении к себе. Он по-прежнему регулярно ее навещал, но уже далеко не каждый день. Поначалу она отнесла это на счет набравшей силу избирательной кампании.

Как и прежде, он всякий раз приносил ей цветы и свежие журналы. Теперь, когда она могла есть твердую пищу, он привозил ей разные лакомства, чтобы разнообразить пускай превосходную, но все же однообразную больничную еду. Он заказал ей в палату видеомэгафон и принес для развлечения несколько кассет с фильмами. Но он все чаще замыкался в себе и мрачнел и все более осторожно выбирал слова. И он больше у нее не засиживался.

По мере того как лицо Кэрол обретало свой нормальный вид, Тейт все больше отдалялся.

Он перестал приводить к ней Мэнди. Она как-то нацарапала печатными буквами в блокноте имя Мэнди и поставила вопросительный знак, но он лишь дернул плечами.

– Мне показалось, эти визиты приносят ей больше вреда, чем пользы. Когда выпишешься домой, у тебя будет масса времени для общения с ней.

Эти резкие слова глубоко ранили ее. В ее однообразном существовании встречи с Мэнди стали важными событиями. С другой стороны, может быть, и к лучшему, что он их прекратил. Она начинала все сильнее привязываться к девочке и всеми силами хотела помочь ей преодолеть кризис. А поскольку у нее все равно не будет такой возможности, то лучше разом оборвать все эмоциональные нити, которые стали их связывать.

Ее отношение к Тейту носило более сложный характер. С этим будет не так просто, когда из его жизни она вернется обратно в свою.

Что ж, во всяком случае она вернется не с пустыми руками – у нее будет набросок материала, показывающего изнутри увлекательные подробности жизни кандидата на пост сенатора США, которого кто-то хочет убить.

Эйвери одолевало профессиональное любопытство. Что было не так в семейной жизни Ратледжей? Почему Кэрол хотела смерти мужа? Прежде чем сделать окончательный вывод, она должна перебрать все

варианты. И когда она поведаст миру правду, то ее репутация честного журналиста будет восстановлена.

Все же при мысли о том, чтобы растрезвонить всему свету о закулисных подробностях жизни Тейта Ратледжа, у нее во рту появлялся неприятный привкус. Сейчас проблемы Тейта Ратледжа были в равной степени и ее проблемами. Она никого об этом не просила, ей их навязали, но игнорировать их она не могла. По причине, которой она не находила объяснения, она чувствовала себя обязанной испустить вину Кэрол перед Тейтом.

В тот единственный раз, когда она, охваченная состраданием, прикоснулась к нему, он откровенно отверг ее, но Эйвери понимала, что отчуждение между Тейтом и Кэрол выходит далеко за рамки обычной семейной ссоры. Это была настоящая пропасть. Он обращался с ней, как с диким зверем, посаженным в клетку. Он выполнял все ее желания, но не забывал соблюдать дистанцию. Он ей не доверял.

Насколько Эйвери успела узнать, это недоверие имело под собой весьма серьезное основание. Кэрол и еще кто-то задумали убить Тейта. И больше всего ее теперь мучили вопросы: как и почему?

Вернулся Тейт, и она на время забыла о своих тревогах. Однако, когда он приблизился к ее инвалидному креслу, улыбка сползла с ее лица. Он был угрюм.

– Почему ты пишешь левой рукой?

Эйвери похолодела. Вот он, момент истины. Она-то надеялась, что выберет его сама, но жизнь, как всегда, вносит свои коррективы. Как глупо с ее стороны допустить такой промах! Ведь даже идиоту ясно, что Кэрол скорее всего была правша.

Она с мольбой взглянула на него и попыталась произнести его имя.

Господи, помоги мне, молила она, сжимая в левой руке карандаш. Как только она назовет ему свое настоящее имя, она должна будет предупредить его о грозящей ему опасности. Единственное, что она знала о сроках готовящегося покушения, – что оно должно быть осуществлено до того, как он станет сенатором. Это значит, оно может случиться завтра и даже сегодня. А может не произойти и до ноября. Главное, предупредить его она должна немедленно.

Кого из членов семьи она может подозревать? Она не могла открыться ему сразу после того, как научилась держать в руке карандаш, потому что у нее не было достаточно фактов. Она самонадеянно ждала, что вот-вот получит новые доказательства.

Поверит ли он ей, когда она изложит ему то, что знает?

Почему, собственно, он должен ей верить?

Да станет ли он вообще слушать женщину, которая почти два месяца выдавала себя за его жену? В его глазах она будет просто бессовестной авантюристкой, и это будет весьма близко к правде, если отбросить ее искреннее беспокойство о благополучии его и Мэнди.

Она начала неуверенными пальцами водить карандашом по бумаге. Написала букву «б». Рука так дрожала, что она уронила карандаш. Он скатился по ее бедру и застрял где-то сбоку в щели кресла.

Тейт стал его доставать, сильными пальцами касаясь ее бедра. Он вложил карандаш ей в руку и нацелил его на страницу блокнота.

– Что – «б»?

Она подняла на него жалобный взгляд, умоляя о прощении. После этого она дописала слово и повернула блокнот так, чтобы он мог прочитать.

– «Больно», – прочел он вслух. – Тебе больно писать правой рукой?

Эйвери виновато закивала.

– Очень больно, – прохрипела она и подняла правую руку, где кожа была еще слишком чувствительна.

Она твердила себе, что это ложь во спасение. Нельзя говорить ему правду, пока она не в состоянии объяснить всех подробностей. Каракули на бумаге, несколько ключевых слов – от этого он только придет в ярость и беспокойство. А в таком состоянии он ни в коем случае не поверит ей, что его собираются убить.

Он тихо рассмеялся.

– Ты посрамила Джека. Удивляюсь, как я сам этого не заметил. Наверное, у меня в голове слишком много всего, чтобы обращать внимание на эти мелочи. – Сомкнув руки на поясице, он с наслаждением потянулся. – Ну что ж, мне тоже пора ехать. Уже поздно, а дорога неблизкая. Насколько я понимаю, завтра тебе снимут гипс. Отлично. Ты сможешь двигаться.

Глаза Эйвери заволокло слезами. Этот человек, при всей его доброте, возненавидит ее, стоит ей открыть ему правду. За время ее болезни он невольно стал для нее центром бытия. Понимал он это или нет, но он был ее единственной опорой.

Теперь она должна отплатить ему за его доброту и сообщить три ужасные вещи: его жена погибла; ее место занимает тележурналистка, посвященная теперь во все подробности его частной жизни; и существует кто-то, кто собирается его убить.

Ее слезы вызвали у него не столько жалость, сколько раздражение. Он в нетерпении отвел глаза и вдруг заметил пачку газет на подоконнике. Их принесли сюда по ее просьбе. Это все были старые номера с отчетами об авиакатастрофе. Тейт показал на них рукой.

– Не понимаю, о чем ты плачешь, Кэрол, – сорвался он. – Ты прекрасно выглядишь. Господи, ты ведь могла вообще не выжить. И Мэнди тоже. Как ты не можешь понять, что тебе чертовски повезло? – Он сделал глубокий вдох и усилием воли взял себя в руки. – Прости. Я не хотел тебя обидеть. Я понимаю, сколько тебе пришлось пережить. Но все могло быть гораздо хуже. Для тебя и всех нас. – Он натянул куртку. – Пока.

С этим он и ушел.

Эйвери долго смотрела ему вслед. Вошла сестра и стала готовить ее ко сну. Она поднялась с кресла и пошла на костылях, но это пока удавалось ей с трудом. Ей было больно опираться на костыли руками. К тому времени, как она улеглась и сестра вышла, она совершенно выбилась из сил.

Не меньше физической была и моральная усталость, но уснуть Эйвери не могла. Она пыталась представить себе, каким станет лицо Тейта, когда он узнает правду. Это будет для него суровое испытание, причем как раз в то время, когда он наиболее уязвим.

Когда в ее сознании мелькнуло это слово – «уязвим», ее внезапно пронзила другая мысль. Как только она назовет себя, она станет не менее уязвимой. Она тоже станет мишенью для того, кто готовит покушение на Тейта Ратледжа.

Как это ей раньше не пришло в голову? Когда выяснится, что под именем Кэрол Ратледж все это время скрывалась тележурналистка Эйвери Дэниелз, злоумышленник поймет, что допустил роковую ошибку, и будет вынужден что-то предпринять. Она станет такой же

потенциальной жертвой, как и Тейт. Судя по холодной решимости, которую она слышала в его голосе, он не станет колебаться.

Она села на постели и стала вглядываться в тени, блуждающие по комнате, словно ожидая, что безвестный и безымянный враг прямо сейчас накинется на нее. В ушах гулко отдавались удары сердца.

Господи, что ей делать? Как защитить себя? Как защитить Тейта? Если бы она и вправду была Кэрол, она бы...

Не успев сформулировать мысль, она стала искать возражения. Это невозможно. Тейт разоблачит ее. И злоумышленник тоже.

Но если она продержится в этой роли до тех пор, пока не узнает, кто этот тайный его враг, она сможет спасти ему жизнь.

И все же начать жить жизнью другой женщины казалось невыносимым. А как же ее собственная жизнь? Формально Эйвери Дэниелз больше нет. Никто ее не хватится. У нее не осталось ни мужа, ни детей, ни родных. Карьера и без того рухнула. Одной только ошибки, одного неверного вывода хватило, чтобы в глазах всех она стала неудачницей. Она не только не сумела стать достойной своего отца, она даже его безупречной репутации умудрилась навредить. Работать на студии «Кей-Текс» в Сан-Антонио равносильно приговору к годам тяжелого труда. Хотя у студии была достаточно приличная репутация, а сама она была по гроб благодарна Айришу за то, что он дал ей хоть какое-то место, в то время как никто не желал даже давать ей интервью, все равно работа здесь была равносильна сибирской ссылке. Она оказалась изолированной от репортерских кругов, с которыми действительно считались в обществе. После работы на кабельном телевидении и корреспондентом в Вашингтоне студия «Кей-Текс», конечно, была падением.

Но как раз сейчас ей в руки идет сенсация. Если она станет миссис Тейт Ратледж, она сможет проследить и описать предвыборную кампанию и покушение изнутри. Она будет не просто автором материала, она будет его участницей.

Что могло бы быть лучше для возвращения в высший эшелон журналистской иерархии? Кто из журналистов мог похвастать такой уникальной возможностью? Она могла бы назвать десятки коллег, кто отдал бы за это правую руку.

Она кисло улыбнулась. Ей не понадобилось жертвовать правой рукой, но она уже пожертвовала своим лицом, именем и

индивидуальностью. Спасти человеку жизнь и получить гигантский толчок в карьере будет вполне адекватной компенсацией за такую несправедливость. И когда наконец всплывет правда, никто не сможет ее в чем-то упрекнуть. Она не искала этой возможности, ей ее навязали. И Тейта она тоже не собирается эксплуатировать. Выше своей карьеры она ставила возможность оградить его от грозящей опасности, спасти его жизнь, которая стала ей так дорога.

Конечно, риск будет огромен, но журналисты всегда рискуют головой в погоне за материалом. Ее отец каждодневно рисковал жизнью. Его мужество было отмечено Пуллитцеровской премией. Если он во имя своих репортажей был готов отдать жизнь, то почему она должна требовать от себя меньшего?

Однако она понимала, что такое решение надо принимать по зрелом размышлении. Ей следует подойти к этому вопросу прагматически, а не эмоционально. Она возьмет на себя роль жены Тейта, а следовательно, окажется в кругу ее знакомств и интересов. Она станет жить с его родными, под непрестанным оком людей, которые близко знают Кэрл.

Огромность этого риска пугала, но тем труднее было устоять перед искушением. Последствия могут быть самыми неожиданными, но и награда – соответствующей.

Она будет допускать тысячи оплошностей – вроде этой левой руки. Но она всегда отличалась находчивостью. Она сумеет объяснить свои ошибки.

А вдруг сработает? Сможет ли она справиться? И хватит ли у нее духа?

Она откинула одеяло, оперлась на костыли и пошла в ванную. В ослепительном свете люминесцентной лампы она принялась разглядывать отражение, глядящее на нее из зеркала, и сравнивать его с фотографией Кэрл, которая висела на стене – видимо, для поднятия духа.

Кожа была как новая, розовая и гладкая, как детская попка, – в точности как обещал доктор Соьер. Растянув рот, она стала изучать вставные зубы, которые были сделаны по образу и подобию зубов Кэрл Ратледж. Провела рукой по коротким темным волосам. Шрамы были совсем незаметны, если только не смотреть вплотную. Со временем не останется никаких следов.

Она не позволила себе горевать, хотя чувствовала тоску по своему
прежнему облику. Теперь ее судьба – вот это зеркальное отражение. Ей
сделали новое лицо. Оно станет для нее пропуском в новую жизнь.

С завтрашнего дня она станет Кэрол Ратледж.

Эйвери Дэниелз больше нечего было терять.

Сестра окинула ее беглым взглядом и явно осталась довольна.

– У вас прекрасные волосы, миссис Ратледж.

– Спасибо, – горько улыбнулась Эйвери. – Только что от них осталось!

За те семь дней, что Тейт был в отъезде, у нее полностью восстановился голос. Тейт мог появиться в любую минуту, и она немного нервничала.

– Нет, я именно имела в виду их длину, – сказала сестра. – Мало кому идет такая короткая стрижка. Вы выглядите просто потрясающе.

Эйвери взглянула в зеркальце, потрогала колочую челку на лбу и с сомнением произнесла:

– Будем надеяться.

Она сидела в кресле. Больная нога была водружена на табурет. Рядом с креслом стояла трость. Руки спокойно лежали на коленях.

После недельного отсутствия Тейта медсестры волновались перед его предстоящим визитом не меньше ее. Они хлопотали над ней, как над невестой в день свадьбы.

– Он здесь, – многозначительным шепотом объявила одна из них, заглянув в дверь.

Та, что была рядом с Эйвери, сжала ей плечо:

– Вы прекрасно выглядите. Он просто в обморок упадет.

Он, конечно, не упал, но был удивлен. Она заметила, как распахнулись его глаза, когда он увидел ее сидящей в кресле в уличном костюме – костюме Кэрол, который ей за несколько дней до этого привезла Зи.

– Привет, Тейт.

При звуке ее голоса он удивился еще больше.

Сердце ее подпрыгнуло. Он догадался!

Неужели она опять допустила промах? Может быть, Кэрол обращалась к нему по-другому? Может, было какое-то ласкательное имя, которое могла знать только она? Она задержала дыхание и приготовилась к тому, что он ткнет в нее пальцем и крикнет: «Лживая самозванка!»

Вместо того он неловко покашлял и поздоровался в ответ:

– Привет, Кэрол.

Она стала потихоньку выдыхать через ноздри долго удерживаемый воздух, боясь показать свое облегчение. Он прошел в комнату и с отсутствующим видом положил букет и сверток на тумбочку.

– Ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо.

– И ты уже, оказывается, можешь говорить, – добавил он с неловким смешком.

– Да. Наконец-то.

– Голос у тебя стал какой-то другой.

– Но нас ведь предупреждали, что такое может случиться, помнишь? – быстро ответила она.

– Да, только я не ожидал, что... – Он провел ладонью себе поперек шеи. – Эта охриплость...

– Со временем, наверное, пройдет.

– Мне она даже нравится.

Он не мог глаз от нее отвести. Если бы их отношения были такими, какими они должны были быть, он, наверное, стоял бы сейчас перед ней на коленях, ощупывая кончиками пальцев ее новое лицо, как делают слепые, восхищался гладкой кожей и говорил о любви. К ее разочарованию, он продолжал держать почтительную дистанцию.

Как обычно, он был в джинсах. Они были отутюжены, но ткань была достаточно поношенная, чтобы мягко облегать его тело. Эйвери не хотела оказаться во власти женского любопытства, поэтому старательно смотрела выше пояса.

Эта часть его тела тоже была весьма привлекательна. Она смотрела на него, не отрываясь. Потом нервным движением поднесла руку к груди.

– Ты так смотришь... – нарочно сказала она.

Он на мгновение опустил голову, но тут же снова поднял.

– Прости. Наверное, я правда не ожидал, что ты будешь выглядеть как раньше. Но это... это так и есть. Вот только волосы...

Она обрадовалась, что ее военная хитрость сработала.

– Тебе не холодно?

– Что? Холодно? А, нет. – Она отчаянно искала что-нибудь, что могло бы его отвлечь. – А это что такое? – Она кивнула на сверток, который он принес.

– Это твои драгоценности.

– Драгоценности? – Мыльный пузырь радостного возбуждения лопнул. Она судорожно сглотнула.

– Украшения, которые были на тебе в день катастрофы. Сегодня мне в офис позвонили из госпиталя и напомнили про них. Я заскочил туда по дороге. Все время забывал. – Он протянул ей конверт.

Эйвери посмотрела на него так, будто в конверте притаилась ядовитая змея и даже трогать его опасно. Однако, не найдя подходящего предлога отказаться, она взяла конверт в руки.

– Я не успел проверить содержимое, – продолжал он, – но, может быть, ты сама сейчас посмотришь?

Она положила сверток на колени.

– Потом.

– Я подумал, ты захочешь получить свои вещи назад.

– Да, конечно. Только сейчас не самое подходящее время надевать украшения. – Она сложила пальцы в кулак и потом разогнула их. – Пальцы уже гнутся, но еще побаливают. Боюсь, что мне сейчас кольца не надеть.

– Особенно обручальное, не так ли?

Резкость его слов ошеломила. Она заметила, что он тоже не носит обручального кольца, и хотела было указать ему на это, но прикусила губу. Если Кэрол по какой-то неблагоприятной причине не носила обручальное кольцо, тем более ей лучше обойти этот момент. По крайней мере, пока.

Тейт присел на край постели. Напряженное молчание стало затягиваться. Эйвери первой нарушила его:

– Поездка прошла удачно?

– Да, все было отлично. Но я устал, как черт.

– Я почти каждый вечер видела тебя по телевизору. Аудитория, кажется, была в восторге.

– Да, мы все довольны приемом.

– Политобозреватели в один голос предсказывают тебе легкую победу на предварительных выборах.

– Я тоже надеюсь.

Снова воцарилось молчание. Оба прилагали усилия, чтобы не смотреть на собеседника в упор.

– А как Мэнди?

Он пожал плечами.

– Все в порядке. (Эйвери с сомнением нахмурилась.) Ну хорошо, будем говорить, не совсем в порядке. – Он встал и принялся мерить комнату шагами. – Мама говорит, девочку мучат ночные кошмары. Она почти каждую ночь просыпается с криком, иногда даже и днем. Ходит по дому как маленькое привидение. – Он вытянул вперед руки, как будто пытаюсь что-то достать, потом сомкнул их в кольцо. – Она как будто не в себе, понимаешь? Будто заперлась и никого не подпускает – ни меня, ни психолога.

– Я просила Зи привести ее сюда. Она говорит, ты не велел.

– Это правда.

– Но почему?

– Я подумал, не стоит ей приходить сюда без меня.

Она решила не настаивать. Он все равно найдет, что ей возразить.

– Я скучаю без нее. Ну, ничего, скоро я буду дома, тогда ей станет лучше.

Он не скрывал своего сомнения:

– Вероятно.

– Она никогда ко мне не просится?

– Нет.

Эйвери опустила глаза:

– Ясно.

– Слушай, Кэрол, чего ты ожидала? Что посеешь, то и пожнешь.

На мгновение их взгляды скрестились, затем она закрыла лицо рукой. На глаза навернулись слезы. Она плакала о ребенке, который недополучил материнской любви. Бедняжка Мэнди. Эйвери знала, что значит не получать от родителей должного внимания. Поэтому она и притворилась ее матерью, вместо того чтобы сразу сказать ребенку, что ее мамы больше нет.

– О, черт, – проворчал Тейт. Он пересек комнату и, легко положив руку ей на голову, мягко провел по волосам. – Извини. Я не хотел тебя расстроить. Мэнди поправится, обязательно поправится. – Подумав, он добавил: – Пожалуй, я пойду.

– Нет! – Она вскинула голову. В глазах все еще стояли слезы. – Не уходи.

– Но мне пора.

– Пожалуйста, останься еще немного.

– Я очень устал с дороги. Из меня сейчас плохой собеседник.

– Неважно.

Он покачал головой.

Героическим усилием она скрыла свое огромное разочарование:

– Тогда я тебя провожу.

Она взяла трость и, опираясь на нее, встала. Но вспотевшая от волнения рука соскользнула, и она потеряла равновесие.

– Господи, осторожнее.

Тейт обхватил ее рукой. Конверт упал у нее с колен, но никто не придал этому значения. Его рука обнимала ее за спину, а пальцы лежали на ребрах прямо под грудью.

Пока они шли к кровати, Эйвери держалась за него, вцепившись пальцами в куртку. Она втягивала в себя его запах – свежий запах улицы, душистый, но насквозь мужской, с привкусом лимона. В нее вливалась его сила, и она с жадностью пила ее, как эликсир жизни.

И тогда она призналась себе в том, в чем боялась признаться все дни, пока он был в отъезде. Ей хотелось остаться миссис Ратледж, чтобы быть рядом с Тейтом. Когда его не было, она была по-настоящему несчастна, зато при его появлении обрадовалась как девчонка.

Он аккуратно подвел ее к кровати и осторожно дотронулся до бедра больной ноги.

– Это был множественный перелом. Кость еще не так окрепла, как ты думаешь.

– Да, наверное.

– Мы правильно решили, что тебе лучше побыть здесь до предварительных выборов. Вся эта суета будет для тебя слишком тяжелой.

– Возможно. – Она ответила сдержанно. Когда Зи сообщила ей, что это решение было принято без ее участия, она почувствовала себя такой одинокой, словно с ней обошлись как с неудачным ребенком, которого приходится стыдиться и прятать от чужих глаз. – Я очень хочу домой, Тейт.

Их головы были сейчас совсем близко. Она видела свое отражение в его зрачках. Она ощущала его дыхание. Ей хотелось, чтобы он ее обнял. И она сама хотела его обнять.

«Прикоснись ко мне, Тейт. Обними меня. Поцелуй меня», – неслось у нее в голове, но она молчала. Ей показалось, что он подумал о том же. Потом он отстранился.

– Я пошел, – сказал он решительно. – Отдыхай.

Она взяла его руку и изо всех сил сжала.

– Спасибо тебе.

– За что?

– За... за цветы... за то, что довел меня до постели.

– Не стоит, – ответил он небрежно, высвобождая руку.

Она застонала:

– Почему ты не принимаешь моей благодарности?

– Не прикидывайся дурочкой, Кэрол, – раздраженно зашептал он. – Твоя благодарность для меня ничто, и ты знаешь почему. – Он вежливо попрощался и ушел.

Эйвери чувствовала себя уничтоженной. Она столько ждала от их новой встречи. Ее мечты, однако, не имели ничего общего с грубой действительностью. Но чего еще ожидать от мужа, который явно не испытывает к своей жене никаких теплых чувств?

Что ж, по крайней мере, он не изобличил ее во лжи. Если говорить о профессиональной стороне дела, ее положение было по-прежнему прочным.

Вернувшись в кресло, она подняла с пола конверт, вскрыла его и высыпала содержимое на колени. Часы уже не шли – кварцевый кристалл был поврежден. Одна золотая сережка отсутствовала, но горевать об этом не стоило. Самой главной вещи на месте не было. Где медальон?

И тут она вспомнила. Когда произошла катастрофа, медальон был не у нее. Она дала его посмотреть Кэрол Ратледж.

Эйвери откинулась на спинку кресла, мысленно оплакивая потерю драгоценной памятной вещицы, но тут же выпрямилась опять. Поплачет потом. Сейчас надо действовать.

Спустя несколько минут она стояла перед дежурной сестрой, сидевшей за пультом компьютера.

– Добрый вечер, миссис Ратледж. Как прошло свидание с супругом?

– Все отлично, благодарю вас. – Она протянула сестре конверт. – Я хочу попросить вас об одном одолжении. Не могли бы вы завтра же отправить вот это? (Сестра прочла написанный печатными буквами адрес.) Пожалуйста, – настойчиво повторила Эйвери.

– Охотно для вас это сделаю, – ответила сестра, хотя было видно, что она удивлена. – Отправлю с утренней почтой.

– И я бы просила вас никому об этом не говорить. Мой муж и без того считает, что я стала чересчур сентиментальна.

– Хорошо.

Эйвери вынула несколько купюр, отложенных из денег, которые Тейт оставил ей перед отъездом.

– Думаю, этого хватит. Спасибо.

Еще один мост был сожжен. Она вернулась в комнату, выделенную миссис Кэрол Ратледж.

В одних носках Айриш Маккейб прошлепал на кухню за очередной банкой пива. Открыв ее и отхлебнув хмельной пены, он стал изучать содержимое холодильника. Однако, не обнаружив ничего существенного, решил ограничиться на ужин пивом.

Возвращаясь в гостиную, он взял со стола почту, которую бросил туда, когда вернулся с работы. Одним глазом наблюдая за телевизионным шоу, он принялся разбирать корреспонденцию, не глядя выбрасывая рекламные проспекты и откладывая в сторону счета.

– Гмм. – Он нахмурил брови. На плотном конверте не было обратного адреса, но марка была местная. Он вскрыл его и высыпал содержимое на колени.

У него перехватило дыхание, и он отпрянул, как будто на него свалилась какая-то пакость. Он уставился на покореженные украшения, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось.

Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился и протянул руку к разбитым часикам. Он сразу узнал часы Эйвери. Осторожно взяв их в руку, он стал осматривать сережку, которая была на Эйвери, когда они виделись в последний раз.

Он стремительно поднялся и бросился в другой конец комнаты к письменному столу, которым редко пользовался по назначению, но зато складывал туда всякую всячину. Выдвинув средний ящик, он достал конверт, который ему вручили в морге в тот день, когда он ходил на опознание. «Здесь ее вещи», – сказал ему сочувственно судмедэксперт.

Он вспомнил, что тогда сунул в конверт медальон, даже не заглянув внутрь. До сих пор он не нашел в себе сил открыть этот сверток и прикоснуться к ее вещам. Он был довольно суеверен. Для него трогать руками то, к чему прикасалась Эйвери перед самой смертью, было все равно что копать в ее могиле.

Ему пришлось все вывезти из ее квартиры, потому что на этом настаивала хозяйка. Он не оставил себе ничего, за исключением нескольких фотографий. Вся одежду и другое имущество он раздал на благотворительные цели.

Единственное, что он считал необходимым хранить, был ее медальон, по которому она и была опознана. Она получила его в подарок от отца, еще когда была ребенком, и с тех пор никогда не снимала.

Он открыл конверт, который столько времени пролежал в столе, и высыпал то, что в нем было, на стол. Помимо медальона, там лежали бриллиантовые серьги, часы с золотым браслетом, два узких браслета изящной работы и три кольца, причем два были стандартным свадебным комплектом. Третье кольцо было с бриллиантами и сапфирами. Цена этих вещей во много раз превышала цены всех драгоценностей Эйвери, но для Айриша Маккейба они не стоили ровным счетом ничего.

Было ясно, что эти вещи принадлежали другой женщине, погибшей в катастрофе, а может быть, и оставшейся в живых. Может, кто-то оплакивает их пропажу?

Ему надо будет навести справки и переслать украшения законной владелице. Сейчас же он думал только о вещах Эйвери – часиках и сережке, которые получил сегодня по почте. Кто их послал? Почему именно сейчас? И где они пролежали столько времени?

Он внимательно рассмотрел конверт, надеясь обнаружить хоть какой-то намек на отправителя. Ничего. Не похоже, чтобы его прислали из какой-нибудь конторы. Печатные буквы на конверте написаны неумелой, почти детской рукой.

– Что за черт? – спросил он вслух.

Казалось, к этому моменту боль утраты должна была уже понемногу утихнуть, но он этого не чувствовал. Он грузно опустился в кресло и затуманенным взором стал смотреть на медальон. Он потер его между указательным и большим пальцем, словно это был талисман, который мог чудесным образом ее воскресить.

Потом, попозже, он попытается разобраться, как получилось, что вещи Эйвери оказались перепутаны с вещами другой женщины. А пока он только хочет погрузиться в трясину своего горя и забыться.

– Не понимаю, почему нет.

– Я уже говорил тебе, почему.

– Что такого, если я поеду с тобой в Корпус-Кристи?

– Это деловая поездка. Я буду все время занят. Надо организовать для Тейта массу мероприятий.

Фэнси надула губы:

– Если бы ты действительно хотел, ты взял бы меня с собой.

Эдди Пэскел искоса бросил на нее взгляд:

– Вот видишь, ты сама себе и ответила.

Он погасил свет в штабе компании. Штаб располагался в торговом центре на месте бывшего зоомагазина. Арендная плата была совсем небольшой, и помещение находилось в центре города, куда можно было легко добраться из любого района. Пожалуй, единственным существенным недостатком был неистребимый запах животных, содержащихся в клетках.

– Почему ты так со мной обращаешься, Эдди? – заныла Фэнси, наблюдая, как он запирает дверь на засов.

– А почему ты мне надоедаешь?

Они прошли к его автомобилю, припаркованному на стоянке. Это был надежный в эксплуатации «форд»-седан, который она втайне ненавидела. Эдди отпер правую дверцу и помог ей сесть. Пролезая в машину, она нарочно прижалась к нему телом.

Он обогнул капот, и Фэнси заметила, что у него новая стрижка. Сзади волосы были сняты чересчур коротко. В списке того, что ей надлежало исправить в Эдди, первую строчку занимал его автомобиль. На второе место следует поставить его парикмахера.

Он включил зажигание. Автоматически заработал кондиционер, нагнетая в салон теплый и влажный воздух. Эдди наконец позволил себе изменить своей безукоризненной опрятности, ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки.

В представлении Фэнси, чтобы чувствовать себя удобно, этого было явно недостаточно. Свою блузку она расстегнула сверху донизу, после чего распахнула и вновь запахнула ее, так чтобы Эдди имел возможность увидеть ее грудь, если бы захотел. Пока, увы, этого за ним не наблюдалось. Он сосредоточенно проехал перекресток и направил машину к выезду на шоссе.

– Ты что, «голубой» или что? – спросила она грубо.

Он рассмеялся:

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, если бы я позволяла другим парням хотя бы половину того, что позволяю тебе, я бы всю свою жизнь провела на спине.

– Если тебя послушать, ты все равно именно так ее и проводишь. – Он посмотрел на нее. – Или это треп?

Глаза Фэнси вспыхнули гневом, но она взяла себя в руки. Мягкими кошачьими движениями она свернулась на сиденье и коварно спросила:

– Почему бы вам не проверить это на собственном опыте, мистер Пэскел?

Он покачал головой:

– Фэнси, ты неисправима, ты знаешь об этом?

– Конечно, – сказала она беспечно, запуская пальцы в густые белокурые локоны. – Мне все это говорят. – Она нагнулась к отдушине кондиционера, откуда теперь шел прохладный воздух. Подняв волосы с шеи, она подставила ее под струю. – Ну, так что ты?

– Что – я?

– «Голубой»?

– Нет.

Она выпрямилась и придвинулась к нему. Руки она по-прежнему держала на шее, отчего груди сильнее выдавались вперед. От холодного воздуха соски затвердели и уперлись в ткань рубашки.

– Тогда как тебе удастся устоять передо мной?

Они миновали оживленный участок шоссе и теперь ехали свободно, направляясь в сторону ранчо. Эдди медленно обвел ее взглядом, не упустив ни одной соблазнительной детали. Она с удовлетворением смотрела, как ходит вверх-вниз его кадык.

– Ты красивая девочка, Фэнси. – Его глаза ненадолго задержались на ее груди, особенно на темных пятнах сосков, просвечивающих сквозь блузку. – Красивая женщина.

Она медленно опустила руки, и волосы рассыпались по плечам.

– Ну, и что дальше?

– А дальше то, что ты племянница моего лучшего друга.

– И что?

– Следовательно, ты неприкосновенна.

– Ах-ах, какая чистота! Какая порядочность! – воскликнула она. – Я знаю, кто ты, Эдди, ты – викторианец. Это атавизм. Ханжество.

Просто смешно.

– Боюсь, что твоему дяде Тейту было бы не до смеха. Не говоря уже о дедушке и отце. Стоит мне тронуть тебя пальцем, как кто-нибудь из них, а скорее все трое явятся по мою душу с охотничьим ружьем.

Перегнувшись, она провела пальцем по его бедру и прошептала:

– А ты не думаешь, что это было бы интересно?

Он убрал ее руку.

– Когда мишенью служишь ты, это уже не так занятно.

Она откинулась на спинку сиденья в явном раздражении и стала смотреть в окно. Сегодня утром она намеренно оставила машину дома и поехала в Сан-Антонио с отцом, чтобы вечером возвращаться вместе с Эдди. Она уже несколько месяцев делала ему прозрачные намеки, но все впустую. А поскольку она никогда не отличалась долготерпением, то решила утроить натиск.

Бак, коридорный в мотеле, продержался не больше месяца. Он быстро начал проявлять собственнические замашки и ревновать. Тогда в ее постели оказался парень, приходивший опрыскивать дом от тараканов. Роман продолжался до тех пор, пока она не узнала, что он женат. Ее не так волновало его семейное положение, как неистребимое самобичевание, которому он предавался после близости. Его раскаяние все портило. Она перестала получать удовольствие от секса.

После дезинсектора у нее сменилось несколько партнеров, но таким образом она только занимала время, дожидаясь, пока Эдди сдастся. Теперь она чувствовала, что ожидание начинает ее утомлять.

На самом деле ей все надоело. За последние три месяца она стала раздражительной и сварливой. Временами она даже завидовала тете Кэрол, которой уделялось сейчас столько внимания.

В самом деле: пока она просиживает бесконечные часы в шуме и вони в штабе кампании, начиня конверты разными бумажками и отвечая на бесчисленные телефонные звонки, вынужденная изо дня в день общаться с людьми, которые готовы работать за десять долларов в неделю, перед Кэрол стелется персонал целой шикарной частной клиники.

Еще один источник раздражения крылся в Мэнди. И без того избалованная донельзя девчонка теперь стала просто невыносима. Не далее как на прошлой неделе Фэнси крепко досталось от бабушки за

то, что она позволила себе отчитать девчонку, съевшую все шоколадное печенье.

С точки зрения Фэнси, девчонка была не в себе. Глаза у нее стали пустые и безжизненные, как у привидения. Она превратилась в лунатика, а все только и делают, что облизывают ее со всех сторон.

В последний раз, когда Фэнси оштрафовали за превышение скорости, отец пришел в такую ярость, что пригрозил отобрать у нее машину. И еще предупредил, что штраф ей придется заплатить самой – из тех денег, что она зарабатывает. Конечно, это все пустые угрозы, но его вопли действуют на нервы.

Больше всего ее удивляла вся эта шумиха вокруг предварительных выборов. Можно подумать, что дядя Тейт собирается баллотироваться в президенты, так все кудахчут. На предварительных выборах он победил с большим отрывом, что ее совершенно не удивило. Она не понимала, зачем надо было платить такие деньги какому-то политологу за прогноз, тогда как она давно могла сказать ему то же самое, и притом бесплатно. Улыбка ее дядюшки сводит женщин с ума. И неважно, о чем он говорит в публичных выступлениях; женщины пойдут голосовать за него только за его внешность. Но кого интересует ее мнение? Никого. Никого и никогда.

Ну, ничего, сейчас, кажется, дело пойдет. Теперь, когда первый этап голосования позади, Эдди будет не так занят. У него будет время подумать и о ней. Когда она замыслила его охмурить, то рассчитывала на быстрое оболъщение. Теперь у нее появились сомнения. Уж больно тонко он увиливал от всех посягательств. Насколько она могла судить, он пока вовсе и не думал сдаваться.

Она повернулась к нему. Внешне, по крайней мере, он спокоен как слон. Она для него представляет не больше интереса, чем какая-нибудь дурнушка. Может быть, пора забыть осторожность и перестать ходить вокруг да около?

– Как насчет потрахаться?

Нарочито небрежным движением Эдди положил руку на спинку сиденья.

– Ну, если хорошенько подумать, то сейчас самое время.

Ее обдало жаром, и она стиснула зубы.

– Не смей со мной разговаривать таким тоном, сукин ты сын!

– А ты перестань кидаться на меня, как уличная девка. Твои похабные выражения на меня не действуют, как и вид твоей голой груди. Мне это не интересно, Фэнси, и твои детские штучки начинают мне надоедать.

– Все-таки ты гомик!

Он фыркнул:

– Можешь думать что угодно, если тебе от этого легче.

– Тогда, значит, у тебя кто-то есть, потому что мужчина без этого не может. – Она придвинулась к нему и вцепилась в рукав. – С кем ты спишь, Эдди, с кем-нибудь из штаба?

– Фэнси...

– С этой рыжей с тощим задом? Бьюсь об заклад! Я слышала, она разведена и, наверное, всегда готова. – Она крепче схватила его за рукав. – Зачем тебе трахаться с какой-то старухой, когда ты можешь это делать со мной?

Эдди остановил машину перед домом. Взяв за плечи, он как следует ее встряхнул:

– Затем, что я не сплю с малолетками, в особенности с такими, кто раздвигает ножки при виде каждого твердого члена.

Его гнев только усугубил ее желание. Ее возбуждала страсть в любом проявлении. С горящими глазами она опустила руку и нащупала то, что хотела. Губы растянулись в самодовольной улыбке.

– Эдди, дорогой! – прошептала она похотливо. – С твоим все в порядке.

Выругавшись, он оттолкнул ее и вылез из машины:

– Тебя это не касается, так и запомни.

Фэнси немного задержалась, дабы застегнуть блузку и привести себя в порядок, а потом проследовала за ним в дом. Пока что ничья. В постель она его, правда, не затащила, но ему этого явно хотелось. На какое-то время она может удовольствоваться и этим. Только не навсегда.

Когда она подошла к двери, ведущей в их крыло дома, показалась мать. Дороти-Рей шла прямо, но ее выдавали глаза. Она уже заглотнула несколько коктейлей.

– Привет, Фэнси.

– На несколько дней уезжаю в Корпус-Кристи, – объявила дочь. Если Эдди откажется ее взять, она поедет сама. Пусть это будет для

него сюрприз. – Завтра утром. Дай мне немного денег.

– Ты не можешь сейчас уехать.

Фэнси подбоченилась и сузила глаза. Это означало, что подчиняться она не намерена:

– Это еще почему?

– Нельсон велел всем быть здесь, – объяснила мать. – Завтра выписывают Кэрл.

– О черт! – ругнулась Фэнси. – Только этого мне не хватало.

Она увидела его отражение в зеркале. Эйвери сидела за туалетным столиком в своей комнате в клинике и, когда Тейт вошел, сначала заметила его в зеркало. Он тоже смотрел на нее. Так они продолжали смотреть друг на друга, пока она медленно не опустила пуховку на зеркальную поверхность стола, после чего повернулась на табурете и посмотрела ему в лицо.

Не сводя с нее глаз, он бросил на постель пальто и свертки с покупками. Эйвери сцепила руки и нервно засмеялась:

– Умираю от нетерпения.

– Ты сегодня очень красивая.

Она облизнула губы, уже подведенные помадой.

– Сегодня приходил местный косметолог и дал мне урок макияжа.

Я, правда, не новичок в этом деле, но я подумала, что что-то новенькое мне не повредит. К тому же консультация бесплатная. – Она опять неловко улыбнулась. На самом деле ей нужен был предлог, чтобы изменить манеру Кэрол краситься. С точки зрения Эйвери, она слишком увлекалась косметикой. – Я подкрасилась по-новому. Тебе нравится?

Она подняла лицо, давая ему возможность как следует его разглядеть. Хотя ему не хотелось подходить ближе, он не удержался. Слегка нагнувшись, он внимательно изучил ее поднятое лицо.

– Шрамов совсем не видно. Ни одного. Фантастика.

– Спасибо. – Она улыбнулась ему, как жена улыбается любящему мужу. С той только разницей, что Тейт не был ей мужем, тем более любящим.

Он выпрямился и отвернулся. Эйвери закрыла глаза, пытаясь скрыть досаду. Он не забывает старых обид, это она уже поняла. Кэрол сумела навсегда подорвать его доверие. Завоевать его снова будет непростой задачей.

– Ты уже привык к моему новому облику?

– Постепенно привыкаю.

– Ведь есть кое-какие перемены, – заметила она неуверенным тоном.

– Да, ты выглядишь моложе, – Он бросил на нее взгляд через плечо и тихо добавил: – И красивее.

Встав из-за столика, Эйвери подошла к нему. Она взяла его за руку и развернула лицом к себе.

– Правда? Красивее?

– Да.

– В каком смысле красивее? В чем именно?

Она не только усвоила, что он не умеет прощать, она хорошо знала, что он, как никто, умеет владеть собой. Она решила его раздражить. В его глазах сверкнули молнии, но она не отступила. Ей надо было знать, какие он заметил различия между нынешней Кэрол Ратледж и той, которая была его женой на протяжении четырех лет. Что ж, проведи исследование, мысленно сказала она.

Он раздраженно что-то пробурчал и взъерошил волосы.

– Не знаю. Просто ты стала другая. Может быть, дело в макияже... Или в волосах – не могу понять. Ты отлично выглядишь, этого тебе довольно? Давай кончим на этом. Ты выглядишь... – Он пристально смотрел на нее. Его глаза скользнули вниз, охватили все ее тело, после чего вернулись наверх и ушли в сторону. – Ты выглядишь прекрасно. – Порывшись в кармане рубашки, он извлек исписанный от руки листок. – Мы с мамой купили все, что ты просила. – Кивнув в сторону пакетов с покупками, он стал зачитывать список: – «Духи „Исатис“ в аэрозоле».

– Ага.

– «Колготки». Ты этот цвет имела в виду? Ты сказала – «светло-бежевый».

– Отлично. – Он читал, а она по очереди извлекала вещи из пакетов. Достав флакончик с духами, она брызнула себе на запястье. – Понюхай.

Она поднесла руку к его щеке так, что ему, чтобы понюхать, пришлось повернуть голову и коснуться губами ее запястья. На мгновение их глаза встретились.

– Приятные, – сказал он и тут же отвернулся. Эйвери даже не успела опустить руку. – Идем дальше. «Ночная рубашка с длинным рукавом». – Он опять удивленно посмотрел на нее. – С каких это пор ты стала спать в рубашке, тем более с длинными рукавами?

Эйвери, устав от необходимости постоянно держать оборону, выпалила:

– С тех самых пор, как я попала в авиакатастрофу и получила ожоги второй степени.

Еще секунду назад готовый к ответной реплике, он прикусил язык. Возвращаясь к списку, он прочитал последнюю строчку:

– «Бюстгальтер, размер 34-B».

– Не сердись. – Она достала лифчик из пакета, развернула его, оторвала этикетку и снова сложила. Бюстгальтеры Кэрол, которые ей принесли раньше, все оказались велики.

– Не понял.

– Не сердись, что я похудела на целый размер.

– Какое это имеет ко мне отношение?

Его нескрываемое пренебрежение заставило ее отвести глаза.

– По-видимому, никакого.

Разгрузив сумки, она положила покупки рядом с одеждой, в которой собиралась на следующий день ехать домой. Все, что ей привезли Зи и Тейт из гардероба Кэрол, ей подошло. Одежда была великовата, но самую малость. У Кэрол, судя по всему, была более полная грудь и крутые бедра, но Эйвери придумала для себя оправдание – жидкая диета. Ей повезло, что туфли Кэрол оказались впору.

Когда было возможно, она прикрывала руки и ноги, предпочитая юбкам брюки. Она боялась, что ее могут выдать лодыжки и икры. Пока что никто не заметил разницы. Для Ратледжей она оставалась их невесткой. Они ни в чем не сомневались.

Или сомневались?

Почему тот, кто планировал покушение вместе с Кэрол, больше не появлялся?

Этот вопрос беспокоил Эйвери с назойливостью постоянно жужжащего где-то у нее в мозгу комара. Вспоминая об этом, она холодела от страха, поэтому решила пока сосредоточиться на личности Кэрол и постараться не делать ошибок, которые могли бы ее выдать.

До сих пор ей везло. Она сумела избежать серьезных промахов.

Теперь, когда возвращение домой стало реальностью, она начала волноваться с новой силой. Жизнь под одной крышей с Ратледжами, особенно с Тейтом, увеличит риск разоблачения.

Вдобавок ей предстоит играть роль жены кандидата в Сенат, что опять-таки сопряжено с массой проблем.

– Что завтра утром, Тейт?

– Эдди велел мне тебя подготовить. Сядь.

– Звучит-то как серьезно, – поддразнила она, усаживаясь напротив.

– Это действительно серьезно.

– Ты боишься, что я оплошаю перед прессой?

– Нет, – ответил он, – но я уверен, что они пустят в ход запрещенные приемчики.

От выпада против ее собратий-журналистов она почувствовала себя оскорбленной.

– Что ты имеешь в виду?

– Начнут задавать личные вопросы. Станут пялиться на твое лицо, выискивая шрамы, и всякое такое. Наверное, завтра тебя столько рад сфотографируют, сколько за всю последующую кампанию не снимут.

– Я не боюсь камеры.

Он сухо рассмеялся.

– Это я знаю. Но завтра, стоит тебе отсюда выйти, и ты окажешься в толпе журналистов. Эдди намерен приложить все усилия, чтобы как-то упорядочить этот процесс, но ты ведь знаешь, что многие вещи часто происходят спонтанно. – Он снова полез в нагрудный карман и, достав какой-то листок, протянул ей. – Вот, ознакомься. Эдди сочинил тут для тебя короткое заявление. Будет установлен микрофон... В чем дело?

– Это? – сказала она, потрясая бумагой перед его носом. – Если я это зачитаю, все примут меня за идиотку.

Вздыхнув, он потер виски.

– Эдди этого и боялся.

– Если я выступлю с таким заявлением, да еще по бумажке, все решат, что в катастрофе пострадало не мое лицо, а мозги. И будут думать, что вы нарочно упрятали меня в эту частную клинику, чтобы я немного очухалась, – как в «Джейн Эйр». Держать помешанную жену подальше от людских глаз...

– «Джейн Эйр»? Ты, кажется, книжек начиталась?

На мгновение она опешила, но быстро справилась с собой:

– Я смотрела фильм. Как бы то ни было, я не хочу, чтобы меня считали слабоумной настолько, что я не могу связать двух слов без шпаргалки.

– Только, пожалуйста, следи за своей речью, не слишком увлекайся, хорошо?

– Я умею изъясняться по-английски, Тейт, – отрезала она. – Я в состоянии связать несколько слов и умею себя вести на людях. – Она разорвала текст пополам и швырнула на пол.

– Ты, видимо, забыла, что было в Остине. Такого нам больше не нужно, Кэрол.

Поскольку она не знала, какую ошибку допустила Кэрол в Остине, она ничего не могла сказать в порядке оправдания или защиты. Одно ей, впрочем, следовало помнить: Эйвери Дэниелз имела опыт выступления перед камерой, она была искушенной в плане общения с прессой, чего явно нельзя сказать о Кэрол Ратледж.

Она ответила спокойным голосом:

– Я знаю, что каждое мое появление на публике вплоть до ноября очень для тебя важно. Я постараюсь следить за тем, что я говорю, и вести себя соответственно, – Она горько улыбнулась и, нагнувшись, подняла бумаги с пола. – Я даже готова заучить наизусть этот пошлый маленький спич. Я для тебя на все готова.

– Только не переусердствуй в своем желании мне угодить. Если бы это зависело от меня, ты бы вообще не делала никакого заявления. Но Эдди считает, что это надо сделать, чтобы удовлетворить всеобщее любопытство. Джек и папа с ним тоже согласны. Так что угодить ты должна им, а не мне.

Он поднялся уходить. Эйвери быстро встала.

– Как дела у Мэнди?

– Так же.

– Ты сказал ей, что завтра я выписываюсь?

– Да, она это знает, но по ее лицу не поймешь, что она думает.

Эйвери огорчилась, что в состоянии девочки не происходит перемен к лучшему, и, подняв руку, бесцельно потерла подбородок.

Тейт тронул ее за руку.

– Ты мне напомнила. – Он взял с кровати куртку и достал что-то из кармана. – Поскольку в госпитале умудрились-таки перепутать и растерять твои кольца, Эдди посоветовал купить тебе новое

обручальное кольцо. Он считает, что для избирателей это имеет значение.

Она не солгала ему насчет драгоценностей. Когда он поинтересовался, она сказала, что в конверте оказались чужие вещи.

– Я передала их медсестре, чтобы там разобрались.

– Где же тогда твои?

– Бог его знает! Иногда случаются такие необъяснимые недоразумения. Пусть разбирается страховая компания.

Сейчас Тейт достал из серой бархатной коробочки простое обручальное кольцо.

– Оно не такое изысканное, как то, но, я думаю, сойдет.

– Мне оно нравится, – сказала она, надевая кольцо.

Когда он попытался убрать руку, она заметила у него на пальце парное кольцо. Схватив его руку, она понесла ее к губам и, прошептав его имя, поцеловала его в сжатые пальцы.

– Кэрол, – сказал он, отнимая руку, – не надо.

– Ну, пожалуйста, Тейт, Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Позволь мне. – Она умоляла его принять ее благодарность. – Мне столько раз хотелось умереть. И если бы ты меня все время не поддерживал, так бы, наверное, и случилось. Ты все время был такой... – У нее перехватило горло, она больше не скрывала слез. – Ты давал мне силы жить. С самого начала. Спасибо тебе.

Она говорила от чистого сердца. Каждое слово было правдой. Поддавшись охватившему ее чувству, она приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Он дернул головой. До нее донесся удивленный резкий вдох. В его глазах она прочла сомнение. Потом он нагнул голову и легко поцеловал ее в губы.

Она теснее прижалась к нему, потянулась к нему губами и прошептала:

– Поцелуй меня, Тейт, пожалуйста.

С легким стоном он прижался к ней губами. Обхватив рукой за талию, он привлек ее к себе. Другую руку поднес к ее затылку и стал нежно гладить шею. Тем временем язык его, раздвинув губы, проник во влажную глубину ее рта. Поцелуй был долгий и страстный.

Вдруг он резко оторвался от нее и поднял голову.

– Какого черта...

Грудь, к которой она все еще была прижата, вздымалась. Помимо его воли, глаза опять отыскивали ее рот. Он зажмурился и отрицательно помотал головой, как бы стряхивая с себя наваждение, но потом опять впился в нее губами.

Эйвери ответила на поцелуй, вложив в него все, что в ней накопилось за эти месяцы. Их губы сплелись в жарком, голодном порыве. Чем больше он получал, тем больше ему хотелось – и тем больше она хотела ему дать. Положив руку на бедро, он привлек ее к себе. Она с силой приникла к нему, ощущая его мгновенное напряжение, и, подняв руку, притянула его голову вниз, с наслаждением пробегая пальцами по волосам, рубашке, по его коже.

Внезапно все кончилось.

Он оттолкнул ее и сам отступил на несколько шагов. Она с болью увидела, как он провел по губам кулаком, стирая ее поцелуй. Она издала тихий страдальческий стон.

– Не получится, Кэрол, – сказал он резко. – Я еще не понимаю, что за игру ты затеяла, и, пока не знаю правил, отказываюсь в ней участвовать. Мне очень жаль, что с тобой такое случилось. И поскольку ты пока моя законная жена, я исполнял свой долг. Но это ничего не меняет в наших отношениях. Ничто не изменилось. Слышишь? Все остается по-прежнему.

Он накинул на плечи куртку и, не оборачиваясь, покинул комнату.

Эдди вышел в сад. Под майским солнцем цветы в саду уже распустились. В глиняных вазонах, украшающих бортик бассейна, цвели олеандры. Клумбы пестрели ампельными розами.

Но сейчас было уже темно, и цветки закрылись на ночь. Сад освещался расставленными среди растений фонарями. Они бросали длинные тени на белые оштукатуренные стены дома.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Эдди.

От шезлонга раздался вежливый голос:

– Думаю.

Думал он о Кэрол – о том, как он вошел и увидел в зеркале ее отражение. Она сияла. Темные глаза светились такой радостью, как будто его появление было для нее событием особенным. Несомненно, это была игра, но какая талантливая! Он даже потерял голову и едва не клюнул на эту удочку. Вот идиот.

Если бы он просто вышел из комнаты, не дотрагиваясь до нее, если бы он в душе не пожалел, что у них все так сложилось, то сейчас все было бы иначе. Ему не пришлось бы злиться на друга и накачиваться виски, безуспешно борясь со своим взбунтовавшимся против воздержания мужским естеством. Недовольный собой, он протянул руку к бутылке и плеснул в стакан, где на дне еще оставались кусочки льда.

Эдди устроился в соседнем шезлонге и озабоченно посмотрел на приятеля. Перехватив его откровению критический взгляд, Тейт сказал:

– Если я тебе не нравлюсь, смотри на что-нибудь другое.

– Ох-ох-ох. Мы что-то не в духе.

Он был возбужден и хотел свою неверную жену. Ее неверность он, может, и мог простить, но не все остальное. Никогда.

– Ты виделся с Кэрол? – спросил Эдди, догадываясь о причине плохого настроения Тейта.

– Да.

– И передал ей текст завтрашнего выступления?

– Да. Знаешь, что она с ним сделала?

– Велела выбросить?

– Почти. Она разорвала его пополам.

– Я сочинил это для ее же блага.

– Скажи ей об этом сам.

– В последний раз, когда я говорил ей нечто в том же духе, она обозвала меня задницей.

– Сегодня она тоже была близка к этому.

– Понимает она или нет, но первая ее встреча с прессой после болезни будет испытанием не для слабонервных. Все сходят с ума от любопытства.

– Я объяснял ей, но она отвергла все советы и просила ей ничего не диктовать.

– Ну, что ж, – Эдди устало потер затылок, – не стоит волноваться раньше времени. Может быть, она справится.

– Да она как будто в этом не сомневается. – Тейт сделал глоток и стал крутить бокал в руке, наблюдая за мотыльком, вьющимся в кустах вокруг фонаря. – Она...

Эдди подался вперед.

– Что – она?

– Черт, даже не знаю. – Тейт вздохнул. – Изменилась, что ли.

– В каком смысле?

В том смысле, что целуется по-другому, подумал он, а вслух сказал:

– Стала как будто мягче. Приятнее в общении.

– Приятнее? Но ведь ты говоришь, что сегодня она устроила скандал.

– Да, но это в первый раз. Мне кажется, несчастье и все, что было потом, отрезвили ее. Выглядит она моложе, но ведет себя как более зрелый человек.

– Я тоже это заметил. Да это и понятно, правда? Кэрол вдруг осознала, что она смертна. – Эдди уткнулся взглядом в плитки под ногами. – А как... там... как у тебя с ней? (Тейт бросил на него гневный взгляд.) Если это не мое дело, можешь мне так и сказать.

– Это не твое дело.

– Мне известно о том, что было на прошлой неделе в Форт-Уорте.

– О чем ты? Не понимаю.

– О женщине, Тейт.

– Там было много женщин.

– Да, но только одна из них пригласила тебя после митинга к себе.

По крайней мере, я знаю только об одной.

Тейт почесал лоб.

– Господи, от тебя хоть что-нибудь может ускользнуть?

– Только не в твоих делах. По крайней мере, пока ты не стал сенатором Соединенных Штатов.

– Ну, можешь не волноваться. Я не поехал к ней.

– Я это знаю.

– Тогда зачем вспомнил?

– Может быть, тебе стоило поехать?

Тейт удивленно рассмеялся.

– Тебе ведь хотелось?

– Возможно.

– Хотелось, – ответил за него Эдди. – Ничто человеческое тебе не чуждо. Твоя жена на несколько месяцев выбыла из строя, да и до того...

– Эдди, замолчи.

– Ни для кого в семье не секрет, что вы в последнее время жили врозь. Я только констатирую факт. Давай не будем хитрить.

– Ты можешь не хитрить. А я пошел спать.

Эдди перехватил его за локоть.

– Ради Бога, Тейт, не злись и не делай обиженный вид. Я здесь для того, чтобы тебе помочь. – Он выдержал небольшую паузу, давая Тейту возможность умерить пыл. – Я только хотел сказать, слишком длительное воздержание никому не идет на пользу. Если ты почувствуешь, что для полного счастья тебе не хватает пылкой красотки, скажи мне.

– И что ты сделаешь? – спросил Тейт угрожающе. – Займешься сводничеством?

Эдди взглянул на него с упреком:

– Зачем ты так? Все можно сделать так, что никто об этом не узнает.

– Скажи об этом сенатору Гэри Харту.

– Он всегда был туповат.

– А ты?

– Я-то? Конечно, нет.

– Знаешь, что сказал бы отец, если бы сейчас тебя слышал?

– Он идеалист, – бросил Эдди небрежно. – Нельсон искренне верит в чистоту нравов и яблочный пирог. Его второе имя – моралист. Я же, напротив, реалист. Внешне мы выглядим чистыми, но внутри человек по-прежнему остался животным. Короче, если тебе необходимо потрахаться, а жена к этому не расположена, – всегда есть кто-то другой. – После столь грубого резюме Эдди красноречиво развел руками. – В твоей ситуации, Тейт, я думаю, небольшая супружеская неверность была бы тебе полезна.

– С чего ты взял, что мне позарез нужно с кем-то переспать?

Эдди с улыбкой поднялся:

– Не забудь, что я сто раз видел тебя в деле. У тебя вокруг рта такая зажатость, какая бывает, когда ты долго не спал с бабой. Ты можешь баллотироваться куда угодно, но от этого ты не становишься другим человеком. Твой член-то не знает, что до выборов ему надлежит вести себя хорошо.

– Эдди, все мое будущее поставлено на карту. Ты это сам прекрасно понимаешь. Я вплотную подошел к тому, чтобы

осуществить свою мечту и попасть на Капитолийский холм. И ты думаешь, что я могу поставить все на карту ради двадцати минут супружеской неверности?

– Нет, я так не думаю, – со вздохом отозвался Эдди. – Я только хотел тебе помочь.

Тейт встал и криво ухмыльнулся:

– Теперь ты скажешь: для чего тогда друзья?

Эдди хохотнул.

– Такая банальность? Смеешься?

Они направились к дому. Тейт дружески положил руку Эдди на плечо:

– Ты настоящий друг.

– Спасибо.

– Но в одном Кэрол была права.

– В чем это?

– Ты действительно задница.

Смеясь, они вошли в дом.

Эйвери надела темные очки.

– Мне кажется, лучше обойтись без них, – заметил Эдди. – А то кто-нибудь подумает, что мы хотим что-то скрыть.

– Ладно. – Она сняла очки и убрала в карман шелкового жакета, который надела в пару к широким брюкам. – Я нормально выгляжу? – взволнованно спросила она, обращаясь к Тейту и Эдди одновременно.

Эдди сжал кулак и выставил большой палец:

– Класс!

– Точно, – поддакнул с ухмылкой Тейт.

Эйвери провела рукой по коротким волосам:

– А волосы?

– Шикарно, – сказал Эдди и, потирая руки, добавил: – Ну, мы, кажется, слишком раздражили эту братию под окнами. Пошли.

Они в последний раз вышли из палаты и направились по коридору к вестибюлю. Все прощальные слова персоналу были уже сказаны, но, когда они проходили мимо поста дежурной сестры, им вслед раздались пожелания удачи.

– Лимузин? – спросила Эйвери, когда они подошли к зеркальному стеклу фасада.

Толпа репортеров еще не могла их видеть, зато они видели все, что творилось снаружи. У обочины стоял черный кадиллак с шофером в форме.

– Да, а мы оба будем тебя охранять, – объяснил Эдди.

– От чего?

– От толпы. Водитель уже загрузил вещи в багажник. Иди к микрофону, скажи свою речь, вежливо отклони вопросы – и сразу в машину. – Он минуту смотрел на нее, будто убеждаясь, что его наставления поняты верно, после чего повернулся к Тенту. – Ты можешь ответить на пару вопросов. Посмотрим, как они настроены. Если дело пойдет гладко, надо выжать из этого все, что можно. Если же станут докучать, закругляйся под предлогом, что надо доставить Кэрол домой. Ну, что, готовы?

Он прошел вперед и распахнул перед ними двери. Эйвери посмотрела на Тейта:

– Как ты только терпишь его начальственный тон?

– Ему за это платят.

Она сделала про себя заметку, что Эдди критиковать не стоит. С точки зрения Тейта, менеджер его компании действовал безукоризненно.

Эдди придержал им дверь. Взяв под локоть, Тейт вывел ее на крыльцо. До этого момента репортеры и фотожурналисты являли собой шумную и бесформенную толпу. Сейчас же меж ними пробежал шепоток, и все затихли, выжидательно глядя на жену кандидата в Сенат, которая появилась впервые после многих месяцев затворничества.

Эйвери, как и велел Эдди, прошла прямо к микрофону. Она знала, что выглядит как Кэрол Ратледж. Она была довольна, что даже самые близкие Кэрол люди не обнаружили подмены, в том числе муж. Правда, ни у кого не было оснований сомневаться. Они не пытались обнаружить подлог, поэтому и не замечали его.

Но, направляясь к микрофону, Эйвери боялась, как бы то, что укрылось от близких, не разгадали чужие люди. И тогда над толпой раздастся чей-нибудь крик: «Самозванка!»

Поэтому внезапный взрыв аплодисментов при ее появлении на трибуне ее ошеломил. Не только она, но и Тейт, и даже Эдди, который всегда держал себя в руках, были потрясены. Ноги её заплелись. Она неуверенно взглянула на Тейта. Он ответил ей своей ослепительной улыбкой, за которую она готова была вновь пережить всю боль, выпавшую на ее долю. Она вновь обрела уверенность в себе.

Изящным жестом она попросила тишины. Когда аплодисменты стихли, она застенчиво произнесла слова благодарности. Потом откашлялась, легонько тряхнула головой, облизала губы и начала свою заученную речь.

– Благодарю вас, леди и джентльмены, за то, что вы приехали приветствовать меня после продолжительной болезни. Я хотела бы прежде всего выразить глубокие соболезнования всем, кто потерял своих близких в страшной катастрофе, которая постигла рейс 398. Мне все еще кажется невероятным, как нам с дочерью удалось остаться в

живых. Что до меня, то я вряд ли поправились бы, если бы не ощущала ежечасно поддержку и помощь своего мужа.

Последнюю фразу она прибавила от себя. При этих словах она взяла его за руку. После минутного замешательства, которое могла заметить только она, он нежно сжал ее пальцы.

– Миссис Ратледж, не считаете ли вы, что в катастрофе повинна компания «Эйр-Америка»?

– Мы предпочли бы воздержаться от комментариев до того, как завершится официальное расследование и Управление безопасности на транспорте объявит его результаты, – ответил за нее Тейт.

– Миссис Ратледж, не собираетесь ли вы подать в суд на компанию, чтобы получить компенсацию за ущерб?

– Пока мы не намерены возбуждать дело, – снова ответил Тейт вместо нее.

– Миссис Ратледж, вы помните, как спасали из огня свою дочь?

– Теперь да, – сказала она, опередив Тейта. – Но сначала я действовала чисто инстинктивно. Я не помню, чтобы мое решение было осознанным.

– Миссис Ратледж, были ли во время вашего лечения минуты, когда вы сомневались, что вашему лицу может быть возвращен его прежний вид?

– Я ни на миг не сомневалась в хирурге, приглашенном моим мужем.

Тейт наклонился к микрофону, чтобы его голос можно было слышать в общем шуме.

– Как вы понимаете, Кэрол не терпится попасть домой. Прошу нас извинить.

Он повел ее к машине, но их сразу окружила толпа.

– Мистер Ратледж, ваша жена не собирается с вами в предвыборное турне? – Перед ними вырос какой-то особенно настырный корреспондент и ткнул микрофон Тейту в самое лицо.

– Для Кэрол запланировано несколько поездок. Но, боюсь, она предпочтет остаться дома с ребенком.

– Как себя чувствует ваша дочь, мистер Ратледж?

– Спасибо, хорошо. А теперь я просил бы...

– Не отразилась ли на ней пережитая катастрофа?

– Как ваша дочь относится к небольшим переменам в вашей внешности, миссис Ратледж?

– Прошу вас, больше никаких вопросов.

Эдди стал расчищать им путь в надоедливой толпе. Пресса была настроена дружелюбно, не тем не менее от такого обилия людей Эйвери как будто стало не хватать воздуха.

До сих пор она всегда находилась по другую сторону – в качестве репортера, сующего микрофон под нос человеку, пережившему какой-либо кризис. Такова работа журналиста – добыть новость, сделать запись, которой нет ни у кого, и использовать для этого все возможные средства. Она как-то не задумывалась, каково это – быть по ту сторону микрофона. Собственно, она никогда не получала особого удовольствия именно от этого аспекта работы. И ее роковая ошибка в эфире была вызвана не черствостью, а, наоборот, чрезмерной чуткостью.

Краем глаза она заметила видеокамеру с эмблемой студии «Кей-Текс». Она непроизвольно повернулась туда. Вэн!

На какой-то миг она забыла, что они как бы не знают друг друга. Она чуть было не окликнула его по имени и не помахала рукой. Каким знакомым и родным показалось ей это тощее бледное лицо и жидкий хвостик волос на затылке! Ей хотелось броситься к нему на грудь и сжать его в объятиях.

К счастью, лицо ее осталось бесстрастным. Она отвернулась, не показывая, что узнала Вэна. Тейт помог ей сесть в лимузин. Оказавшись на заднем сиденье под надежной защитой затемненного стекла, она посмотрела вперед. Как и все остальные, Вэн с камерой на плече пробирался ближе к отъезжающему автомобилю, прильнув к видеоискателю.

Ей до боли захотелось очутиться опять в редакции, вечно заполненной табачным дымом, телефонными звонками, треском радиоперехвата и стуком телетайпов. Этот непрекращающийся поток входящих и выходящих корреспондентов, операторов и посыльных казался ей светлым пятном из далекого прошлого.

Лимузин отрулил от здания, в котором она провела последние несколько недель, и она ощутила невыразимую тоску по прежней жизни, в которой она носила имя Эйвери Дэниелз. Что стало с ее квартирой и вещами? Неужели их раздали чужим людям? Кто теперь

ходит в ее одежде, спит на ее простынях, вытирается ее полотенцами? У нее вдруг появилось такое чувство, будто ее насильно связали, и проделали с нею что-то, против чего восставала вся ее душа. Но она понимала, что сама приняла безоговорочное решение на неопределенное время проститься с Эйвери Дэниелз. На карту были поставлены не только ее карьера и жизнь, но будущее и сама жизнь Тейта Ратледжа.

Рядом с ней устроился Тейт. Он задел ее ногу своей ногой и слегка коснулся груди локтем. Рядом со своим бедром она ощутила его сильное бедро. На какое-то время она погрузилась в уют и спокойствие.

Эдди, который сидел напротив на откидном сиденье, потрепал ее по коленке.

– Ты превосходно держалась, даже на вопросах. И ты здорово придумала, что взяла его за руку. Как по-твоему, Тейт?

Тот тем временем ослабил узел галстука и расстегнул воротничок.

– Она все сделала отлично. – При этих словах он погрозил Эдди пальцем. – Только мне не нравятся вопросы о Мэнди. Какое она имеет отношение к моей предвыборной кампании и результатам выборов?

– Никакого, просто люди очень любопытны.

– К черту любопытство. Она моя дочь. И я хочу ее защитить.

– Может быть, она чересчур защищена? – Хрипловатый голос Эйвери заставил Тейта резко повернуться.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сейчас, когда я показалась на людях, – сказала она, – они отстанут от тебя с расспросами обо мне и перейдут к более важным вещам.

В клинике она внимательно следила за ходом предвыборной кампании Тента по газетам и телевидению. Он одержал стремительную победу на предварительных выборах, но настоящая битва была еще впереди. В ноябре его соперником будет сенатор Рори Деккер.

Деккер был, можно сказать, постоянно действующим фактором в техасской политике. Он заседал в Сенате, сколько Эйвери себя помнила. Это будет схватка Давида с Голиафом. Невероятное преимущество Деккера, вкупе с отчаянной решимостью Тейта

противостоять столь грозному сопернику, как никогда за все последние годы подняли интерес общества к предвыборной борьбе.

Почти в каждом выпуске новостей хотя бы пятнадцать секунд были посвящены предстоящим выборам, а уж Эйвери-то знала цену каждым пятнадцати секундам. Но в то время, как Деккер разумно использовал эфирное время для разъяснения своей предвыборной платформы, Тейт был вынужден тратить его на ответы на вопросы о болезни Кэрол.

– Если мы перестанем держать Мэнди под замком, – осторожно продолжала она, – любопытство прессы скоро угаснет. И тогда, я надеюсь, они станут интересоваться чем-то еще – например, твоей программой помощи фермерам, оставшимся без земли.

– В этом что-то есть, Тейт. – Эдди смерил ее недоверчивым взглядом, но в глазах его она прочла сдержанное уважение.

На лице Тейта нерешительность боролась с гневом.

– Я подумаю, – только и сказал он, отвернувшись к окну.

В молчании они доехали до штаба кампании. Эдди сказал:

– Всем не терпится тебя поскорее увидеть, Кэрол. Я попросил их очень уж не таращиться, но гарантировать ничего не могу, – предупредил он, пока она с помощью шофера выбиралась из машины. – Я думаю, если ты немного с ними побудешь, их доброжелательность только возрастет.

– Она побудет. – Не оставляя места возражениям, Тейт взял ее за руку и повел к двери.

От его самоуверенности и бесцеремонности у нее пробежал холодок по коже, но ей и самой было интересно увидеть штаб, поэтому она миролюбиво подчинилась. Однако, когда они подошли к двери, у нее от страха разболелся живот. Каждая новая ситуация, в которой она оказывалась, была для нее испытательным полигоном, минным полем, по которому ей предстояло аккуратно пройти, не сделав ни одного ложного шага.

За дверью их ждала атмосфера полного хаоса. Добровольные помощники Эдди говорили по телефону, одни вскрывали почту, другие запечатывали конверты, одни сшивали бумаги скоросшивателем, другие – доставали какие-то документы из папок, одни вставляли, другие в это время садились. Все находились в движении. После

тишины и покоя клиники Эйвери почувствовала себя как в сумасшедшем доме.

Тейт снял куртку и завернул рукава рубашки. При его появлении все добровольцы как один стали рваться поговорить с ним. Эйвери видела, что для всех в этой комнате он был героем и каждый считал своим священным долгом помочь ему победить на выборах.

Ей также было ясно, что слово Эдди Пэскела здесь закон, ибо все искоса на нее поглядывали и вежливо здоровались, но ни один не смотрел на нее с откровенным любопытством. Испытывая неловкость и неуверенность в себе и не понимая толком, чего от нее ждут, она неотвязно следовала за Тейтом, который не торопясь продвигался по комнате. Он находился в своей стихии, от него шли волны уверенности, которая передавалась окружающим.

– Здравствуйте, миссис Ратледж, – сказал какой-то молодой человек. – Вы прекрасно выглядите.

– Благодарю.

– Тейт, сегодня утром губернатор сделал заявление, в котором поздравил миссис Ратледж с выздоровлением. Он высоко оценил ее мужество, но тебя назвал – я цитирую – «мягкотелым либералом, которого тexasцам следует опасаться». Он предостерег избирателей, чтобы сострадание к миссис Ратледж не повлияло на их голосование в ноябре. Как ты намерен ответить?

– Никак. Пока никак. Этот надменный сукин сын хочет меня спровоцировать, заставить меня метать громы и молнии. Я не доставлю ему этого удовольствия. Да, «надменный сукин сын» – этого я не говорил.

Засмеявшись, молодой человек поспешил к своему компьютеру составлять пресс-релиз.

– Каковы данные последнего опроса? – спросил Тейт у всех разом.

– Ты ведь знаешь, мы не придаем большого значения опросам, – спокойно произнес Эдди, идя навстречу Тейту и Кэрол. По дороге к нему присоединилась Фэнси. Она смотрела на Кэрол со своим обычным вызовом.

– Так я тебе и поверил, – сказал Тейт в ответ на лукавство Эдди. – На сколько пунктов я отстаю?

– На четырнадцать.

– О, с прошлой недели поднялся на один. Я же вам говорил, ничего страшного нет. – Все засмеялись.

– Привет, дядя Тейт. Привет, тетя Кэрол.

– Здравствуй, Фэнси.

На лице девушки изобразилась ангельская улыбка, за которой Эйвери усмотрела откровенную неприязнь. Она поежилась. В тот единственный раз, что Фэнси навещала ее в госпитале, она хихикала над ее тогда еще заметными шрамами. Бестактность девушки настолько вывела Тейта из себя, что он отослал ее из палаты и не разрешил возвращаться. Впрочем, она, кажется, и не возражала.

При первом взгляде она производила впечатление расчетливой маленькой эгоистки. Будь она на десять лет моложе, ей бы следовало задать хорошую порку. Однако Эйвери понимала, что ее отношение к Кэрол – не просто подростковое упрямство. Чувствовалось, что у них старые счеты.

– Это что – твое новое обручальное кольцо? – спросила Фэнси, кивая на левую руку Эйвери.

– Да. Тейт вчера мне подарил.

Кончиками пальцев она взяла руку Эйвери и пренебрежительно оглядела кольцо.

– Значит, на этот раз он решил обойтись без бриллиантов?

– У меня есть для тебя задание, – оборвал Эдди. – Иди-ка сюда. – Он взял Фэнси за локоть и, развернув на сто восемьдесят градусов, повел в другой угол комнаты.

– Какая милая девочка, – сквозь зубы проворчала Эйвери.

– Всыпать бы ей по заднице.

– Я бы не возражала.

– Здравствуйте, миссис Ратледж. – Женщина средних лет подошла и пожала Эйвери руку.

– Здравствуйте. Как приятно снова вас видеть, миссис Бейкер, – ответила Эйвери, тайком прочитав фамилию на ярлычке, висящем у той на нагрудном кармане.

Улыбка сползла с лица миссис Бейкер. Она неуверенно взглянула на Тейта:

– Эдди говорит, вам надо прочитать эти пресс-релизы, Тейт. Завтра мы их уже отошлем.

– Спасибо. Посмотрю вечером, а завтра с утра пришлю с Эдди.

– Вот и отлично. Это не к спеху.

– Я что-то не то сказала? – спросила Эйвери, когда женщина отошла.

– Пойдем.

Он попрощался со всеми разом. Эдди помахал, продолжая говорить в телефонную трубку, которую прижимал подбородком к плечу. Фэнси, примостившаяся на краешке его стола, тоже небрежно махнула рукой.

Тейт вывел Эйвери на улицу и подвел к серебристому седану.

– Мы теперь без лимузина?

– Теперь мы рядовые граждане.

Пока они кружили по улицам, объезжая автомобильные пробки, Эйвери впитывала в себя огни и звуки города. Её мир слишком долго был ограничен четырьмя белыми стенами. После долгих месяцев изоляции сумасшедший темп, с которым люди двигались и говорили, шум, пестрота и свет города повергли ее в робость. И даже в ужас. Все было таким знакомым и в то же время казалось волнующе-неизвестным. Наверное, так чувствуют себя звери, пробуждающиеся весной после зимней спячки.

Когда они проезжали аэропорт и в поле зрения оказались самолеты, набирающие высоту, ее пробрал мороз. Внутри все свело судорогой.

– Ты нормально себя чувствуешь?

Она быстро отвела глаза от летного поля и увидела, что Тейт внимательно на нее смотрит.

– Конечно. Все прекрасно.

– Сможешь теперь летать?

– Не знаю. Наверное. В первый раз, конечно, придется помучиться.

– Не знаю, сумеем ли уговорить когда-нибудь Мэнди сесть в самолет.

– Может быть, ей это будет легче, чем мне. Дети иногда адаптируются быстрее взрослых.

– Возможно.

– Мне не терпится поскорей ее увидеть. Она не была у меня несколько недель.

– Она подросла.

– Да?

На его лице заиграла улыбка:

– Я на днях усадил ее на колени и обнаружил, что она макушкой упирается мне в подбородок.

Несколько секунд они улыбались вместе. Потом его глаза затуманились, а улыбка сошла, и он снова стал смотреть на дорогу.

Эйвери почувствовала, что он опять отгородился от нее, и спросила:

– А что эта миссис Бейкер? Я что-то сделала не так?

– Она работает с нами всего две недели. Ты никогда с ней не встречалась раньше.

Сердце Эйвери затрепетало. Этого следовало ожидать. Она будет без конца совершать такие промахи, и надо срочно искать для них оправдание.

Она нагнула голову и потерла виски.

– Мне очень неловко, Тейт. Я, наверное, выглядела полной идиоткой.

– Вот-вот.

– Будь ко мне терпелив. На самом деле у меня бывают провалы в памяти. Иногда я не могу толком воспроизвести последовательность событий. А то забываю имена и лица.

– Я это давно заметил. Ты иногда говорила совершенные несуразицы.

– Почему ты сразу мне об этом не сказал?

– Не хотел тебя тревожить. Но я проконсультировался с психоневрологом. Он сказал, что вследствие сотрясения мозга у тебя могут оказаться стертыми целые участки памяти.

– Это что – навсегда?

Он пожал плечами.

– Этого он не мог сказать. Что-то может постепенно восстановиться, а что-то останется навсегда.

В глубине души Эйвери обрадовалась такому диагнозу. Теперь, если она будет делать новые ошибки, у нее есть для них объяснение.

Она протянула руку и накрыла его пальцы ладонью.

– Извини, если заставила тебя краснеть.

– Ничего, думаю, она поймет, когда я ей все объясню.

Он высвободил руку и положил ее на руль, приготовившись перейти в другой ряд, так как впереди показалась развилка. Эйвери внимательно следила за дорогой. Ведь ей когда-нибудь придется самой добираться домой, поэтому маршрут должен быть ей хорошо знаком.

Она родилась в Дентоне, маленьком университетском городке в северной части Центрального Техаса, а большую часть детства провела в Далласе, откуда Клифф Дэниелз ездил в командировки в качестве свободного фотожурналиста.

Как большинство уроженцев Техаса, она воспитывалась в духе гордости за свой родной край. И хотя она потратила многие сотни долларов на логопедические занятия, чтобы вытравить из своей речи техасский акцент, в сердце она оставалась все той же южанкой. Любимым же местом в самом штате для нее всегда были горы. Эти мягкие, с округлыми очертаниями холмы и предгорья, полноводные ручьи, питающиеся таянием горных снегов, были прекрасны в любое время года.

Сейчас всюду цвели васильки, покрывая землю сапфировым ковром. По этому естественному фону были разбросаны другие, более яркие полевые цветы, и там, где они сливались друг с другом, краски неясно переходили один в другой, напоминая картины Моне. Подобно гигантским кривым зубам, из земли вылезали валуны, из-за чего весь пейзаж становился не столь уж пасторально-безмятежным.

На этой земле, где основывали свои владения испанские доны, где гоняли стада мустангов воины-команчи, колонисты проливали кровь за свою автономию, бушевали страсти. Казалось, здесь еще бродят призраки тех неукротимых людей, которые сумели подчинить себе природу – подчинить, но не приручить. Здесь жил их независимый дух – подобно тому, как в местных пещерах обитали дикие кошки, невидимые, но от этого не менее реальные.

В небе парили ястребы, высматривая добычу. На редкой траве между кустами можжевельника паслись рыжие коровы. На них благосклонно взирали редкие дубы, простирая свои могучие ветви над скалистой землей и давая тень скоту, оленям, лосям и мелкой дичи. Вдоль полноводных рек росли кипарисы, и берега Гваделупы были окаймлены их жилистыми стволами с узловатыми сучьями и перистыми ветвями.

Это была земля контрастов и народных преданий. Эйвери любила ее.

Судя по всему, и Тейт тоже. Ведя машину, он оглядывал ландшафт с удовольствием человека, видящего его впервые. Он свернул на дорогу, въезд на которую охраняли две естественные каменные колонны. Между ними была закреплена табличка: «Ранчо „Рокинг-Ар“».

Из тех заметок о Ратледжах, которые Эйвери удалось тайком прочитать за время болезни, она знала, что ранчо занимает свыше пяти тысяч акров, на которых пасутся великолепные стада элитного скота. Сюда несут желанную воду два притока реки Гваделупы и один – реки Бланко.

Нельсон получил эту землю в наследство от отца. После демобилизации из военно-воздушных сил он посвятил себя превращению ранчо в доходное предприятие и изъездил всю страну, изучая разные породы скота и способы улучшения местного поголовья.

Статья в „Тексас Мансли“ сопровождалась фотографией дома, но по снимку Эйвери не смогла составить себе о нем представления.

Сейчас, когда они въехали в гору, дом показался вдали. Он был сложен из белого саманного кирпича наподобие испанской гасиенды. Дом состоял из трех частей, образующих в плане подкову. С середины двора открывался прекрасный вид на долину реки. Массивное здание было покрыто черепичной крышей, на которой сейчас лежал отблеск полуденного солнца.

Дорожка изогнулась полукругом и привела к парадному входу. Величественный дуб дарил свою тень всей передней части здания. Он был так стар, что с его толстых сучьев свисал клочьями сероватый курчавый мох. В керамических вазонах по обе стороны от парадной двери обильно цвели алые герани. Тейт повел ее в дом.

У Эйвери было такое чувство, будто она попала в средоточие техасской жизни, с ее захватывающей красотой. Она внезапно ощутила, что действительно приехала домой.

Дом был обставлен со вкусом, чего, собственно, и следовало ожидать от Зи. Интерьер был выдержан в традиционном духе, с максимумом уюта и комфорта. Все комнаты были просторные, с высокими потолками на балках и широкими окнами. Зи устроила для своей семьи очень хорошее жилище.

Во дворе их ждал ленч. Он был накрыт на круглом садовом столе красного дерева, над которым красовался яркий желтый зонт. Нельсон и Зи обняли Эйвери, после чего она подошла к Мэнди и опустилась на корточки.

– Привет, Мэнди. Я так рада тебя видеть.

Мэнди уткнулась глазами в землю.

– Я себя хорошо вела.

– Конечно. Папа мне говорил. Ты такая нарядная. – Она провела рукой по блестящим волосам девочки. – И у тебя волосы отросли, да и гипс, я смотрю, сняли.

– Можно мне теперь покушать? Бабушка сказала, что, когда ты приедешь, я буду кушать.

От безразличия, каким повеяло от ребенка, у Эйвери дрогнуло сердце. После такой долгой разлуки девочка скорее должна была засыпать мать тысячей интересных новостей.

Все расселись, горничная принесла из кухни поднос с едой и поприветствовала Эйвери.

– Спасибо. Я рада, что я опять дома. – Стандартный, но зато безопасный ответ, подумала Эйвери.

– Мона, пойдти принеси Кэрол холодного чая, – сказал Нельсон. (Так, имя экономки теперь знаем.) – И не забудь положить сахар.

Родственники невольно делали ей подсказки, давая возможность освоиться с привычками и пристрастиями Кэрол. И она с неослабным вниманием ловила каждое слово, которое могло помочь ей выработать верную линию поведения.

Она уже стала поздравлять себя с успешным дебютом, когда в сад вбежал большой лохматый пес. В нескольких шагах от Эйвери он

остановился, почуяв чужого. Лапы у него напряглись, он лег на землю и глухо зарычал.

Собака! Как она об этом не подумала? Она решила взять инициативу в свои руки.

Тейт сел верхом на скамейку и позвал собаку к себе:

– Иди сюда, Шеп, и перестань рычать.

Не спуская глаз с Эйвери, пес подполз и положил морду Тейту на ногу. Эйвери осторожно протянула руку и потрепала собаку по морде.

– Привет, Шеп. Это я.

Он недоверчиво понюхал руку. Убедившись, что она не представляет опасности, он наконец лизнул ее в ладонь.

– Так-то лучше, – смеясь, она посмотрела на Тейта, который глядел на нее как-то странно.

– С каких это пор ты подружилась с моей собакой?

Эйвери беспомощно огляделась. Нельсон и Зи тоже были удивлены ее поведением.

– С тех пор... с тех пор, как пообщалась со смертью. Наверное, я стала ощущать связь со всяким живым существом.

Неловкость была преодолена, и остаток ленча прошел довольно гладко. Однако, когда трапеза завершилась и Эйвери захотелось уйти в их с Тейтом комнату, оказалось, что она не знает, куда идти. Дом был большой, и, где находится их комната, она определить не могла.

– Тейт, – спросила она, – мои вещи уже в доме?

– Не думаю. А что, они тебе нужны?

– Да, пожалуйста.

Оставив Мэнди на попечение бабушки с дедушкой, Эйвери прошла следом за Тейтом через сад к машине. Она взяла сумку, а он понес чемодан.

– Я бы и сумку взял, – бросил он через плечо и вошел в дом.

– Да ладно. – Она семенила сзади, стараясь не отстать.

Широкие двойные двери открывались в длинный коридор. Одна стена была застеклена, отсюда виднелся сад. С противоположной стороны были расположены несколько комнат. В одну из них Тейт вошел и поставил чемодан перед стенным шкафом с раздвижной дверью.

– Мона поможет тебе разобрать вещи.

Эйвери кивнула, но все ее внимание было поглощено обстановкой спальни. Комната была просторная и светлая, от стены до стены – шафранного цвета ковер, мебель светлая. Покрывала и шторы – с цветочным узором. На вкус Эйвери, немного пестроваты, но явно дорогие и хорошего качества.

Она разом окинула взглядом всю комнату – от электронного будильника на тумбочке до фотографии Мэнди в серебряной рамке на туалетном столике.

Тейт сказал:

– Я ненадолго уеду в офис. А ты, пожалуй, отдыхай, осваивайся заново не спеша. Если... – Он замолчал, увидев изумление на лице Эйвери. Проследив направление ее взгляда, он остановил взор на портрете Кэрол в натуральную величину. – В чем дело?

Закрыв рукой рот, Эйвери сглотнула и сказала:

– Да нет, ничего. Просто... просто я, по-моему, больше не похожа на этот портрет. – Ей казалось неудобным смотреть в лицо единственного человека, который знал ее тайну. Эти темные насмешливые глаза издевались над ней. Отведя взор, она робко улыбнулась Тейту и взъерошила волосы. – Наверное, я никак не привыкну к переменам. Не возражаешь, если я сниму портрет?

– С чего бы я стал возражать? Это твоя комната. Делай с ней что хочешь. – Он направился к двери. – Увидимся за обедом. – Он с шумом закрыл за собой дверь.

Его безразличие было очевидно. У нее было такое чувство, будто она оказалась на антарктической льдине и сейчас смотрит, как скрылся за горизонтом последний самолет. Тейт доставил ее домой и считает на этом свои обязанности исчерпанными.

Это твоя комната.

В спальне была музейная чистота, что было естественно для комнаты, в которой давно никто не жил. По ее подсчетам, целых три месяца – с того утра, когда Кэрол уехала в аэропорт.

Она раздвинула дверцы стенного шкафа. Там висело столько одежды, что хватило бы, чтобы обмундировать целую армию, только все вещи были женские – от шубы до самого изысканного пеньюара. В шкафу не было ни одной вещи, принадлежащей Тейту, как и в бюро и в многочисленных ящиках комода.

Эйвери удрученно опустилась на край широкой, поистине королевской кровати. Твоя комната, сказал он, а не наша комната.

Что ж, значит, ей не придется преодолевать неловкость, когда он станет предъявлять свои супружеские права, – ибо он не станет. Об этом надо забыть. Ей не грозит интимная близость с Тейтом Ратледжем, поскольку он больше не спит со своей женой.

Если вспомнить, как он обращался с ней в последние недели в клинике, то удивляться тут, пожалуй, нечему, и все же она испытала большое разочарование. И еще – стыд. Она не собиралась под фальшивыми предложениями затаскивать его в постель, она даже не была уверена, что ей этого хочется. Это было бы неправильно, совершенно неправильно. И все же...

Она посмотрела на портрет. Кэрол Ратледж злорадно улыбалась ей.

– Ах ты дрянь! – язвительно прошептала Эйвери. – Что бы ты ни натворила, чтобы заставить его тебя разлюбить, – я это исправлю. И не думай, что у меня ничего не выйдет.

– Посмотри, хватит тебе столько?

Когда Эйвери осознала, что Нельсон обращается к ней, она улыбнулась ему через стол.

– Да, даже больше, чем нужно, спасибо. Хоть в клинике и хорошо кормили, но дома все в сто раз вкуснее.

– Ты очень похудела, – заметил он. – Нам придется тебя откармливать. Я не потерплю у себя в доме такой худобы.

Она рассмеялась и потянулась к бокалу с вином. Она не любила вино, но, по-видимому, Кэрол любила: каждый раз, когда садились за стол, ей, не спрашивая, наливали бокал. Сейчас она почти допила свое бургундское, которое было подано к бифштексу.

– Да, сисек у тебя почти не осталось, – язвительно заметила Фэнси, которая сидела напротив Эйвери, помахивая вверх-вниз вилкой.

– Фэнси, будь добра, не груби, – предостерегла Зи.

– Я и не грублю. Говорю что есть.

– Такт – не менее ценное качество, чем откровенность, юная леди, – сурово бросил дед со своего места во главе стола.

– Господи, я просто...

– И женщине не пристало поминать имя Господа всуе, – холодно добавил он. – От тебя я этого терпеть не намерен.

Фэнси с грохотом швырнула вилку в тарелку.

– Нет, я ничего не понимаю. Вся семья в один голос твердит, как она похудела. Но только я набираюсь смелости произнести что-то вслух, как получаю по мозгам.

Нельсон строго посмотрел на Джека, который правильно истолковал его взгляд как призыв усмирить дочь.

– Фэнси, хватит. Не забывай, что Кэрол первый день дома.

По ее губам Эйвери прочла: „Велика важность“. Откинувшись на стуле, Фэнси погрузилась в угрюмое молчание и стала ковырять в тарелке, явно ожидая, когда можно будет выйти из-за стола.

– А по-моему, она выглядит прекрасно.

– Спасибо, Эдди. – Эйвери улыбнулась.

Он поднял бокал:

– Кто-нибудь из вас видел, как она сегодня выступала у входа в клинику? Сегодня этот репортаж три раза был в „Новостях“ на всех местных каналах.

– Да уж, лучшего и желать нельзя, – заметил Нельсон. – Зи, не нальешь мне кофе?

– Конечно.

Она налила ему кофе и передала кофейник по кругу. Дороти-Рей от кофе отказалась и потянулась к своей бутылке. Ее глаза встретились с глазами Эйвери. В ответ на сочувственную улыбку Эйвери получила враждебный взгляд. Дороти-Рей с вызовом наполнила себе бокал.

Она была привлекательной женщиной, хотя чрезмерное потребление спиртного наложило отпечаток на ее внешность. Лицо у нее было несколько отекшее, особенно вокруг глаз, которые от природы были ярко-синими. Она попыталась к обеду привести себя в порядок, но должной опрятности достичь ей так и не удалось. Волосы она кое-как убрала назад двумя заколками. Что до косметики, то она была наложена так неумело и неряшливо, что лучше бы Дороти-Рей не красилась вовсе. В общей беседе она не участвовала, за исключением тех случаев, когда кто-нибудь обращался непосредственно к ней. В основном она общалась с неодушевленным предметом – бутылкой вина.

У Эйвери уже сложилось впечатление, что Дороти-Рей Ратледж глубоко несчастна. Теперь это впечатление лишь усилилось. Причина, почему она была несчастна, оставалась пока неизвестной, но одно Эйвери было ясно – Дороти-Рей любит своего мужа. В разговоре с ним она все время была настороже – как и сейчас, когда он попытался передвинуть бутылку от нее подальше. Она отпихнула его руку, дотянулась до горлышка бутылки и подлила себе еще. В то же время Эйвери заметила, что она то и дело бросает на Джека отчаянные взоры.

– Ты видел макеты новых плакатов? – обратился Джек к брату.

Эйвери сидела между Тейтом и Мэнди. Хотя во время еды она со всеми поддерживала разговор, но особенно явственно ощущала рядом присутствие этих двоих, правда, по разным причинам.

После того как Эйвери разрезала мясо в тарелке Мэнди на маленькие кусочки, девочка молча ела. При всем небольшом опыте общения с детьми, Эйвери знала, что за столом они болтают, задают вопросы, вертятся и подчас доводят окружающих до белого каления.

Мэнди сидела удивительно смирно. Она ни на что не жаловалась. Ничего не клянчила. Она не делала ничего – только методично пережевывала кусочки еды.

Тейт ел с аппетитом и быстро, как будто ему было жаль зря просиживать за столом. Разделавшись со своей порцией, он стал потягивать остатки вина в бокале, и у Эйвери создалось ощущение, что он ждет не дождется, когда другие доедят.

– Да, я сегодня их посмотрел, – ответил он на вопрос Джека. – Мне больше всего нравится про фундамент.

– Ага, „Тейт Ратледж – новый прочный фундамент“, – процитировал Джек.

– Он самый.

– Это я придумал, – сказал Джек.

Тейт шутя „выстрелил“ в старшего брата из указательного пальца и подмигнул:

– Наверное, именно поэтому он мне так нравится. Ты умеешь попасть в точку. Как по-твоему, Эдди?

– По-моему, звучит неплохо. И вполне соответствует нашей программе вытащить Техас из экономического болота и вернуть ему почву под ногами. На твоей платформе вполне можно строить новое

будущее. Одновременно здесь есть тонкий намек, что фундамент, который предлагает Деккер, прогнил насквозь.

– А как тебе, пап?

Нельсон задумчиво кусал губу:

– Мне больше понравился тот, где говорится о социальной справедливости для всех техасцев.

– Да, тот тоже неплох, – сказал Тейт, – но немного избитый.

– Может быть, как раз это тебе и нужно, – ответил отец, хмурясь.

– Это должно в первую очередь нравиться ему самому, Нельсон, – заметила Зи.

Она сняла прозрачную крышку с блюда, на котором красовался многослойный пирог с кокосовым кремом, и принялась резать его на куски. Первый достался Нельсону, и он уже собрался к нему приступить, но тут вспомнил о виновнице торжества.

– Нет, сегодня первый кусок – Кэрол. С возвращением домой.

Ей передали тарелку.

– Спасибо.

К кокосовому торту она была так же равнодушна, как и к сухому вину, но Кэрол, по-видимому, любила и то, и другое, так что Эйвери пришлось приступить к десерту. Зи тем временем накладывала торт мужчинам, а те возобновили разговор о тактике предвыборной кампании.

– Так что, остановимся на этом лозунге и начнем печатать тираж?

– Давай, Джек, повременим пару дней с окончательным решением. – Тейт посмотрел на отца. Хотя Нельсон с аппетитом уписывал сладкое, у него все еще было недовольное лицо, поскольку его предложение не нашло поддержки. – Я сегодня только бегло их посмотрел. Это самое первое впечатление.

– Обычно оно-то и оказывается самым верным, – возразил Джек.

– Возможно. Но у нас ведь есть пара дней на раздумья?

Джек взял из рук Зи предназначенную ему тарелочку с тортом. Дороти-Рей от своего куса отказалась.

– Нам надо запустить их в печать к концу недели.

– К тому времени я сообщу тебе свое решение.

– Ради Бога... Кто-нибудь... – Фэнси показывала на Мэнди.

Для трехлетнего ребенка оказалось непосильной задачей поднести кусок торта с тарелки ко рту, и все ее платице было сейчас в крошках,

а щеки вымазаны липкой глазурью. Она пыталась вытереть рот, но только перепачкала пальцы.

– Смотреть противно, как она ест. Можно мне уйти? – Не дожидаясь разрешения, Фэнси отодвинула ступ и встала, швырнув салфетку в тарелку. – Я еду в Кервиль, посмотрю, нет ли чего в кино. Никто со мной не хочет? – Вслух она приглашала всех, но глаза остановила на Эдди. Тот сосредоточенно поглощал десерт. – Похоже, что нет. – Она круто повернулась и выскочила из комнаты.

Эйвери облегченно вздохнула. Как можно так жестоко разговаривать с беззащитным ребенком? Эйвери взяла Мэнди на колени.

– Торт такой вкусный, что его просто невозможно съесть, не обронив несколько крошек, правда, моя хорошая? – Обернув палец краешком салфетки, она окунула его в стакан с водой и стала вытирать Мэнди перепачканную мордашку.

– Твоя дочь совсем распоясалась, Дороти-Рей, – бросил Нельсон. – Эта юбка едва закрывает ей задницу.

Дороти-Рей убрала волосы со лба:

– Я стараюсь, Нельсон. Это Джек ее распустил.

– Что за ложь! – воскликнул в негодовании Джек. – Не я ли заставил ее работать каждый день? А от этого толку больше, чем от всего, к чему ты пыталась ее приохотить.

– Ей надо учиться, – объявил Нельсон. – Я бы ни за что не разрешил ей вот так бросить школу, не дожидаясь даже окончания семестра. Что из нее получится? Кем она сможет стать без образования? – От мрачных предчувствий он покачал головой. – Ей придется всю жизнь расплачиваться за ошибки юности. И вам тоже. Что посеешь, то и пожнешь.

Эйвери была с ним согласна. Фэнси была совсем неуправляемой, и в этом, несомненно, были повинны ее родители. Но в то же время она не думала, что Нельсону следует обсуждать это при всех.

– Мне кажется, Мэнди не обойтись без ванны, – сказала она, радуясь, что появился предлог выйти из-за стола. – Вы нас извините?

– Тебе помочь? – спросила Зи.

– Нет, спасибо. – Потом, осознав, что отнимает хлеб у Зи, которая к тому же наверняка получает удовольствие от возни с внучкой, она добавила: – Раз уж сегодня я первый день дома, можно я уложу ее

сама? Обед был прекрасный, Зи. Большое спасибо. – Она встала и с Мэнди на руках вышла из столовой.

– Я зайду попозже пожелать Мэнди спокойной ночи, – прокричал им вслед Тейт.

– Ну что ж, я вижу, ничто не изменилось. – Дороти-Рей, шатаясь, прошла через гостиную и рухнула в кресло перед большим телевизором. Джек сел в соседнее. – Ты слышал, что я сказала? – спросила она через несколько секунд, не дождавшись ответа.

– Я слышал тебя, Дороти-Рей. Если ты имеешь в виду, что опять нажралась, то ты абсолютно права. Ничто не изменилось.

– Я имею в виду, что ты все так же пялишься на жену брата.

Джек пулей выскочил из кресла. Он с размаху хлопнул по телевизионному пульта, выключая передачу на полуслове.

– Ты пьяна и отвратительна. Я иду спать. – Он прошел в спальню.

Дороти-Рей сделала усилие, чтобы подняться и пойти за ним. Сзади волочился подол ее халата.

– Не пытайся это отрицать, – сказала она, всхлипывая. – Я за тобой следила. Весь обед ты нес всякую чушь о красивеньком новеньком личике Кэрол.

Джек снял рубашку и швырнул в корзину для белья. Потом нагнулся и стал расшнуровывать ботинки.

– Единственный, кто в нашей семье порет чушь, – это ты, моя милая, потому что ты напиваешься так, что лыка не вяжешь.

Она машинально вытерла губы тыльной стороной руки. Те, кто знал Дороти-Рей Хэнкок девчонкой, ни за что не поверили бы, что к сорока годам с ней случится такое. Она была первой красавицей в старших классах школы Лампасаса, причем все четыре года.

Ее отец слыл в городе известным адвокатом. Единственная дочь, она была для него словно свет в окошке. Он души в ней не чаял, и все девчонки ей завидовали. Два раза в год он возил ее в Даллас в универмаг „Нейман-Маркус“, где она обновляла свой гардероб. На шестнадцатилетие она получила в подарок новенький „корвет“ с откидным верхом.

Ее мать устроила было скандал, заявив, что такую машину нельзя доверять девчонке, но Хэнкок подлил ей виски и объяснил, что, если

бы ему вздумалось поинтересоваться ее бесценным мнением, он бы не преминул это сделать.

По окончании школы, ослепленная своей славой, Дороти-Рей поехала в Остин поступать в Техасский университет. На первом курсе она познакомилась с Джеком Ратледжем, совершенно потеряла из-за него голову и решила заполучить его раз и навсегда. Никогда в жизни она ни в чем не знала отказа, и раз уж она полюбила парня, то не собиралась никому его уступить.

Джек, который учился на втором курсе юридического факультета, тоже был влюблен, но ему не приходило в голову жениться до окончания вуза. Отец ожидал от него не просто диплома, а одного из лучших на курсе. Он также ожидал от Джека рыцарского отношения к женщинам.

Поэтому, когда Джек наконец-то поддался искушению и лишил Дороти-Рей Хэнкок невинности, он оказался в затруднении, что поставить на первое место – рыцарство по отношению к леди или долг перед родителями с их надеждами. Принять решение ему помогла Дороти-Рей, которая слезливо объявила ему, что у нее задержка.

Охваченный паникой, Джек рассудил, что преждевременная женитьба все же лучше, чем внебрачный ребенок, и стал молить Бога, чтобы отец рассудил так же. Вдвоем с Дороти-Рей они поехали на выходные в Оклахому, тайно обвенчались и только потом объявили об этом родителям.

Нельсон и Зи были разочарованы, но, получив заверения Джека, что он не собирается бросать учебу, приняли Дороти-Рей в семью.

Хэнкоки в Лампасасе восприняли новость не столь спокойно. Тайное венчание дочери совершенно выбило ее отца из колеи. Через месяц после бракосочетания он скончался от сердечного приступа. Мать Дороти-Рей попала в клинику для алкоголиков. Через несколько недель ее выписали, признав излечившейся. Не прошло и трех дней, как она въехала на машине в опору моста. Она была пьяна и скончалась на месте.

Фрэнсин-Энджела появилась на свет лишь спустя восемнадцать месяцев после бракосочетания. Или это была самая продолжительная в истории беременность, или Джека заманили под венец хитростью.

Он никогда ее ни в чем не упрекал, но, как будто в оправдание, у Дороти-Рей дважды случался выкидыш, когда Фэнси была еще совсем

маленькая.

Последний выкидыш оказался опасным для ее жизни, поэтому во избежание последующих беременностей ей зашили маточные трубы. Чтобы заглушить вызванную этим физическую, моральную и эмоциональную боль, Дороти-Рей стала по вечерам готовить себе коктейль. Когда одного коктейля стало мало, она перешла на два.

– Как ты можешь смотреть на себя в зеркало, – взывала она теперь к мужу, – зная, что ты любишь жену своего брата?

– Я ее не люблю.

– Нет? Не любишь? – подавшись вперед, она задышала на него перегаром. – Ты просто ненавидишь ее, потому что ты для нее пустое место. Она вытирает об тебя ноги. Ты даже не замечаешь, что все перемены в ней – всего лишь...

– Какие перемены? – Вместо того, чтобы повесить брюки на плечики, которые были у него в руках, он бросил их на стул. – Ты ведь знаешь, что она объяснила, почему пишет левой рукой.

Добившись наконец его внимания, Дороти-Рей взяла себя в руки и заговорила с тем видом превосходства, какой бывает только у пьяных.

– Другие перемены, – сказала она свысока. – Ты разве ничего не заметил?

– Возможно. Какие именно?

– Ну, например, как она стала внимательна к Мэнди или как она виснет на Тейте.

– Она столько пережила. Она стала мягче.

– Ха! – воскликнула она. – Она? Мягче? Господи, да ты и впрямь слепой! – Ее голубые глаза тщетно пытались сфокусироваться на лице Джека. – Да после несчастья ее как будто подменили, ты это знаешь не хуже меня. Но все это показуха, – заявила она многозначительно.

– Зачем ей это?

– Ей что-то нужно. – Она качнулась и для пущей убедительности ткнула его пальцем в грудь. – Может, она решила изобразить из себя образцовую жену сенатора, чтобы вместе с Тейтом перебраться в Вашингтон. Что ты тогда станешь делать, Джек? А? Куда тебе тогда деться с твоей похотью?

– Может быть, я тогда начну пить и составлю тебе компанию.

Она подняла трясущийся палец и показала на него.

– Не уклоняйся от темы. Ты сохнешь по Кэрл. Я знаю, – закончила она и снова всхлипнула.

Джек, устав от ее пьяного бреда, повесил одежду, обошел комнату, методично выключая свет, и повернулся к постели.

– Дороти-Рей, ложись спать, – сказал он усталым голосом.

Она схватила его за руку:

– Ты никогда меня не любил.

– Это неправда.

– Ты считаешь, что я тебя обманом заставила жениться.

– Я тебе этого не говорил.

– Я правда думала, что беременна. Правда!

– Я знаю.

– Поскольку ты меня не любил, ты считал, что можешь увиваться за другими. – Ее глаза обличающе сузились. – Я знаю, что были и другие. Ты столько раз мне изменял, что неудивительно, что я пью. – По ее лицу катились слезы. Она хотела стукнуть его по плечу, но промахнулась. – Я пью, потому что мой муж меня не любит. И никогда не любил. Он любит жену своего брата.

Джек забрался под одеяло, повернулся на бок и укрылся с головой. Его невнимание разозлило ее еще больше. Она на коленях подползла к середине кровати и принялась колотить его кулаками по спине:

– Скажи мне правду. Скажи, что ты ее любишь. Скажи, что ты меня презираешь.

Ее гнев и сила быстро иссякли, как он и предполагал. Она рухнула рядом с ним, мгновенно отключившись. Джек повернулся и укрыл ее. Потом, с тяжелым вздохом, перевернулся на спину и попытался уснуть.

– Я думал, она уже в постели.

В дверях ванной Мэнди появился Тейт. Девочка сидела в ванне, играя мыльной пеной. Рядом с ней стояла на коленях Эйвери.

– Наверное, ей действительно пора, но мы немного увлеклись мыльными пузырями.

– Я уж вижу.

Тейт вошел и присел на крышку туалета. Мэнди улыбнулась ему.

– Ну-ка, покажи папе свой фокус, – предложила Эйвери.

Девочка послушно набрала полную пригоршню пузырьков и с силой дунула, посылая клочья пены во все стороны. Несколько пузырей опустились на колено Тейту. Он бурно запротестовал:

– Эй, Мэнди, детка! Это ты принимаешь ванну, а не я!

Она хихикнула и набрала еще одну горсть. На этот раз клочок пены приземлился Эйвери на нос. К большому удовольствию Мэнди, Эйвери чихнула.

– Пожалуй, надо закругляться, а то тебя потом не угомонишь. – Наклонившись над ванной, она за подмышки вытащила Мэнди из воды.

– Давай ее сюда. – Тейт уже держал наготове полотенце.

– Осторожно. Она скользкая.

Мэнди завернули в розовую махровую простыню и отнесли в спальню. Возле кровати Тейт опустил ее розовыми пятками на пол. Ковер был такой пушистый, что пальчики совсем утонули. Тейт сел на край кровати и принялся отработанными движениями вытирать ребенка.

– Дашь рубашку? – бросил он Эйвери.

– Да, конечно. Сейчас достану. – В трехстворчатом шкафу одна часть представляла собой комод с шестью ящиками. В котором из них могут лежать ночные рубашки? Она подошла и выдвинула верхний ящик. Носочки и трусики.

– Кэрл? Во втором ящике.

Эйвери придала голосу уверенность:

– Я думаю, штанишки ей тоже понадобятся, ты не согласен?

Развернув полотенце, он помог девочке натянуть трусики, после чего надел на нее ночную рубашку, а Эйвери тем временем разбирала постель. Тейт уложил ребенка.

Эйвери принесла с тумбочки щетку, села рядом с Тейтом на край кровати и стала расчесывать Мэнди. Закончив, она наклонилась поцеловать девочку.

– От тебя так хорошо пахнет, – прошептала она. – Хочешь припудриться?

– Как ты? – спросила Мэнди.

– Гм, да. – Эйвери прошла назад к тумбочке и взяла пудру, которую заприметила там раньше.

Пудреница была сделана в виде музыкальной шкатулки. Когда она открыла ее, оттуда зазвучала мелодия Чайковского. Пуховкой она слегка припудрила Мэнди грудь, животик и ручки. Мэнди запрокинула голову. Эйвери провела ей пуховкой по шейке. Мэнди засмеялась, ссугулила плечики и спрятала кулачки на коленях.

– Ой, мамочка, щекотно.

Это обращение заставило Эйвери вздрогнуть. На глаза навернулись слезы. Она крепко обняла девочку. Несколько мгновений от нахлынувших чувств она не могла говорить.

– Ну вот, теперь от тебя еще вкуснее пахнет, правда, папа?

– Конечно. Спокойной ночи, Мэнди. – Он поцеловал ее, уложил на подушки и укрыл легким одеялом.

– Спокойной ночи. – Эйвери нагнулась поцеловать ребенка в щечку, но Мэнди обвила ее руками за шею и звонко чмокнула в губы. После этого она повернулась на бочок, притянула к себе любимого Винни-Пуха и закрыла глаза.

Немного опешившая от внезапного проявления чувств со стороны Мэнди, Эйвери поставила музыкальную шкатулку на место, выключила свет и вслед за Тейтом вышла в коридор. Она направилась к себе в спальню.

– В честь нашего первого дня... – Она не успела ничего понять, потому что он вдруг схватил ее за локоть и, втолкнув в комнату, припер к стене. Не выпуская ее руки, он закрыл дверь, чтобы его никто не услышал, и уперся другой ладонью в стену у ее головы. – Что с тобой? – спросила она.

– Заткнись и слушай меня. – Он приблизил к ней пышущее гневом лицо. – Я не знаю пока, какую игру ты затеяла. И не хочу звать. Но если ты станешь морочить голову Мэнди, я тебя вышвырну так, что у тебя искры из глаз полетят. Ты меня поняла?

– Нет. Ничего не поняла.

– Так уж и нет, – прорычал он. – Твоя притворная нежность и вся эта игра шита белыми нитками.

– Игра?

– Послушай, я не ребенок.

– Ты хулиган. Отпусти руку.

– Я-то прекрасно вижу, что ты притворяешься. Но Мэнди еще слишком мала. Она принимает все за чистую монету, и она потянется к тебе в ответ. – Он еще сильнее подался вперед. – И тогда, стоит тебе стать прежней Кэрол, ты оставишь в ее душе незаживающую рану.

– Да я...

– Я не могу допустить, чтобы с ней это произошло. И я этого не допущу.

– Да, невысокого же ты обо мне мнения, Тейт.

– Верно, совсем невысокого.

У нее перехватило дыхание. Он грубо оглядел ее с ног до головы:

– Ладно, сегодня утром ты произвела впечатление на прессу. Спасибо за это. Ты даже взяла меня за руку при всех. Очень мило. И у нас одинаковые обручальные кольца. Как романтично. – Он ухмыльнулся. – Ты даже моих родных, которые знают тебя как облупленную, заставила гадать, что за превращения с тобой приключились в госпитале: то ли ты уверовала в Бога, то ли еще что. – Он еще ниже нагнул голову. – Я слишком хорошо тебя знаю, Кэрол. И я знаю, если ты добра и нежна, значит, присмотрела добычу и готовишься к прыжку. – Сильнее сжав ей руку, он добавил: – Для меня это непреложный факт, запомни.

Эйвери с жаром возразила:

– Но я изменилась. Я стала другой.

– Ага. Ты только переменяла тактику, вот и все. Но мне наплевать, удастся ли тебе сыграть роль образцовой жены кандидата в Сенат или нет. То, что я сказал тебе накануне авиакатастрофы, остается в силе. После выборов, независимо от их исхода, мы расстанемся.

Ее не пугала перспектива лишения дома. Эйвери Дэниелз и без того уже лишилась всего – даже имени. Больше всего ее потрясло то, что Тейт Ратледж, за честность которого она могла бы поручиться головой, на поверку оказался до пошлости двуличным.

– И ты готов водить избирателей за нос? – прошипела она. – Ты готов во имя своей кампании терпеть меня рядом в качестве преданной жены, чтобы я стояла с тобой, махала ручками, расточала улыбки да еще зачитывала идиотские речи, которые ты будешь мне сочинять? И все это – ради победы на выборах?! – Ее голос зазвенел. – Потому что счастливый семьянин в качестве кандидата имеет преимущество перед разведенным, да?

Его взгляд был как кремень.

– Отличный ход, Кэрол. Можешь валить все на меня, если тебе от этого легче. Ты прекрасно знаешь, почему я не вышвырнул тебя давно. Эти выборы нужны мне и тем, кто в меня поверил. Я не могу подвести своих избирателей. И я не стану делать ничего, что может повредить мне на выборах, пусть даже для этого придется еще какое-то время жить с тобой под одной крышей. – Он опять презрительно осмотрел ее с ног до головы. – После операции ты выглядишь обновленной, но нутро у тебя гнилое, как и было.

Эйвери пыталась убедить себя, что его обвинения направлены не на нее, а на Кэрол, но это было нелегко. Каждое злое слово она принимала близко к сердцу, как если бы оно относилось к ней лично. Ей хотелось защититься от его нападков, она была готова прибегнуть для этого к испытанному женскому оружию, ибо, пугаясь его гнева, она одновременно разгорячалась.

В гневе он казался ей еще более привлекательным. От него веяло мужской силой, эти флюиды, казалось, перемешиваются с запахом его туалетной воды. Рот у него был крепко сжат. Эйвери захотелось сделать что-нибудь, чтобы смягчить это выражение.

Она с вызовом подняла голову:

– Ты так уверен, что я все та же?

– Более чем.

Ее руки скользнули ему на плечи и сплелись на затылке.

– Ты в этом уверен, Тейт? – Приподнимаясь на цыпочках, она потерлась губами о его рот. – Совершенно уверен?

– Перестань. От этого ты еще больше похожа на шлюху.

– Я не шлюха!

Его оскорбление отозвалось жгучей болью. В некотором смысле он был прав: в погоне за материалом она готова отдаться чужому мужу. Но это не могло ее разубедить: она ощущала все более настойчивое желание, которому уже не могла противостоять. Материал или не материал, но она хотела дать Тейту ту нежность и любовь, которой он не видел от своей жены.

– Я не та женщина, какой была прежде. Клянусь тебе.

Наклонив голову, она впиалась губами ему в губы. Обхватив ладонями затылок, она привлекла его голову ближе. Себе она сказала: если захочет, пусть сопротивляется.

Однако он поддался, и его голова оказалась вплотную к ее голове. Ободренная, Эйвери коснулась его губ кончиком языка. У него напряглись мышцы, но это было скорее свидетельство слабости, чем силы.

– Тейт? – Она нежно прикусила его нижнюю губу зубами.

– О Господи!

Его упиравшаяся в стену рука, которая держала его на расстоянии, упала. Всей своей тяжестью он притиснул Эйвери к стене. Одной рукой он крепко обвил ее талию, другой схватил за подбородок, едва не раздавив его в сильных пальцах, и, не отпуская, принялся ее целовать. Нежно припав к ее приоткрытому рту, он запустил язык в шелковистые влажные недра.

Не давая ей вздохнуть, он чуть повернул голову и быстрыми, искусными движениями языка стал ласкать ее губы. Она обхватила его лицо ладонями и гладила его копчиками пальцев, сама целиком отдаваясь поцелую.

Он запустил руку ей под юбку, потом в трусики и ощутил в ладони мягкую женскую плоть. Она застонала от наслаждения, когда он, приподняв ее за талию, прижал ее бедра к своим.

Эйвери почувствовала, что у нее внутри все намокло и задрожало. Грудь заныли. Соски напряглись. И в этот момент она вдруг оказалась одна.

Она заморгала, стукнулась головой о стену и, чтобы не упасть, ухватилась за нее руками.

– Отлично сыграно, Кэрол, – сказал он без всякого выражения. Щеки у него горели, а зрачки расширились. Он запыхался. – Да, ты не

такая вульгарная, как раньше, ты стала выше классом. Другая, но не менее сексуальная. Может, даже более.

Она посмотрела на оттопырившуюся застежку его джинсов, которая говорила красноречивей слов.

– Да, я возбужден, – недовольно проворчал он. – Но пусть я умру от этого – в постель с тобой не лягу.

Он вышел из комнаты. Он не стал хлопнуть дверью, а оставил ее нараспашку. Это было для нее большим оскорблением, чем если бы он разнес весь дом. Раненная в самое сердце, Эйвери осталась одна в комнате Кэрол, в окружении ее вещей и ее проблем.

В семье все были озадачены поведением Кэрол, а один человек даже не мог сомкнуть по этой причине глаз. Проведя несколько часов в бессмысленном топтании вокруг дома в надежде найти ответ на мучающие его вопросы, он наконец обратил свои взоры к луне.

Чего, собственно, добивается эта дрянь?

Точно обозначить происшедшие с ней перемены нельзя. Внешне они совсем незначительны. Новое выражение ей придавала короткая стрижка, но это не так существенно. Она потеряла несколько фунтов веса и выглядела стройней, но дело не в этом. В физическом смысле она, по существу, не изменилась. Куда заметнее и загадочнее казались перемены иного плана.

Чего добивается эта дрянь?

Если судить по ее поведению, можно подумать, что после того, как она побывала в объятиях смерти, в ней проснулась совесть. Но это невозможно. Она и слова-то такого не слыхала. Она всех прямо растрогала своей доброжелательностью – видимо, на то и расчет.

Может ли быть, чтобы Кэрол Ратледж вдруг переменилась? Чтобы она стала добиваться расположения мужа? Была любящей и заботливой матерью?

Не смешите меня.

Как глупо с ее стороны именно сейчас переменить тактику поведения! У нее отлично получалось то, что ей было поручено, – разбить сердце Тейта Ратледжа так, чтобы, когда у него в голове разорвется пуля, это стало для него почти избавлением.

Кэрол Наварро была создана для такого дела. Нет, конечно, ее пришлось вычистить и отмыть, прилично одеть и научить не засорять

речь бранными словами. Но к тому моменту, как капитальный ремонт был завершен, для окружающих она превратилась в удивительную смесь ума, интеллекта, утонченности и сексуальности, против которой Тейт не смог устоять.

Ему было невдомек, что ее остроумие перед этим пришлось очистить от всяких непристойностей, что ее интеллект – не более чем набор модных фраз, утонченность напускная, а сексуальность – следствие моральной испорченности. Как и было задумано, он клюнул на этот набор, потому что в его представлении именно такими качествами должна обладать жена.

Кэрол поддерживала его в заблуждении, пока не родилась Мэнди. Это тоже было предусмотрено планом. Тогда она с облегчением перешла ко второму пункту и завела себе любовников. Ее слишком долго мучили оковы респектабельности. Терпение ее иссякло. Когда постромки ослабли, она быстро вошла во вкус.

Господи, как здорово было видеть Тейта страдающим и униженным!

С того момента, как четыре года назад она была представлена Тейту, упоминание об их тайном альянсе прозвучало лишь однажды – в тот день, когда он пришел к ней в реанимацию. Ни словом, ни делом они не выдали своей тайны, своего преступного сговора, в котором ей отводилась не последняя роль.

Но после катастрофы она стала как-то уклончива. Он пристально наблюдал за ней. Она вела себя странно и совсем непривычно для Кэрол. Странности в ее поведении заметила вся семья.

Может, ей просто захотелось почудачить. Это было в ее духе. Ей, например, нравилось быть порочной просто так. Все это не так важно, но ясно, что она решила взять инициативу в свои руки и переменить план игры без предварительных консультаций.

Может быть, у нее просто не было возможности с ним это обсудить? Может, она знает про Тейта что-то такое, что заставляет ее действовать именно так?

Либо эта дрянь – и это наиболее вероятно – решила, что роль жены сенатора устроит ее больше, чем гонорар, который она должна получить, когда Тейт будет лежать в могиле. Ведь не случайно метаморфоза совпала по времени с предварительными выборами.

Каковы бы ни были мотивы, новое в ее поведении раздражало до безумия. Ей бы следовало поостеречься, не то ее придется устранить. Теперь план может быть осуществлен и без ее участия. Неужели эта дура сама не понимает?

Или до нее наконец дошло, что вторая пуля будет предназначена ей?

– Миссис Ратледж? Вот так сюрприз.

При виде Эйвери секретарша в адвокатской конторе Тейта и Джека Ратледжей поднялась ей навстречу. Эйвери, чтобы узнать адрес, пришлось перерыть телефонную книгу.

– Добрый день. Как поживаете? – Она не стала называть секретаршу по имени. На столе стояла табличка „Мэри Кроуфорд“, но лучше не рисковать.

– Отлично, а вот вы выглядите просто потрясающе.

– Спасибо.

– Тейт говорил, что вы стали еще красивее, чем раньше, но лучше, как говорится, один раз увидеть...

Тейт так говорил? С того вечера, как они целовались, они ни разу не перебросились и словом. Ей показалось невероятным, что он мог сказать о ней что-то хорошее.

– Он здесь?

– Да. Он здесь.

Она знала это: на стоянке стояла его машина.

– У него клиент.

– Я не думала, что он сейчас ведет какие-то дела.

– Он не ведет дел. – Разгладив сзади юбку, Мэри Кроуфорд опять села. – У него Барни Бриджиз. Вы ведь знаете, что это за человек. Правда, он вложил в предвыборную кампанию Тейта большие деньги, поэтому Тейт счел своим долгом его принять.

– Фу-ты, я столько ехала. Надолго они? Стоит подождать?

– Как вам будет угодно. Присаживайтесь. – Секретарша показала рукой на обитые полосатым вельветом диваны и кресла приемной. – Может быть, чашечку кофе?

– Нет, благодарю.

Теперь ей то и дело приходилось отказываться от кофе: она предпочитала не пить его совсем, чем хлебать переслащенную бурду, которую, видно, любила Кэрл. Расположившись в кресле, она взяла свежий номер „Филд энд стрим“ и принялась его перелистывать. Мэри

снова занялась печатанием на машинке, от которой оторвалась при появлении Кэрол.

Импульсивный визит к Тейту в контору был, конечно, рискованным шагом, но это был жест отчаяния. Она чувствовала, что если не поговорит с ним, то сойдет с ума. Чем эта Кэрол Ратледж занималась целыми днями?

Эйвери уже две недели жила в усадьбе, но пока ей не удалось обнаружить никаких следов деятельности Кэрол.

Несколько дней у нее ушло на то, чтобы запомнить расположение вещей в комнате Кэрол и других помещениях дома, куда она имела доступ. Ей все время приходилось озираться, так как она не хотела, чтобы кто-нибудь знал, чем она занята. Со временем она освоилась с планировкой дома и расположением предметов обихода.

Постепенно она знакомилась и с окрестностями. Она брала с собой Мэнди, поэтому ее экспедиции выглядели для всех обыкновенными прогулками.

Кэрол водила спортивную машину американского производства. К ужасу Эйвери, она обнаружила, что коробка передач в автомобиле механическая. Она не очень умела с ней обращаться. Выехав в первый раз, она силой заставила себя осваивать новую технику и готова была разнести машину на куски.

Осмотревшись как следует в доме и окрестностях, она стала придумывать себе дела, чтобы выбраться в город. Кэрол вела донельзя скучную жизнь, в ней не было ни разнообразия, ни экстримов. От скуки Эйвери лезла на стену.

Когда однажды в тумбочке она наткнулась на ежедневник, то прижала его к груди с трепетом золотоискателя, напавшего на самородок. Но, просмотрев его, убедилась, что, кроме визитов к маникюрше и парикмахеру, у Кэрол почти не было дел.

Эйвери решила, что и это пока не для нее. Провести несколько часов в салоне красоты – на что у Эйвери Дэниелз никогда не хватало времени – было бы очень заманчиво, но она не могла рисковать и идти к парикмахеру или маникюрше Кэрол Ратледж. Им ничего не стоило обнаружить подмену.

В ежедневнике не было никаких следов того, чем Кэрол заполняла свой день. По всей видимости, ни в каких клубах она не состояла. Друзей у нее было очень мало или не было вовсе, потому что никто не

звонил. Эйвери это казалось странным, хотя было ей на руку: это лучше, чем куча друзей и подруг, жаждущих общения.

Скорее всего, таких близких знакомых не было в природе. Во время ее болезни цветы и записки приносили только от друзей семьи Ратледжей.

У Кэрол не было ни работы, ни хобби. Эйвери справедливо рассудила, что этому надо только радоваться. Что, если Кэрол оказалась бы искусным скульптором, художником, музыкантом или каллиграфом? Ей и так пришлось тайком ото всех учиться есть и писать правой рукой.

Предполагалось, что никакой работы по дому она делать не должна. Даже кровать застилала ей Мона. Она же убирала в доме и готовила еду. Дважды в неделю приходил садовник и возился с цветами в саду. В конюшне хозяйничал бывший ковбой, который был уже слишком стар, чтобы пасти скот или объезжать лошадей. Ни от кого она не слышала совета возобновить какие-нибудь занятия, прерванные в связи с болезнью.

Кэрол Ратледж была абсолютной бездельницей. В противоположность Эйвери Дэниелз.

Дверь в кабинет Тейта распахнулась. Смеясь, оттуда вышли Тент и коренастый мужчина средних лет.

При виде Тейта, на лице которого играла теплая улыбка, сердце Эйвери затрепетало. От смеха в уголках глаз у него лучились морщинки, которые она никогда не видела, когда он был с ней. Эдди вечно пилит его за то, что он носит джинсы, сапоги и клетчатые рубашки, а не пиджак с галстуком. Он наотрез отказывался надевать костюм иначе как на публичные выступления.

– На кого я должен произвести впечатление? – спросил он как-то, когда речь зашла о его гардеробе.

– На несколько миллионов избирателей, – последовал ответ.

– Если их не впечатляет то, за что я стою, их не сразит и то, в чем я перед ними стою.

– Ну да, если только это не куча хлама, – проворчал Нельсон.

Все рассмеялись, и вопрос больше не возникал.

Эйвери была рада, что Тейт так одевается. Это был его стиль. Прислушиваясь сейчас к словам собеседника, он слегка нагнул голову – она хорошо знала и успела полюбить этот жест. На лоб ему упала

непослушная прядь. Он улыбался во весь рот, демонстрируя крепкие белоснежные зубы.

Он еще не видел ее. Она наслаждалась видом этой улыбки, пока он не обратил внимания на ее присутствие. Тогда улыбка у него на лице сменилась раздражением.

– Вот это сюрприз! – Густой бас вывел Эйвери из задумчивости. Собеседник Тейта проворно подошел на коротких толстых ножках, которые напомнили ей Айриша. Он сгреб ее в медвежьи объятия и увесисто похлопал по спине. – Черт побери, ты выглядишь лучше, чем когда-либо, вот уж не думал, что такое бывает!

– Здравствуйте, мистер Бриджиз.

– „Мистер Бриджиз“? Что за черт. Откуда это у тебя? Мы с мамочкой видели тебя по телевизору, и я даже сказал ей, что ты стала еще симпатичней. Она со мной согласилась.

– Рада слышать вашу похвалу.

Держа в пальцах сигару, он помахал ею у Эйвери перед носом:

– Послушай старика Барни, детка, эти социологические опросы ничего не значат, слышишь меня? Ровным счетом ни-че-го. Не далее как на днях я сказал мамочке, что эти опросы надо выкинуть на помойку. Ты думаешь, я стал бы давать деньги этому парню, – он хлопнул Тейта по плечу, – если бы не был уверен, что он уложит Деккера на лопатки? А?

– Нет, сэр, так я не думаю, – засмеялась Эйвери.

– И правильно делаешь, детка. – Сунув сигару в угол рта, он снова потянулся к Эйвери и довольно чувствительно ткнул ее в ребра. – Я бы с удовольствием пригласил вас на ленч, но у нас в церкви, как назло, собрание дьяконов.

– Не будем тебя задерживать, – сказал Тейт, стараясь сохранять серьезность. – Еще раз спасибо за деньги.

Барни отмахнулся:

– Сегодня мамочка пришлет свои.

Тейт поперхнулся:

– Я... я думал, что чек – от вас двоих.

– Да нет же, мой мальчик. Это только моя половина. Ну, мне пора. До церкви от тебя далековато, а мамочка кипятком писает, если я в городе гоню больше семидесяти в час, так что я обещал ей этого не

делать. На дороге и в самом деле полно всяких психов. И вы будьте осторожны, слышите?

Он вывалился на улицу. Когда дверь за ним закрылась, секретарша посмотрела на Тейта и хрипло спросила:

– Он сказал – половина?

– Говорит так. – Тейт с недоверием помотал головой. – По-видимому, он и впрямь социологам ни на грош не верит.

Мэри засмеялась. И Эйвери тоже. Тейт провел ее в кабинет, и улыбка с его лица сошла. Он плотно прикрыл дверь.

– Что ты здесь делаешь? Тебе нужны деньги?

Когда она слышала этот вежливый и безразличный тон, каким он говорил, когда они оставались вдвоем, у нее возникало чувство, будто ей в тело загоняют осколки стекла. Ей становилось больно. И она начинала звереть.

– Нет, деньги мне не нужны, – ответила она сухо и опустилась в кресло напротив его стола. – Как ты мне советовал, я съездила в банк и подписала новую карточку. Пришлось объяснить, почему у меня вдруг изменился почерк, – сказала она, разминая правую руку. – Так что теперь я могу в любой момент подписать чек, если вдруг кончатся наличные.

– Тогда зачем ты явилась?

– Мне нужно кое-что другое.

– Что именно?

– Какое-нибудь занятие.

Неожиданность ее заявления сделала свое дело. Теперь его внимание было полностью обращено на нее. Не скрывая своего скептического настроения, он откинулся на спинку кресла и задрал ноги на угол стола.

– Занятие, говоришь?

– Вот именно.

Он зацепился большими пальцами за пряжку пояса.

– Ну, я тебя слушаю.

– Мне скучно, Тейт. – Она сорвалась. Нервно поднявшись, она заходила по комнате. – Я сижу в доме, в четырех стенах, и мне совершенно нечем заняться. От безделья я заболеваю. У меня разжижаются мозги. Я уже начинаю обсуждать с Моной „мыльные оперы“.

Бесцельно шагая по кабинету, она отметила про себя несколько вещей – в первую очередь, что повсюду висят фотографии Мэнди, но ни одной – Кэрол.

На стене над столом были развешаны в красивых рамках дипломы и фотографии. В надежде узнать из них что-то о его прошлом, она приостановилась возле увеличенного до формата восемь на десять снимка, сделанного во Вьетнаме.

На фоне реактивного бомбардировщика стояли Тейт и Эдди, обхватив друг друга за плечи. Оба залихватски улыбались. Эйвери уже знала, что в университетском общежитии они жили в одной комнате, пока Тейт не прервал своего образования, записавшись в армию. Но она не знала, что Эдди ушел воевать с ним вместе.

– С каких это пор тебя стало беспокоить твое умственное развитие? – спросил он, прерывая ее мысли.

– Мне нужно чем-то заняться.

– Запишись в класс аэробики.

– Я записалась еще в тот день, когда врач осмотрел мою ногу и сказал, что я могу двигаться без ограничений. Но занятия всего три дня в неделю, и то по часу.

– Запишись еще куда-нибудь.

– Тейт!

– Что? Что ты от меня хочешь, черт возьми?

– Я пытаюсь тебе это объяснить. Но ты отказываешься меня слушать.

Он бросил взгляд на дверь, вспомнив, что секретарша сидит сразу за ней. Сбавив тон, он сказал:

– Ты ведь любишь верховую езду, однако с тех пор как ты выписалась из клиники, ты ни разу не села на лошадь.

Это была правда. Эйвери тоже любила ездить верхом, но она не знала, насколько хорошей наездницей была Кэрол, и боялась выдать себя, оказавшись слишком умелой или, наоборот, слишком неопытной с лошадьми.

– У меня пропал к этому интерес, – сказала она с запинкой.

– Я так и думал, – съязвил он, – как только ты срезала ценники со всей этой дорогой сбруи...

Эйвери нашла в шкафу у Кэрол одежду для верховой езды и про себя удивилась, неужели та и впрямь надевала галифе и короткую

жокейскую курточку.

– Со временем я, наверное, к этому вернусь.

Давая себе время собраться с мыслями, она стала рассматривать снимок Нельсона с Линдоном Джонсоном в его бытность конгрессменом. Впечатляюще.

На нескольких фотографиях Нельсон был в форме, что давало довольно полное представление о его карьере в вооруженных силах. Один снимок привлек ее особое внимание. Он был похож на фотографию Тейта в обнимку с Эдди. На этом снимке Нельсон стоял, лихо обхватив рукой за плечи другого молодого летчика – такого же симпатичного, как и сам Нельсон в те годы. Позади виднелся чудовищных размеров бомбардировщик. Внизу под фотографией была подпись: 'Майор Нельсон Ратледж и майор Брайан Тейт, Южная Корея, 1951 г.».

Брайан Тейт. Родственник Нельсона? Друг? По-видимому, в его честь Нельсон назвал сына.

Эйвери снова повернулась к нему, стараясь не показывать чрезмерного интереса к фотографии, которая, очевидно, должна была быть ей хорошо знакома.

– Дай мне работу в штабе кампании.

– Нет.

– Почему? Ведь Фэнси работает.

– Уже из-за одного этого тебе там делать нечего. Может дойти до кровопролития.

– Я не буду обращать на нее внимания.

Он покачал головой.

– У нас масса новых помощников. Они только что не мешают друг другу. Эдди и так вынужден изобретать им поручения.

– Но мне надо чем-то заняться, Тейт.

– Но зачем? Объясни!

Да затем, что Эйвери Дэниелз чувствовала себя не в своей тарелке, когда от нее никто ничего не требовал, когда некуда спешить и нет никаких дел. Праздный образ жизни, который вела Кэрол Ратледж, сводил ее с ума.

Если Тейт будет продолжать держать ее на почтительном расстоянии, она не сможет ни защитить его от покушения, ни написать свой материал. Ее будущее – и его тоже – теперь зависело от того,

сумеет ли она включиться в активную предвыборную работу – как и все, кого она могла подозревать.

– Мне хочется помочь тебе, насколько это в моих силах.

Он резко засмеялся.

– Кого ты хочешь обмануть?

– Но ведь я твоя жена!

– Ты забыла сказать – «пока».

Она притихла. Увидев обиду на ее лице, Тейт тихонько выругался.

– Ну, хорошо, если тебе так хочется что-нибудь для меня сделать, оставайся хорошей матерью для Мэнди. Мне кажется, она стала понемногу раскрываться.

– Не понемногу, а даже очень. И думаю, с каждым днем будет все лучше. – Положив руки на стол, она опустила на них лицо, как делала всегда, когда хотела уговорить Айриша разрешить ей подготовить материал на какую-то тему, которая была ему не по нутру. – Но даже Мэнди, с массой проблем, с ней связанных, не может занять всего моего времени. Я не могу находиться при ней неотлучно. К тому же три раза в неделю она ходит в детский сад.

– Ты сама согласилась с психологом, что так будет лучше.

– Я и теперь так считаю. Общение с другими детьми ей крайне полезно. Ей надо учиться общаться. Но пока она в саду, я шатаюсь по дому и бесцельно убиваю время. А днем она подолгу спит. – Она подалась сильнее вперед. – Пожалуйста, Тейт. Я просто засыхаю на корню.

Он долго смотрел на нее. Потом перевел глаза на вырез шелковой блузки, но быстро поднял их снова, рассердившись на себя за минутную слабость.

Он откашлялся и резко спросил:

– Ладно, что ты предлагаешь?

Ее напряжение слегка спало. По крайней мере, он готов ее выслушать. Она выпрямилась.

– Позволь мне работать в штабе.

– Исключено.

– Тогда разреши мне поехать с тобой на следующей неделе.

– Нет, – отрезал он.

– Ну, пожалуйста.

– Я сказал – нет. – Он раздраженно опустил ноги, встал и вышел из-за стола.

– Но почему нет?

– Потому что ты неопытна в этих делах, и у меня нет ни времени, ни желания с тобой возиться. Ты только создашь неудобства.

– Например?

– Например? – переспросил он, удивляясь ее забывчивости. – Раньше, когда я брал тебя с собой, ты только и делала, что ругала номера в отеле, еду в ресторане – все. Ты вечно опаздывала, притом что Эдди так педантичен во всем, что касается выполнения намеченного графика. Журналистам ты подпускала шпильки, которые тебе казались остроумными, а всем другим – почему-то безвкусными и неуместными. А ведь это была короткая поездка, всего на три дня, чтобы прощупать почву, прежде чем решиться на участие в выборах.

– Теперь это не повторится.

– У меня не будет времени тебя развлекать. Я буду или выступать, или готовиться к следующему выступлению. Не пройдет и нескольких часов, как ты начнешь ныть, что я не обращаю на тебя внимания и тебе скучно.

– Я найду чем заняться. Я могу варить кофе, заказывать сэндвичи, точить карандаши, принимать звонки, делать ответные звонки, ходить по поручениям.

– Ага, быть на побегушках. У нас, слава Богу, есть кому это поручить.

– Но что-то я могу делать! – Она следовала за ним по пятам. Когда он резко остановился, она влетела ему в спину.

Он повернулся.

– На второй день все очарование новизны улетучится, ты устанешь и начнешь жаловаться, станешь проситься домой.

– Нет, не стану.

– Но с чего это ты вдруг так захотела бурной деятельности?

– С того, – сказала она, разозлившись, – что ты баллотируешься в Сенат, и моя обязанность, как жены, помочь тебе выиграть.

– Свежо предание...

В дверь громко постучали. Когда Тейт открыл, вошли Джек и Эдди.

– Прошу прощения, – сказал Эдди, – но мы невольно подслушали ваш оживленный спор и решили, что пора его рассудить.

– Что у вас тут происходит? – Джек закрыл за собой дверь. – Что ты тут делаешь?

– Я пришла к мужу, – отпарировала Эйвери. – Если ты не возражаешь, Джек. – Она вызывающим жестом откинула со лба челку.

– Ради Бога, не заводись. Я просто так спросил. – Джек сел на диванчик у стены.

Эдди сунул руки в карманы и уставился под ноги. Тейт вернулся к столу и сел. Эйвери была слишком возбуждена и не хотела сидеть, она подошла к конторскому шкафу и прислонилась к нему, уперев руки в бедра.

– Кэррол хочет ехать с нами на той неделе, – объяснил Тейт.

Джек сказал:

– Господи, только не это.

– Но почему? – вскричала Эйвери.

Эдди сказал:

– Давайте все обсудим.

Тейт обвел их взглядом.

– Тебе эта идея не по нутру, Джек?

Джек посмотрел на Эйвери, пожал плечами и тихо проворчал:

– Делай как знаешь, она твоя жена.

Тейт перевел взгляд на Эйвери:

– Ты знаешь мои аргументы.

– Что ж, какие-то из них не лишены оснований, – сказала она примирительным тоном, мысленно благодаря его за то, что он не стал критиковать жену в присутствии других. – На этот раз я буду стараться, теперь я знаю, чего от меня ждут и чего мне ждать самой.

– Эдди?

Эдди оторвался от созерцания ковра и поднял голову:

– Нет никаких сомнений, что красивую пару продать куда легче, чем красивого мужика.

– Почему?

– Это вопрос имиджа. Супружеская пара – это для американцев олицетворение их идеалов – дом, семейный очаг, «американская мечта». Супружество означает, что, переехав в Вашингтон, ты не

станешь транжирить деньги налогоплательщиков на хороших секретарш, которые и печатать-то толком не умеют.

– По крайней мере, теоретически, – сказал Джек, хохотнув.

Эдди криво усмехнулся и уступил:

– Даже если только теоретически. Избирательницы станут любить тебя уже за то, что ты верный супруг и заботливый отец. А мужчины будут уважать тебя, потому что ты не «голубой» и не карьерист. При всей нашей современной искушенности, избиратели испытывают неловкость, когда голосуют за того, кто может вдруг оказаться гомосексуалистом. Мужская часть электората в своей массе с недоверием относится к кандидатам-красавчикам. Но если рядом с тобой будет стоять жена, то ты вроде как делаешься таким, как все.

– Иными словами, товарищем по несчастью, – язвительно бросила Эйвери.

Эдди с сожалением развел руками:

– Не я придумал эти правила, Кэрл.

Она с негодованием обвела их взглядом:

– Итак, каков будет ваш вердикт?

– У меня есть предложение.

– Говори, Эдди. – Тейт снова положил ноги на край стола и откинулся в кожаном кресле.

Эйвери боролась с искушением столкнуть его башмаки на пол, чтобы он потерял равновесие, а вместе с ним и высокомерный тон.

Эдди сказал:

– Я взял на себя смелость отклонить от имени Кэрл приглашение на обед в ближайшую пятницу.

– Это тот, что будет в Остине?

– Да. Я отговорился тем, что она еще якобы не готова к протокольному мероприятию по состоянию здоровья. – Он повернулся к ней. – Но я мог бы позвонить и переиграть это дело. Это будет двухпартийное собрание, так что собственно предвыборной агитации не ожидается, просто повод на других посмотреть и себя показать. Посмотрим, как пройдет твой выход, а тогда уже и решим насчет поездки.

– То есть мне предлагается испытательный срок, – сказала Эйвери.

– Понимай как хочешь, – спокойно ответил Эдди. Он посмотрел на Джека и Тейта. – Она здорово держалась тогда возле клиники.

Тейт прислушивался к мнению Эдди, но право окончательного решения оставлял за собой. Он взглянул на старшего брата, который хранил молчание.

– Твое мнение, Джек?

– Я думаю, Эдди прав, – отозвался он, неприязненно глянув на Эйвери. – Я знаю, что и мать с отцом тоже хотели бы, чтобы вы выступали единым фронтом.

– Благодарю вас за совет.

Намек был понят. Джек, не говоря ни слова, вышел из кабинета. Эдди молча кивнул и тоже вышел.

Тейт несколько мгновений смотрел на Эйвери в упор.

– Ну, хорошо, – проворчал он, – у тебя появился шанс убедить меня, что от тебя будет прок, когда кампания наберет силу.

– Ты не будешь разочарован, Тейт. Обещаю тебе.

Он с сомнением нахмурил брови.

– Значит, в пятницу. Мы должны будем выехать в семь часов. Будь готова.

– Я открою.

В дверь звонили уже дважды. Эйвери оказалась ближе всех. Она подошла к двери и потянула за ручку. Между вазонами с геранями стоял Вэн Лавджой.

Эйвери похолодела. Приветливая улыбка застыла на ее лице, а колени задрожали. В желудке все напряглось.

Вэн тоже почувствовал неловкость. Он неожиданно распрямил плечи, выронил из пальцев сигарету и часто заморгал.

Мысленно надеясь, что зрачки его расширились не от удивления, а от марихуаны, Эйвери, как могла, овладела собой.

– Здравствуйте.

– Приветствую. Гм... – Он сощурился и тряхнул жидкой шевелюрой. – Вы – миссис Ратледж?

– Да.

Он поднес тощую руку к груди:

– Господи, как вы похожи...

– Входите, пожалуйста. – Она не хотела бы сейчас услышать из его уст свою фамилию. Она только что с трудом подавила желание радостно окликнуть его по имени. Ей так хотелось обнять его и поведать, что она готовит самый сенсационный материал в своей жизни.

Правда, затеяла она это в одиночку. А рассказать Вэну – значит, и его поставить под угрозу. И хотя иметь союзника было так заманчиво, она не могла себе позволить такой роскоши. К тому же она не собиралась ставить под угрозу успех всего предприятия. Как хранитель секретов, Вэн был не слишком надежен.

Она посторонилась, давая ему пройти. Казалось бы, он должен был сейчас осматривать незнакомый интерьер, готовясь к съемке, но он опять уставился на нее. Он был так смущен, что Эйвери стало его жаль.

– Вы?... Ой, прошу прощения. – Он смущенно вытер ладони о штаны, после чего протянул ей правую руку. Она быстро пожала ее. – Вэн Лавджой.

– А я – Кэрол Ратледж.

– Да, я знаю. Я был возле клиники, когда вас выписывали. Я работаю на студии «Кей-Текс».

– Вот как.

Он пытался завязать обычную для таких случаев беседу, а сам не спускал с нее глаз. Было настоящей мукой стоять так близко к старому другу и не иметь возможности вести себя соответственно. У нее был к нему миллион вопросов, но пришлось ограничиться одним, который более всего приличествовал Кэрол Ратледж в данной ситуации.

– Если вы приехали от телекомпании, то почему не согласовали это с менеджером предвыборной кампании моего мужа – мистером Пэскемом?

– Он знает о моем приезде. Меня направила дирекция.

– Дирекция?

– На той неделе в среду мне предстоит снимать здесь сюжет для студии коммерческого телевидения. Вот, приехал осмотреться. Вас разве не предупредили?

– Я...

– Кэрол?

В дверях появился Нельсон, он смерил Вэна неодобрительным взглядом. Нельсон навсегда сохранил военную выправку и подтянутость. Его одежда неизменно была безукоризненно отутюжена, седая голова причесана волосок к волоску.

Вэн был полной его противоположностью. На нем была застиранная майка с эмблемой ресторана «Кахун», где подают устрицы в раковинах. На груди красовалась весьма двусмысленная надпись: «Открой, соси и ешь меня живьем». Джинсы его были не просто по моде потертыми, а выношенными до дыр, рваные кроссовки не имели шнурков. Эйвери предположила, что и носков на нем, по обыкновению, нет.

Он выглядел нездоровым и недокормленным, почти на грани истощения. Из-под футболки выпирали острые ключицы. Если бы он выпрямился, то можно было бы пересчитать все его ребра до единого. Но он стоял, как обычно ссутулив плечи над впалой грудью.

Эйвери знала, как мастерски эти руки, в пятнах никотина, с обгрызенными, грязными ногтями, умеют орудовать видеокамерой. Его вроде бы пустые глаза обладали даром необычайно глубокого

художнического видения. Но для Нельсона это был лишь стареющий хиппи, никчемное существо. Талант Вэна был так же скрыт от окружающих, как и настоящее имя Эйвери.

– Нельсон, это мистер Лавджой. Мистер Лавджой, представляю вам полковника Ратледжа. (Нельсон неохотно пожал руку Вэну.) Он приехал оглядеться перед записью телепередачи, которая состоится на следующей неделе.

– Вы работаете в «Эм Би продакшнз»? – строго спросил Нельсон.

– Иногда внештатно. Ну, то есть когда им нужен высший класс.

– Гмм. Они говорили, что сегодня кого-то пришлют. – Судя по всему, Нельсон ожидал кого-то посolidнее. – Идемте, я покажу вам дом. Вас что больше интересует – внутри или снаружи?

– И то и другое. Любое место, где Ратледж с женой и ребенком обычно проводят день. Мне сказали, нужно что-нибудь простецкое. Ну, всякая сентиментальная чушь.

– В вашем распоряжении весь дом, но прошу вас мою семью не беспокоить, мистер Лавджой. Моей жене вряд ли понравится похабщина на вашей майке.

– Ну, так ведь не она ее носит, какого дьявола ей беспокоиться?

Голубые глаза Нельсона приобрели ледяной оттенок. Он привык к более почтительному обращению со стороны тех, кого считал ниже себя по положению. Эйвери не удивилась бы, если б он сейчас ухватил Вэна за шкуру и вышвырнул на улицу. Если бы Вэн приехал не по поводу предвыборной кампании Тейта, Нельсон бы, вероятно, так и поступил.

Пока же он сказал:

– Кэрл, прошу у тебя извинения за то, что ты только что слышала. Мы вынуждены тебя оставить.

Вэн оглянулся:

– До свидания, миссис Ратледж. Извините, что я так уставился на вас, когда вошел, но вы показались мне похожей...

– Меня теперь не удивляет, когда на меня смотрят, – поспешила она прервать его. – У всех мое лицо вызывает любопытство, это так естественно.

Нельсон в нетерпении нагнул голову.

– Сюда, пожалуйста, Лавджой.

Прежде чем поспешить за Нельсоном в дом, Вэн в последний раз недоуменно помотал головой. Эйвери вернулась к себе в комнату и, закрыв дверь, прислонилась к ней спиной. Она глубоко вздохнула и заморгала, стряхивая слезы.

Ей так хотелось схватить эту тощую руку и после дружеских приветствий расспросить Вэна обо всем. Как Айриш? Все еще оплакивает ее смерть? Следит ли за собой? Что стало с новым синоптиком? Выгнали его или он сам уволился? Кто родился у секретарши – мальчик или девочка? Какие последние сплетни из коммерческого отдела? По-прежнему ли генеральный менеджер погуливает от жены со своей светской дамой?

В то же время она понимала, что Вэн может и не испытать той же радости от их встречи, что и она. О, он был бы в восторге, что она жива, но, едва оправившись от него, скорее всего бы заявил: «И какого хрена ты тут делаешь?»

Она частенько и сама задавала себе этот вопрос. Да, ей нужен материал, но эта мотивировка, конечно, слабовата.

На самом деле занять место Кэрол Ратледж побудило ее желание во что бы то ни стало спасти Тейту жизнь. Только вот есть ли в этом необходимость? И откуда исходит эта угроза, в существование которой она пока еще верит?

С того дня как попала домой, она внимательно следила за происходящим. Какие-то трения существуют между Джеком и Дороти-Рей. Фэнси может и святого вывести из терпения. Нельсон в некотором роде диктатор. Зи держится как-то в стороне. Эдди компетентен до предела. Но ни от кого она не видела другого отношения к Тейту, кроме любви и обожания. Ей надо выявить потенциального убийцу, и тогда ее сенсационный материал позволит ей вернуть доверие и авторитет, которого она лишилась из-за одного ошибочного суждения. Неожиданная встреча с Вэном напомнила об этом.

Она вдруг поняла, что занимается не столько своим будущим материалом, сколько людьми, с которыми живет. Это неудивительно. Самым трудным в ее профессии для Эйвери всегда была беспристрастность – и единственной важной составляющей журналистского ремесла, которой она никак не могла овладеть.

Интерес и способности к профессии она унаследовала от отца. Но его способность не учитывать человеческий фактор ей не передалась.

Она всеми силами стремилась быть объективной, но пока ей это слабо удавалось. И она опасалась, что участие в жизни Ратледжей будет ей плохим помощником.

Но сейчас она не может все бросить. Самым большим просчетом в ее тщательно продуманном плане оставался тот факт, что она не оставила себе путей к отступлению. И, не имея возможности раскрыться, она была вынуждена пока оставаться в своей роли и быть готовой ко всему – даже к неожиданным визитам старых знакомых.

Настала пятница. Стремясь убить бесконечно тянущееся время, Эйвери долго играла с Мэнди после ее дневного сна. Они сидели за низким столиком и лепили из пластилина динозавров, пока Мэнди не запросила есть. Тогда Эйвери поручила ее Моне.

В пять часов она приняла ванну. Потом занялась макияжем, одновременно хватая куски с тарелки, которую Мона принесла ей в комнату.

Волосы она уложила с помощью мусса. Они все еще оставались короткими и выглядели эффектно, но уже не столь броско, как прежде, во всяком случае, отросли достаточно, чтобы она могла их укладывать. Элегантную и слегка вызывающую прическу она подчеркнула парой серег с бриллиантами.

Без четверти семь, то есть за пятнадцать минут до назначенного времени, она была готова. Она стояла в ванной и доставала с полки флакон духов, когда вошел Тейт.

При его внезапном появлении она остолбенела. Он обычно спал на раздвижном диване в кабинете, смежном с ее спальней. Дверь между комнатами всегда была закрыта и заперта с его стороны.

Кабинет был выдержан в строгих, естественных тонах, что придавало ему сходство с джентльменским клубом. К нему прилегала небольшая ванная комната, раковина в которой была не больше плевательницы в кабинете стоматолога, а душ едва ли мог вместить взрослого человека. И все же Тейт предпочитал терпеть эти неудобства, чем делить с женой большую спальню, с просторной туалетной комнатой, где можно было, не мешая друг другу, одновременно одеваться и причесываться перед зеркалом во всю стену, где была мраморная ванна, над головой – застекленный потолок, а под ногами – многие метры пушистого ковра.

Первой мыслью Эйвери, когда он вошел, было, что он передумал и пришел сообщить, что едет без нее. Однако он был не столько сердит, сколько смущен. Увидев ее в зеркале, он замер.

Польщенная тем, что ее усилия оказались ненапрасными, Эйвери повернулась к нему и развела руки в стороны.

– Нравится?

– Платье? Платье потрясающее.

– А счет от «Фрост бразерз» будет еще более потрясающим.

Она знала, что платье действительно сногшибательное. Черная полупрозрачная ткань с блестками обтягивала грудь, плечи, спину и руки до самых запястий. Начиная от ложбинки на груди и до колен платье было поставлено на подкладку из черного шелка. Эффект усиливала кайма из прозрачных блесток по горловине и краю рукавов.

Это было очень сексуальное платье, но в то же время сдержанное, в духе Одри Хепберн. Она позволила себе эту обновку не из тщеславия. Просто сегодня ей не хотелось надевать что-то из гардероба Кэрол. Она хотела выглядеть дай Тейта по-новому, по-другому – не так, как Кэрол.

К тому же все вечерние платья Кэрол оказались сильно декольтированными и чересчур кричащими, совсем не в ее вкусе. Ей нужно было что-то легкое, по сезону, но в то же время с длинным рукавом. Она боялась слишком открываться, чтобы не выдать себя. Это платье было как раз то, что надо.

– На это не жалко, – выдавил Тейт.

– Тебе что-то нужно? Или ты зашел посмотреть, не опаздываю ли я?

– Если кто и опаздывает, так это я. Не могу найти запонки. Тебе не попадались?

От нее не укрылось, что он одет только наполовину. На подбородке была царапина – свидетельство торопливого бритья. Он был необут, с мокрыми и еще не причесанными волосами, а накрахмаленная сорочка со складками на груди была нараспашку и не заправлена в брюки.

При виде его поросшей волосами груди она сглотнула. Живот у него был твердый и плоский, как барабан. Так как он еще не застегнул брюк, она могла видеть голый живот и белую резинку трусов.

Она машинально облизнула губы. Сердце билось так сильно, что она чувствовала, как в такт его ударам грудная клетка упирается в ткань платья.

– Запонки? – переспросила она тихо.

– Я подумал, может, оставил здесь.

– Пожалуйста, поищи. – Она сделала жест в сторону шкафа, где еще раньше обнаружила кое-какие предметы мужского туалета.

Он перерыл два ящика, прежде чем нашел темную шкатулку с драгоценностями. Это было то, что он искал.

– Помочь?

– Нет.

– Да. – Она встала перед дверью, закрывая ему выход.

– Я сам справлюсь.

– Ты изомнешь рубашку. Дай помогу.

Не обращая внимания на его протестующие жесты, она взяла у него запонки и стала застегивать. Когда тыльной стороной руки она ненароком коснулась его голой и слегка влажной груди, ей захотелось уткнуться в нее лицом.

– А это что такое?

Она проследила за его взглядом.

– Ах, это. Художества Мэнди. – К зеркалу были прикреплены скотчем детские рисунки. – А тебе она разве ничего не дарила?

– Дарила. Я просто не ожидал, что ты их так развесишь. Раньше ты не выносила беспорядок. Все?

Он наклонился посмотреть, как продвигается дело. Их головы почти соприкасались.

– Еще секунду. Стой спокойно. Это у тебя в животе урчит? Можешь перекусить.

Он помедлил, потом взял с тарелки яблоко и кусок сыра. Его зубы с хрустом вонзились в яблоко. Звук, с которым он жевал, привел ее в возбуждение.

– Ну, что там? Скоро?

Разделавшись с запонками, она подняла на него глаза:

– А «бабочка»?

Он прожевал.

– У меня в комнате.

– Сам завяжешь?

– Да. Спасибо.

– Не за что.

Он был уже готов идти, но задержался. Несколько секунд он смотрел на нее, а вокруг витал аромат ее ванны и духов. Наконец он шагнул к двери.

– Через пять минут буду готов.

У Тейта было такое чувство, будто он только что чудом спасся. Наверное, он слишком распарился под душем. Иначе чем объяснить, что он никак не может остыть? Наверное, его неловкость вызвана суетой и ответственным вечером, который им предстоит.

Он долго воевал с галстуком-бабочкой, затем никак не мог найти второй носок, так что на одевание у него ушло еще десять минут. Однако, когда после его легкого стука в дверь жена вышла из своей комнаты, она ничего не сказала в упрек.

Они вместе прошли в гостиную, где Зи читала Мэнди сказку. Нельсон смотрел свой любимый многосерийный детектив, в котором справедливость неизменно торжествует и злодеи получают по заслугам.

Когда они вошли, он посмотрел на них и присвистнул:

– Вы прямо как жених с невестой.

– Спасибо, отец, – ответил за двоих Тейт.

– Ну уж, какая из нее невеста в черном платье, Нельсон. – Тейт не сомневался, что мать не имела в виду ничего обидного, но ее реплика прозвучала именно так. Последовала неловкая пауза. Зи поспешила добавить: – Но ты все равно прекрасно выглядишь, Кэрол.

– Спасибо, – ответила та тихо.

С первого дня знакомства Зи вела себя с невесткой весьма сдержанно. Она бы предпочла, чтобы роман сына закончился раньше, чем дело дошло до свадьбы, хотя вслух этого никогда не говорила.

В период беременности Кэрол Зи несколько потеплела к ней, но это материнское чувство быстро сошло на нет. За последние месяцы перед несчастьем она стала с явным неодобрением относиться к невестке. Тейт, конечно, понимал, в чем дело. Его родители были не слепые, а всякий, кто относился плохо к нему или Джеку, вызывал у них искреннее негодование.

Однако сегодня он хотел надеяться, что все пройдет гладко. Вечер и так ожидался напряженный. И хотя невольная бестактность матери ровным счетом ничего не значила, все же его напряжение только усилилось.

Ситуацию несколько разрядила Мэнди, которая соскользнула с бабушкиных колен и застенчиво подошла к родителям.

– Иди, я тебя обниму, – сказал Тейт.

Мэнди обхватила его и зарылась мордашкой в шею.

К его изумлению, Кэрол тоже присела на корточки:

– Когда мы вернемся, я зайду тебя поцеловать, ладно?

Мэнди подняла голову и серьезно кивнула:

– Хорошо, мамочка.

– Слушайся бабушку с дедушкой.

Мэнди опять кивнула, после чего обняла Кэрол:

– До свидания.

– До свидания. Поцелуй меня на прощание.

– А что, мне уже пора идти спать?

– Нет, просто я хочу получить поцелуй заранее.

Шумно поцеловав Кэрол, Мэнди побежала назад к бабушке. Обычно Кэрол была недовольна, если Мэнди портила ей макияж или мяла платье. Сейчас же она только промокнула губы салфеткой.

Он не мог объяснить этого иначе, как ее стремлением играть роль хорошей матери. Одному Богу известно, что у нее на уме. Скорее всего, вспыхнувшая вдруг привязанность к Мэнди – обыкновенное притворство. Она, несомненно, нахваталась этих ужимок из журналов и видеофильмов, которые смотрела во время болезни.

Взяв ее под локоть, он направился к двери:

– Мы можем поздно вернуться.

– Осторожно на дороге! – крикнула Зи вслед.

Нельсон оторвался от своего сыщика и пошел проводить их до двери.

– Если бы вы ехали на конкурс красоты для супружеских пар, первый приз был бы вам обеспечен. Не могу передать, как мне нравится, что вы, такие нарядные, куда-то отправляетесь вдвоем.

Не имел ли отец в виду, что надо забыть все размолвки и старые обиды? Тейт был благодарен ему за заботу, но не думал, что сможет

последовать его совету. Простить? Это всегда давалось ему непросто. Забыть? Не в его характере.

Но он пожалел об этом, когда помогал Кэрол сесть в машину. Если бы он мог вычеркнуть из памяти весь гнев, и боль, и презрение, чтобы сегодня же начать все сначала, захотел бы он?

С собой Тейт всегда был так же честен, как с другими. Да, сказал он себе, с такой, какой она была сегодня, он захотел бы начать все заново.

Попросту говоря, она была ему желанна. Она нравилась ему такая – с тихим голосом, спокойная и привлекательная. Он не ждал, чтобы она стала вдруг безвольной. В ней было слишком много живости и ума, чтобы она могла быть податливой и бессловесной партнершей. Да он и не хотел, чтобы она такой становилась. Ему нравились вспышки – гнева и веселья. Без них взаимоотношения становятся пресными, как недосоленная еда.

Она улыбалась, глядя, как он усаживается за руль.

– Нельсон прав. Ты сегодня прекрасно выглядишь, Тейт.

– Спасибо. – Устав вечно выражать презрение, он добавил: – И ты тоже.

Она ослепила его улыбкой. В былые времена он бы сейчас сказал: «К черту приличия, я хочу заняться любовью со своей женой» – и овладел бы ею прямо в машине. Его воображение разыгралось: уткнуться ей в разгоряченную грудь, погрузиться в ее влажную теплоту, услышать ее стон в самый последний момент.

Он и сам издал легкий стон, но спохватился и нарочито закашлялся.

Ему не хватало внезапной и жаркой близости с любимой женщиной.

Чтобы скрыть яростный блеск глаз, который мог его выдать, он надел темные очки, хотя солнце было уже низко. Выруливая на дорогу, он подумал, что ему не хватает того, что было когда-то между ними, но не ее самой. Ибо, хотя сексом они занимались часто и с удовольствием, настоящей близости между ними никогда не было. Их браку с самого начала не хватало единства ума и чувства, хотя понял он это значительно позднее.

Он не мог грустить о том, чего у него никогда не было, и все же ему этого хотелось. Кресло в Сенате было его заветной мечтой, но

если он даже его получит, то радость победы будет омрачена несчастливым браком. Его политическая карьера могла бы быть еще более блистательной, если бы победы и поражения разделяла с ним любящая и верная жена.

Да, с таким же успехом можно пожелать достать луну с неба, подумал он. Даже если у Кэрол и появилась способность к любви, он теперь не захочет от нее ничего. Она давно отбила у него всякую к тому охоту.

Физически она еще влекла его, и сейчас сильнее, чем когда-либо, но душевное влечение было разрушено. И он ни за что не поддастся одному при полном отсутствии другого.

Вот только это его решение никак не хотел признать некий слишком самостоятельный орган.

Тейт покосился на Кэрол. Все-таки она выглядит потрясающе. И мама была права. Для невесты у нее слишком искушенный и сексуальный вид.

Она была больше похожа на любимую и желанную жену, что было совсем не в духе Кэрол.

Эдди Пэскел вышел из душа и быстро промокнул полотенцем грудь, руки и ноги. После этого он перекинул полотенце за спину и энергично закончил вытираться на ходу. Войдя в комнату, он остолбенел.

– Какого...

– Привет. Вот уж не думала, что ты увлекаешься такими картинками. – По диагонали на его кровати возлежала Фэнси. Облокотясь на руку, она перелистывала «Пентхауз», который нашла на тумбочке. Бросив бесстрастный взгляд на одну особенно откровенную фотографию, она подняла глаза на Эдди и хитро улыбнулась. – Ах ты, нехороший мальчик.

– Какого черта ты тут делаешь?

Он торопливо обернул полотенце вокруг пояса. Фэнси лениво, с кошачьей грацией, потянулась.

– Я загорала возле бассейна и заглянула сюда охладиться.

Эдди занимал однокомнатную квартиру с кухней, расположенную над гаражом. Он поселился здесь после того, как Тейт нанял его менеджером своей компании. Ратледжи бурно протестовали. Особенно рьяно возражала Зи:

– Ты собираешься жить в квартире для прислуги? И слышать об этом не хочу.

Тейт тоже был против, он говорил, что раз уж Эдди намерен жить на ранчо, то ему найдется место в доме.

В ответ Эдди объяснил, что ему нужно быть поблизости от Тейта и в то же время иметь возможность уединиться. Квартира над гаражом отвечала обоим требованиям. Тогда они уступили, и он перебрался сюда.

Теперь его уединение оказалось нарушено.

– Почему надо охлаждаться именно здесь? – спросил он, раздражаясь. – Что, в доме кондиционер не работает?

– Не будь таким нудным. – Фэнси отбросила журнал и села. – Или ты не рад меня видеть?

– Да уж, посмотреть есть на что, – проворчал он, вытирая голову. Волосы у него были светлые и прямые. – Я бинты видел шире, чем твои бикини. И как Нельсон разрешает тебе так разгуливать?

Из куцега купальника Фэнси выпирала во все стороны пышная плоть.

– Деду ничто эротическое не нравится, – фыркнула она. – Для меня загадка, откуда у него или у дяди Тейта могли взяться дети. Воображаю себе, как дед распевает армейские марши, лежа с бабулей в постели. – Она призадумалась. – Не могу себе представить, как она кончает, а ты?

– Фэнси, ты неисправима. – Он невольно хохотнул, представив себе нарисованную ею сцену. Потом подбоченился и стал выговаривать: – Не могла бы ты все-таки убраться, пока я буду одеваться? Я сказал Тейту, что встречу с ним на банкете, и боюсь опоздать.

– Можно мне с тобой?

– Нет.

– Но почему? – взмолилась она.

– Билетов нет.

– Ну, что тебе стоит достать?

Он отрицательно мотнул головой.

– Почему нет? Я бы собралась в одну секунду.

– Там будет много народу, причем взрослых, Фэнси. Ты умрешь от скуки.

– А ты, небось, боишься умереть от возбуждения, если я поеду с тобой. Обещаю тебе, скучать не будешь. – Она многозначительно подмигнула.

– Ты уходишь или нет?

– Или нет, – ответила она дерзко, расстегнула лифчик и уронила его на кровать. Откинувшись назад, она оперлась на локти. – Как тебе... мой загар?

Ее мягкая и полная грудь вызывающе выделялась младенчески-розовой кожей над загорелым животом. Соски, окруженные большими розовыми кружками, были твердые и выпуклые.

Воздев голову к потолку, Эдди закрыл глаза.

– Ну, сейчас-то зачем? Давай-давай, вставай. Надень лифчик и убирайся ко всем чертям.

Подойдя к кровати, он протянул руку, чтобы помочь ей встать. Фэнси взяла руку, но не для того, чтобы опереться на нее, а чтобы поднести к груди и прижать ладонь к набухшему соску. Глаза ее светились озорством и похотью. Медленно водя его ладонью по соску, она свободной рукой сняла с него полотенце и издала восторженный возглас.

– Ого... Эдди, какой у тебя красивый член. – Она с жадностью смотрела на него, двигаясь к краю кровати. Обхватив пенис рукой, она, не разжимая пальцев, провела по нему сверху донизу. – Такой большой. Скажи, для кого ты его бережешь? Для этой рыжей уродины в штабе кампании? Или для тети Кэрол? – Запрокинув голову, она обвела взглядом его торс. На мгновение холодный блеск его глаз насторожил ее, но она тут же решила, что в гневе он ей еще симпатичнее. Это было даже интересно. – Я могу и хочу дать тебе куда больше, чем они. – Чтобы подкрепить это заявление, произнесенное со страстным придыханием, она нагнула голову.

При первом ловком и влажном прикосновении ее языка колени у Эдди подогнулись. Не прошло и нескольких секунд, как Фэнси лежала посреди кровати, а он находился сверху. Его язык хозяйничал у нее во рту, настойчиво пробираясь к самой глотке.

– О, Господи! О, Боже, Да. Да! – стонала Фэнси при каждом движении его настойчивых рук.

Закинув ей руки за голову, он набросился на грудь, с жаром впиваясь в соски, покусывая и лаская, а она извивалась от страсти. Под его натиском у нее закружилась голова, и она не сразу заметила, что он оставил ее в покое.

Она открыла глаза. Он стоял в ногах кровати, самодовольно улыбаясь.

– Какого... – только теперь, когда она попыталась сесть, дошло, что руки у нее связаны за головой. Она перекинула их вперед. Запястья были стянуты ее же лифчиком. – Ах ты сукин сын! – закричала она – Сейчас же развяжи, черт тебя побери!

Эдди невозмутимо подошел к комоду и достал из верхнего ящика пару белья. Натягивая трусы, он прищелкнул языком:

– Ай-ай-ай, какие выражения.

– Развяжи меня, подонок!

– Я уверен, что изобретательная молодая леди, – он сделал ударение на последнем слове, скептически поднимая одну бровь, – найдет способ вызволить себя из плена.

Достав из пластикового мешка взятый напрокат смокинг, он начал одеваться. Пока он это делал, Фэнси осыпала его всеми известными ей ругательствами.

– Побереги силы, – сурово оборвал Эдди, когда ее грубая тирада стала ему надоедать. – Я только одно хочу знать.

– Пошел ты!

– Что ты хотела сказать, когда упомянула обо мне и Кэрол?

– А ты что думаешь?

Он в три шага оказался возле кровати, намотал на руку ее волосы и потянул так, что она закричала.

– Я не знаю, что я должен думать. Поэтому и спрашиваю.

Она испугалась. Дерзость с нее как рукой сняло.

– Ну, с кем-то ты ведь трахаешься. Почему бы не с тетей Кэрол?

– Прежде всего потому, что она мне не нравится.

– Это неправда.

– Почему неправда?

– Потому что ты, как ястреб, не сводишь с нее глаз, особенно с тех пор, как она вышла из больницы.

Эдди продолжал ледяным взором смотреть на нее.

– Она жена моего лучшего друга. И у них есть свои проблемы. Меня тревожит, как отразятся на его предвыборной борьбе их отношения.

– «Их отношения»! – засмеялась Фэнси. – Он ее на дух не выносит, потому что она изменяла ему направо и налево. А мой честный и порядочный дядя Тейт не потерпит такого от собственной жены. Он не разводится с ней, только пока не прошли выборы. – Тут Фэнси расплылась и замурыкала. – Но знаешь, что я тебе скажу? Если у тебя и есть какие-то виды на Кэрол, то, боюсь, ты опоздал. По-моему, у них что-то налаживается. И я думаю, что то, что перепало тебе, до того как разбился самолет, теперь получает дядя Тейт.

Он медленно разжал пальцы и отпустил ее волосы.

– Это все домыслы, Фэнси. – Его голос звучал спокойно и ровно. Он прошел к столику, сунул в карман носовой платок и надел часы. – И

на этот раз совершенно неверные. Между мной и Кэрол никогда ничего не было.

– Ну, можно спросить у нее.

– На твоём месте, – тихо бросил он через плечо, – я бы держал свои ревнивые фантазии при себе.

Фэнси, ловко обходясь без рук, соскользнула с постели и встала.

– Послушай, Эдди, это уже не смешно. Развяжи мне руки.

Он склонил голову набок, как бы обдумывая ее просьбу.

– Нет, думаю, не стоит. Мне кажется, пока ты не освободилась, мне лучше удалиться на безопасное расстояние.

– Но я не могу отсюда выйти, пока у меня связаны руки.

– Совершенно верно.

Она проковыляла за ним к двери.

– Эдди, ну, пожалуйста, – заныла она. В больших голубых глазах показались слезы. – Как это жестоко! Для меня это совсем не игра. Я знаю, ты думаешь, что я паршивка, что вешаюсь тебе на шею, но мне просто ничего не оставалось, как самой сделать первый шаг. Я тебя люблю. Пожалуйста, не гони меня. Ну, пожалуйста.

Положив ей руки на талию, он мягко сжал ее.

– Я уверен, ты вполне способна найти себе какого-нибудь парня, который будет еще меня благодарить за то, что я раззадорил тебя для него.

Она вспыхнула.

– Ты – сукин сын. – Ее голос звучал теперь не вкрадчиво и униженно – в нем была ярость. – Да, ты прав, я найду себе парня, черт тебя возьми. И я высосу из него все соки. Я...

– Приятного вечера, Фэнси. – Не церемонясь, он отпихнул ее и сбежал по наружной лестнице вниз, где стояла его машина.

Фэнси ногой с силой захлопнула за ним дверь.

Выйдя из женского туалета, Эйвери даже не заметила, что у телефонной будки кто-то стоит. Ей не терпелось скорее вернуться в банкетный зал. Банкет был бесконечно длинный, а оратор, произносивший речь после обеда, ужасный зануда.

Однако, как только они смогли выйти из-за стола, Тейт оказался в центре внимания. Казалось, все затем только и собрались, чтобы поздороваться с ним, независимо от того, к какой партии принадлежат.

Даже его политические противники были настроены весьма дружелюбно. И никто не проявлял враждебности, во всяком случае такой, чтобы можно было заподозрить его в подготовке покушения на жизнь Тейта.

Если даже его идеи разделяли не все, он безусловно пользовался всеобщим уважением. Стоять рядом с ним в качестве законной жены было восхитительно. Всякий раз, когда он ее представлял, в его словах звучала известная доля гордости, отчего она внутренне трепетала. Пока что она не допустила ни одной промашки. Когда подходил кто-то, с кем Кэрол могла быть знакома, она безошибочно догадывалась об этом по репликам Тейта. Все шло великолепно.

Когда она сказала, что ей надо выйти, Тейт взял ее за локоть, как бы давая понять, что даже краткая разлука будет ему тяжела.

Теперь, когда она проходила мимо телефонов-автоматов, кто-то протянул руку и схватил ее за запястье. Она вскрикнула и, развернувшись, оказалась лицом к лицу с каким-то мужчиной. Судя по смокингу, это был один из гостей вечера.

– Как дела, крошка? – протянул он.

– Пустите меня! – Думая, что он просто налился, она попробовала вырвать руку.

– Не так скоро, миссис Ратледж. – В его устах имя прозвучало как оскорбление. – Мне хочется поближе взглянуть на новое личико, о котором я столько слышал. – Он притянул ее к себе. – Если не считать прически, ты совсем не изменилась. Но ответь-ка мне на один вопрос: он меня волнует. Ты все такая же горячая?

– Я сказала, пустите меня.

– А в чем дело? Боишься, как бы муж тебя не застукал? Он не застукает. Он слишком занят своими выборами.

– Если вы не выпустите мою руку, я позову на помощь.

Он захохотал:

– Ты что, злишься, что я не пришел навестить тебя в госпитале? Ну, подумай сама, пристало ли любовнику, пусть даже одному из многих, теснить законного супруга у постели больной жены?

Она яростно смерила его ледяным взглядом:

– Все изменилось.

– Ой ли? – Он вплотную приблизил к ней лицо. – А что, у тебя больше передок не свербит, как раньше?

Испугавшись и разозлившись одновременно, она стала опять вырывать у него руку, отчего он только входил в раж. Заломив руку за спину, он прижал ее к себе. Ее обдало влажным пьяным дыханием. Она попыталась отвернуться, но он свободной рукой ухватил ее за подбородок.

– Да что с тобой, Кэрол? Ты что, вообразила, что после того, как Тейт выиграл предварительные выборы, тебе все можно? Небось, уже возомнила себя вашингтонской дамочкой? Вот смеху-то! Да Рори Деккер даст ему такого пинка, вот увидишь! – Он с силой сжал ей подбородок. От боли и гнева она застонала. – И теперь, когда ты думаешь, что он попадет в Вашингтон, ты решила вернуться к нему? Сегодня ты меня в упор не заметила. Что ты из себя возомнила, сука, что перестала меня замечать?

Он смачно приник к ее губам, смазывая только что нанесенную помаду и вызвав у нее приступ тошноты. Сжав кулаки, она со всей силы оттолкнула его. Она пробовала дать ему в пах коленом, но мешала узкая юбка. Он был силен, она не могла сдвинуть его с места. Ей было нечем дышать. Она чувствовала, что слабеет и вот-вот упадет.

Сначала смутно, но потом все отчетливее и громче она услышала голоса. Он их тоже услышал, отстранился от нее и ухмыльнулся.

– Смотри, впредь не забывай, кто твои друзья, – глумливо сказал он и скрылся за угол за несколько секунд до того, как оттуда появились две женщины. Они направлялись в туалет.

При виде Эйвери они умолкли. Она быстро повернулась к ним спиной и схватила телефонную трубку, делая вид, что собирается звонить. Они прошли мимо, в дамскую комнату. Как только дверь за ними закрылась, она откинулась к стене.

Открыв расшитую бисером сумочку Кэрол в поисках салфетки, она второпях сломала ноготь. Потом стала салфеткой изо всех лил тереть рот, стараясь избавиться от гнусного привкуса поцелуя, которым наградила ее бывший любовник Кэрол. Развернув мятную пастилку, она сунула ее в рот, после промокнула полные слез глаза платком. В борьбе она уронила сережку и теперь вдела ее обратно.

Женщины вышли и, тихо переговариваясь, прошли мимо нее. Эйвери для вида пробормотала в трубку несколько слов, чувствуя себя полной идиоткой. Правда, впрочем, она ведь уже отлично научилась притворяться. Даже бывший любовник принял ее за Кэрол.

Когда она почувствовала, что достаточно успокоилась и готова вернуться в зал, она повесила трубку и собралась идти. В этот момент из-за угла выбежал мужчина и налетел на нее. Не успев разглядеть ничего, кроме смокинга, она в испуге вскрикнула.

– Кэрол? Господи, что случилось?

Эйвери бросилась к нему и крепко обхватила его руками. Прижавшись щекой к лацкану его пиджака, она зажмурилась, пытаясь стереть из памяти облик того, другого мужчины.

Тейт, помедлив, обнял ее и стал гладить по спине.

– Что случилось? Что с тобой? Какая-то дама отозвала меня в сторону и шепнула, что ты чем-то расстроена. Тебе нехорошо?

Значит, он всех бросил и побежал ей на выручку – ей, неверной жене. Если у нее и были какие-то угрызения совести насчет желания близости с мужем другой женщины, то сейчас они в один миг развеялись. Кэрол просто не заслужила такого мужа.

– О, Тейт, извини меня. – Она подняла к нему лицо. – Мне очень жаль.

– За что? За что я должен тебя извинить? – Он твердо взял ее за плечи и легонько встряхнул. – Может быть, объяснишь мне, что происходит?

Поскольку она не могла сказать правду, то стала искать какого-нибудь объяснения.

– Наверное, я еще не совсем готова к такому большому обществу. Эта толчея меня подавила. Я стала задыхаться. – Она поняла, что это отчасти правда.

– Да все вроде было в порядке.

– Да. И я не скучала. Но мне вдруг показалось, что все сгрудились вокруг меня. Как будто меня опять всю обмотали бинтами. Я не могла дышать...

– Ну, ладно. Я все понял. Но почему ты не сказала? Пошли. – Он взял ее под руку. Она не двинулась с места.

– Нам необязательно уезжать.

– Да прием и так уже почти окончен. Даже хорошо, мы будем первыми в гардеробе.

– Ты в этом уверен?

На самом деле ей самой хотелось уйти. Вернуться в банкетный зал и, может быть, опять столкнуться с этим наглым типом – этого она

не вынесет. В то же время это был ее первый выход. И ей не хотелось испортить его и из-за этого остаться на ранчо, когда Тейт уедет на встречу с избирателями.

– Да, да, уверен. Поехали.

По дороге домой они говорили мало. Поджав ноги под себя, Эйвери повернулась к Тейту лицом. Ей хотелось дотронуться до него, утешить и услышать ответные слова утешения, но пришлось удовольствоваться молчаливым созерцанием.

Когда они приехали, все уже спали. Они потихоньку прошли в комнату Мэнди и, как и обещали, по очереди поцеловали ее. Она заворочалась и что-то проворчала во сне, но не проснулась.

Пока они шли по коридору каждый в свою комнату, Тейт как бы между делом бросил:

– Нам предстоит несколько официальных приемов. Так что возьми с собой это платье.

Эйвери повернулась к нему:

– Ты хочешь сказать, что берешь меня в поездку?

Глядя поверх ее головы, он ответил:

– Все считают, что это было бы неплохо.

Не желая так быстро отпускать его, она уцепилась за лацкан его пиджака. Их глаза встретились.

– Меня интересует только твоя точка зрения, Тейт.

Подумав, он ответил:

– Я тоже думаю, что тебе стоит поехать. Через пару дней Эдди даст тебе программу турне, чтобы ты знала, что брать с собой. Спокойной ночи.

Горько разочарованная его вялым энтузиазмом, Эйвери смотрела, как он идет по коридору к себе. Она вошла в спальню совершенно подавленная и стала готовиться ко сну. Она внимательно рассмотрела платье, выискивая возможные повреждения после борьбы у телефона, но, к счастью, ничего не нашла.

Чувствуя невероятную усталость, она погасила свет и легла, но, промучившись без сна около часа, встала и вышла из комнаты.

Фэнси решила пройти через кухню, чтобы не попасться на глаза деду, который мог сидеть в гостиной в засаде. Отперев дверь, она отключила сигнализацию, а потом аккуратно включила.

– Кто там? Фэнси, ты?

Фэнси подскочила.

– Господи! Тетя Кэрол! Ты меня до смерти напугала! – Она протянула руку к выключателю.

– О Боже! – Вскочив на ноги, Эйвери взяла Фэнси за подбородок и повернула к свету. – Что с тобой случилось? – Рассматривая распухший глаз и рассеченную губу девушки, она поморщилась.

– Может быть, одолжишь мне своего хирурга? – сострила Фэнси, но оказалось, что ей больно улыбаться. Облизывая губу, она высвободилась из рук тетки. – Все будет в порядке. – Она подошла к холодильнику, достала пакет молока и налила себе стакан.

– А не надо ли тебе показаться врачу? Давай отвезу?

– Нет, только не это. И говори, пожалуйста, потише. Я не хочу, чтобы меня видели бабушка или дед. Представляю, что тут начнется.

– Да что случилось-то?

– Ну, что? – Передними зубами она соскребала начинку с шоколадного печенья. – Я была на дискотеке. Народу – тьма. Сегодня пятница – день получки. Все на взводе. И там один красавчик... – Она прожевала печенье и полезла в банку за следующим. – Ну, словом, повез меня в мотель. Выпили пивка, курнули травки. Ну, он, мне кажется, слегка перебрал, потому что, когда дошло до дела, у него ничего не вышло. Естественно, он решил отыграться на мне. – Поведав свою историю, она стряхнула с пальцев сладкие крошки и потянулась к стакану с молоком.

– Он тебя ударил?

Фэнси воззрилась на нее, потом издала подобие смешка.

– «Он тебя ударил?» – передразнила она. – А ты что думаешь? Конечно, ударил.

– Ты ведь могла серьезно пострадать, Фэнси.

– Невероятно, – сказала она, воздев глаза к небу. – Тебе всегда нравились рассказы о моих романтических похождениях, ты даже говорила, что они тебя возбуждают, уж не знаю, что ты имела в виду.

– Не стала бы я называть удар по физиономии романтическим приключением. Он что, тебя связал? – Эйвери взглядом показала на красные полосы на запястьях.

– Да, – с горечью ответила Фэнси, – этот гад мне руки связал. – Кэрол не обязательно было знать, что «гад», который связал ей руки, –

вовсе не пьяный ковбой.

– Это безумие, Фэнси, – ехать в мотель с незнакомым парнем.

– Безумие? А что это ты лед в салфетку заворачиваешь?

– Нужно приложить к глазу.

Фэнси оттолкнула ее руку.

– Только не надо делать мне одолжений, хорошо?

– Да у тебя глаз совсем черный. К утру ты его не откроешь. Ты что, хочешь, чтобы родители увидели тебя такой и заставили все рассказать?

подавив раздражение, Фэнси приложила лед к синяку. Тетка права.

– Прижечь тебе губу перекисью? А аспирин выпьешь? Или что-нибудь обезболивающее?

– От боли я уже выпила пива и травки накурилась.

Фэнси была в замешательстве. Что это с Кэрол? С чего бы ей быть такой внимательной? С тех пор, как она выписалась из этой роскошной клиники, она ведет себя как-то странно. И на девчонку больше не орет. Ищет, чем бы заняться, вместо того, чтобы, как раньше, целый день просиживать задницу. Даже к дяде Тейту относится лучше.

Фэнси всегда считала, что Кэрол – дура, что позволила пустить под откос свой брак. Дядя Тейт красивый. Все девчонки по нему сохнут. Если инстинкты ее не обманывают, а уж в этом-то деле она понимает, то он должен быть чертовски хорош в постели.

Ей бы хотелось, чтобы ее кто-нибудь любил, как дядя Тейт любил Кэрол, когда они поженились. Он обращался с ней, как с королевой. Как глупо с ее стороны было все перечеркнуть. Может, до нее наконец дошло, и она теперь пытается его вернуть?

Черта с два! – подумала Фэнси. Стоит вам один раз пойти поперек дяде Тейту, и вы на всю жизнь для него пропащий человек.

– А ты что тут делаешь так поздно? Сидишь одна в темноте.

– Не могу уснуть. Решила выпить чашку какао. – На столе перед ней стояла наполовину опустошенная чашка.

– Какао? Вот гадость!

– Для жены кандидата в сенаторы это – лучшее лекарство от бессонницы, – последовал задумчивый ответ.

Фэнси, которая всегда любила прямоту, спросила:

– Так ты что, наводишь мосты?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Меняешь имидж, надеясь, что, когда дядю Тейта изберут, и он поедет в Вашингтон, он тебя не выгонит. – Она приняла доверительный, этакий «между-нами-девочками» вид: – Ты что, перестала трахаться со всеми своими дружками или только с Эдди?!

Голова Эйвери дернулась как от удара. Она побледнела и прикусила нижнюю губу:

– Что ты сказала?!

– Не играй в невинность. Я это все время подозревала, – небрежно бросила Фэнси. – Я даже у самого Эдди спрашивала.

– И что он ответил?

– Да ничего. Ни да, ни нет. Словом, вел себя по-джентльменски. – Грубовато фыркнув, Фэнси направилась к двери. – Не беспокойся. Здесь сейчас и без того хватает неприятностей. Я не стану говорить дяде Тейту. Если только ты... – Она круто повернулась и воинственно уставилась на Эйвери: – Если только ты не станешь снова крутить с Эдди. С этого дня он будет спать со мной, а не с тобой. Пока.

Довольная тем, что столь недвусмысленно расставила все точки над «и», Фэнси скрылась в направлении своей комнаты. Одного взгляда в зеркало над комодом в спальне оказалось достаточно, чтобы она убедилась, что физиономия ее находится в плачевном состоянии.

Только значительно позже Фэнси задумалась над тем, что во всем доме одна только Кэрол заметила синяк у нее под глазом и разбитую губу, и притом никому ее не выдала.

По меркам журнала «Прекрасный дом» квартира Вэна Лавджоя была истинным кошмаром.

Он спал на узком матрасе, установленном на кирпичи.

Остальная мебель была ничуть не лучше – с «блошиных» рынков и дешевых распродаж.

С потолка свисала пыльная глиняная пината – кукла, в которой обычно прячут подарки для детей. У пинаты было лицо Элвиса Пресли.

Этот сувенир он привез из Нуэво Ларедо. То, что находилось внутри – несколько килограммов марихуаны, – осталось лишь в воспоминаниях. Пината была единственным украшением квартиры.

Больше в комнатах ничего не было, только видеокассеты. Они и аппаратура для записи, монтажа, просмотра были единственными ценностями, вернее, им-то просто не было цены. Оборудование у Вэна было получше, чем во многих небольших студиях видеозаписи.

Видеокаталоги валялись повсюду. Он подписывался на все и ежемесячно просматривал их в поисках фильма, которого у него еще не было или которого он не видел. Почти все, что он зарабатывал, уходило на пополнение видеотеки. Его коллекция не уступала собраниям видеопрокатов. Он изучал режиссуру и кинематографические приемы. Вкус у него был достаточно эклектичен – ему нравились Орсон Уоллес и Фрэнк Капра, Сэм Пекинпа и Стивен Спилберг. Его завораживало движение камеры – неважно, был ли снят фильм на черно-белой или на цветной пленке.

Кроме художественных фильмов, в его собрании были сериалы и документальные ленты, не говоря уж о каждом метре пленки, снятом им за всю его жизнь. Всем было известно, что если нужны были материалы о каком-то событии и нигде ничего нет, то надо спросить у Вэна Лавджоя из «Кей-Текса» в Сан-Антонио, уж у него-то наверняка найдется.

Все свободное время он смотрел видео. Сегодня его интересовал материал, отснятый им несколько дней назад на ранчо «Рокинг-Ар». Он передал пленки «МБ продакшнз», но только после того, как сделал

копии для себя. Он не мог знать заранее, что из снятого окажется ценным или полезным годы спустя, поэтому делал копии со всего.

На «МБП» писали сценарий, монтировали, подбирали музыку, готовили закадровый текст – делали готовые сюжеты. К моменту выхода операторская работа Вэна была нужным образом прилизана и срежиссирована. Это его не волновало. Работа сделана, деньги получены. Его интересовал необработанный материал.

В Тейте Ратледже было что-то харизматическое – и перед камерой, и без нее. Красив, богат, уверен в себе – олицетворение успеха. Таких людей Вэн презирал из принципа. Но если бы Вэн был избирателем, этот парень получил бы его голос – умеет стрелять с бедра. Он не вешал лапши на уши, даже если приходилось говорить не то, что от него хотели услышать. Выборы проиграть он мог, но не потому, что был недостаточно честен.

Вэн не мог отвязаться от ощущения, что что-то не в порядке с ребенком. Девочка была достаточно хорошенькой, правда, Вэн считал, что дети мало чем отличаются один от другого. Обычно его не приглашали снимать детей, но когда ему приходилось это делать, он знал по опыту, что им надо пригрозить или задобрить их, чтобы они успокоились, вели себя как следует и помогали работать, особенно если требовалось сделать еще дубль.

Дочка Ратледжа была другой. Вела себя тихо, никаких штук не выкидывала. Она вообще ничего не делала, если ее не просили, а когда просили – двигалась, как заводная кукла. Какой-то реакции от нее могла добиться только Кэрол Ратледж.

А от нее Вэн просто не мог отвести глаз.

Снова и снова он пересматривал эти кассеты, снятые на ранчо и в тот день, когда она вышла из больницы.

Эта женщина знала, как держаться перед камерой. Надо было работать с девочкой и с Ратледжем, но не с ней. Она была естественна, всегда поворачивалась к свету, инстинктивно смотрела в нужную сторону. Казалось, она заранее знает, что он собирается делать. Ее лицо просило крупных планов. Тело ее двигалось свободно, в нем не было напряжения, столь обычного для непрофессионалов.

Она и была профессионалом.

Ее сходство с другой профи, которую он знал и с которой работал, наводило на idiotские мысли о привидениях.

Много часов просидел он перед экраном, пересматривая кассеты и изучая Кэрол Ратледж. Он был убежден в том, что каждый раз, делая неверное движение, она делала это нарочно, как будто понимая, что работает слишком хорошо, и желая это скрыть.

Он вынул кассету и вставил другую, снятую так, чтобы можно было просмотреть ее в замедленном темпе. Эта сцена была ему хорошо знакома. Они шли втроем по зеленому лугу. Ратледж нес дочку на руках, жена шла рядом. Вэн построил кадр так, что солнце постепенно уходило за ближайший холм, освещая в конце только силуэты. Отличный эффект, подумал он, просматривая пленку уже в который раз.

И тут он наконец увидел! Миссис Ратледж повернулась к мужу и улыбнулась ему. Дотронулась до его руки. Его улыбка стала напряженной. Он отодвинул руку – едва заметно, но достаточно, чтобы избавиться от супружеской ласки. Если бы не замедленный темп, Вэн бы и не заметил этого.

Он не сомневался, что при монтаже этот кадр вырежут. Ратледжи будут выглядеть как Оззи и Харриет. Но в этом браке что-то не так, и с девочкой что-то не так. Что-то прогнило в Датском королевстве.

Вэн был по натуре циником. Его не удивило, что это супружество не так уж безоблачно. Он полагал, что все браки таковы, и на это ему было наплевать.

Но женщина его завораживала. Он мог поклясться, что в тот день она узнала его еще до того, как он успел представиться. Он всегда замечал выражения лиц и мимику окружающих, помнил, как она на мгновение распахнула глаза и у нее перехватило дыхание. Черты лица были другие, и прическа совсем не та, но сходство между Кэрол Ратледж и Эйвери Дэниелз было несомненным. Движения Кэрол до жути напоминали о другой.

Кассета продолжала крутиться. Закрыв глаза, Вэн до боли тер переносицу двумя пальцами, будто желая прогнать от себя мысль, но не мог от нее избавиться, какой бы безумной она ни была.

Несколько дней назад он зашел в кабинет Айриша.

Плюхнувшись в одно из кресел, спросил:

– Нашел время посмотреть кассету, которую я тебе дал?

Айриш, как обычно, занимался шестью делами одновременно. Он взъерошил волосы и переспросил:

– Кассету? А, ту, с Ратледжем? Кто у нас работает с той грудой человеческих костей в графстве Комал? – заорал он через открытую дверь проходившему мимо репортеру.

– И что ты о ней думаешь? – спросил Вэн, когда Айриш опять повернулся к нему.

Эйвери больше не было рядом, ругать Айриша за курение стало некому, и он опять вернулся к старой привычке. Казалось, он хочет наверстать упущенное. Он зажег от догорающего бычка новую сигарету и сказал из-за клуба дыма:

– О чем?

– О кассете, – раздраженно напомнил Вэн.

– Ты что, подрабатываешь – собираешь общественное мнение?

– О, Господи, – пробормотал Вэн и стал подниматься с кресла.

Айриш жестом велел ему оставаться на месте:

– А на что именно ты хочешь, чтобы я там посмотрел?

– Да на женщину.

Айриш закашлялся.

– Ты что, на нее запал?

Вэн вспомнил, как его разозлило то, что Айриш не заметил сходства между Кэрол Ратледж и Эйвери Дэниелз. Это только доказывало, как глупы все его предположения: ведь никто не знал Эйвери лучше, чем Айриш. Он знал ее за два десятка лет до того, как Вэн впервые ее увидел. Тем не менее легкомыслие Айриша разозлило его, и он решил доказать свою правоту.

– Мне кажется, она очень похожа на Эйвери.

Айриш как раз наливал чашку крепкого кофе, но остановился и пристально посмотрел на Вэна.

– И что в этом нового? Кто-то уже говорил об этом, когда Ратледж пошел в политику и его с женой стали показывать в новостях.

– Наверное, меня тогда не было.

– Или ты был не в состоянии запомнить.

– Возможно.

Айриш вернулся к столу и тяжело опустился в кресло. Он работал больше обычного, затягивал рабочий день как мог. Все в комнате знали об этом. Работа была для него единственным лекарством от горя. Он был католиком, на самоубийство бы не пошел, но мог добить себя

непомерной работой, непомерным пьянством, курением, стрессами – всем тем, от чего так заботливо оберегала его Эйвери.

– Ты выяснил, кто переслал тебе ее драгоценности? – спросил Вэн.

Айриш рассказал ему об этом странном случае, он удивился, но забыл про это и вспомнил, лишь когда столкнулся лицом к лицу с Кэрл Ратледж.

Айриш задумчиво покачал головой:

– Нет.

– А пробовал?

– Сделал несколько звонков.

Он явно не хотел об этом говорить, но Вэн был настойчив:

– И что?

– Я попал на какого-то кретина, который не хотел себя утруждать. Он сказал, что после катастрофы царил такой хаос, что могло произойти все что угодно.

«Даже тела могли перепутать?» – подумал Вэн.

Он хотел задать этот вопрос вслух, но не стал. Айриш старался как мог, пытаясь смириться со смертью Эйвери, но ему никак не удавалось. Ни к чему было ему слушать идиотские предположения Вэна. Даже если такое было возможно, все равно получалась бессмыслица. Будь Эйвери жива, она жила бы своей жизнью, а не чьей-то еще.

Поэтому он ничего не рассказал Айришу. Буйство воображения, ничего больше. Он собрал воедино кучу мелких совпадений и придумал абсолютно нереальную теорию.

Айриш наверняка сказал бы, что у Вэна от наркоты мозги ссохлись; возможно, что и так. Он был всего лишь отбросом, парией. Что он мог знать?

Тем не менее он вставил в магнитофон следующую кассету с Ратледжами.

Первый крик ее разбудил. Второй насторожил. Третий заставил скинуть одеяло и выпрыгнуть из кровати.

Эйвери схватила халат, распахнула дверь спальни и бросилась через холл к комнате Мэнди. Через несколько секунд она уже

склонилась над кроватью девочки. Мэнди дергалась всем телом и кричала.

– Мэнди, милая, проснись! – Эйвери ухватила за вскинутый кулачок.

– Мэнди? – Тейт возник у другой стороны кровати.

Он опустился на колени и пытался успокоить дочь. Он взял девочку за руки, но ее тело продолжало извиваться, голова была вдавлена в подушку, пятки ерзали по матрацу. Она продолжала кричать.

Эйвери положила ей ладони на лицо и крепко их сжала.

– Мэнди, проснись! Проснись, дорогая. Тейт, что делать?

– Надо постараться ее разбудить.

– У нее опять кошмар? – спросила Зи, вбежавшая в комнату вместе с Нельсоном. Она подошла к Тейту. Нельсон остановился около кровати.

– Даже в нашем крыле было слышно, как она кричит, бедняжка, – сказал он.

Эйвери слегка похлопала ее по щеке.

– Это твоя мамочка. Мама и папа с тобой. Все в порядке, дорогая. Тебе нечего бояться.

Постепенно крики прекратились. Едва открыв глаза, она кинулась в раскрытые объятия Эйвери. Эйвери притянула ее к себе, девочка уткнулась в нее своим заплаканным личиком. Плечи ее дрожали, все тело сотрясалось от рыданий.

– Господи, я даже не представляла себе, что все так серьезно.

– Такое случалось каждую ночь, пока ты была в больнице, – сказал Тейт. – Потом – все реже. Этого не было уже несколько недель. Я надеялся, что с твоим возвращением приступы прекратятся совсем.

– Мы можем чем-нибудь помочь?

Тейт взглянул на Нельсона.

– Нет. Надеюсь, сейчас она успокоится и заснет. Спасибо, папа.

– Вам надо что-то с этим делать, и чем скорее, тем лучше. – Он взял Зи за руку и повел к двери. Она уходить не хотела и с тревогой смотрела на Эйвери.

– С ней будет все в порядке, – сказала Эйвери, глядя Мэнди по спине. Та еще продолжала всхлипывать, но самое худшее было позади.

– Время от времени все повторяется, – проговорила Зи.

– Остаток ночи я проведу с ней.

Когда они остались вдвоем, Эйвери сказала:

– Почему ты не рассказал мне, что у нее такие сильные кошмары?

Он сел в кресло-качалку у кровати.

– У тебя хватало своих проблем. Приступы становились все реже, психолог говорил, что так и будет. Я думал, она от них избавилась.

– И все-таки я должна была знать.

Эйвери все еще прижимала к себе Мэнди, укачивала ее и бормотала ей на ушко что-то ласковое. Она хотела совсем успокоить девочку. Наконец Мэнди подняла голову.

– Получше? – спросил Тейт.

Мэнди кивнула.

– Очень жалко, что тебе приснился такой плохой сон, – шепнула Эйвери, вытирая слезы со щек Мэнди. – Хочешь рассказать о нем маме?

– Он до меня доберется, – пробормотала она.

– Кто, дорогая?

– Огонь.

Эйвери вздрогнула, на нее нахлынули собственные ужасные воспоминания. Они возвращались порой так внезапно, что требовалось несколько минут, чтобы от них избавиться. Даже ей, взрослому человеку, это было нелегко. А каково должно быть ребенку?

– Я вытащила тебя из огня, помнишь? – нежно сказала Эйвери. – Его больше нет. Но вспоминать об этом по-прежнему страшно, правда?

Мэнди кивнула.

Однажды Эйвери писала статью об известном детском психологе. Она вспомнила, что во время интервью он говорил о том, что самое плохое, если родители не верят страхам ребенка. Нужно признавать их, а потом уже помогать ребенку их преодолеть.

– Может, ей станет лучше, если обтереть ее влажной салфеткой, – сказала Эйвери Тейту.

Он встал с кресла и вскоре вернулся с салфеткой.

– Спасибо.

Пока она вытирала лицо Мэнди, он сидел рядом. Потом взял плюшевого медвежонка и положил его в руки Мэнди. Этот заботливый жест растрогал Эйвери. Девочка прижала медвежонка к груди.

– Ну что, может, ляжешь? – ласково спросила Эйвери.

– Нет. – Она обвела глазами комнату.

– Мама не уйдет. Я лягу с тобой.

Она осторожно положила Мэнди в кровать и прилегла рядом, лицом к ней. Тейт укрыл обеих одеялом, поправил подушку и наклонился, чтобы поцеловать Мэнди.

На нем были только шорты. Тело его в свете ночника выглядело удивительно сильным и красивым. Когда он приподнялся, его взгляд встретился со взглядом Эйвери. Повинуясь какому-то импульсу, она дотронулась до его груди и легко поцеловала его.

– Спокойной ночи, Тейт.

Он медленно выпрямился. Ее рука скользнула по его груди, по упругим мускулам, по густым волосам, вниз, к его гладкому животу. Кончики ее пальцев дотронулись до эластичного края шорт. Потом рука соскользнула.

– Я сейчас вернусь, – пробормотал он.

Его не было несколько минут, но когда он пришел, Мэнди уже спала. Он надел халат, но не завязал его. Опускаясь в кресло-качалку, он заметил, что Эйвери все еще лежит с открытыми глазами.

– Эта кровать для двоих маловата. Тебе удобно?

– Отлично.

– Думаю, Мэнди не заметит, если ты сейчас уйдешь к себе.

– Я так не могу. Я ей обещала, что останусь с ней. – Она погладила горячую щечку Мэнди. – Что будем делать, Тейт?

Он сидел, наклонившись вперед и упершись локтями в колени. Прядь волос упала ему на лоб. В такой позе его подбородок, казалось, еще больше выдавался вперед. Он вздохнул, было видно, как напряглась его грудь под халатом.

– Не знаю.

– Думаешь, психолог ей помогает?

– А ты как думаешь?

– Мне не следовало бы осуждать выбор, сделанный тобой и твоими родителями, когда я была больна.

Она знала, что ей не следует в это влезать. Проблема была чисто семейная, и Эйвери Дэниелз не имела права совать в нее свой нос. Но она не могла спокойно наблюдать, как мучается ребенок.

– Если у тебя есть собственное мнение, прошу, высказывайся.

– Я слышала про одного врача в Хьюстоне, – начала она. Он удивленно вскинул брови. – Он... я видела его в каком-то шоу, мне понравилось, как он себя вел и что говорил. Он не важничал. Говорил четко и по делу. Раз нынешний доктор не очень помогает, может, стоит отвезти Мэнди к нему.

– Терять нам нечего. Договорись о визите.

– Завтра позвоню. – Голова ее совсем клонилась к подушке, но она не спускала с него взгляда. – Тебе не обязательно сидеть здесь всю ночь, – мягко сказала она.

Их взгляды встретились.

– Ничего, посижу.

Она заснула под его взглядом.

Эйвери проснулась первой. Было еще очень рано, в комнате царил полумрак, хотя ночник по-прежнему горел. Она задумчиво улыбнулась, ощутив, что рука Мэнди лежит у нее на щеке. Тело у Эйвери затекло от того, что она так долго пролежала в одном положении, иначе она поспала бы еще. Надо было размяться. Она осторожно сняла руку Мэнди со своего лица и положила на подушку. Очень осторожно, чтобы не разбудить ребенка, она встала с кровати.

В качалке спал Тейт. Его голова склонилась набок и почти касалась плеча. Поза была с виду неудобная, но грудь его вздымалась ровно, и в тишине ей было слышно его спокойное дыхание.

Халат его распахнулся, открыв торс и бедра. Правая нога была согнута в колене, левая вытянута вперед. У него были красивые ступни и икры. Руки у него были жилистые и немного волосатые. Одна свисала с подлокотника, другая покоилась на груди.

Сон согнал озабоченное выражение с его лица. Расслабленный, рот его выглядел чувственным, способным доставить женщине огромное наслаждение. Эйвери представила себе, каким он должен быть в любви – настойчивым, страстным, добрым – таким, каким он был во всем. Грудь Эйвери стеснило от сдерживаемых чувств. Ей вдруг захотелось плакать.

Она любила его.

Конечно, ей хотелось сделать что-то, что перечеркнуло бы ее профессиональный промах, но вдруг она поняла, что приняла роль жены, потому что полюбила его, полюбила еще тогда, когда не могла произнести его имени.

Она играла его жену, потому что хотела ей быть. Она хотела его защитить, залечить раны, нанесенные ему злой эгоистичной женщиной. И спать с ним хотела тоже.

Если бы он решил предъявить свои супружеские права, она бы с радостью ему повиновалась. Это был бы самый большой ее обман, уж его-то он не простил бы, когда выяснилось бы, кто она на самом деле. Он бы презирал ее больше, чем Кэрол, считая, что она его

использовала, и никогда бы не поверил, что ее любовь искренна. А она была искренна.

Он зашевелился. Приподнял голову, зажмурился. Веки его задрожали, потом он резко раскрыл глаза, взглянул на нее. Она стояла совсем рядом.

– Который час? – спросил он хриплым со сна голосом.

– Не знаю. Еще рано. Шея затекла? – Она провела рукой по его спутанным волосам, потом обняла его за шею.

– Немного.

Она стала массировать ему шейные позвонки.

– Хмм.

Через несколько мгновений он запахнул халат, подтянул под себя ноги и уселся поудобнее. Она подумала, уж не спровоцировал ли ее массаж утреннюю эрекцию, которую он не хотел ей демонстрировать.

– Мэнди все еще спит, – неизвестно зачем заметил он.

– Хочешь позавтракать?

– Достаточно кофе.

– Я приготовлю завтрак.

Только начало светать. Мона еще не встала, и на кухне было темно. Тейт стал накладывать кофе в фильтр кофе варки. Эйвери подошла к холодильнику.

– Не напрягайся, – сказал он.

– Ты что, не голоден?

– Я могу подождать, пока Мона встанет.

– Мне хочется тебе что-нибудь приготовить.

Повернувшись спиной, он безразличным голосом произнес:

– Хорошо. Пары яиц будет достаточно.

Теперь она уже неплохо ориентировалась в кухне и могла накрыть на стол. Все шло нормально до тех пор, пока она не стала взбивать в миске яйца.

– Что ты делаешь?

– Омлет. Дл... для себя, – выдавила она, поймав его удивленный взгляд. Она представления не имела, как ему готовят яйца.

– Ладно. Делай омлет, а я займусь тостами.

Она стала намазывать маслом выскакивающие из тостера куски хлеба, украдкой наблюдая, как он жарит себе яичницу. Он переложил ее на тарелку и вместе с ее омлетом отнес на стол.

– Мы давно не завтракали вместе. – Она откусила кусок тоста, отправила в рот немного омлета и уже потянулась за соком, как вдруг заметила, что он не ест. Тейт сидел напротив нее, поставив локти на стол и опустив подбородок.

– Мы никогда не завтракали вместе, Кэрол. Ты же обычно не завтракаешь.

Она с трудом проглотила то, что было во рту. Рука ее сжала стакан с соком.

– Меня заставляли завтракать в больнице. Ну, когда мне уже поставили протезы, и я смогла есть твердую пищу. Я должна была немного поправиться.

Он смотрел на нее, не мигая. Его было не провести.

– Я ... я привыкла к завтракам и уже не могу без них обходиться. – Она защищалась как могла. – Почему это тебя так насторожило?

Тейт взял вилку и принялся за еду. Его движения были слишком напряженными. Он был зол.

– Можешь понапрасну не стараться.

Она испугалась, что он имеет в виду не стараться ему лгать.

– Не стараться?

– Попытка приготовить мне завтрак – всего лишь очередная уловка, чтобы опять завоевать мое расположение.

У нее окончательно пропал аппетит. Ее даже затошнило от запаха еды.

– Уловка?

У него явно тоже пропал аппетит. Он отодвинул тарелку в сторону.

– Завтраки. Домашний уют. Эти трогательные ласки – по голове погладить, массаж сделать.

– Мне казалось, тебе это приятно.

– Все это ничего не значит.

– Нет, значит!

– Ни черта не значит! – Он откинулся на спинку стула и с яростью уставился на нее. – Все эти поглаживания и поцелуи на ночь я еще могу вытерпеть, если так надо. Хочешь делать вид, что мы нежная любящая парочка, пожалуйста. Строй из себя идиотку. Только не жди, что я буду изображать ответную привязанность. Даже ради места в

Сенате я не лягу с тобой в постель – вот как я тебя презираю, понятно? – Он перевел дыхание. – Но больше всего меня бесит твоя внезапная забота о Мэнди. Прошлой ночью ты разыграла целый спектакль.

– Это не было спектаклем.

Он не обратил внимания на ее возражение.

– Потрудись не выйти из роли матери до тех пор, пока она не вылечится. Нового предательства она не вынесет.

– Ах ты лицемерный... – Эйвери не на шутку рассердилась. – Я не меньше твоего беспокоюсь о здоровье Мэнди.

– Ага. Конечно.

– Ты мне не веришь?

– Нет.

– Это нечестно.

– Только тебе и говорить о честности.

– Я безумно волнуюсь за Мэнди.

– С чего бы это?

– С чего?! – закричала она. – Да потому что это наш ребенок.

– А твой аборт? Это был не наш ребенок? Но ты его все равно убила.

Его слова пронзили ее насквозь. Она прижала руку к животу и согнулась, словно от приступа боли. Несколько секунд она не могла вздохнуть и молча смотрела на Тейта.

Он встал и повернулся к ней спиной, как будто ненависть мешала ему ответить на ее взгляд. Подошел к стойке и налил себе еще кофе.

– Разумеется, я в конце концов все равно узнал бы об этом, – проговорил он ледяным голосом. Когда он обернулся к ней, взгляд его был так же холоден. – Но узнать от чужого человека, что твоя жена больше не ждет ребенка... – Он опять отвел взгляд. Как будто не мог вынести ее вида. – Можешь хоть представить себе, что я тогда чувствовал, Кэрол? О Господи! Ты была на волосок от смерти, но я и сам хотел тебя убить. – Он резко повернул голову, впился в нее взглядом, и его рука сжалась в кулак.

Эйвери что-то смутно вспоминала, чьи-то голоса.

Тейт: «Ребенок... Это повредит плоду?»

Чей-то еще голос: «Ребенок? Ваша жена не была беременна».

Тогда этот обрывок разговора не значил ничего. То есть она не могла понять, что он значит. Он смешался со множеством других разговоров, которые она слышала, еще не совсем придя в сознание. До сих пор она его не вспоминала.

– Ты что, думала, я не замечу, что ты так и не родила ребенка? Ты с таким торжеством объявила, что забеременела, что не сообщила об аборте?

Эйвери с горечью покачала головой. Она не могла найти слов. Ни объяснений, ни извинений. Но теперь она знала, почему Тейт так ненавидел Кэрол.

– Когда ты это сделала? Должно быть, за несколько дней до поездки в Даллас. Не хотела возиться с младенцем, верно? Боялась, он помешает твоим развлечениям.

Он наклонился к ней и стукнул ладонью по столу.

– Отвечай, черт бы тебя подрал! Скажи что-нибудь! Давно пора об этом поговорить, тебе не кажется?

Эйвери пробормотала:

– Я не думала, что это так важно.

Его лицо исказилось от ярости. Она боялась, что он действительно ее ударит. Чтобы хоть как-то защититься, она бросилась в атаку.

– Я знаю, как вы относитесь к абортам, мистер будущий сенатор. Сколько раз я слышала ваши рассуждения о том, что право выбора должно оставаться за женщиной. Это что, касается всех женщин штата Техас, кроме вашей жены?

– Да, черт подери!

– Какое лицемерие!

Он схватил ее за руку и поставил на ноги.

– Те принципы, которые распространяются на общество в целом, не обязательно должны соблюдаться в моей личной жизни. Этот аборт был не пунктом программы. Это был мой ребенок.

Его глаза сузились.

– Или нет? Или это была очередная ложь, придуманная, чтобы я не выкинул тебя отсюда – такая же, как все прочее твое вранье.

Она попыталась представить себе, как бы на это ответила Кэрол.

– Чтобы сделать ребенка, нужны двое, Тейт.

Она попала в точку, как и рассчитывала. Он немедленно отпустил ее руку и отступил в сторону.

– Я горько сожалею о той ночи. Я же дал это понять сразу, когда это произошло. И поклялся больше никогда не дотрагиваться до твоего распутного тела. Но ты всегда знала, за какую ниточку потянуть, Кэрол. Ты целыми днями вилась вокруг меня, как мартовская кошка, мурлыкала всяческие извинения и обещала быть любящей женой. Если бы в тот вечер я так не напился, я бы распознал, что это очередная ловушка.

Он окинул ее презрительным взглядом:

– Ты опять взялась за старое? Опять готовишь ловушку? Поэтому ты была образцовой женой, с тех пор как вышла из больницы? Скажи мне, – он стоял, упершись руками в бока, – ты забылась той ночью и забеременела случайно? Или ты хотела меня помучить – забеременеть, а потом сделать аборт? Ты чего добиваешься – чтобы я опять тебя захотел? Решила доказать, что можешь снова затащить меня к себе в постель, даже если ради этого тебе придется пожертвовать благополучием собственной дочери?

– Нет, – хриплым голосом ответила Эйвери. Она не могла выносить его ненависть, даже если эта ненависть была направлена не на нее.

– У тебя больше нет власти надо мной, Кэрол. Я даже не ненавижу тебя. Ты не стоишь тех сил, которые требуются для ненависти. Заводи сколько хочешь любовников. Меня это не волнует. Сейчас ты мне можешь нанести удар только через Мэнди. Но берегись – я упеку тебя в ад сначала.

Днем она отправилась на прогулку верхом. Хотелось открытого пространства, свежего воздуха; надо было подумать. В одежде для верховой езды она чувствовала себя непривычно и попросила конюха помочь ей оседлать лошадь.

Кобыла испуганно отшатнулась от нее. Когда старый конюх напутственно похлопал лошадь по крупу, он сказал:

– Видать, она не забыла, как вы ее отхлестали в прошлый раз.

Лошадь шарахалась, потому что у седока был незнакомый запах, но Эйвери решила: пусть старик думает что хочет.

Кэрол Ратледж была чудовищем – она дурно обращалась с мужем, с дочерью, со всеми, кто оказывался рядом. После утренней сцены нервы Эйвери были на пределе, но теперь, по крайней мере, она знала, в чем ее обвиняют. Стало понятно, за что Тейт так презирал свою жену. Кэрол собиралась сделать аборт, убить ребенка Тейта; во всяком случае, она утверждала, что это его ребенок, Правда, сделала ли она это до катастрофы, так и останется тайной.

Эйвери попыталась собрать воедино все, что ей стало известно о семейной жизни Ратледжей. Кэрол была неверна мужу и не скрывала этого. Тейт с трудом терпел ее измены, но ради своей политической карьеры решил до выборов оставаться в браке.

Уже довольно давно он перестал спать со своей женой и даже перебрался в отдельную спальню. Но Кэрол соблазнила его, и он переспал с ней еще один раз.

Был это ребенок Тейта или нет, аборт Кэрол мог сыграть существенную роль в предвыборной кампании, и Эйвери полагала, что так это и было задумано. Ей стало плохо от мысли об общественном мнении и тяжелых последствиях, которых не избежать, если об этом станет известно. Последствия в политическом плане будут для Тейта не менее серьезными, чем в личном.

Когда Эйвери вернулась с прогулки, Мэнди помогала Моне печь пирожные. Экономка хорошо ладила с Мэнди, поэтому Эйвери похвалила пирожные и оставила их вдвоем.

В доме было тихо. Фэнси куда-то умчалась на своем «мустанге». Джек, Эдди и Тейт в это время всегда были в городе – в штаб-квартире кампании или в конторе. Дороти-Рей, как обычно, сидела у себя. Мона сказала, что Нельсон и Зи уехали на день в Кервиль. Дойдя до своей комнаты, Эйвери бросила хлыст на кровать и стала снимать сапоги для верховой езды. Потом отправилась в ванную и включила душ.

И тут, уже не впервые, на нее нашло какое-то неприятное чувство. Она поняла, что в комнатах в ее отсутствие кто-то побывал. Ее бросило в дрожь, и она кинулась к туалетному столику.

Она не помнила, на этом ли месте оставляла щетку для волос. Не передвинули ли флакон с лосьоном? Она точно помнила, что коробка с украшениями раньше была закрыта, а нитка жемчуга убрана внутрь. Вещи в спальне тоже были передвинуты. И тогда она сделала то, чего

никогда не делала с того момента, как поселилась в комнате Кэрол, – заперла дверь.

Она приняла душ и надела купальный халат. Чувствовала она себя по-прежнему подавленно, поэтому решила ненадолго прилечь. Едва ее голова коснулась подушки, она услышала какой-то хруст.

Между подушкой и наволочкой был засунут лист бумаги.

Эйвери с опаской взяла его в руки. Бумага была сложена вдвое, но на наружной стороне ничего написано не было. Она боялась посмотреть, что внутри. Что ожидали здесь найти? Что искали?

Ясно было одно – записка была оставлена специально для нее. Ее положили именно там, где только она могла ее найти. Она развернула сложенный лист. Там была только одна строчка, напечатанная на машинке:

«Что бы ты ни делала, это на него действует. Продолжай в том же духе».

– Нельсон?

– Да?

Зинния нахмурилась, услышав, как рассеянно он откликнулся. Она отложила в сторону щетку для волос и повернулась на вертящемся стуле, стоящем у туалетного столика, в его сторону.

– Это очень важно.

Нельсон взглянул на нее из-за газеты. Увидев, что она чем-то обеспокоена, он отложил газету, опустил подставку для ног в своем кресле и выпрямился.

– Извини, дорогая. О чем ты говорила?

– Пока что ни о чем.

– Что-то случилось?

Они были в своей спальне. Десятичасовые новости, которые они смотрели каждый вечер, уже кончились. Они собирались ложиться спать.

Только что расчесанные темные волосы Зи блестели. Серебряные нити седых волос поблескивали при свете лампы. Кожа ее, из-за техасского горячего солнца требовавшая особого ухода, была нежной и гладкой. Морщины от былых волнений не слишком ее портили. Но и морщин от смеха было немного.

– Что-то происходит между Тейтом и Кэрол, – сказала она.

– Кажется, они сегодня поссорились. – Он встал с кресла и начал раздеваться. – Они весь ужин молчали.

Зи тоже заметила, что атмосфера была напряженной. К настроениям своего младшего сына она была особенно чувствительна.

– Тейт не просто молчал, он был в ярости.

– Наверное, Кэрол сделала что-то, что ему не понравилось.

– А когда Тейт в ярости, – продолжала Зи, не обращая внимания на слова мужа, – Кэрол обычно не знает удержу. Если он сердится, она ведет себя особенно глупо и развязно и доводит его еще больше.

Нельсон аккуратно повесил брюки в шкаф. Он терпеть не мог беспорядка.

– Сегодня она развязной не была. Она и рта почти не раскрыла.

Зи оперлась о спинку своего кресла:

– И я о том же, Нельсон. Она была расстроена не меньше, чем Тейт. Раньше они ссорились совсем иначе.

Раздевшись до трусов, он сложил покрывало и улегся в кровать, положил руки под голову и уставился в потолок.

– За последнее время я заметил кое-что, что совсем не похоже на Кэрол.

– Слава Богу, – сказала Зи. – Мне казалось, что я схожу с ума. Хорошо, что не одна я это вижу. – Она выключила свет и легла рядом с мужем. – Она кажется серьезнее, чем раньше.

– Может, на нее повлияла близость смерти.

– Может.

– Ты так не думаешь?

– Если бы это было все, я бы так думала.

– А что еще? – спросил он.

– Хотя бы Мэнди. Кэрол ведет себя с ней совсем иначе. Ты когда-нибудь раньше видел, чтобы Кэрол волновалась о Мэнди так, как она волновалась вчера ночью? Помню, однажды у Мэнди была высокая температура. Я совсем обезумела от страха и считала, что надо вызывать «скорую». Кэрол была абсолютно спокойна и сказала, что у детей часто поднимается температура. Но прошлой ночью она была напугана не меньше Мэнди.

Нельсон недовольно заерзал. Зи знала почему – дедуктивные выкладки его раздражали. Для него существовало только черное и белое. Он верил только в несомненное, исключением был лишь

Господь, который был для него так же несомненен, как рай и ад. Больше ни во что, до чего нельзя дотронуться, он не верил. К психоанализу и психиатрии он относился весьма скептически и считал, что настоящий человек сам разберется в своих проблемах, не вызывая к помощи посторонних.

– Кэрол просто вырастет, – сказал он. – Испытания, через которые она прошла, многому ее научили. Она стала смотреть на вещи по-новому. Наконец она научилась ценить то, что у нее есть, – Тейта, Мэнди, семью. Давно пора.

Зи никак не могла в это поверить.

– Остается надеяться, что это сохранится подольше.

Нельсон повернулся на бок, заглянул ей в лицо и положил руку на ее талию. Потом поцеловал в волосы – туда, где пробивалась седина.

– Что продлится?

– Ее нежное отношение к Тейту и Мэнди. Со стороны кажется, что она о них заботится.

– Ну и хорошо.

– Если это искренне. Мэнди такая ранимая. Боюсь, ей придется трудно, если Кэрол опять от нее отвернется и опять станет раздражительной и нетерпеливой. А Тейт... – Зи вздохнула. – Я так хочу, чтобы он был счастлив. Победит он на выборах или нет – все равно сейчас поворотный момент в его жизни. Он заслуживает счастья. И любви заслуживает.

– Ты всегда заботилась о счастье своих сыновей, Зи.

– Но счастья в супружестве у них нет, Нельсон, – с грустью заметила она. – А я так об этом мечтала.

Его палец скользнул по ее губам, ища улыбку, которой там не было.

– Ты совсем не изменилась. Все такая же романтическая.

Он притянул ее к себе и нежно поцеловал. Его большие руки сняли с нее ночную рубашку и стали властно и нежно гладить ее обнаженное тело. Любовью они занимались в темноте.

Эйвери уже много дней мучительно соображала, как связаться с Айришем.

Заглянув себе в душу и решив, что ей нужен совет, она теперь не знала, как сообщить ему, что она не сгорела в катастрофе, случившейся с рейсом 398.

Как бы она это ни сделала, получится жестоко. Если она просто придет к нему, он может не перенести шока. Звонок по телефону он сочтет розыгрышем, ведь ее голос звучал теперь совсем иначе. Поэтому она решила послать письмо на почтовый ящик, так же как несколько недель назад она посылала свои драгоценности. Наверняка он был озадачен, получив их безо всяких объяснений. А может, он уже подозревает, что с ее смертью связана какая-то тайна?

Несколько часов она думала, что же написать в таком странном письме. Она не знала никаких правил этикета, предписывающих, как сообщать кому-то, кого вы любите и кто считает вас погибшей, что на самом деле вы живы. В конце концов она решила, что написать об этом можно только напрямик:

«Айриш, дорогой!

Я не погибла в катастрофе. Обо всех удивительных событиях, происшедших со мной, расскажу тебе в следующую среду вечером у тебя дома.

С любовью, Эйвери».

Письмо она написала левой рукой – этой роскоши она себе не позволяла давно, – чтобы он сразу узнал ее почерк, и отправила в конверте без обратного адреса.

После субботнего разговора за завтраком Тейт был с ней сдержанно вежлив. Она была почти рада этому. Хотя его антипатия была направлена не на нее лично, тяжесть ложилась на ее новое «я». На расстоянии было легче это выносить.

Она не решалась даже представить, как он будет реагировать, когда узнает правду. Его ненависть к Кэрол поблекнет по сравнению с тем, что он будет испытывать к Эйвери Дэниелз. Она могла лишь надеяться на то, что ей удастся объяснить свое поведение. Но до этого

момента ей оставалось только показывать, сколь альтруистичны ее намерения. В понедельник утром она записалась на прием к доктору Джеральду Вебстеру, знаменитому детскому психологу из Хьюстона. У него было много пациентов, но она была настойчива. Она сыграла на известности Тейта, и для нее нашли время. Она действовала ради Мэнди, и совесть ее была чиста.

Когда она рассказала об этом Тейту, он лишь кивнул в ответ:

– Я запишу это в свой календарь.

Она устроила так, что визит должен был произойти в один из тех дней, когда они в рамках предвыборной кампании собирались посетить Хьюстон.

Больше им говорить было почти не о чем. У нее было достаточно времени, чтобы продумать, что она будет говорить, встретившись с Айришем.

Однако в среду вечером, остановив машину перед его домом, она по-прежнему не представляла, что говорить и с чего начинать.

Она шла по дорожке к дому и чувствовала, как бешено колотится сердце. И тут она увидела тень за шторами. Не успела она подойти к крыльцу, как дверь распахнулась. На крыльцо вышел Айриш, готовый разорвать ее на части голыми руками, и грозно спросил:

– Кто вы такая, черт побери, и что за игру вы затеяли?

Его ярость не напугала Эйвери. Она шла прямо ему навстречу. Он был совсем немного выше нее. На ней были туфли на каблуках, поэтому они встретились глаза в глаза.

– Айриш, это я, – тихо улыбнулась она. – Давай войдем внутрь.

Когда она до него дотронулась, вся его враждебность улетучилась. Суровый Айриш затрепетал, как нежный цветок. Это было очень трогательное зрелище. В одно мгновение он превратился из свирепого воина в растерянного пожилого человека.

Ледяное недоверие во взгляде сменилось слезами сомнения, неожиданности, радости.

– Эйвери? Это?.. Как?.. Эйвери?

– Я все тебе объясню, только давай наконец войдем в дом.

Она взяла его за руку и повернула – казалось, он разучился двигать ногами. Она легонько подтолкнула его к порогу. Потом закрыла входную дверь.

Она с грустью заметила, что дом, как и сам Айриш, чей вид ее очень расстроил, был в полном беспорядке. Он немного располнел, но лицо у него было изможденное. Щеки и подбородок обвисли. Нос и скулы были в красных прожилках. Видно было, что все это время он сильно пил.

Он никогда не был модником, одевался, как того требовали приличия, но сейчас вид у него был потрепанный. Его неряшливость уже не была лишь милой чертой знакомого облика. Налицо был начинающийся распад личности. Когда она видела его в последний раз, у него была лишь проседь в волосах. Теперь он стал почти совсем седой.

Это она нанесла ему такой удар.

– Ой, Айриш, прости меня, пожалуйста. – Не в силах сдержать рыдания, она прижалась к нему, обхватила его руками.

– У тебя другое лицо.

– Да.

– И голос хриплый.

– Знаю.

– Я узнал тебя по глазам.

– Я очень рада. Внутри я не изменилась.

– Ты хорошо выглядишь. Как ты?

Он чуть отстранил ее и неловко погладил своими большими руками.

– Хорошо. Меня собрали по кусочкам.

– Где ты была? Господи, как я рад тебя видеть!

Они опять прижались друг к другу и заплакали. Тысячи раз она прибежала к Айришу за утешением. Когда отец уезжал, Айриш целовал ее поцарапанные локти, чинил сломанные игрушки, просматривал ее школьные табели, ходил на ее уроки танцев, наказывал, поздравлял, сочувствовал.

Но сейчас Эйвери чувствовала себя старшей. Они поменялись ролями. Это он прижимался к ней и искал утешения.

Как-то они добрались до дивана, потом ни один не мог вспомнить, как. Когда слезы кончились, он вытер ее мокрое лицо руками, быстро и нетерпеливо. Он был явно смущен.

– Я боялась, что ты будешь сердиться, – сказала она, высморкавшись в бумажный платочек.

– Я и сержусь. Если бы я не был так рад тебя видеть, я бы тебя как следует отшлепал.

– Ты нашлепал меня однажды, когда я как-то ругала маму. Потом ты плакал больше, чем я. – Она дотронулась до его щеки. – Ты размазня, Айриш Маккейб.

Вид у него был раздраженный и раздосадованный.

– Что случилось? У тебя была амнезия?

– Нет.

– Что тогда? – спросил он, не сводя с нее пристального взгляда. – Никак не могу привыкнуть к твоему виду. Ты похожа на... Кэрол Ратледж.

– Вот именно. На жену Тейта Ратледжа – покойную жену. (В его глазах блеснула догадка.) Она летела тем же рейсом. Ты опознал мое тело, Айриш?

– Да, по твоему медальону.

Эйвери покачала головой:

– Это ее тело ты опознал. Мой медальон был у нее.

Его глаза наполнились слезами:

– Ты была вся обгоревшая, но волосы твои...

– Мы выглядели так похоже, нас даже приняли за сестер всего за несколько минут до неудавшегося взлета.

– Как?..

– Слушай внимательно, я все тебе расскажу. – Эйвери взяла его руки в свои – этим жестом она молча просила его не перебивать. – Когда в больнице через несколько дней я наконец пришла в сознание, я поняла, что забинтована с ног до головы. Я не могла двигаться, видела только одним глазом, не могла говорить. Все называли меня миссис Ратледж. Сначала, наверное, у меня была амнезия, потому что я не помнила, миссис Ратледж я или миссис Кто-нибудь. Я была не в себе, у меня все болело. Когда я наконец вспомнила, кто я, я поняла, что произошло. Видишь ли, мы поменялись местами.

Она рассказала ему о тех мучительных часах, когда она пыталась объяснить, кто она такая.

– Ратледжи наняли доктора Сойера, чтобы он восстановил мое лицо – лицо Кэрол – по ее фотографиям. Я никак не могла дать им понять, что они совершают ошибку.

Он высвободил свои руки из ее и в задумчивости провел ими по своему лицу.

– Мне надо выпить. Будешь?

Через несколько мгновений он вернулся со стаканом, на три четверти наполненным неразбавленным виски. Эйвери ничего не сказала, но неодобрительно посмотрела на стакан. Он с вызовом отхлебнул порядочный глоток.

– Ну ладно, до этого места все понятно. Была совершена ошибка, а ты не имела возможности об этом сказать. Но когда смогла, почему не сказала? Другими словами, почему ты до сих пор играешь роль Кэрл Ратледж?

Эйвери встала и начала расхаживать по неприбранной комнате, делая бесполезные попытки что-то привести в порядок, а на самом деле пытаюсь собраться с мыслями. Сложно будет убедить Айриша в том, что ее план был продуман и обоснован. Он придерживался мнения, что репортеры должны сообщать о новостях, а не делать их. Им отведена роль наблюдателя, а не участника. Это всегда было предметом спора между ним и Клиффом Дэниелзом.

– Кто-то собирается убить Тейта Ратледжа до того, как он станет сенатором.

Айриш не ожидал ничего подобного. Его рука со стаканом виски застыла на полпути от столика ко рту. Жидкость выплеснулась из стакана на руку. Он рассеянно вытер руку о брюки.

– Что?

– Кто-то собирается...

– Кто?

– Я не знаю.

– Почему?

– Не знаю.

– Каким образом?

– Не знаю, Айриш, – повторила она громче. – Где и когда, тоже не знаю, можешь не спрашивать. Просто выслушай меня.

Он погрозил ей пальцем:

– Я еще могу тебя наслепать за то, что ты со мной сделала. Не испытывай мое терпенье. Я из-за тебя и так словно в аду побывал.

– Да и я тоже не в отпуск съездила, – резко ответила она.

– Только поэтому я так долго сдерживался, – заорал он. – Перестань водить меня за нос.

– Я и не вожу!

– Тогда что за ерунду ты рассказываешь про то, что Ратледжа собираются убить? Откуда, черт подери, ты это знаешь?

То, что он вышел из себя, ее успокоило. С этим Айришем ей было легче, чем с убитым горем человеком, каким он был несколько минут назад. За долгие годы она научилась с ним спорить.

– Кто-то сказал мне, что собирается убить Ратледжа до того, как тот вступит в должность.

– Кто?

– Не знаю.

– Ерунда. Не начинай по новой.

– Если ты мне дашь такую возможность, я все объясню.

Он сделал еще глоток, сжал руку в кулак и наконец, расслабившись, откинулся на спинку дивана, давая понять, что готов сидеть спокойно и слушать.

– Кто-то, принимавший меня за Кэрол, пришел ко мне в больницу. Видеть его я не могла – мой глаз был забинтован, а он стоял за моей спиной. – Она вспомнила, как это происходило, и повторила все слово в слово. – Я была в ужасе. Когда я уже могла сказать, кто я, я боялась это сделать. Один неверный шаг, и я бы поставила под угрозу и свою жизнь, и жизнь Тейта.

Айриш выслушал ее не перебивая. Она подошла к дивану и села рядом с ним. Когда он заговорил, тон у него был весьма скептический.

– Ты хочешь сказать, что стала играть роль миссис Ратледж, чтобы предотвратить убийство Тейта Ратледжа.

– Вот именно.

– Но ты не знаешь, кто собирается его убить.

– Пока что нет, но Кэрол это знала. Каким-то образом она была с этим связана, но я не знаю, в каких отношениях она была с тем человеком.

– Хмм. – Айриш задумчиво поскреб подбородок. – Посетитель, который у тебя был...

– Это должен был быть член семьи. В больницу больше никого не пропускали.

– Кто-то мог пробраться.

– Возможно, но я так не думаю. Если бы Кэрол наняла убийцу, он бы просто исчез, узнав, что с ней случилось. Он бы не стал приходить и предупреждать ее, чтобы она держала язык за зубами. Или стал бы?

– Твой убийца, ты и решай.

Она опять вскочила с места:

– Ты мне не веришь?

– Я верю в то, что ты в это веришь.

– Но считаешь, что это плод моего воображения.

– Ты была напичкана лекарствами и не совсем в себе, Эйвери, – заметил он. – Ты сама так сказала. Ты плохо видела одним глазом, а другим не видела вообще. Ты думаешь, что это был кто-то из семьи Ратледжей, но это мог быть и кто-то еще.

– К чему ты клонишь?

– Может, все это был кошмарный сон.

– Несколько дней назад я сама была склонна так думать. – Она вынула из сумочки записку, найденную в наволочке, и протянула ему.

Он прочитал ее.

Когда его встревоженный взгляд встретился с ее глазами, она сказала:

– Я нашла это в своей наволочке. Он действительно существует. Он все еще думает, что я Кэрол, его сообщница. И по-прежнему собирается осуществить задуманное.

Записка заставила Айриша переменить мнение. Он в замешательстве откашлялся.

– Это его первая попытка связаться с тобой, с тех пор как ты вышла из больницы?

– Да.

Он еще раз прочитал записку, потом сказал:

– Здесь ничего не говорится о том, что он собирается убить Тейта Ратледжа.

Эйвери устало на него посмотрела:

– Это хорошо продуманный план. Они долго его вынашивали. Он едва ли стал бы рисковать и излагать его на бумаге. Естественно, он не стал писать прямо, ведь записку могли обнаружить. Эти якобы невинные фразы могли сказать Кэрол о многом.

– Кто мог воспользоваться пишущей машинкой?

– Любой. Она стоит на столе в общей комнате. Именно ее и использовали. Я проверила.

– Что он – или она – имел в виду, написав «что бы ты ни делала»? Эйвери виновато посмотрела в сторону:

– Точно не знаю.

– Эйвери?

Она спрятала глаза. Ей никогда не удавалось скрыть от Айриша правду. Он всегда видел насквозь.

– Я старалась вести себя с Тейтом лучше, чем вела себя его жена.

– У тебя были на то особые причины?

– Мне с самого начала было ясно, что у них было не все гладко.

– Как ты это поняла?

– По тому, как он себя с ней держит. Со мной то есть. Он вежлив и ничего больше.

– Хмм. Тебе известно почему?

– Кэрол сделала или собиралась сделать аборт. Я узнала об этом только на прошлой неделе. Я уже поняла, что она была ужасной матерью. Не вызывая слишком больших подозрений, я пыталась сократить дистанцию, существующую между ним и его женой.

Айриш опять спросил:

– Почему?

– Чтобы лучше понять, что происходит. Мне надо было докопаться до истоков их проблем, чтобы понять мотивы убийцы. Очевидно, мои попытки наладить их брак были замечены. Убийца считает, что это новая тактика Кэрол, которая должна усыпить бдительность Тейта.

Она потеряла руки, как будто внезапно замерзла.

– Он действительно существует, Айриш. Я знаю. И это – доказательство, – сказала она, указывая на записку.

Не выказывая своего мнения, Айриш бросил листок бумаги на журнальный столик.

– Предположим, убийца существует. Кто бы это мог быть?

– Представления не имею, – со вздохом призналась она. – Такая большая дружная семья.

– Но если тебе верить, кто-то на «Рокинг-Ар» вовсе не так счастлив.

Она перечислила ему всех, кто живет на ранчо, и рассказала, кто кем приходится Тейту.

– У каждого есть свои тайные проблемы, но эти проблемы не имеют никакого отношения к Тейту. Родители в нем души не чают. Нельсон – признанный всеми глава семьи. Он управляет домом, когда надо – строг, любит семью. Зи так просто не опишешь. Она хорошая жена и любящая мать. Держится от меня поодаль. Думаю, она недолюбливает Кэрол за то, что та не принесла счастья ее сыну.

– А остальные?

– У Кэрол, возможно, был роман с Эдди.

– Эдди Пэскел – это руководитель предвыборной кампании?

– И лучший друг, еще со времен колледжа. Но насчет романа я точно не знаю. Только со слов Фэнси.

– И как этот Пэскел к тебе относится?

– Вежлив, не более того. Правда, я не подаю сигналов, как это могла делать Кэрол. Если у них и был роман, он мог решить, что после катастрофы все кончилось. Во всяком случае он делает все, чтобы Тейт победил на выборах.

– А девчонка?

Эйвери покачала головой:

– Фэнси – испорченная маленькая дрянь. Нравственность у нее – на уровне бродячей мартовской кошки. Но она слишком легкомысленна для убийцы. Это не по ней – силенки не те.

– А брат? Его зовут Джек, кажется?

– Он очень несчастлив в браке. – Она задумалась. – И Тейт здесь ни при чем. Хотя...

– Что хотя?

– Он кажется знающим, интересным, привлекательным, но это когда младшего брата нет рядом. Тейт – как солнце. Джеку остается роль луны. Он отражает свет Тейта, но собственного не излучает. Он так же много, как Эдди, делает для предвыборной кампании, но если что-то не получается, все шишки сыплются на него. И мне его жалко.

– А ему самому себя жалко? Настолько, чтобы стать убийцей брата?

– Не знаю. Он держится на расстоянии. Как-то раз я заметила, что он за мной наблюдает, и почувствовала в его взгляде враждебность. Но держится безразлично.

– А его жена?

– Дороти-Рей может убить из ревности, но ее первой жертвой будет Кэрол, а не Тейт.

– Почему ты так считаешь?

– Я просматривала семейные альбомы в поисках информации. Дороти-Рей зашла в гостиную, чтобы взять из бара бутылку. Она была уже пьяна. Я ее редко вижу, только за ужином, и она почти все время молчит. Поэтому я была очень удивлена, когда она ни с того ни с сего стала обвинять меня в том, что я хочу украсть ее мужа. Она сказала, что я, наверное, хочу продолжить с того, на чем я остановилась перед катастрофой.

– Что, Кэрол спала со своим деверем? – недоверчиво спросил Айриш.

– Кажется, да. Во всяком случае, попытки делала. – Эйвери тогда очень огорчила эта новость. Она надеялась, что это просто алкогольные фантазии Дороти-Рей, которым она предавалась, запершись у себя в комнате с бутылкой водки. – Какой абсурд! – продолжала она размышлять вслух. – У Кэрол был Тейт. Зачем ей понадобился Джек?

– Дело вкуса.

– Наверное, ты прав. – Эйвери была так поглощена своими мыслями, что намека не заметила. – Во всяком случае, я отрицала, что имела планы относительно ее мужа. Она назвала меня стервой, шлюхой, разрушительницей семейного очага и тому подобное.

Айриш взъерошил волосы.

– Видно, эта Кэрол действительно была та еще штучка.

– Но мы точно не знаем, что она добивалась Эдди или Джека.

– Но она должна была посылать действительно сильные сигналы, раз так много людей их принимали.

– Бедный Тейт.

– А что «бедный Тейт» думает о своей жене?

Эйвери постаралась вспомнить все:

– Он думает, что она сделала от него аборт. Знает, что у нее были любовники. Знает, что она была плохой матерью и серьезно травмировала душу дочери. Будем надеяться, что это можно поправить.

– Ты и эту ответственность взвалила на себя?

Она услышала осуждающие нотки в его голосе и вскинула голову:
– Что ты хочешь этим сказать?

Он решил, что ей стоит успокоиться, и отправился на кухню за новой порцией выпивки. Вернулся и встал над ней, широко расставив ноги.

– Ты мне не врешь насчет того полуночного посетителя в больнице?

– Да как ты можешь мне не верить?

– Объясню. Ты пришла ко мне, дай вспомнить, когда это было, два года назад, пришла поджавши хвост – ты искала работу, любую работу. Тебя как раз уволили за то, что ты совершила непростительную журналистскую ошибку.

– Я пришла сегодня не для того, чтобы это вспоминать.

– А может, вспомнить все-таки стоит! Потому что мне кажется, за твоим идиотским планом стоит именно это. Ты тогда влезла в эту историю по уши. Не проверив фактов, ты сообщила, что молодой конгрессмен из Вирджинии убил свою жену, а потом выстрелил себе в голову.

Она сдавила руками виски, воспоминания нахлынули и разворачивались перед ее внутренним взором страшной бесконечной лентой.

– Репортаж с места события, Эйвери Дэниелз. – Айриш был к ней беспощаден. – Новости из первых рук! Ты тогда почуяла свежую кровь.

– Да, черт подери, все так. Это действительно была свежая кровь. – Она скрестила руки на груди. – Я видела тела, слышала, как визжали от ужаса дети, – они нашли их, придя из школы. Я видела, как они рыдали над тем, что сделал их отец.

– Предположительно сделал, черт побери! Ты ничему не учишься, Эйвери. Он предположительно убил свою жену, а потом размазал свои мозги по стенам. – Айриш отхлебнул виски. – Но ты была тут как тут со своим репортажем, не сказав этого весьма существенного слова и подставив свою компанию под обвинение в клевете. Ты подыгрывала камере, Эйвери. Тебе было не до объективности. По твоему лицу ручьем текли слезы, а потом, будто этого было недостаточно, ты стала вопрошать аудиторию, как мог человек, особенно занимавший такой важный выборный пост, совершить такой поступок.

Она подняла голову и с вызовом взглянула на него:

– Я помню, что я сделала. Не надо напоминать мне об этой ошибке. Я два года жила с этим. Я была не права, но я многому научилась.

– Ерунда, – проревел он. – Ты опять повторяешь то же самое. Ты лезешь, куда не положено. Делаешь новости, а не сообщаем о них. Разве это не та возможность, которой ты ждала? Уж не эта ли история опять вынесет тебя на гребень?

– Хорошо, пусть так! – выпалила она. – Это была одна из причин.

– Это причина всего, что ты делаешь.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты все еще хочешь добиться такой же известности, как твой отец. Ты хочешь дотянуться до него, быть достойной его имени, а у тебя никак не получается. – Он пододвинулся к ней поближе. – А сейчас я скажу то, чего тебе совсем не хотелось бы слышать. – Он тряхнул головой и отчетливо проговорил: – Он того не стоит.

– Остановись, Айриш.

– Он был твоим отцом, Эйвери, но он был и моим лучшим другом. Я знал его и лучше, и дольше, чем ты. Я любил его, но мог воспринимать его более объективно, чем ты или твоя мать.

Он оперся одной рукой о спинку дивана и склонился над ней:

– Клифф Дэниелз был блестящим фоторепортером. Лучшим, на мой взгляд. С камерой он был талантлив, не отрицаю. Но у него не было таланта делать близких ему людей счастливыми.

– Я была счастлива. Если он был дома...

– Это бывало редко, а когда он прощался, ты бывала безутешна. Я видел, как трудно Розмари переносить его долгие отлучки. Она была несчастна, даже когда он бывал дома, потому что знала, что это ненадолго. И все время она со страхом ждала его отъезда. Клифф жить не мог без опасности, это был его эликсир, источник жизненной силы. Для твоей матери это была болезнь, пожравшая ее юность и энергию. Его смерть была легкой и быстрой. Она же умирала долго, мучительно, несколько лет. Она начала умирать задолго до того дня, когда приняла упаковку снотворного. Так чем же он заслужил твое слепое восхищение, почему ты так хочешь быть достойной его имени, Эйвери? Самой главной наградой его жизни был не этот чертов Пулитцер, а твоя мать, но он был слишком глуп, чтобы понять это.

– Ты просто ревнуешь к нему.

Айриш выдержал ее взгляд:

– Да, я ревновал, ревновал к тому, как его любила Розмари.

И тут у нее пропал весь пыл. Она взяла его руку, прижалась к ней щекой. Из глаз ее текли слезы.

– Я не хочу, чтобы мы ссорились, Айриш.

– Тогда извини. Но ты ввязалась в страшное дело. Я не могу позволить тебе продолжать это.

– Мне все равно придется. Я теперь связана.

– И надолго это?

– Пока не узнаю, кто собирается убить Тейта и не разоблачу его.

– А потом?

– Не знаю, – жалобно сказала она.

– А что, если предполагаемый преступник так и не перейдет в наступление? Может, он просто блефует? Ты что, так и останешься миссис Ратледж? Или просто подойдешь однажды к Ратледжу и скажешь: «Да, кстати! Меня зовут не Кэрол, а Эйвери!»?

Она решила признаться ему в том, в чем самой себе призналась только несколько дней назад:

– Этого я еще не знаю. Путей к отступлению подготовить не удалось.

– Ратледжу надо обо всем рассказать, Эйвери.

– Нет! – Она вскочила на ноги. – Не сейчас. Я не могу оставить его. Поклянись, что не скажешь ему.

Айриш даже отступил на шаг назад, потрясенный ее столь бурной реакцией.

– Господи, – прошептал он, осознав, наконец, правду. – Так вот в чем дело. Ты хочешь мужа другой женщины. Так ты хочешь остаться миссис Ратледж потому, что Тейт Ратледж хорош в постели?

Эйвери отвернулась. Она боялась, что не удержится и ударит его.

– Это мерзко, Айриш.

Она подошла к окну и с тревогой заметила, что уже темнеет. На ранчо, должно быть, кончили ужинать. Она предупредила, что поедет по магазинам и к ужину не вернется. Но все равно ей пора было назад.

– Да, мерзко, – согласился Айриш. – Я этого и хотел. Каждый раз, когда мне хочется тебя пощадить, я вспоминаю про бесконечные ночи после катастрофы, когда я мог только напиваться до беспамятства. Знаешь, я даже хотел покончить с собой.

Эйвери медленно подошла к нему. Весь ее гнев пропал.

– Пожалуйста, не рассказывай мне про это.

– Я подумал: к чертям эту жизнь! Попытаю счастья в следующей. Я потерял Клиффа и Розмари. Потерял тебя. Я спрашивал Господа: «Послушай, кому нужно столько напастей?» Если бы я не боялся за свою бессмертную душу... – Он грустно улыбнулся.

Она обняла его и прижалась щекой к его плечу.

– Я люблю тебя. Я очень переживала за тебя. Я понимала, как подействует на тебя моя смерть.

Он обхватил ее обеими руками, прижал к себе и в который раз пожалел, что она не его дочь.

– Я тоже тебя люблю. Поэтому и не могу тебе позволить все это продолжать.

Она отстранилась от него:

– Теперь у меня нет другого выбора.

– Если кто-то действительно хочет убить Ратледжа...

– Действительно хочет.

– ...тогда ты тоже в опасности.

– Я знаю. Я хочу быть другой Кэрол для Тейта и Мэнди, но если я буду слишком другой, ее сообщник решит, что она его предала. Или, – спокойно добавила она, – что это не Кэрол. Я все время боюсь себя выдать.

– Возможно, это уже произошло, просто ты еще об этом не знаешь.

Она вздрогнула:

– И это я понимаю.

– Вэн что-то заметил.

Она задохнулась от неожиданности:

– Я поняла. Со мной чуть сердечный приступ не случился, когда я открыла дверь и увидела его.

Айриш рассказал о своем разговоре с Вэном.

– Я был занят и тогда не придал его словам никакого значения. Подумал, что он, как всегда, пришел мне надоедать. Теперь мне кажется, он хотел мне что-то сказать. Что мне говорить, если он вернется к этому разговору?

– Ничего. Чем меньше людей об этом знает, тем лучше и для них, и для меня. Вэн знал Эйвсри Дэниелз, а Ратледжи – нет. Им не с кем сравнивать новую Кэрол. Они относят перемены, произошедшие с ней, за счет пережитой катастрофы.

– Это слишком поверхностный взгляд. Если плана убийства не существует, а я Бога молю, чтобы так оно и было, ты в лучшем случае отделаешься душевной травмой.

– Если я сейчас все брошу и мне удастся выйти из игры живой, получится, что я все делала зря. Я почти ничего не узнала. А если Тейта действительно убьют, а, Айриш? Если получится так, что я могла бы его спасти и не сделала этого? Думаешь, я смогу с этим жить?

Он легко погладил ее по подбородку.

– Ты ведь любишь его, правда?

Она прикрыла глаза и кивнула.

– Он ненавидел свою жену. Поэтому ненавидит тебя.

– Опять в точку! – Она безразлично рассмеялась.

– Как вы друг с другом?

– Я с ним не спала.

– Я не об этом спрашиваю.

– Но хочешь знать именно это.

– А стала бы?

– Да, – прямо ответила она. – С того момента, как я пришла в сознание, до самого выхода из клиники он был замечателен, просто замечателен. То, как он относится к Кэрол на публике, выше всяких похвал.

– А как он ведет себя наедине?

– Холодно, как любой обманутый муж. Но я над этим работаю.

– А что потом? Если он сдастся и ляжет с тобой в постель, думаешь, он не заметит разницы?

– Думаешь, заметит? – Она склонила голову набок и попыталась улыбнуться. – Разве мужчины не говорят, что ночью все кошки серы?

Он взглянул на нее с неодобрением.

– Ладно, допустим, не заметит. А что будешь чувствовать ты, когда он будет заниматься с тобой любовью, принимая тебя за другую?

Это ей приходило в голову. Она нахмурилась.

– Я захочу, чтобы он понял, что это я. Знаю, что нехорошо его обманывать, но...

Голос ее стих, она задумалась над вопросом, на который еще не знала ответа. Так и не найдя его, она сказала:

– Кроме того, есть Мэнди. Я ее тоже люблю, Айриш. Ей нужна любящая мать.

– Согласен. Но что с ней станет, когда твоя миссия закончится, и ты ее покинешь?

– Я ее не покину...

– А как ты думаешь, что будет чувствовать Ратледж, когда ты напишешь очерк о его семье?

– Это не будет очерк.

– Не хотел бы я оказаться рядом, когда ты будешь объяснять это ему. Он подумает, что ты его использовала. – Он выдержал многозначительную паузу. – И будет прав, Эйвери.

– А если мне при этом удастся спасти его жизнь? Не думаешь ли ты, что тогда он сможет найти в себе силы простить меня?

Он беззвучно выругался.

– Ты упустила свое призвание. Тебе следовало стать адвокатом. Ты и черта переспоришь.

– Я не могу допустить, чтобы моя карьера закончилась позором. Я должна реабилитировать себя за ошибку, допущенную в Вашингтоне, сделать так, чтобы в меня как в журналистку снова поверили. Возможно, я по-прежнему играю в папину дочку, но я должна это сделать. – Она взглядом молила его о понимании.

– Ты не с того конца принялась за дело, – мягко сказал он и пощекотал ей под подбородком указательным пальцем. – Ты слишком

увязла в своих чувствах. У тебя большое сердце – ты не можешь оставаться сдержанной. Ты сама призналась, что привязалась к этим людям. Ты любишь их.

– И это еще одна причина, по которой мне надо остаться. Кто-то хочет убить Тейта и оставить Мэнди сиротой. Если это в моих силах, я хочу попробовать предотвратить беду.

Его молчание было как белый флаг капитуляции. Она посмотрела на стенные часы.

– Мне надо идти. Но сначала скажи, у тебя есть какие-нибудь мои вещи?

Через минуту она надела на шею золотую цепочку с медальоном. Это была не очень дорогая вещь, но для нее она была бесценна.

Отец привез ей эту цепочку в 1967 году из Египта, куда ездил по заданию «Ньюсуик» освещать конфликт между Египтом и Израилем.

Эйвери нажала пружинку, и медальон раскрылся. Она посмотрела на фотографии внутри. На одной из них был ее отец. Он был в военной форме, на груди висела 35-миллиметровая камера. Это была последняя его фотография. Через несколько недель его убили. На другом снимке была ее мать. Розмари, нежная и милая, грустно улыбалась в объектив.

К глазам Эйвери подступили горячие соленые слезы. Она закрыла медальон и сжала его в ладони. Она еще не всего лишилась. У нее было это, и у нее был Айриш.

– Я надеялась, что медальон у тебя.

– Он был в руках у мертвой женщины.

Эйвери только кивнула. Ей было трудно говорить.

– Мэнди увидела медальон у меня на шее. Я дала ей его посмотреть. Прямо перед взлетом Кэрол рассердилась, потому что Мэнди перекрутила цепочку, и забрала у нее медальон. Это последнее, что я помню.

Он показал ей драгоценности Кэрол.

– Я страшно разволновался, когда открыл конверт. Ведь это ты его послала?

Она рассказала, как все произошло.

– Я не знала, что еще с этим делать.

– Не проще ли было выбросить?

– Наверное, мне подсознательно хотелось послать тебе весточку.

– Тебе отдать ее драгоценности?

Она отрицательно помотала головой и взглянула на простое золотое кольцо на левом безымянном пальце.

– Тогда как-то придется объяснять их появление. Я не хочу ничего усложнять.

Он нетерпеливо выругался.

– Эйвери, выходи из игры, сейчас же. Сегодня же.

– Не могу.

– Проклятье! У тебя честолюбие твоего отца и сострадание матери. Опасное сочетание. В данном случае – смертельное. К несчастью, упрямство ты унаследовала от обоих.

Когда он спросил: «Что ты хочешь, чтобы сделал я?» – Эйвери поняла, что он сдался окончательно.

Когда она вернулась, Тейт стоял в холле. Эйвери подумала, что он ждал ее, но он сделал вид, что это совпадение.

– Где ты была так поздно? – спросил он, не глядя в ее сторону.

– Тебе разве Зи не передала? Я ей сказала, что мне надо сделать последние покупки перед поездкой.

– Я думал, ты вернешься раньше.

– Мне надо было заехать в несколько магазинов. – У нее в руках были покупки, она сделала их наспех перед встречей с Айришем. – Ты не помог бы мне отнести это в спальню?

Он взял у нее несколько пакетов и пошел за ней.

– Где Мэнди? – спросила она.

– Уже спит.

– А я надеялась, что успею почтить ей на ночь.

– Надо было раньше возвращаться.

– Ей почтили?

– Мама почтила. Я посидел с ней, пока она не заснула.

– Я попозже зайду к ней.

Проходя через холл, она через окно увидела, что Нельсон, Джек и Эдди сидят за столом во внутреннем дворике и о чем-то разговаривают. Зи сидела в шезлонге и читала журнал. Фэнси плескалась в бассейне.

– Тебя, наверное, ждут.

– Эдди опять обсуждает план маршрута. Я слышал все это сто раз.

– Просто положи на кровать. – Она сняла пиджак, бросила его на кровать рядом с пакетами и сбросила туфли.

Тейт стоял совсем рядом, готовый к атаке.

– Где ты делала покупки?

– Где всегда.

Его вопрос не имел никакого смысла, потому что на пакетах были написаны все названия. В какое-то мгновение она испугалась, не следит ли он за ней. Нет, не мог. Она ехала в объезд, все время смотрела в зеркало заднего вида, не едет ли кто-нибудь следом.

Без мер безопасности, которые показались бы ей несколько месяцев назад абсолютно бессмысленными, она теперь не обходилась. Ей не нравилось жить, что-то скрывая, постоянно настороже. Сегодня вечером, после встречи с Айришем, ее нервы были на пределе. Тейт выбрал неудачное время для расспросов.

– Почему ты меня допрашиваешь?

– Я тебя не допрашиваю.

– Черта с два. Ты вынюхиваешь, как ищейка. – Она сделала шаг в его сторону. – Чем ты думаешь, я пахну? Табаком? Вином? Спермой? Чем-то, что подтвердит твои грязные подозрения насчет того, что я провела день с любовником?

– Так бывало, – мрачно сказал он.

– Сейчас – нет!

– За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я поверю, что операция на лице изменила тебя внутри и сделала из тебя верную жену?

– Думай, что хочешь! – крикнула она. – Только оставь меня в покое.

Она подошла к шкафу и чуть не выбила раздвижную дверь, пытаясь его открыть. Руки у нее так дрожали, что она никак не могла справиться с пуговицами на спине. Она выругалась себе под нос, но пуговицы никак не расстегивались.

– Давай я.

Голос Тейта раздался за ее спиной, в нем слышались извиняющиеся нотки. Он наклонил ей голову, открыв шею. Потом опустил ее руку и расстегнул блузку.

– Почти как раньше, – сказал он, расстегивая последнюю пуговицу.

Блузка соскользнула с ее плеч. Она прижала ее к груди и повернулась к нему.

– Я плохо переношу допросы, Тейт.

– А я – супружеские измены.

Она чуть наклонила голову.

– Наверное, я это заслужила. – Она посмотрела на его шею и увидела, как бьется от напряжения на ней жилка. Потом подняла на него глаза. – Разве после катастрофы я давала тебе поводы сомневаться в моей преданности?

Уголки его губ чуть дрогнули.

– Нет.

– Но ты мне по-прежнему не доверяешь?

– Доверие надо заслужить.

– А я еще не заслужила?

Он не ответил. Потом дотронулся указательным пальцем до золотой цепочки у нее на шее.

– Что это?

От его прикосновения у нее закружилась голова. Используя возможность показать больше тела, она уронила блузку на пол. Медальон лежал в ложбинке между грудей, чуть прикрытых прозрачным лифчиком. Она услышала, как он перевел дыхание.

– Я увидела его в магазине подержанных украшений, – соврала она. – Хорошенький, правда?

Тейт глядел на золотую безделушку глазами изголодавшегося, увидевшего последний кусок пищи на земле.

– Открой его.

После мгновенного колебания он взял медальон в руку и нажал пружинку. Он был пуст. Она вынула фотографии отца и матери и оставила их Айришу на сохранение.

– Я хочу положить в него ваши с Мэнди фотографии.

Он заглянул ей в глаза, потом долго смотрел ей в рот, держа медальон двумя пальцами. Когда он захлопнул его, звук показался удивительно громким.

Он положил золотой кружок на ее грудь. Рука его дрожала. Кончики пальцев едва дотрагивались до ее кожи, но по ней как будто бежали язычки пламени.

Все еще касаясь ее, он повернул голову в сторону. Он боролся сам с собой, это было видно по тому, как напряглось его лицо, по нерешительному выражению его глаз, по его частому дыханию.

– Тейт.

Он повернулся к ней. Она шепотом сказала:

– Я никогда не делала аборта. – Она поднесла палец к его губам, чтобы не слышать возражений. – Я не делала аборта, потому что не была беременна.

Горькая ирония заключалась в том, что это была правда, но ей нужно было сознаться во лжи, чтобы он ей поверил.

Этот план зрел в ней несколько дней. Она представления не имела, действительно ли Кэрол зачала и сделала аборт или нет. Но и Тейт этого не знал. Ему было бы легче смириться с ложью, чем с абортом, а поскольку именно эта преграда мешала их примирению, ей хотелось ее уничтожить. Почему она должна расплачиваться за грехи Кэрол?

Она сказала самое трудное, дальше было легче.

– Я сказала тебе, что беременна именно потому, о чем ты говорил тем утром. Мне хотелось тебя позлить. – Она дотронулась до его щеки. – Но я не могу, чтобы ты думал, что я убила твоего ребенка. Я вижу, что тебя это слишком сильно задело.

Он долго изучающе на нее смотрел, потом отступил в сторону:

– Самолет в Хьюстон во вторник в семь утра. Как ты думаешь, ты справишься?

Она надеялась, что ее сообщение побудит его простить ее. Но она постаралась скрыть свое разочарование и спросила:

– А с чем? С ранним часом отправления или с самим полетом?

– И с тем, и с другим.

– Со мной будет все нормально.

– Надеюсь, – сказал он, направляясь к двери. – Эдди хочет, чтобы все прошло гладко.

Вечером в понедельник Айриш вызвал к себе в кабинет политического обозревателя «Кей-Текса».

– У вас все готово на эту неделю?

– Ага. Люди Ратледжа прислали сегодня свое расписание. Если мы будем все это освещать, нам придется столько же времени

выделить Деккеру.

– Это моя забота. Твое дело – освещать кампанию Ратледжа. Мне нужны ежедневные сводки. Кстати, я посылаю с тобой не того фотографа, который был назначен, а Лавджоя.

– Боже мой, Айриш, – взмолился репортер. – Чем я это заслужил? Это же сплошная головная боль. На него нельзя положиться. И от него всегда дурно пахнет.

Перечень его возражений был бесконечен. Он согласен был работать с любым, только не с Вэном Лавджоем. Айриш молча его выслушал. Когда тот закончил, он повторил:

– Я посылаю с тобой Лавджоя.

Репортер сник. Если уж Айриш сказал о чем-то дважды, спорить с ним было бесполезно.

Айриш принял это решение несколько дней назад. Так что репортер попусту тратил время, пытаясь его переубедить.

Эйвери могла не думать, что подвергается непосредственной опасности, она была импульсивна и упряма и слишком часто делала скоропалительные выводы, за которые ей потом приходилось расплачиваться. Он никак не мог смириться, что она влипла в такую историю. Боже милосердный, думал он, взять на себя роль другой женщины! Отговаривать ее от этого было уже поздно, но он решил сделать все возможное, чтобы она не заплатила за это перевоплощение жизнью.

Они договорились, что если звонить будет небезопасно, она станет писать на его почтовый ящик. Он отдал ей запасной ключ от него. Много ли проку будет от этого, если ей понадобится немедленная помощь! Такая связь была немногим прочнее паутины, но взять у него пистолет она отказалась.

Эта комедия плаща и шпаги взвинтила его нервы до предела. Одна мысль об этом заставила его потянуться к пузырьку с антасидом. В последнее время он пил его не реже, чем виски. Все это было ему уже не по возрасту, но он не мог сидеть сложа руки и смотреть, как Эйвери подвергает себя смертельной опасности.

Раз он не мог стать ее ангелом-хранителем, он решил хотя бы послать к ней Вэна. Она безусловно станет нервничать, увидев Вэна, но если случится что-то непредвиденное, ей хотя бы будет к кому

обратиться. Вэн Лавджой – не слишком много, но большего Айриш пока сделать не мог.

Первый сбой в столь тщательно продуманной Эдди поездке произошел на третий день. Они были в Хьюстоне. С утра Тейт произнес страстную речь перед докерами. Приняли его хорошо.

Когда они вернулись в отель, Эдди отправился к себе в номер узнать, кто звонил в их отсутствие. Все остальные собрались в номере Тейта. Джек углубился в утренние газеты, ища в них упоминания о Тейте, его сопернике и вообще о выборах. Эйвери сидела на полу рядом с Мэнди, которая была занята раскраской с Микки Маусом.

Тейт растянулся на кровати, подложив под голову подушку, и включил телевизор. Показывали какую-то викторину. Вопросы были идиотские, участники робели, ведущий был донельзя развязен, но порой такая ерунда давала отдых его мозгу, и ему в голову приходили интересные новые мысли. Лучшие идеи посещали его, когда он бывал менее всего сосредоточен.

Нельсон и Зи вместе решали кроссворд.

Эту мирную сцену нарушил Эдди. Он ворвался в комнату в таком возбуждении, в каком Тейт его никогда не видел.

– Выключи эту штуку и слушай меня.

Тейт пультом уменьшил громкость.

– Ну, – сказал он со смехом, – мы все внимание, мистер Пэскел.

– Сегодня днем проходит заседание одного из крупнейших в штате клубов Ротари. Это самое главное заседание года. Принимают новых членов, на заседание все приглашены с женами. Докладчик, назначенный на сегодня, внезапно заболел. Они хотят тебя.

Тейт сел и спустил длинные ноги с кровати.

– Сколько человек?

– Двести пятьдесят – триста. – Эдди рылся в каких-то бумагах в портфеле. – Крупнейшие бизнесмены и ученые – столпы общества. Старейший клуб Ротари в Хьюстоне. У его членов полно денег, даже в наше трудное время. Вот, – сказал он, протягивая Тейту несколько листов бумаги, – это та речь, с которой ты выступал в Амарильо в прошлом месяце. Просмотри ее. И ради Бога, сними ты эту джинсу и переоденься в приличный костюм.

– Эти ребята больше похожи на выборщиков Деккера.

– Так оно и есть. Поэтому так важно, чтобы ты перед ними выступил. Деккер изображает тебя юнцом, витающим в облаках, а то и того хуже, психованным либералом. Покажи им, что ты твердо стоишь на ногах и что у тебя нет ни хвоста, ни рогов. – Он бросил взгляд через плечо. – Ты тоже приглашена, Кэрол. Постарайся быть очаровательной. Женщины...

– Я не смогу пойти.

Всеобщее внимание переключилось с Эдди на нее. А она все еще сидела на полу рядом с Мэнди, держа в руках цветные карандаши, а на коленях картинку с утенком Дональдом.

– Мэнди в час назначено прийти на прием к доктору Вебстеру.

– Черт! – Тейт взъерошил волосы. – Совсем забыл.

Эдди, не веря своим глазам, смотрел то на одного, то на другого:

– Такую возможность нельзя упускать. На этой неделе по опросам мы впереди на один пункт. Тейт, мы еще не утвердились. Эта речь может принести нашей компании кучу долларов, которые нам необходимы, чтобы покупать телевизионное время на коммерческих каналах.

Джек отложил газету в сторону:

– Договоритесь с врачом на другое время.

– Это возможно, Кэрол?

– Ты же знаешь, как трудно было к нему записаться. Вероятно, следующего раза придется ждать несколько недель. Даже если бы это было возможно, в интересах Мэнди нельзя откладывать.

Тейт видел, как его брат, отец и менеджер обменялись многозначительными взглядами. Они хотели, чтобы он произнес речь перед влиятельными людьми, и они были правы. Надо было убедить этих консерваторов, верных сторонников Деккера, что он – кандидат надежный, а не какой-нибудь выскочка. Но, посмотрев на жену, он за ее вроде бы спокойным взглядом почувствовал твердую решимость. Как бы он ни поступил, его не простят.

– О, Господи!

– Я могу пойти с Кэрол к психологу, – предложила Зи. – А ты, Тейт, выступай со своей речью. Мы тебе потом подробно расскажем все, что доктор говорил.

– Спасибо за предложение, мама, но она моя дочь.

– А эта встреча может решить ход выборов, – подал голос Эдди.

Джек встал и потуже затянул пояс на брюках, как будто собирался драться:

– Я на сто процентов согласен с Эдди.

– От одной речи не могут зависеть выборы. Отец?

– Мне кажется, твоя мать предложила лучший выход. Ты же знаешь, я этим психиатрам не особо доверяю, мне не стоит труда пойти послушать, что один из них говорит про мою внучку.

– Кэрол?

Спор шел вокруг нее, а она в нем совсем не участвовала, что было на нее не похоже. Раньше она не преминула бы высказать свое мнение, не ожидая, пока ее спросят.

– Очень важно и то, и другое, – сказала она. – Решать надо тебе.

Эдди выругался под нос и бросил на нее разъяренный взгляд. Уж лучше бы она орала и требовала, добиваясь своего. Тейт чувствовал то же самое. Насколько проще было сказать ей «нет», когда она настаивала и упрячилась. Но в последнее время она больше говорила своими темными красноречивыми глазами.

Каким бы ни был его выбор, неодобрения ему не избежать. Решающим фактором была сама Мэнди. Он взглянул в ее серьезное личико. Она не понимала, о чем спор, но, казалось, извинялась за то, что из-за нее возникло столько неудобств.

– Позвони им, Эдди, и скажи, что мы не можем принять их любезное приглашение. – Видно было, как Кэрол, сидевшая в напряженном ожидании его ответа, расслабилась. – Скажи, что у миссис Ратледж и у меня уже запланирована встреча, к сожалению.

Тейт предупреждающе поднял руку и посмотрел на друга тяжелым решительным взглядом:

– Прежде всего – обязательства перед семьей. Помнишь, ты обещал мне поддержку и понимание?

Эдди взглянул на него с отчаяньем и бросился вон из комнаты. Тейту не в чем было его винить. У него не было детей, он отвечал только за себя. Что он мог знать о родственных чувствах?

– Надеюсь, ты отвечаешь за свои поступки, Тейт, – сказал Нельсон, вставая с места и протягивая Зи руку. – Пойдем успокоим нашего менеджера. – И они вышли.

Джек был возмущен на меньше, чем Эдди. Он бросил взгляд на Кэрол:

– Довольна?

– Хватит, Джек, – с раздражением сказал Тейт.

Тот угрожающе ткнул в сторону Кэрол палец:

– Она тобой манипулирует, тоже мне примерная мать!

– То, что происходит между Кэрол и мной, тебя не касается.

– Обычно нет. Но поскольку ты хочешь получить выборную должность, твоя личная жизнь касается всех нас. Меня касается все, что связано с кампанией. Я посвятил годы тому, чтобы ты смог баллотироваться.

– И я ценю все, что ты сделал. Но сегодня я беру увольнительную – ради своей дочери. Не думаю, что я требую многого, но если это и так, не спорь со мной, пожалуйста.

Бросив еще несколько злобных взглядов на Кэрол, Джек вышел из номера, хлопнув дверью.

Она поднялась на ноги:

– Ты тоже так думаешь, Тейт? Что я разыгрываю примерную мать?

...Хуже всего было то, что он не знал, что думать. Начиная со своего первого свидания в пятнадцатилетнем возрасте Тейт старался быть сдержанным в отношениях с женщинами. Он нравился женщинам. И они ему нравились. Он уважал их. Он был не из тех мужчин, которые легко шли на романтические приключения, и друзей среди женщин у него было столько же, сколько любовниц, хотя те, кто принадлежал к первой категории, тайно сожалели о том, что не попали во вторую.

Самый серьезный роман у него был с одной разведенной дамой из Сан-Антонио. Она была достаточно удачливым торговцем недвижимостью. Тейт радовался ее успехам, но не любил ее настолько, чтобы пытаться получить от нее столько же времени и внимания, сколько требовали ее дела. Кроме того, с самого начала она дала понять, что не хочет детей. Они встречались два года, а потом расстались друзьями.

В их адвокатской конторе Джек занимался комплектованием штата, но когда появилась Кэрол Наварро, Тейт поддержал мнение

Джека. Ни один мужчина не мог бесстрастно смотреть на Кэрол. Ее огромные темные глаза приковывали к себе внимание, фигура будила воображение, улыбка проникала в самое сердце. Он одобрил ее, и Джек зачислил ее в фирму ассистентом.

Вскоре Тейт нарушил правила служебной этики и пригласил ее на ужин – отпраздновать одно выигранное ими дело. Она была очаровательна и кокетлива, но вечер кончился всего лишь дружеским рукопожатием у дверей ее квартиры.

Несколько недель она вела себя на свиданиях чисто по-дружески. Однажды вечером, когда терпению Тейта пришел конец, он заключил ее в свои объятия и поцеловал. Она страстно ответила на поцелуй. Естественным образом они оказались в постели, и физическая близость доставила подлинное удовольствие обоим.

Через три месяца их контора потеряла сотрудника, но Тейт приобрел жену.

Ее беременность была полной неожиданностью. Он легко свыкся с мыслью, что ребенок появится раньше, чем они планировали. Кэрол – нет. Она жаловалась на то, что такая ответственность свяжет ее по рукам и ногам. Ее милая улыбка и заразительный смех отошли в область воспоминаний. Секс она стала воспринимать как обязанность, и Тейт не очень огорчился, когда от физической близости пришлось отказаться.

У них начались скандалы. Все, что он делал, ей не нравилось. В конце концов он оставил попытки наладить с ней отношения и все свое время и энергию стал отдавать подготовке к выборам, которые должны были состояться через несколько лет.

Как только родилась Мэнди, Кэрол занялась восстановлением своей фигуры. Она тренировалась с фанатическим упорством. Он не мог найти этому объяснения. Потом стала понятна причина этого рвения. Он почти день в день знал, когда она завела первого любовника. Она этого и не скрывала, так же как не скрывала и последующих измен. Его защитой было равнодушие, которое в тот момент было искренним. Впоследствии он жалел, что тогда не развелся с ней. Это было бы лучшим выходом для всех.

Долгие месяцы они жили в одном доме, но разными жизнями. Потом как-то ночью она пришла к нему в комнату в самом соблазнительном виде. Он так и не понял, что заставило ее прийти –

может быть, скука, или презрение, или желание доказать, что она может совратить его. Но какова бы ни была причина, долгое воздержание и слишком большое количество спиртного, выпитого за покером, побудили его воспользоваться ее предложением.

В самые черные минуты он подумывал о том, чтобы возобновить свою старую связь с женщиной, торговавшей недвижимостью, или завести новую – хотя бы ради того физического облегчения, которое это могло дать. Но он лишил себя этой роскоши. Интрижки на стороне – ловушка для женатого мужчины. Для кандидата в сенаторы – это конец карьеры. Попасться на этом было равносильно политическому самоубийству.

Попасться бы он на этом или нет, все равно супружеская клятва верности значила для него слишком многое, пусть для его жены это было иначе. И он оставался верен Кэрол и тем словам, которые произнес на брачной церемонии.

Через несколько недель после той ночи она с вызовом сообщила ему, что опять беременна. Тейт не знал точно, его ли это ребенок, но вынужден был поверить ей на слово.

«Я вовсе не желаю быть связанной еще одним ребенком», – заявила она.

Тогда он наконец понял, что больше ее не любит, не любит давно и уже не сможет снова полюбить. Он пришел к этому выводу ровно за неделю до того дня, как она поднялась на борт самолета рейса 398 в Даллас.

Он встряхнул головой, чтобы избавиться от этого неприятного воспоминания. Он хотел пропустить мимо ушей ее вопрос о примерной матери, так же как постарался не заметить ее признания, что она не была беременна.

Он боялся опять начать выяснять отношения. Он не хотел принимать ту или иную линию поведения, не удостоверившись в том, что Кэрол действительно переменялась в лучшую сторону...

– Может быть, ты закажешь ленч в номер, чтобы нам не надо было никуда заходить перед визитом к доктору Вебстеру? – предложил он, меняя тему.

Она не меньше его хотела прекратить этот разговор:

– Что бы ты хотел?

– Что угодно. Сэндвич с холодным ростбифом, например.

Она присела на кровать, чтобы позвонить по телефону и машинально скрестила ноги. У Тейта напряглись все мускулы, когда он услышал, как скрипнули ее чулки.

Если он все еще не доверял ей, почему его так тянуло заняться с ней любовью?

Она прилагала максимум стараний, это он вынужден был признать. С момента возвращения домой она делала все, чтобы помириться с ним. Она почти не выходила из себя. Делала массу усилий, чтобы ладить с его семьей, выказывала удивительный интерес к их переживаниям, их делам, их привычкам. Она стала прямой противоположностью той нетерпеливой, раздражительной матери, которая была раньше.

– Да, сэндвич с арахисовым маслом, – говорила она в трубку. – С виноградным желе. Я знаю, этого нет в меню, но именно это она любит есть на ленч. – Стойкая привязанность Мэнди к сэндвичам с арахисовым маслом и желе была постоянным предметом их шуток. Кэрол улыбнулась ему через плечо.

Господи, ему так захотелось попробовать эту улыбку на вкус.

Недавно он попробовал. У ее рта не было привкуса лжи, обмана, измены. Поцелуи, которыми она отвечала ему, были нежными, утонченными и... другими. Вспоминая их – а он часто делал это в последнее время, – он понял, что ощущение было такое, будто он впервые целовал женщину.

То, что должно было быть давно знакомым, оказалось непривычным. Эти несколько поцелуев потрясли его и оставили неизгладимое впечатление. Он призвал на помощь всю силу воли, чтобы ими и ограничиться, хотя ему хотелось и дальше исследовать этот рот, чтобы найти объяснение такой странности.

А может, в этом не было ничего странного. Она так непривычно выглядела с короткой стрижкой. Может, пластическая операция настолько изменила ее лицо, что она стала казаться на себя непохожей.

Отличный аргумент, но он его не убедил.

– Сейчас принесут, – сказала она. – Мэнди, собери, пожалуйста, карандаши и положи их в коробку. Пора кушать.

Она наклонилась ей помочь. Когда она нагнулась, узкая юбка чуть задралась и натянулась на бедрах. Его пронзило желание. Кровь

прилила к членам. Это понятно, быстро объяснил он себе. Он так давно не был с женщиной.

Но и этому он поверил не до конца.

Он не хотел любую женщину. Если бы причина была в этом, он решил бы все проблемы одним телефонным звонком.

Нет, он хотел именно эту женщину, эту Кэрол, свою жену, к которой начал заново привыкать. Иногда, заглянув ей в глаза, он думал, что как будто не знал ее раньше, и все размолвки происходили не с ним, а с кем-то еще. Трудно было в это поверить, но ему нравилась новая Кэрол. И совсем было трудно поверить в то, что он, кажется, начинает влюбляться в нее.

Но он стал бы отрицать это и перед лицом смерти.

– Я рада, что ты пошел с нами, – сказала Эйвери, нерешительно улыбнувшись Тейту. Они сидели в приемной доктора Вебстера и ждали разговора с врачом.

– Я не мог поступить иначе.

Психолог провел с Мэнди уже почти час. Они с тяжелым чувством ждали его заключения. Беседа ни о чем помогала им справиться с напряжением.

– Неужели Эдди до конца поездки будет на меня злиться?

– Перед уходом из отеля я поговорил с ним. Он пожелал нам удачи. Наверное, мама с папой его успокоили. Да он вообще долго не сердится.

– Странно, правда?

Тент посмотрел на часы.

– Господи, долго еще он будет с ней разговаривать? – Он посмотрел на дверь, как будто пытаясь открыть ее взглядом. – О чем ты?

– О том, что Эдди никогда не сердится.

– А, да. – Он пожал плечами. – Такой темперамент. Он редко выходит из себя.

– Ледышка, – пробормотала она.

– Что?

– Ничего.

Она перебирала рукой ремень от сумки и взвешивала, стоит ли продолжить разговор на эту тему. Айриш посоветовал ей узнать об

этих людях побольше. Ее профессиональный успех строился на умении вытянуть информацию из людей, которые вовсе не собирались делиться своими секретами. Она решила вновь использовать свой талант и проверить, не разучилась ли она это делать.

– А женщины?

Тейт отложил в сторону журнал.

– Какие женщины?

– Женщины Эдди.

– Не знаю. Он со мной их не обсуждает.

– Не обсуждает личную жизнь с лучшим другом? Я думала, мужчины обожают рассказывать о своих успехах.

– Мальчишки. Мужчинам это не важно. Я не люблю подсматривать, а Эдди не любит выставляться.

– Он не гетеросексуал?

Тейт бросил на нее ледяной взгляд:

– Он что, не пожелал с тобой переспать?

– Черт бы тебя побрал!

Дверь распахнулась. Они виновато отпрянули друг от друга. Ассистентка сказала:

– Доктор заканчивает с Мэнди. Он скоро выйдет.

– Спасибо.

Когда она вышла, Эйвери опять наклонилась к Тейту:

– Я спрашивала про Эдди только потому, что твоя племянница к нему липнет, и я боюсь, что она может обжечься.

– Моя племянница? Фэнси? – Он с недоверием расхохотался. – Бегает за Эдди?

– Она рассказала мне об этом прошлой ночью, когда зашла ко мне в комнату с синяками на лице. (Улыбка сползла с его лица.) Так и было, Тейт. Она подцепила в баре какого-то ковбоя и пошла к нему. У него случились проблемы с эрекцией, он обвинил в этом Фэнси и избил ее.

Он смог только выдохнуть:

– Господи...

– Ты не заметил у нее синяка под глазом и распухшую губу?

Он покачал головой.

– Ничего, не расстраивайся. Ее родители тоже не заметили, – с горечью сказала она. – Они к ней относятся, как к мебели. Она

присутствует, но никто ее не замечает... если только она не ведет себя особенно отвратительно. Как бы то ни было, сейчас она обратила свои взоры на Эдди. Как ты думаешь, как он среагирует?

– Фэнси еще ребенок.

Эйвери посмотрела на него с изумлением:

– Конечно, ты только ее дядя, но ты же не слепой.

Он передернул плечами.

– Эдди достаточно поразвлекался, когда мы учились в университете. Он посещал публичные дома в Нэме. Я знаю, что он нормальный мужик.

– Он сейчас с кем-нибудь встречается?

– Да, с женщинами, которые работают в штате предвыборной кампании, но обычно это безобидные платонические отношения. Не слышал никаких сплетен о том, что он спит с кем-нибудь из них. Думаю, некоторые из них не отказались бы, если бы он им предложил. Но Фэнси! – Тейт недоверчиво покачал головой. – Вряд ли Эдди станет ее трогать. Он не будет связываться с женщиной, которая почти на двадцать лет его младше, особенно с Фэнси. Он слишком умен для этого.

– Будем надеяться, что ты прав, Тейт. – Она задумалась, потом взглянула на него и добавила: – Я говорю это не потому, что сама в нем заинтересована.

У него не было возможности прокомментировать ее слова – врач открыл дверь и вышел из кабинета.

– Не расстраивайтесь так, миссис Ратледж. Ваше чувство вины за прошлые ошибки не поможет Мэнди сейчас.

– А как я должна себя чувствовать, доктор Вебстер? Вы разве что не сказали прямо, что это я виновата в отставании социального развития Мэнди.

– Вы совершили несколько ошибок. Все родители их совершают. Но вы и мистер Ратледж уже сделали первый шаг на пути к их исправлению. Вы проводите больше времени с Мэнди, и это прекрасно. Вы восхищаетесь даже самыми незначительными ее достижениями и стараетесь умалить неудачи. Ей очень нужна такая позитивная поддержка.

Тейт продолжал хмуриться.

– Кажется, это не слишком много.

– Наоборот, очень много. Удивительно, как много значат для ребенка одобрения со стороны родителя.

– Что еще нам следует делать?

– Чаще спрашивайте ее мнение. «Мэнди, ты хочешь ванильного мороженого или шоколадного?» Дайте ей возможность делать выбор и затем следовать своему решению. Ее нужно приучить высказывать вслух свои мысли. У меня создалось впечатление, что раньше это не поощрялось.

Он посмотрел на них из-под густых бровей цвета ржавчины, которые больше подошли бы какому-нибудь конокраду с шестизарядным кольцом на боку, а не добропорядочному специалисту по детской психологии.

– У вашей девочки очень низкое мнение о себе.

Эйвери поднесла кулак ко рту и закусил губу.

– Некоторые дети выражают свою низкую самооценку плохим поведением и так привлекают к себе внимание. Мэнди спряталась в себя. Она считает себя прозрачной – не имеющей никакого или почти никакого значения.

Тейт втянул голову в плечи. Потом взглянул на Эйвери. Слезы катились по ее щекам.

– Прости меня, – прошептала она. Она извинялась за Кэрол, которая не заслуживала его прощения.

– Это не только твоя вина. А я где был? Я не обращал внимания на многое, хотя давно должен был вмешаться.

– К сожалению, – вмешался доктор Вебстер, – катастрофа только усилила тревогу Мэнди. Как она перенесла перелет сюда?

– Она раскричалась, когда пытались пристегнуть ее ремень, – сказал Тейт.

– Мне самой было довольно трудно пристегивать ремень, – честно призналась Эйвери. – Если бы Тейт не разговаривал со мной все время, не знаю, как бы я вытерпела взлет.

– Понимаю, миссис Ратледж, – сочувственно сказал он. – А как вела себя Мэнди после взлета?

Они переглянулись, и Эйвери ответила:

– По-моему, дальше все было нормально.

– Так я и думал. Видите ли, она помнит, как вы пристегнули ей ремень, миссис Ратледж, а потом помнит только катастрофу. Она не помнит, как вы ее спасли.

Эйвери прижала руку к груди.

– Вы хотите сказать, что она винит меня за то, что она попала в катастрофу?

– Боюсь, что в некотором смысле да.

Она содрогнулась и прижала ладонь ко рту:

– Боже мой.

– Она испытает огромное облегчение, если мысленно переживет взрыв заново. Тогда она вспомнит, что вы спасли ее.

– Это же будет для нее адом.

– Но это необходимо для полного выздоровления, мистер Ратледж. Она борется со своими воспоминаниями. Я предполагаю, что ее повторяющиеся кошмары возвращают ее к моменту взрыва.

– Она говорит, что огонь ее пожирает, – тихо сказала Эйвери, вспомнив последний кошмар Мэнди. – Мы можем помочь подтолкнуть ее память?

– Можно прибегнуть к гипнозу, – сказал доктор. – Но я бы посоветовал дождаться, пока память вернется сама. В следующий раз, когда у нее будет кошмар, не будите ее.

– Господи.

– Понимаю, что это звучит жестоко, мистер Ратледж, но ей надо снова пережить катастрофу и выбраться из нее, опять оказаться на руках у матери. Надо изгнать ужас. До тех пор она не переборет подсознательного страха и боязни матери.

– Понимаю, – сказал Тейт. – Но это будет трудно.

– Знаю. – Доктор Вебстер встал, давая понять, что их время истекло. – Не завидую вам, ведь вам придется стоять рядом и наблюдать, как она заново переживает эти ужасные события. Я бы хотел, если это удобно, чтобы вы опять показали ее через пару месяцев.

– Будет удобно.

– Или раньше, если вы решите, что это необходимо. Звоните в любое время.

Тейт пожал руку доктору Вебстеру, потом помог Эйвери подняться. Она не была той матерью, которой Мэнди подсознательно боялась, но могла ею быть. Все обвинения вместо Кэрол лягут на нее. Несмотря на то, что Тейт поддерживал ее под локоть, ноги у нее подкашивались.

– Удачи вам на выборах, – сказал психолог Тейту.

– Благодарю.

Доктор сжал руки Эйвери в своих:

– Не мучайте себя виной и раскаянием. Я уверен, что вы очень любите свою дочь.

– Да. Она говорила вам, что ненавидит меня?

Это был обычный вопрос. Он слышал его десятки раз на дню, особенно от матерей, обремененных чувством вины. В данном случае он мог дать утешительный ответ. Он улыбнулся доброй мальчишеской улыбкой:

– Она очень хорошо говорит о своей мамочке и меняется, только когда вспоминает о том, что было до катастрофы, а уж выводы делайте сами.

– Какие?

– Что вы уже стали лучшей матерью, чем раньше. – Он потрепал ее по плечу. – Если вы будете с ней нежны и внимательны, Мэнди со всем справится и станет очень умным и спокойным ребенком.

– Надеюсь, доктор Вебстер, – с жаром ответила она. – Спасибо вам.

Он проводил их до двери и распахнул ее.

– Знаете, миссис Ратледж, вы меня просто поразили, когда я вас увидел. Около года назад одна молодая тележурналистка брала у меня интервью. Она удивительно похожа на вас. Она откуда-то из ваших краев. Вы ее случайно не знаете? Ее зовут Эйвери Дэниелз.

«Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз!»

Толпа кричала ее настоящее имя, а они с Тейтом проталкивались к помосту.

«Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз!»

Люди были повсюду. Она споткнулась и отстала от Тейта. Толпа поглотила его.

«Тейт!» – крикнула она.

Он не слышал ее из-за голосов, орущих ее имя.

«Эйвери, Эйвери, Эйвери!»

Что это? Выстрел! Тейт весь в крови. Тейт повернулся к ней и, падая, язвительно произнес: «Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз, Эйвери Дэниелз!»

– Кэрол?

«Эйвери Дэниелз!»

– Кэрол? Проснись!

Эйвери села в кровати. Она пыталась пересохшим ртом набрать воздух, но только хрипела.

– Тейт? – Она приникла к его груди и обхватила его руками. – Это было ужасно!

– Тебе приснился дурной сон?

Она кивнула и зарылась лицом в волосы на его груди.

– Обними меня! Пожалуйста. На минуточку.

Он сидел на краешке ее кровати. В ответ на ее мольбу он придвинулся ближе и обнял ее. Эйвери прижалась к нему теснее. Сердце ее колотилось так, что чуть не выпрыгивало из груди. Она никак не могла прогнать из памяти картинку из сна: Тейт, весь в крови, смотрит на нее презрительно и обвиняюще.

– Из-за чего это?

– Не знаю, – соврала она.

– Кажется, я знаю. Ты сама не своя с тех пор, как доктор Вебстер вспомнил об Эйвери Дэниелз. – Она застонала. Тейт провел пальцами

ей по волосам и обнял ее за голову. – Не могу поверить, что он не знал, что она погибла в той катастрофе. Он так смутился, когда сказал это, что мне даже стало его жаль. Он не представлял, как это сравнение может тебя расстроить.

«Или почему», – подумала она.

– Я вела себя как идиотка.

Единственное, что она помнила, после того как доктор произнес ее имя, это то, что у нее зашумело в ушах и она чуть не упала на Тейта.

– Совсем не как идиотка. Просто ты почти потеряла сознание.

– Даже не помню, как вышла из кабинета.

Он немножко отстранился от нее. Ее ладони соскользнули с его плеч.

– Какое странное совпадение, что ты оказалась в одном самолете с этой Дэниелз. Незнакомые люди часто принимали тебя за нее, помнишь? Удивительно, что до сих пор никто тебе не напомнил о ней.

Значит, он знал, кто такая Эйвери Дэниелз. Это немного улучшило ее настроение. Ей стало интересно, нравились ли ему ее передачи.

– Мне очень стыдно, что я устроила сцену. Я просто... – Ей хотелось, чтобы он снова обнял ее. Ей было легче говорить, когда он не смотрел ей в глаза.

– Что?

Она опустила голову ему на плечо.

– Я устала от того, что люди все время рассматривают мое лицо. Оно вызывает у них столько любопытства. Я кажусь себе чем-то вроде бородатой дамы из цирка.

– Такова человеческая природа. Никто не хочет быть жестоким.

– Понимаю, но мне из-за этого все время неловко. Иногда мне кажется, что я до сих пор забинтована. Я смотрю наружу, но никто не может посмотреть сквозь лицо внутрь меня. – Из глаза ее выкатилась слезинка и упала на плечо Тейта.

– Ты все еще расстраиваешься из-за сна, – сказал он, снова высвобождаясь из ее объятий. – Хочешь чего-нибудь выпить? В баре есть «Бейли».

– Звучит соблазнительно.

Он разлил маленькую бутылку ирландского ликера в два бокала и опять подошел к кровати. Если он и смущался того, что был в одном белье, то виду не подавал.

Ей было приятно, что он опять сел на ее кровать, а не на ту, на которой спал до того, как ее кошмарный сон разбудил его. Между кроватями был только узкий проход, но это мог быть и Мексиканский залив. Только крайняя необходимость вынудила его пересечь этот проход.

– За твою победу, Тейт. – Она чокнулась с ним. Ликер приятно согрел ее изнутри. – Это была отличная идея. Спасибо.

Ей нравилось просто тихо сидеть с ним рядом. У них были все проблемы, которые возникают между супружескими парами, но не было супружеской близости. Из-за предвыборной кампании они находились постоянно на виду и под всеобщим обозрением. Это делало и без того сложные отношения еще более напряженными. Друг в друге им не удавалось найти поддержки.

Они были женаты, но в то же время и не были. Жили вместе, но каждый в собственном пространстве. До сегодняшнего вечера Мэнди служила им буфером, когда они оставались в своем номере. Она спала с Эйвери.

Но сегодня Мэнди не было. Они оказались вдвоем. Была ночь. Они пили ликер и обсуждали личные проблемы. У любой другой пары такая сцена закончилась бы близостью.

– Я уже скучаю по Мэнди, – сказала она, водя кончиком пальца по краю стакана. – Не уверена, что мы поступили правильно, отпустив ее домой с Зи и Нельсоном.

– С самого начала было решено, что после визита к доктору Вебстеру они увезут ее.

– После разговора с ним я чувствую, что должна быть с ней постоянно.

– Он сказал, что несколько дней разлуки не причинят ей вреда, а мама знает, что делать.

– Как это произошло? – стала рассуждать вслух Эйвери. – Как она стала такой замкнутой, такой эмоционально ранимой? – Она задавала риторические вопросы и не ждала ответа на них.

Тейт же воспринял их буквально.

– Ты же слышала, что он сказал. Он объяснил тебе, как это случилось. Ты не проводила с ней достаточно времени, а когда была рядом, это было для нее еще хуже, чем твое отсутствие.

Ее возмущение рвалось наружу. В подобном случае Кэрол устроила бы скандал, и Эйвери чувствовала, что должна сделать это за нее.

– А где все это время был ты? Если я была такой плохой матерью, почему ты не вмешался? Знаешь, у Мэнди ведь двое родителей.

– И я это понимаю. Я признал сегодня свою вину. Но каждый раз, когда я что-нибудь предлагал, ты начинала возражать. А ведь наши ссоры... Это уж точно не принесло бы Мэнди пользы. Поэтому я и не мог, как ты говоришь, вмешаться, не ухудшив и без того не лучшей ситуации.

– Может, у тебя неправильный подход. – Защищая Кэрол, она играла роль адвоката дьявола.

– Может. Но я никогда не замечал, чтобы ты любила критику.

– А ты любишь?

Он поставил бокал на ночной столик и потянулся к выключателю. Эйвери схватила его за руку:

– Извини. Подожди... не ложись сразу спать. Такой был долгий, утомительный день. Мы оба устали. Я вовсе не собиралась на тебя нападать.

– Возможно, тебе лучше было уехать с мамой и папой.

– Нет, – быстро ответила она. – Мое место рядом с тобой.

– Сегодня лишь один из таких дней, которые продлятся до ноября, Кэрол. Будет только труднее.

– Я справлюсь. – Она улыбнулась и, импульсивно протянув руку, погладила его по подбородку. – Вот если бы я получала десять центов каждый раз, когда ты сегодня произносил: «Привет, я – Тейт Ратледж. Я баллотируюсь в сенаторы»... Интересно, сколько рук ты сегодня пожал?

– Вот столько. – Он показал свою правую руку – она вся распухла.

Она тихо засмеялась:

– Кажется, мы отлично провели посещение галереи, хотя только что вышли от доктора Вебстера и попрощались с Мэнди.

Вернувшись от психолога, они отдали Мэнди дедушке с бабушкой. Зи не просто с трудом переносила полеты. Она наотрез отказалась лететь, и они приехали в Хьюстон на машине. Они решили тут же ехать домой, чтобы успеть засветло.

Не успели они с Тейтом помахать им на прощание, как Эдди запихнул их в машину и повез в огромный многоэтажный торговый центр.

Добровольцы, отобранные Эдди, приветствовали их появление. Тейт взобрался на какой-то помост, произнес короткую речь, представил собравшейся толпе свою жену, а потом пожимал руки и зарабатывал голоса.

Все прошло так хорошо, что Эдди окончательно успокоился по поводу того, что пришлось отказаться от приглашения в клуб Ротари. Даже там все сложилось удачно. Клуб пригласил Тейта выступить с речью на заседании в конце месяца.

– Эдди совсем спятил по поводу того, что тебя показали сегодня по телевизору.

– Они уделили нам двадцать секунд в шестичасовых новостях. Немного, но мне сказали, что это отлично.

– Да. Мне тоже так сказали, – поспешила добавить она.

Она чуть не онемела, увидев Вэна Лавджоя и репортера из «Кей-Текса» на завтраке с докерами. Весь день они следовали за Тейтом.

– Что это они приехали за нами из Сан-Антонио? – спросила она Эдди.

– Дармовую прессу не обсуждай. Улыбайся в камеру при любой возможности.

Вместо этого она пыталась избежать камеры Вэна. Но он, казалось, поставил перед собой цель снимать именно ее. Игра с ним в кошки-мышки и тот шок, который она испытала у доктора Вебстера, окончательно расшатали ее нервы. Она так разволновалась, что, когда не могла найти своих сережек, чуть не расплакалась.

– Я помню, что оставляла их именно тут, – кричала она Тейту.

– Посмотри еще раз.

Она поступила еще лучше. Раскрыла атласный мешочек и стала рыться в содержимом.

– Их здесь нет.

– Как они выглядели?

Они должны были отправляться на барбекю на загородном ранчо, куда их пригласил один из самых богатых людей города. Тейт был уже одет и полчаса дожидался ее. Она опаздывала.

– Большие серебряные кольца.

Тейт еще раз осмотрел комнату.

– Они не могут быть на виду, – в отчаянии объяснила она. – Я их еще ни разу не надевала. Я привезла их специально для этого костюма.

– Ты не можешь заменить их другими?

– Боюсь, придется. – Она высыпала груды безделушек на туалетный столик и стала выбирать подходящее. В конце концов она так изнервничалась, что никак не могла вдеть сережку в ухо.

– Черт! – пробормотала она после третьей попытки.

– Кэрл, успокойся, ради Бога, – сказал Тейт, уже повысив голос. До последнего момента он был раздражающе спокоен. – Ты забыла пару сережек. Жизнь от этого не кончается.

– Я их не забыла. – Сделав глубокий вздох, она повернулась к нему. – Уже не первый раз у меня что-то таинственно исчезает.

– Тебе следовало сказать мне. Я сейчас же вызову службу безопасности.

Она схватила его за руку до того, как он успел дотянуться до телефона:

– Не только здесь. Дома тоже. Кто-то пробирается в мою комнату и шарит в моих вещах.

Он отреагировал так, как она и предполагала:

– Это же смешно. Ты что, с ума сошла?

– Нет. И я ничего не придумываю. Я не могу найти какие-то мелочи – совсем незначительные. Как эти серьги, которые, я отлично знаю, я взяла с собой. Я несколько раз все проверила, прежде чем паковать чемодан.

Он очень остро воспринимал все, что касалось его семьи.

– Ты хочешь обвинить кого-то в воровстве?

– Я не столько беспокоюсь о пропажах, сколько о том, что кто-то вмешивается в мою жизнь.

И тут раздался стук в дверь – отличная кульминация для такого дня.

– Что и требовалось доказать, – разъяренно сказала она. – Неужели мы не можем поговорить с глазу на глаз без того, чтобы нас кто-то прерывал?

– Говори тише, Эдди может услышать.

– К черту Эдди! – сказала она, действительно имея это в виду.

Тейт распахнул дверь, и в комнату влетел Эдди:

– Готовы, ребята?

Чтобы объяснить задержку, Тейт сказал:

– Кэрол потеряла серьги.

Она бросила на него красноречивый взгляд, говоривший о том, что она их не теряла.

– Ну, надень другие или вообще не надевай, но нам пора вниз. – Эдди держал дверь открытой. – Джек ждет в машине. Нам час ехать.

Они бросились к лифту. К счастью, другой постоялец увидел их и придержал дверь. Джек ходил взад-вперед у лимузина.

Во время поездки они обсуждали результаты опросов и дальнейшую стратегию. На Эйвери не обращали никакого внимания, будто ее и не было. Один раз она попыталась высказать свое мнение, на нее удивленно посмотрели и дружно не приняли ее слов во внимание.

Вечеринка оказалась на удивление удачной. Пресса допущена не была. Поскольку Эйвери не надо было следить за камерой Вэна, она расслабилась и веселилась. Было изобилие вкусной техасской еды, милые люди, которые сравнивали Тента с молодым Джоном Кеннеди, и много музыки. Она даже танцевала с Тейтом. Его заставил Эдди:

– Давайте. Это будет хорошо смотреться.

Пока Тейт держал ее в объятиях и кружил в танце, она притворялась, будто это была его идея. Они улыбались, запрокинув головы, а ноги их двигались в такт зажигательной мелодии. Ей казалось, что он тоже получает удовольствие. В кульминационный момент он приподнял ее и закружил под аплодисменты публики. Потом поклонился и поцеловал ее в щеку.

Когда он отошел от нее, у него было странное выражение лица. Казалось, он сам удивился своему экспромту.

Но на обратном пути она сидела на заднем сиденье лимузина и смотрела в темное окно, а он, Джек и Эдди обсуждали, насколько удачно прошел день, и прикидывали, как он повлияет на выборы.

Она отправилась спать вымотанная и мрачная. Заснула она с трудом. Кошмар – а она по пальцам могла пересчитать подобные случаи в своей жизни – был результатом физически и эмоционально утомительного дня.

Поэтому ей так ценны были эти минуты с Тейтом наедине. Вокруг них постоянно крутились люди. Даже у себя в номере они редко

оставались одни...

– Думаю, «Бейли» сейчас подействует. – Она передала ему пустой бокал и откинулась на подушки.

– Засыпаешь?

– Хмм. – Она раскинула руки над головой – ладони кверху, пальцы согнуты – поза, провоцирующая своей незащищенностью.

Глаза Тейта потемнели, когда он перевел взгляд с ее лица на тело.

– Спасибо за то, что потанцевал со мной, – сонно сказала она. – Мне было так приятно, когда ты держал меня в объятиях.

– Ты всегда говорила, что у меня нет чувства ритма.

– Я ошибалась.

Он еще несколько мгновений смотрел на нее, потом выключил свет. Он уже собирался встать, когда она положила руку ему на бедро.

– Тейт?

Он замер. Его застывший силуэт освещался голубоватым светом из-за штор. Она еще раз призывно прошептала его имя.

Он медленно склонился над ней. С тихим возгласом она скинула с себя одеяло, чтобы между ними ничего не было.

– Тейт. Я...

– Не надо, – решительно сказал он. – Не говори ничего, чтобы я не передумал. – Его голова была так близко, что Эйвери чувствовала на губах его дыхание. – Я хочу тебя, только не надо ничего говорить.

Он раздвинул ее губы своими, властными и страстными. Его язык пробовал на вкус ее рот, проникая все глубже и глубже. Эйвери захватила его волосы в пригоршню и отдалась поцелую.

Он ослабил руки, сжимавшие ее голову. Потом его тело вытянулось рядом с ее, его бедро прижимало ее к кровати. Она свернулась под ним. Он тронул ее между ног коленом.

– Это ты меня так хочешь?

У Эйвери перехватило дыхание – так ее возбудил его напор.

– Ты велел мне ничего не говорить.

– Кого ты хочешь?

Она провела руками по его бедрам и притянула его к себе.

Он застонал и прервал поцелуй, несколько раз коснувшись губами ее рта. Потом поцеловал шею, грудь, обхватив ее руками. Его рот нащупал отвердевший сосок одной груди и ласкал его через тонкую ткань ночной рубашки.

Она инстинктивно изогнулась на кровати. Руки его проскользнули между подушкой и ее головой, его ладони поддерживали ее, пальцы сплелись под ее подбородком. Он приподнял ее голову, опять прижался ртом к ее рту горячим поцелуем и лег между ее раздвинутых бедер.

Тело Эйвери с готовностью откликнулось, почувствовав его напряжение. Было что-то особенно возбуждающее в том, как терлись его плавки об ее трусики.

Горячая, твердая, напряженная рука Тейта проникла сквозь шелковую преграду, мешавшую ему соединиться с ней.

И тут зазвонил телефон.

Он высвободил руку, но Эйвери все еще лежала, придавленная его тяжестью. Они лежали и не могли отдышаться, а телефон продолжал звонить.

Наконец Тейт откатился к краю кровати и рывком снял трубку.

– Алло! – Пауза. Потом он тихо выругался. – Да, Джек, – прорычал он. – Я не сплю. В чем дело?

Эйвери едва слышно застонала, отодвинулась к дальнему углу кровати и повернулась к нему спиной.

– Минутку, я сейчас кончу.

Отложив бумагу, которую читал, Эдди поднялся с удобного гостиничного кресла и обошел пуфик из того же гарнитура. На нем были свалены разные распечатки, газетные вырезки, демографические таблицы. Уверенный, что в дверь стучит официант, принесший его заказ, он распахнул ее, даже не посмотрев в глазок. На пороге стояла Фэнси.

– Я не пожалела денег, чтобы на это полюбоваться.

Он совершенно не собирался скрывать своего раздражения и преградил ей дорогу, упершись рукой в косяк.

– На что полюбоваться?

– На то, как ты кончаешь.

– Мило.

– Благодарю, – весело ответила она. Потом ее голубые глаза потемнели. – Кого ты ждал?

– Не твое дело. Что ты делаешь так далеко от дома, детка?

В холле раздался звонок подъехавшего лифта, из которого вышел официант с подносом на плече. Он подошел бесшумно.

– Мистер Пэскел?

– Сюда. – Эдди посторонился, давая ему пройти, и Фэнси тоже проскользнула в комнату. Она отправилась в ванную и заперла за собой дверь. Эдди нацарапал свою подпись на счете и проводил официанта до двери.

– Приятного вечера. – Юнец панибратски взглянул на него и подмигнул.

Эдди закрыл дверь слишком громко и поспешно, чтобы это выглядело вежливо.

– Фэнси? – Он постучал в дверь ванной.

– Сейчас выхожу.

Он услышал, как шумит вода в унитазе. Она открыла дверь, на ходу поправляя свое облегающее платье. Оно было сделано из какого-то эластичного материала и обтягивало ее, словно вторая кожа. Сверху

оно заканчивалось широким воротом, который можно было спускать с плеч. Так она его и носила.

Платье было красное. Такими же были помада, туфли на каблуках и десяток пластмассовых браслетов, болтавшихся у нее на запястье. Копна ее белокурых волос была растрепана даже больше, чем обычно, и она выглядела совсем как шлюха.

– Что ты заказал? Умираю от голода.

– Ты не приглашена. – Эдди преградил ей путь к подносу, оставленному на столе. Он схватил ее за руку. – Что ты здесь делаешь?

– Ну, сначала я писала. Теперь хочу взглянуть, что ты собираешься есть.

Пальцы его сжались сильнее, и он сквозь зубы пробормотал ее имя.

– Что ты делаешь в Хьюстоне?

– Дома стало скучно, – сказала она, высвобождая руку. – Там только мама и Мона. Мама полдня в отключке, а в остальное время рыдает над тем, что папа ее больше не любит. Правда, я сомневаюсь, что он вообще ее когда-нибудь любил. Знаешь, он женился, потому что думал, что она залетела.

Она сняла металлическую крышку с одного из блюд и схватила помидорчик, украшавший сандвич.

– А это... ммм, шоколадный десерт, – заурчала она от удовольствия, заглянув под следующую крышку. – Как это тебе удастся – есть на ночь, а живот у тебя такой красивый и плоский.

Она скользнула опытным взглядом по его гладкому мускулистому торсу, видневшемуся сквозь незастегнутую рубашку. Потом призывно облизнула губы.

– Во всяком случае, мама считает, что папочка сходит с ума по тете Кэрол, что мне кажется полным безобразием, а тебе? – Она вздохнула – не от отвращения, а от наслаждения. – Это же старо как мир, когда мужчина сохнет по жене брата.

– Последние скандальные новости сообщает Фэнси Ратледж.

Она захихикала.

– Мать мрачна беспросветно, а Мона смотрит на меня так, как смотрела бы на таракана в своей сахарнице. Бабушка, дедушка и чокнутая крошка должны вернуться, а это только нагнетет обстановку, поэтому я решила смыться и отправиться сюда, где все и происходит.

– Как видишь, сегодня ничего особенного не происходит, – насмешливо сказал он.

Это ее не напугало, она забралась в кресло, в котором он до этого сидел, и отправила в рот помидорчик. Он был того же яркого цвета, как и ее губы. Она впиалась в него зубами. Он брызнул соком у нее во рту.

– По правде говоря, Эдди-дорогуша, у меня кончились наличные. Автомат не выдает мне денег, потому что я «превысила кредит». Поэтому, – сказала она, поднимая руки над головой и с наслаждением потягиваясь, – я пришла к своему лучшему другу взять немного взаймы.

– Немного – это сколько?

– Сотню долларов.

– Я дам тебе двадцать, только чтобы от тебя отвязаться. – Он вытащил купюру из кармана брюк и сунул ей. – Двадцать! Хватит на бензин до дома.

– И больше ни на что.

– Хочешь больше, попроси у своего папаши. Он в номере 1215.

– Думаешь, он будет рад меня видеть? Особенно если я скажу, что только что от тебя?

Эдди не снизошел до ответа и посмотрел на часы.

– На твоём месте я бы отправился домой немедленно, пока не так поздно. Поезжай осторожно. – Он направился к двери.

– Я есть хочу. Ты не слишком расщедрился, мне даже не на что будет поужинать. Считаю, что имею право на кусок сэндвича. – Она взяла часть тройного сэндвича и откусила.

– Угощайся. – Он вытащил стул из-за стола, сел и тоже стал есть сэндвич, просматривая при этом какие-то бумаги.

Фэнси выбила лист у него из руки:

– Не смей меня игнорировать, негодяй!

Его глаза опасно блеснули:

– Я тебя сюда не приглашал, шлюшка. Ты мне здесь не нужна. Если тебе что не нравится, можешь уходить, и чем скорее, тем лучше, скатертью дорожка!

– Ой, Эдди, не надо со мной так разговаривать.

Она спрыгнула со стула, опустилась на колени и подползла к Эдди. Потом протянула руки и подсунула их ему под рубашку – прямо

на обнаженную грудь.

– Не будь со мной таким злым. Я люблю тебя.

– Прекрати, Фэнси.

Она не обратила на его слова никакого внимания, а просто проскользнула между его коленями и поцеловала его в живот.

– Я так люблю тебя. – Ее язык и рот быстро бегали по его гладкому, упругому животу. – Я знаю, ты тоже меня любишь.

Он невольно хмыкнул от удовольствия, когда ее длинные ногти чуть царапнули его соски. Она растянула ему ремень и стала растягивать брюки.

– Господи, – пробормотал он, когда она освободила его возбужденный член из трусов. Его пальцы вцепились в гущу ее волос. Он грубо намотал две пряди на свои кулаки. Сверху он наблюдал, как ее алые губы скользят вдоль его пениса.

У нее был жадный рот – ни скромности, ни стыда, ни сдержанности – аморальный рот, никогда не знавший ни указки, ни отказа.

Он дважды выдохнул ее имя. Она подняла голову и с мольбой прошептала:

– Возьми меня, Эдди, пожалуйста.

Он поднялся на ноги, увлекая ее за собой. Их рты слились в поцелуе. Ее руки судорожно пытались стащить с него рубашку, а он полез ей под платье. Трусики разорвались прямо под его руками.

Она закричала от неожиданности и боли, когда он всунул в нее два пальца, но поддалась их движениям с наслаждением. Она уже стянула его брюки и трусы до колен. Он спустил их до щиколоток и перешагнул через них, одновременно приподняв ее.

Они упали на кровать. Он задрал ей платье и зарылся лицом в изгибы ее тела, а она пыталась окончательно выпутаться из одежды. Не успела она высвободить голову, как он уже схватил ее грудь, стал сосать и покусывать соски.

Фэнси ерзала под ним, заводя его еще больше. Она вонзила ногти ему в спину и протатила их до ягодиц с такой силой, что показалась кровь. Он обругал ее, называя грязными гнусными именами. Когда она раздвинула колени, острая шпилька ее туфли располосовала простыню, но они этого не заметили, но и заметив, не придали бы этому значения.

Эдди широко раскинул ее ноги и вошел в нее с такой силой, что чуть не вдавил ее в спинку кровати. Его тело уже было скользким от пота, когда она обхватила его ногами и стала подлаживаться под его движения. Их тела снова и снова приникали друг к другу.

Лицо Эдди было искажено гримасой экстаза. Выгнув спину, он со всей силой нанес последний удар. Фэнси кончила с ним одновременно.

– Боже, это было великолепно! – выдохнула она, когда они несколькими мгновениями позже откатились в разные стороны.

Она первой пришла в себя и, нахмурившись, посмотрела на липкую жидкость у себя на бедрах. Потом встала с кровати и отправилась на поиски маленькой сумочки, которую принесла с собой. Достала оттуда пакетик с презервативами и швырнула ему.

– В следующий раз не забудь ими воспользоваться.

– Кто сказал, что будет следующий раз?

Фэнси, которая бесстыдно рассматривала в зеркало свое обнаженное тело, криво улыбнулась его отражению.

– Я завтра буду вся в синяках. – Она с гордостью, словно трофеи, потрогала ссадины у себя на груди. – Я их уже чувствую.

– Не притворяйся, будто это тебя беспокоит. Ты сама напросилась.

– Не слышала, чтобы и вы жаловались, мистер Пэскел.

Она была все еще в туфлях и браслетах. Подойдя к столу, она посмотрела, что осталось на подносе. Мороженое превратилось в белый островок, плавающий в шоколадном сиропе, с вишенкой наверху.

– Ох ты черт! Мороженое растаяло.

Эдди разразился хохотом.

Эйвери проснулась раньше Тейта. В комнате было темно. Было еще очень рано, но она знала, что больше не заснет. Она на цыпочках прошла в ванную и приняла душ. Когда она вышла, он по-прежнему спал.

Она взяла ведро для льда и ключ и в халате вышла из номера. Тейт с удовольствием бегал по утрам, а после пробежки выпивал литры ледяной воды. В отеле трудно было найти сразу столько воды, и она обычно готовила ее заранее. Она наполнила ведро из автомата, стоящего в холле, и уже возвращалась в комнату, когда запахнулась дверь другого номера. Оттуда вышла Фэнси и тихо прикрыла дверь за

собой. Она направилась к лифту, но, увидев Эйвери, замерла от удивления.

Эйвери поразила ее виду. Волосы ее обвисли. Вся косметика растеклась и размазалась. Губы посинели и распухли. Шея и грудь были в царапинах, которые она и не пыталась скрыть. Более того, оправившись от шока, она встряхнула головой и выпятила грудь, чтобы лучше продемонстрировать свои раны.

– Доброе утро, тетя Кэрл. – Ее нежная улыбка никак не подходила к столь разнузданному виду.

Эйвери вжалась в стену, не находя слов. Фэнси проскользнула мимо. От нее пахло немывтым, побывавшим в употреблении телом.

Лифт подошел сразу. Перед тем как войти, Фэнси через голое, в синяках, плечо бросила Эйвери злорадную улыбку.

Несколько секунд Эйвери тупо смотрела на закрытые двери лифта, потом взглянула на дверь, из которой вышла Фэнси, хотя уже догадалась, чей это номер.

Тейт ошибся относительно своего лучшего друга. Эдди был вовсе не щепетилен, как полагал Тейт. И не так умен.

Из Хьюстона они отправились в Вако, из Вако – в Эль-Пасо, где Тейт был бесспорным фаворитом избирателей – испанцев. Ратледжей принимали, как королевскую чету. В аэропорту Эйвери вручили огромный букет цветов.

– Senora Ruthledge, como esta? – спросил один из встречающих.

– Muy bien, gracias. Y usted? Como se llama?

Улыбка, которой она отвечала на сердечное приветствие, исчезла, когда она обернулась и взглянула на Тейта.

– Где ты научилась испанскому?

Несколько мгновений Эйвери не могла придумать правдоподобного объяснения ни на одном языке. Она немного учила испанский в колледже и по-прежнему могла на нем изъясняться. Тейт говорил свободно. Ей и в голову не приходило узнать, говорила ли на нем Кэрл.

– Я... я хотела тебя удивить.

– Я и удивлен.

– Голоса испанцев так важны, – продолжала она, – и я подумала, что было бы неплохо, если бы я могла сказать несколько фраз, поэтому тайком его учила.

Это был редкий случай, когда Эйвери была рада тому, что рядом люди. Иначе Тейт мог поинтересоваться подробностями о том, как и когда она учила испанский. Слава Богу, их разговора никто не слышал. Тейт был единственным, кому она могла полностью доверять.

То, что она находилась во время путешествия рядом с Джеком, Эдди и еще несколькими добровольными помощниками, не дало ей никаких ключей к разгадке того, кто был сообщником Кэрл.

Осторожно задаваемые вопросы проясняли мало. Однажды, с совершенно невинным видом она спросила Джека, как ему удалось попасть в больницу в ту ночь, когда к ней вернулось сознание. Он посмотрел на нее непонимающе.

– О чем это ты?

– Не обращай внимания. Иногда я путаюсь в последовательности событий.

Он был или ни при чем, или хладнокровно лгал. Она попробовала ту же уловку на Эдди. Он сказал:

– Я не член семьи. Что мне было делать в больнице?

«Угрожать жизни Тейта», – хотелось ответить ей.

Этого она сказать не могла, поэтому пробормотала что-то насчет того, что была не в себе, и оставила все как есть, ничего не добившись этими попытками.

Обнаружить мотив ей тоже не удалось. Даже если порой Тейт не соглашался в чем-то со своими советниками и доверенными лицами, все они казались преданными ему и вроде бы от души желали его победы на выборах.

Один бизнесмен предложил им во время кампании пользоваться его личным самолетом. Когда они летели из Эль-Пасо в Одессу, где Тейт должен был выступить перед нефтяниками, его команда решила выяснить с ним некоторые проблемы.

– Хотя бы поговори с ними, Тейт, – пытался убедить его Эдди. – Тебе же не трудно выслушать их соображения.

– Мне они не понравятся.

Споры о том, пользоваться ли услугами профессионалов при разработке стратегии кампании, возникали все чаще. За несколько недель до этого Эдди предложил обратиться за помощью к фирме, занимающейся связями с общественностью, которая работала с кандидатами на выборные должности. Тейт был категорически против этой идеи и не изменил своего мнения.

– Откуда ты знаешь, что тебе не понравится, если ты их еще не слышал? – спросил Джек.

– Если избиратели не захотят голосовать за меня, каков я есть...

– Избиратели, избиратели, – насмешливо повторил Эдди. – Твои избиратели не отличают туши от Буша. Более того, и не хотят отличать. Они ленивы и апатичны. Они хотят, чтобы кто-то сказал им, за кого голосовать. Они хотят, чтобы им это вбили в их умишки, лишь бы им не надо было принимать собственное решение.

– Ты выказываешь непоколебимую веру в американский народ, Эдди.

– Я, в отличие от тебя, не идеалист, Тейт.

– Слава Богу, я – идеалист. Все-таки лучше, чем циник. Я верю в то, что людям это действительно важно! – закричал Тейт. – Им

интересна моя программа. Они идут на открытый разговор. Я хочу довести программу до избирателей, не пропуская свою речь через фильтры, установленные специалистами по связям с общественностью.

– Ну ладно, ладно. – Эдди помахал рукой. – Раз это такая больная тема, давай оставим ее и поговорим об испанцах.

– А с ними что?

– В следующий раз, когда ты будешь перед ними выступать, не напирай на то, что они должны влиться в наше общество.

– В наше общество?

– Я сейчас рассуждаю как англосаксонский избиратель.

– Очень важно, чтобы они влились в американское общество. – Тейт не впервые вел этот спор. – Только так мы оградим наше общество от разделения на твое, мое и их. Ты что, не слышал моих речей?

– Подчеркивай то, как важно, чтобы они сохраняли свои обычаи.

– Я это и делал. Я говорил об этом. Я об этом говорил? – спросил он всех, кто мог его слышать.

– Говорил, – подала голос Эйвери.

Эдди не обратил на нее внимания.

– Я просто думаю, как важно, чтобы не показалось, будто ты предлагаешь им отказаться ради англоамериканской культуры от своей собственной.

– Если они живут здесь, Эдди, если они стали гражданами этой страны, они должны усвоить некоторые обычаи, прежде всего – английский язык.

Эдди было не остановить.

– Ты пойми, англосаксам нравится слушать о том, что их общество будет оккупировано испанцами, ничуть не больше, чем испанцам нравится, когда им в глотку запихивают англосаксонские обычаи, язык в том числе. Пусть тебя сначала изберут, а потом проводи свою идею интеграции, ладно? И постарайся избегать разговоров о проблеме транспортировки наркотиков из Мексики в Техас.

– Согласен, – сказал Джек. – Когда ты станешь сенатором, ты сможешь сделать что-нибудь по этому поводу. Зачем сейчас как красным флагом размахивать проблемой наркотиков? Ты всем даешь

повод себя критиковать за жесткость или, наоборот, за излишнюю мягкость.

Тейт недоверчиво засмеялся и широко раскинул руки.

– Я баллотируюсь в Сенат, и что, не должен иметь собственного мнения по поводу того, как бороться с незаконным ввозом наркотиков в свой штат?

– Конечно, ты можешь иметь собственное мнение, – сказал Джек таким тоном, словно успокаивал ребенка.

– Просто не торопись выступать со своими предложениями о том, как решить эту проблему, пока тебя не спросят об этом. Как ты, например, делал в Одессе, – сказал Эдди, заглядывая в свои записи.

Эдди всюду таскал эти записи. Глядя на то, как он их перебирает, Эйвери изучала его руки. Неужели это те самые руки, которые избили и расцарапали Фэнси? Или она пришла к нему искать утешения после встречи с очередным ковбоем?

– Ради Бога, постарайся не опаздывать на встречи.

– Я уже объяснял, почему мы так задержались сегодня утром. Кэрол пыталась дозвониться до мамы и папы и наконец застала их дома. Они хотели знать обо всем, что здесь происходит, а потом нам надо было поговорить с Мэнди.

Эдди и Джек посмотрели на нее. Как всегда, она почувствовала их молчаливое неодобрение, хотя так старалась не причинять никому неудобств. Назло Джеку она сказала:

– Дороти-Рей и Фэнси передают тебе привет.

– Хорошо, спасибо.

Произнося имя Фэнси, она бросила взгляд на Эдди. Он пристально посмотрел на нее, потом переключил внимание на Тейта.

– Пожалуйста, смени перед посадкой галстук.

– А что с ним такое?

– Выглядит отвратительно, больше ничего.

На этот раз Эйвери приняла сторону Эдди. Галстук на Тейте действительно был не самый удачный, но ей не понравилась бесцеремонность Эдди.

– Поменяйся со мной, – сказал Джек, развязывая узел на своем галстуке.

– Нет, твой еще хуже, – безапелляционно заявил Эдди. – Лучше возьми мой.

– Пошли вы оба к черту со своими галстуками, – ответил Тейт и откинулся на спинку кресла. – Оставьте меня в покое. – Положив на подушку голову, он закрыл глаза, отключаясь ото всех.

Эйвери мысленно заплодировала ему за то, как он от них избавился, хотя он избавился и от нее тоже. После той ночи в Хьюстоне, когда они были на грани близости, Тейт всячески старался держаться от нее на расстоянии. Это не всегда было легко, потому что ванная у них всегда была общая, а иногда и кровать тоже. Они до смешного тщательно старались не показываться друг другу раздетыми, не касались друг друга и походили на двух животных, которых слишком долго продержали в одной клетке.

Скоро сквозь шум мотора стало слышно ровное дыхание Тейта. Он умел засыпать почти мгновенно, всего на несколько минут, и просыпаться отдохнувшим и бодрым. Он рассказал ей, что научился этому во Вьетнаме. Она любила смотреть, как он спит, и часто делала это по ночам, когда ее мозг бывал слишком возбужден и отказывался переходить в бессознательное состояние.

– Сделай что-нибудь. – Эдди перегнулся через узкий проход между кресел и отвлек ее от размышлений. Он и Джек изучающе смотрели на нее.

– С чем?

– С Тейтом.

– Что вы хотите, чтобы я делала? Выбирала его галстуки?

– Убеди его нанять представителей фирмы по связям с общественностью.

– Тебе не кажется, что ты сам именно этим занимаешься? – холодно спросила она.

Он воинственно придвинулся к ней поближе:

– Ты считаешь, что я слишком безжалостен? Эти парни твоих штучек не потерпят.

– Каких штучек?

– Например, не звать Тейта к телефону.

– Если ты говоришь о вчерашнем вечере, я уже объясняла: он уже спал, когда ты позвонил. Ему был необходим отдых. Он так вымотался.

– Если мне нужно говорить с ним, я буду делать это тогда, когда хочу, – сказал он, рубанув кулаком воздух. – Запомни, Кэрол! Теперь об этих ребятах...

– Он их не хочет. Он считает, что они создадут искусственный, фальшивый образ, и я с ним согласна.

– Тебя никто не спрашивает, – сказал Джек.

– Если у меня есть мнение относительно кампании моего мужа, я могу и буду его выражать. А если это вам не нравится, можете идти к черту!

– Ты хочешь быть женой сенатора или нет?

Наступила пауза, каждый пытался взять себя в руки. Эдди продолжил примирительным тоном:

– Сделай все возможное, чтобы вытащить Тейта из этого отвратительного, взвинченного состояния. Он сам себе вредит.

– Избиратели не догадываются, в каком он состоянии.

– Но добровольцы-то все видят.

– Джек прав, – сказал Эдди. – Несколько человек заметили, и они сказали об этом. Это действует деморализующе. Они хотят видеть своего героя на вершине успеха, полным сил и воли к победе, а не унылым и мрачным. Помоги ему прийти в себя, Кэрол. – Закончив «накачку», Эдди вернулся на свое место и опять углубился в бумаги.

Джек хмуро посмотрел на нее:

– Это из-за тебя он в таком настроении, тебе его и исправлять. Не делай вид, будто не знаешь как, нас не проведешь.

Эта беседа совсем выбила Эйвери из колеи. Ей казалось, что она ничем не может помочь в данной ситуации, а они явно винили во всем ее.

Какое было облегчение, когда они наконец приземлились и вышли из тесного самолета. Она дежурно улыбнулась толпе, которая их встречала, но улыбка быстро сползла с ее лица, когда среди фотографов она заметила Вэна Лавджоя. Он появлялся всюду, где бывал Тейт Ратледж. И каждый раз его присутствие беспокоило Эйвери.

При первой же возможности она отошла на второй план, чтобы объективу было труднее ее отыскать, и стала осматривать толпу, нет ли кого-нибудь подозрительного. Обычно толпа состояла из представителей прессы, людей, поддерживающих Ратледжа, и зевак.

Высокий человек, стоящий позади всех, привлек ее внимание только потому, что показался знакомым. На нем были ковбойский

костюм и ковбойская шляпа, и поначалу она приняла его за одного из тех нефтяников, перед которыми должен был выступить Тейт.

Она не могла вспомнить, где раньше его видела. Тогда он был одет по-другому. Она бы запомнила ковбойскую шляпу. Но она была уверена в том, что видела его недавно. Может, на барбекю в Хьюстоне? Пока она пыталась воссоздать в памяти время и место, он растворился в толпе и скрылся из виду.

Эйвери повели к ожидавшей их машине. Рядом с ней что-то без умолку тараторила жена мэра. Эйвери пыталась прислушаться к тому, о чем та говорит, но мысли ее были заняты тем седовласым человеком, который исчез, как только они повстречались глазами.

Как только кандидат, его свита и настырные журналисты покинули аэропорт, хорошо одетый ковбой вышел из телефонной будки. За Тейтом было легко следить. Они оба были высокого роста, только Тейт хотел, чтобы его видели, а ковбой гордился своей способностью сливаться с толпой и становиться практически невидимым.

Двигался он легко и свободно для столь крупного человека. Его вид внушал невольное уважение всем, кто встречал его на пути. Служащая конторы по найму машин была исключительно вежлива. Казалось, по его виду она определила, что ему положено обслуживание по высшему разряду. Он протянул ей кредитную карточку. На ней стояло вымышленное имя, но через электронную систему проверки карточка прошла.

Когда служащая протянула ему ключи, он поблагодарил ее.

– Вам нужна карта местности, сэр?

– Нет, благодарю, я знаю, куда ехать.

Вся его одежда умещалась в одной сумке, упакованной экономно и продуманно. Все вещи не давали никакой информации о владельце, от них можно было легко избавиться в случае необходимости. То же самое относилось и к взятому в аренду седану.

Аэропорт находился на полпути от Мидленда к Одессе. Человек направился к самому западному городу страны, следуя на благоразумном расстоянии за автомобилем, везшим Ратледжа.

Ближе подъезжать не стоило. Он был почти уверен в том, что Кэрл Ратледж отметила его в толпе, когда ее муж пожимал руки

встречающим. Маловероятно, что она узнала его с такого расстояния, но в его деле ничего нельзя принимать на веру.

...Двуспальная кровать.

– Я не завидую техасским женщинам. Как и женщины других штатов, они сталкиваются с серьезными проблемами, которые требуют немедленных решений. Ежедневных решений. Такова проблема ухода за детьми.

Даже выступая на ленче с работающими женщинами, Тейт не мог выкинуть из головы огромную двуспальную кровать в номере отеля «Адольфус».

Едва приземлившись, они помчались в отель – зарегистрироваться и быстро переодеться, чтобы успеть на ленч вовремя. Но даже столь плотное расписание не могло заставить его выбросить из головы одну мысль – сегодня он будет спать с Кэрол в одной кровати.

– Некоторые корпорации, часть из которых, и мне приятно это отметить, расположена здесь, в Далласе, разработали программы, обеспечивающие уход за детьми их служащих. Но эти далеко вперед глядящие компании, к сожалению, все еще в меньшинстве. Я бы хотел что-то предпринять по этому поводу.

За шумом аплодисментов Тейт явственно слышал вопрос коридорного:

«Что-нибудь еще, мистер Ратледж?»

Вот тогда он и должен был сказать:

«Я предпочел бы номер с двумя кроватями».

Аплодисменты стихли. Тейт постарался скрыть затянувшуюся паузу, сделав вид, что пьет воду. Уголкем глаза он видел, что Кэрол, сидевшая за главным столом, странно на него смотрит. Она выглядела еще более соблазнительно, чем десерт, от которого он отказался. Он и от нее откажется.

– Равная плата за равный труд, – проговорил он в микрофон, – это давно надоевшая тема. Американская публика устала от этих разговоров. Но я собираюсь поднимать ее до тех пор, пока те, кто выступает противниками этого, не выдохнутся. Канут в небытие. Исчезнут.

Шквал аплодисментов. Тейт обезоруживающе улыбнулся и постарался не смотреть на юбку женщины, сидевшей в первом ряду.

...Когда они в спешке собирались, он случайно заметил жену через неплотно прикрытую дверь ванной.

На ней был бежевый бюстгальтер, бежевые трусики, бежевый пояс. У нее была аппетитная попка. Округлые бедра.

Она наклонилась к зеркалу и пудрила нос. Тейт пришел в возбуждение и находился в этом состоянии на протяжении всего ленча...

Откашлявшись, он продолжал:

– Меня очень заботят преступления против женщин. Каждый год растет количество изнасилований, но число преступников, привлеченных к ответу, по-прежнему невысоко. Насилие в семье существовало испокон веков. Слава Богу, сейчас наше общество наконец обратило на это свое внимание. И это хорошо. Но достаточно ли делается для борьбы с этим? Мистер Деккер считает, что в таких случаях надо обращаться к услугам адвоката. Да, я согласен, это поможет прийти к окончательному решению. Но я считаю, что первым шагом должно быть обращение в полицию. Узаконенный разъезд и гарантированная безопасность жертв, а это чаще всего женщины и дети, должны быть обязательны. И только тогда можно обсуждать проблему и искать возможности примирения.

Когда аплодисменты, стихли, он перешел к заключительной части речи. Сразу после этой встречи он должен был ехать в соседний Арлингтон на завод «Дженерал моторс», чтобы в пересменок выступить перед рабочими.

После чего они собирались вернуться в отель, посмотреть вечерние новости и переодеться к ужину, который давали в его честь в Саутфорке. А поздно вечером они вернутся в отель, к двухспальной кровати.

– Я надеюсь, что в ноябре вы меня поддержите. Большое спасибо.

Его провожали овацией. Он подал знак Кэрол, чтобы она тоже поднялась на помост, и она заняла место рядом с ним. Как положено, он обнял ее за талию, но совсем неожиданной для него была радость, которую он испытал от ее близости. Она была такой хрупкой и

нежной. Она запрокинула голову и улыбалась ему с восхищением и любовью.

Она отлично умела притворяться.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Эдди смог наконец выволить их из восторженной толпы, которая не хотела их отпускать. Выйдя из зала, они почувствовали, что такое настоящая сентябрьская жара.

– Нам с Джеком надо еще кое-куда позвонить отсюда, – объяснил Эдди, выводя их на улицу. – Нужно уточнить кое-что относительно сегодняшнего вечера. Ничего серьезного. Мы догоним тебя на заводе. Надо выезжать немедленно, иначе опоздаешь. Найдешь дорогу?

– Свернуть с И-30, так? – Тейт снял пиджак и бросил его на заднее сиденье арендованной машины.

– Да-да. – Эдди дал подробные указания. – Пропустить невозможно. – Он взглянул на Кэрол. – Я вызову такси, оно отвезет тебя в отель.

– Я еду с Тейтом. – Она проскользнула под его рукой и села впереди.

– Мне кажется...

– Все нормально, Эдди, – сказал Тейт. – Она может поехать со мной.

– Она будет совсем не к месту, там не дамский клуб.

– Тейт хочет, чтобы я поехала, и я поеду, – заявила она.

– Ну хорошо, – согласился он, но Тейт понял, что это ему не по душе. – Мы вас скоро догоним. – Он закрыл за Кэрол дверь, и они тронулись.

– Он никогда не упускает возможности дать мне понять, что я здесь лишняя, – сказала она. – Удивительно, как это он дал согласие на наш брак?

– У него не было возможности возразить. Мы не могли его найти, помнишь?

– Конечно, помню, – сердито ответила она. – Я просто хотела сказать... давай оставим это, я не хочу говорить об Эдди.

– Я знаю, ты его недолюбливаешь. Иногда его придирки могут свести с ума. Но интуиция редко его обманывает.

– Я доверяю его интуиции, – сказала она. – Но я не уверена, доверяю ли я ему.

– Чем же он заслужил твое недоверие?

Она отвернулась и выглянула в окно:

– Наверное, ничем. Господи, какая жара!

Она наклонилась, насколько позволил ремень безопасности, и стянула пиджак. Под ним была шелковая блузка в тон. Под ней – палевый кружевной бюстгальтер, который он видел на ней сегодня утром.

– Ты был великолепен, Тейт, – заметила она. – Не снисходительный, не поучающий. Этого они бы не снесли. Они просто в рот тебе глядели. – Она искоса на него посмотрела. – Особенно та, в ярко-голубом платье, в первом ряду. Какого цвета у нее были трусики?

– Она была без трусов.

Его грубый ответ ее обезоружил. Она такого не ожидала. Улыбка сползла с ее лица. Она опять посмотрела вперед.

Он видел, что она обижена. Квиты, так? Боль в чреслах мучила его уже несколько дней. Почему только он должен страдать? Черт сидел и нашептывал ему на ухо, что и она должна помучиться.

– Я не говорил об абортах, заметила?

– Нет.

– Я не знал, что сказать. Возможно, следовало пригласить тебя выступить. Поделилась бы собственным опытом.

Когда она обернулась к нему, в ее глазах стояли слезы.

– Я же сказала тебе, что не делала аборта.

– Но мне никогда не узнать, когда именно ты врала, верно?

– Почему ты так ведешь себя со мной, Тейт?

«Потому что в нашем номере стоит двуспальная кровать, – подумал он. – Прежде чем я разделю с тобой ложе, я должен напомнить себе, за что я тебя презираю».

Разумеется, он этого не сказал.

На развилке он разворачивался на немыслимой скорости. Оказавшись снова на прямой дороге, он еще прибавил газу. Если бы он не сориентировался вовремя, то проскочил бы выезд.

У ворот завода его ждали. Тейт остановил машину в стороне, чтобы дать себе время собраться и выглядеть прилично. Чувствовал он себя отвратительно. Ему не хотелось улыбаться и обещать рабочим, что он разрешит все их проблемы, ведь он не мог разрешить даже проблемы собственного брака. Он не хотел от своей жены ничего,

кроме одного-единственного, зато этого он желал каждой клеточкой своего тела.

– Надень пиджак, – приказал он, хотя сам снимал галстук и засучивал рукава.

– Я так и собиралась, – холодно ответила она.

– Отлично. У тебя соски просвечивают сквозь блузку. Или так и было задумано?

– Иди к черту, – сказала она, сладко улыбаясь и выходя из распахнутой им двери.

Он вынужден был отдать ей должное. Она быстро оправилась от его нападков и мило беседовала со встретившими их профсоюзными лидерами. Эдди и Джек подросли к тому моменту, когда закончилась смена и из ворот стали выходить рабочие. Рабочие следующей смены шли с автостоянки. Тейт пожимал руки всем, до кого мог дотянуться.

Каждый раз, когда он бросал взгляд на Кэрол, он видел, что она трудится не меньше его.

Она внимательно выслушивала всех, кто с ней заговаривал. Как Эдди и говорил, в своем желтом шелковом костюме она выделялась из толпы. Солнце отражалось в ее темных волосах, как в зеркале. Ее безупречное лицо не отпугивало людей, а, наоборот, притягивало – как женщин, так и мужчин.

Тейт искал, к чему бы придраться, но не находил. Она горячо пожимала грязные руки. Улыбка не сходила с ее лица, хотя народу было тьма, и жара стояла невыносимая.

И она первая оказалась рядом, когда его что-то ударило и он начал падать.

Эйвери как раз взглянула на Тейта, когда увидела, что он вдруг откинул голову назад. Он машинально поднес руку ко лбу, покачнулся и упал.

– Нет!

Между ними было всего несколько метров, но толпа была слишком плотной. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока она наконец протолкнулась к нему. Она порвала чулки и ободрала колени, когда упала на мостовую рядом с ним.

– Тейт! Тейт!

По его голове ручьем лилась кровь.

– Скорее доктора! Эдди, Джек! Сделайте что-нибудь. Он ранен!

– Со мной все в порядке. – Он с трудом сел. Пошатываясь, он ухватился за ее руку и крепко сжал ее.

Поскольку Тейт мог говорить и сделал попытку подняться, она решила, что пуля только царапнула его, не задев черепа. Она прижала его голову к своей груди. Кровь залила ее костюм, но она не обращала на это внимания.

– Господи, что произошло? – Эдди наконец пробрался к ним сквозь толпу. – Тейт?

– Все нормально, – пробормотал он. Эйвери прижимала его голову уже не так крепко. – Дай мне носовой платок.

– Они вызвали «скорую».

– Нет нужды. Меня чем-то ударило. – Он огляделся вокруг. – Вот, – сказал он, указывая на осколок пивной бутылки, лежавший на мостовой.

– Кто, черт побери, это бросил?

– Ты его видел? – Эйвери была готова вступить с обидчиком в бой.

– Нет, я ничего не видел. Дай мне платок, – повторил он.

Эдди достал платок из кармана. Эйвери выхватила его у Эдди из рук и приложила к царапине у самых корней волос.

– Спасибо. Теперь помоги мне подняться.

– Я не уверена, что тебе стоит подниматься, – забеспокоилась она.

– Я нормально себя чувствую. – Он неуверенно улыбнулся. – Только помоги мне оторвать задницу от земли, хорошо?

– Пристукнуть бы тебя за твои дурацкие шутки не ко времени.

– Извини. Тебя опередили.

Когда они с Эдди наконец помогли Тейту подняться, подбежал запыхавшийся Джек:

– Двое рабочих не согласны с твоей политикой. Полиция их уже арестовала.

В дальнем углу площадки раздался какой-то шум. Кто-то поднял вверх плакаты против Ратледжа. «Ратледж – розовая свинья» – было написано на одном. «Голосовать за тронутого либерала? Вы что, сами тронулись?» – гласил другой. И еще: «Ратледж – вонючий комми».

– Пошли, – распорядился Эдди.

– Нет. – Сжатые губы Тейта побелели от боли и гнева. – Я приехал сюда пожать людям руки и призвать за себя голосовать, этим я и собираюсь заняться. Пара бутылкометателей меня не остановит.

– Тейт, Эдди прав. – Эйвери крепко сжала его руку. – Пусть этим теперь занимается полиция.

Она как будто пережила тысячу смертей, пока бежала к нему. Бежала и думала: «Вот оно. Я хотела это предотвратить и не смогла». Случившееся ясно показало ей, насколько он уязвим. Как она сможет его защитить? Если кто-то очень захочет его убить, он сумеет это сделать. И ни она, никто другой не смогут этому помешать.

– Привет, я Тейт Ратледж. Я баллотируюсь в Сенат. – Тейт упрямо обернулся к стоявшему рядом с ним рабочему. Тот неуверенно посмотрел на его протянутую руку, потом оглянулся на стоявших рядом. И наконец пожал руку. – Я очень надеюсь на ваш голос в ноябре, – сказал он, прежде чем перейти к следующему. – Привет, я – Тейт Ратледж.

Наплевав на все советы, Тейт шел сквозь толпу, правой рукой отвечая на пожатия, а левой прижимая к виску окровавленный платок. Эйвери никогда еще так не любила его, как в эти минуты.

И никогда еще так не боялась за него.

– Как я выгляжу?

Тейт задал ей этот вопрос лишь после того, как с сомнением посмотрел на свое отражение в зеркале. Он оставался на парковке до

тех пор, пока те, кто закончил работу, не разъехались по домам, а следующая смена не отправилась в цеха.

Только тогда он позволил ей и Эдди посадить себя в машину и отвезти в ближайшую больницу. Джек на второй машине ехал за ними. В больнице Тейту наложили три шва и заклеили рану пластырем.

Эйвери прямо оттуда позвонила Нельсону и Зи, потому что знала, что если они узнают о случившемся из новостей, то будут безумно волноваться. Они потребовали к телефону самого Тейта. Он шутил по поводу инцидента, хотя Эйвери видела, как он только что с благодарностью принял болеутоляющее, которое дала ему сестра.

В вестибюле «Адольфуса» их ждала куча репортеров.

– Постарайтесь, чтобы они сделали снимки твоего измазанного кровью костюма, – сквозь зубы процедил Эдди.

За такие слова она с наслаждением выцарапала бы ему глаза.

– Сволочь ты.

– Я просто делаю свою работу, – спокойно ответил он. – Надо выжимать максимум из любой ситуации.

От возмущения она даже не нашлась, что ответить. Кроме того, они в этот момент как раз прокладывали себе путь к лифту. У двери номера она обернулась к Джеку и Эдди, которые собирались войти следом за ними.

– Тейт сейчас ляжет. Нужно время, чтобы подействовало болеутоляющее, – заявила она, пресекая возражения заранее. – Я скажу телефонистке, чтобы она нас ни с кем не соединяла.

– Он должен сделать какое-нибудь заявление.

– Ты его и напишешь, – сказала она Джеку. – Просто вспомни, что он говорил. На обратном пути он сказал, что не собирается подавать в суд на человека, который кинул в него бутылку, хотя ненавидит насилие и считает его самой примитивной формой самовыражения. Так же он не будет предъявлять претензий ко всей этой группе из-за действий одного из ее членов. Уверена, у тебя все отлично получится.

– Я найду за вами в семь тридцать, – сказал Эдди, направляясь к своей комнате. Потом обернулся и добавил: – Ровно.

Тейт немного поспал, потом посмотрел новости, принял душ и переоделся.

– Ну как?

– Очень соблазнительно, – окинув его задумчивым взглядом, похвалила она. Прядь волос очень мило прикрывала рану. – Повязка придает твоей весьма добропорядочной внешности заливчатый вид.

– Что ж, – пробормотал он, – и то хорошо. Но болит чертовски.

Эйвери придвинулась поближе и с состраданием посмотрела на него:

– Мы можем не ходить.

– Эдди этого не вынесет.

– Ну и пусть. Все остальные поймут. Если Майкл Джексон отменяет концерт из-за расстройства желудка и не боится разочарования тысячи поклонников, то ты можешь не пойти на ужин и огорчить какую-то пару сотен.

– Но поклонники Майкла Джексона не платят по двести долларов за место каждый. Он может себе позволить отменять выступления. Я – нет.

– Прими хотя бы еще таблетку.

Он покачал головой:

– Уж если я пойду, то должен полностью собой владеть.

– Господи, как же ты упрям! Точно так же ты и днем не ушел.

– Это отлично смотрелось в вечерних новостях.

Она нахмурилась:

– Ты сейчас говоришь, как Эдди. Ты баллотируешься в Сенат, а не пытаешься завоевать звание лучшей мишени года, которую может поразить любой, кому не нравится эта система. Ты не должен подвергать свою жизнь опасности только потому, что это хорошо смотрится в вечерних новостях.

– Слушай, я не помчался за этим типом и не вышиб ему мозги именно из-за того, что баллотируюсь в Сенат.

– Ага, это мне уже нравится. Кандидат, который открыто говорит, что думает.

Они расхохотались, но потом смех вдруг стих. Он с нежностью посмотрел на нее:

– Это мое любимое платье. Ты выглядишь сногшибательно.

– Спасибо.

На ней было черное платье для коктейля, которое ему нравилось.

– Сегодня днем я вел себя как последний негодяй.

– Ты сказал несколько обидных вещей.

– Знаю, – признал он. – Я это сделал специально. Частично из-за того...

Раздался стук в дверь.

– Семь тридцать, – раздался голос Эдди.

Тейт выглядел расстроенным. Эйвери, с трудом сдерживая разочарование, схватила сумочку и направилась к двери. Все ее чувства были напряжены. Нервы – натянуты в струну. Ей хотелось разрыдаться.

И она чуть не вскрикнула, когда одним из первых, кого она увидела в Саутфорке, оказался человек, замеченный ею в аэропорту.

Ранчо, ставшее знаменитым после сериала «Даллас», сверкало огнями. Это был праздничный вечер, поэтому дом был открыт и гости могли заглянуть внутрь. Сам ужин предполагалось провести в соседнем здании, где часто устраивали большие приемы.

Народу собралось больше, чем ожидали. Едва они прибыли, им тут же сказали, что зал переполнен. Многие были готовы заплатить больше двухсот долларов, лишь бы попасть на ужин и услышать выступление Тейта.

– Это все из-за сегодняшнего инцидента, – сказал Эдди. – Все местные программы начинали с этого сюжета свои новости. – Он посмотрел на Эйвери и самодовольно улыбнулся.

Она взяла Тейта под руку, давая понять, что он для нее важнее шестичасовых новостей и даже выборов. Эдди только ухмыльнулся еще шире.

Он все меньше нравился Эйвери. Его непозволительного поведения с Фэнси оказалось достаточно: она уже не верила его бойскаутскому виду.

Тейт же доверял ему безоговорочно. Именно поэтому она не рассказала ему, что видела Фэнси, выходящей из комнаты Эдди, хотя Тейт и предоставил ей такую возможность. Она чувствовала, что Тейт постепенно начинает лучше к ней относиться, ей не хотелось все портить и поливать грязью его друга.

Сейчас ей хотелось забыть об Эдди и о других волнениях тоже. Она должна поддерживать Тейта. Возможно, рана причиняла ему больше беспокойства, чем он старался казаться. К ним подошел какой-то местный энтузиаст. Он потрепал Эйвери по щеке и пожал руку

Тейту. Когда она запрокинула голову, рассмеявшись его шутке, то опять заметила в толпе седого мужчину.

Она взглянула еще раз, но тут же потеряла его из виду.

Наверное, она ошиблась. На человеке в аэропорту был ковбойский костюм и стетсон. Этот же был в строгом костюме. Возможно, просто случайное сходство.

Она старалась внимательно слушать обращавшихся к ней людей, но продолжала оглядывать толпу. До ужина она его больше не видела. С главного стола было трудно видеть все уголки огромного зала. Хотя ужин был официальный, люди постоянно ходили взад-вперед. Телевизионщики все время направляли на нее софиты.

– Не хочешь есть? – Тейт наклонился к ней и посмотрел на ее полупустую тарелку.

– Слишком много волнений.

Она была крайне встревожена и думала, не рассказать ли Тейту о подстерегающей его опасности. Она видела в сегодняшнем случае предупреждение. В следующий раз это может оказаться не бутылка. Это может оказаться пуля. И она может принести смерть.

– Тейт, – неуверенно начала она, – ты случайно не заметил такого высокого седого человека?

Он засмеялся:

– Я с полсотни таких видел сегодня.

– Один из них показался мне знакомым.

– Может быть, он всплыл из прошлого, которое ты не до конца вспомнила.

– Возможно.

– Послушай, ты в порядке?

Она выдавила из себя улыбку и прошептала ему на ухо:

– Жене кандидата надо сходить в дамскую комнату. Это будет прилично?

– Гораздо приличнее, чем возможные в противном случае последствия.

Он встал, чтобы помочь ей подняться. Она извинилась. У края помоста официант подал ей руку и поддержал ее на шатких ступеньках. Направляясь к выходу, она постаралась незаметно оглядеть толпу в поисках седовласого.

У двери она почувствовала разочарование и облегчение одновременно. Она была почти уверена, что это был тот самый человек, которого она видела в аэропорту. С другой стороны, существовали тысячи техасцев с седыми волосами. Ей было чуть стыдно своей паранойи, и она печально улыбнулась.

Улыбка застыла у нее на губах, когда кто-то злорадно прошептал за ее спиной:

– Привет, Эйвери.

В полночь «Макдональдс» в центре Далласа походил на аквариум с золотыми рыбками. Он был ярко освещен. Сквозь огромные стеклянные окна были видны все сидевшие внутри, как актеры на сцене.

У кассы принимали заказ от какого-то посетителя. За столиком в углу спал пропойца. Две парочки подростков брызгали друг в друга кетчупом.

Эйвери запыхалась, потому что ей пришлось пробежать три квартала от отеля, но у ресторана она замедлила шаг. Она была одета совсем не так, как все вокруг. Да и вообще, женщине одной в такой час не следовало находиться на улице.

Она снаружи заглянула в залитый светом зал. Он сидел в кабинке совершенно один. К счастью, кабинка была у окна. Когда зажегся зеленый свет, она поспешила перейти дорогу. Ее каблучки звонко застучали по мостовой.

– Ммм, неплохая девочка!.. – Какой-то чернокожий парень, сладострастно причмокивая языком, смотрел ей вслед.

На углу две женщины, одна рыжеволосая, другая с волосами цвета красного вина, пытались привлечь внимание мужчины в кожаных брюках. Он стоял, прислонившись со скучающим видом к фонарному столбу. Когда Эйвери проходила мимо, он окинул ее плотоядным взглядом. Рыжеволосая развернулась, уперлась руками в бока и крикнула Эйвери:

– Эй ты, сучка, не верти здесь своей задницей, не то получишь!

Эйвери не обратила на них внимания и пошла по тротуару к окну. Оказавшись напротив кабинки, она постучала в стекло. Вэн Лавджой оторвался от шоколадного коктейля, заметил ее, ухмыльнулся и показал на сиденье рядом с собой. Эйвери сердито покачала головой и сделала знак, чтобы он вышел.

Он не торопился. Она нетерпеливо следила, как он проходит через ресторан, выходит в дверь и сворачивает за угол. Когда он наконец подошел к ней, она кипела от ярости.

– Что ты задумал, Вэн? – спросила она. Прикидываясь абсолютно невинным, он сложил руки на груди и переспросил:

– Я?

– Почему мы должны были встретиться именно здесь? И в такое время?

– Ты предпочла бы, чтобы я зашел в твой номер – в тот самый, который ты занимаешь вместе с мужем другой женщины?

В последовавшем молчании он небрежно закурил самокрутку с наркотиком. Сделав две затяжки, он протянул ее Эйвери. Она оттолкнула его руку.

– Ты и представить себе не можешь, какой опасности ты подверг меня сегодня вечером.

Он прислонился к стеклу.

– Я весь внимание.

– Вэн! – В отчаянии она обхватила голову руками и стала тереть виски. – Это так трудно объяснить, тем более здесь.

Женщины на углу выкрикивали какие-то непристойности, а мужчина в кожаных брюках чистил ногти перочинным ножом.

– Я незаметно выскользнула из отеля. Если Тейт обнаружит, что меня нет...

– Он знает, что ты не его жена?

– Нет! И не должен знать!

– Как это?

– Сразу не объяснишь.

– Я не тороплюсь.

– Я тороплюсь! – крикнула она, хватая его за руку. – Вэн, ты не должен никому об этом рассказывать. От этого зависят жизни людей.

– Ага, Ратледж может так рассвирепеть, что убьет тебя.

– Я имею в виду жизнь Тейта. Это не игра, поверь мне. Слишком многое поставлено на карту. Когда я смогу тебе все объяснить, ты сам с этим согласишься. Но сейчас мне надо возвращаться назад.

– Ну и забавы у тебя, Эйвери. Когда ты на них решилась?

– В больнице. Меня приняли за Кэрол Ратледж. Они сделали мне пластическую операцию до того, как я могла все объяснить.

– А когда смогла, почему не объяснила?

В отчаянии она схватилась за единственную возможность.

– Спроси Айриша! – выпалила она.

– Айриша! – Он закашлялся от дыма. – Так этот сукин сын все знает?

– Совсем недавно. Мне надо было кому-то рассказать.

– Так вот почему он послал меня сюда. А я все не мог понять, с чего это мы освещаем кампанию Ратледжа, словно он член королевской фамилии или что-то в этом роде. Айриш просто хотел, чтобы я присмотрел за тобой.

– Наверное. Я не знала, что он так решил. Я была поражена, увидев тебя в Хьюстоне. Мне хватило того случая на ранчо, когда я открыла дверь и увидела тебя на пороге. Ты тогда меня узнал?

– В тот день, когда ты вышла из больницы, я заметил, что манеры миссис Ратледж очень похожи на твои. Она так же облизывает губы и встряхивает головой. После съемок на ранчо я был почти убежден, что это ты. Сегодня я окончательно удостоверился и решил дать тебе понять, что знаю твой маленький секрет.

– О Господи!

– Что такое?

Эйвери увидела, что к ним приближается полицейский.

– Ну, в чем дело? – раздраженно спросил брата Тейт.

Джек закрыл дверь своей комнаты и снял пиджак.

– Выпьешь?

– Нет, спасибо. Что случилось?

Когда они входили в отель, Джек взял брата за локоть и шепнул, что хочет поговорить с ним наедине.

– Прямо сейчас?

– Сейчас.

Тейт вовсе не собирался сегодня вечером проводить совещание с братом. Он хотел поговорить наедине только с собственной женой. С момента приезда в Саутфорк она вела себя как-то странно. До этого все было отлично.

За ужином она завела разговор о седовласом человеке – по-видимому, это был кто-то из ее прошлого, вдруг оказавшийся на банкете. Кто бы это ни был, скорее всего, она увиделась с ним, когда выходила в дамскую комнату, потому что оттуда вернулась бледная и потрясенная.

Остаток вечера она сидела как на иголках. Несколько раз он замечал, как она нервно покусывала нижнюю губу. Улыбалась она принужденно и натянуто. У него не было возможности выяснить, в чем дело. Он хотел заняться этим сейчас, немедленно.

Но ради поддержания мира внутри своего лагеря он решил сначала улагодворить Джека. Когда они ждали лифт, он повернулся к Эйвери и сказал:

– Джек хочет, чтобы я зашел к нему на пять минут. – Он бросил на брата взгляд, который говорил: «Пять минут, не больше».

– Сейчас? – спросила она. – Тогда я подойду к администратору, попрошу у него брошюры и гостиничные сувениры для Мэнди. Я быстро. Буду ждать тебя в номере.

Она пошла назад. Тейт поднялся наверх с Джеком и Эдди. Эдди пожелал им спокойной ночи и направился к себе, оставив братьев вдвоем. Тейт в нетерпении смотрел, как Джек достает из кармана пиджака и протягивает ему бежевый конверт. На конверте стояло его имя. Тейт вскрыл конверт. Прочитав послание дважды, он из-под нахмуренных бровей взглянул на брата:

– Кто это тебе передал?

Джек наливал бренди:

– Помнишь ту женщину в голубом, сегодня за ленчем? Она сидела в первом ряду.

Тейт указал подбородком на горлышко бутылки:

– Я передумал.

Джек протянул ему стакан. Тейт смотрел на письмо, держа его на расстоянии вытянутой руки, и медленно, не отрываясь, пил бренди.

– Почему она попросила тебя это передать?

– Наверное, решила, что передавать его самой будет не слишком прилично.

– Прилично? – фыркнул Тейт, опять взглянув на письмо.

Не пытаясь скрыть того, что это его забавляет, Джек спросил:

– Могу я высказать догадку, о чем письмо?

– Приглашение на бинго.

– Могу я кое-что предложить?

– Нет.

– Не будет ничего страшного, если ты примешь приглашение. Более того, это может помочь.

– Ты, кажется, забыл, что я женат?

– Нет. Кроме того, я вижу, что сейчас твой брак гроша ломаного не стоит, но ты не захочешь выслушивать мое мнение о твоём браке и твоей жене.

– Ты прав. Не захочу.

– Не злись, Тейт. Я блюду твои интересы. Ты это знаешь. Воспользуйся приглашением. Я не знаю, что происходит между Кэрол и тобой. – Он прищурился. – Но я знаю, чего не происходит. Вы не спите друг с другом. Не спите со времени катастрофы. Ни один мужчина, даже ты, не может работать на полную катушку, если у него с сексом не все в порядке.

– На своем опыте испытал?

Джек опустил голову и стал рассматривать содержимое своего стакана. Тейт провел рукой по волосам и поморщился, случайно коснувшись заклеенной раны на виске.

– Извини. Я не хотел. Прости меня, Джек. Я просто терпеть не могу, когда кто-то лезет в мои дела.

– Это касается и наших дел, братик.

– Но я устал так жить.

– Все только начинается. Станешь сенатором, легче не будет.

Тейт облокотился о туалетный столик.

– Наверное, нет. – Он стал молча разглядывать узор на ковре. И вдруг расхохотался.

– В чем дело? – Джек не находил в ситуации ничего смешного.

– Недавно Эдди предложил найти мне женщину, которая помогла бы мне снять напряжение. Где вы оба были, когда я был молод и одинок и не отказался бы от услуг парочки сводников?

Джек криво ухмыльнулся:

– Видно, я это заслужил. Просто ты в последнее время такой взвинченный, ну, я и подумал, что тебе было бы полезно поваляться на сене с какой-нибудь сговорчивой похотливой бабенкой.

– Может, и было бы, но – спасибо, нет. – Тейт направился к двери. – И за выпивку спасибо. – Он взялся за ручку двери, помолчал, а потом спросил: – Ты давно с семьей разговаривал?

– Это ты в связи с выпивкой вспомнил?

– Так, случайно получилось. – Тейт выглядел расстроенным.

– Да не беспокойся об этом. Да, я сегодня говорил с Дороти-Рей. Она сказала, что все в порядке. Ей кажется, что Фэнси влипла в какую-то историю, но она еще не знает, в чем дело.

– Это, наверное, одному Господу Богу известно.

– Господу, может, и известно. Черта с два еще кому.

– Спокойной ночи, Джек.

– Слушай, Тейт! (Тот обернулся.) Раз тебя это не заинтересовало... (Тейт понял, что брат смотрит на письмо.) Может, она удовлетворится номером вторым.

Тейт смял бумагу в комок и кинул брату, который поймал его одной рукой.

– Желаю удачи.

По дороге к номеру Тейт снял пиджак и развязал галстук.

– Кэрол, – позвал он, открывая дверь. – Я знаю, что прошло больше пяти минут, но... Кэрол?

В номере ее не было.

Увидев полицейского, Эйвери отвернулась. Блестки на подоле ее платья сверкали так же ярко, как огни ресторана.

– Ради всего святого, спрячь сигарету, – сказала она Вэну. – А то он подумает...

– Не переживай, – криво улыбнулся ее приятель. – Была бы ты шлюхой, ты бы мне была не по средствам. – Он затушил окурок и положил его в карман рубашки.

Пока полицейский разбирался с троими на углу, Эйвери мотнула головой, давая понять, что надо уходить в сторону «Адольфуса». Шаркая ногами, Вэн двинулся за ней.

– Вэн, ты должен пообещать, что никому не расскажешь, кто я. Как-нибудь на следующей неделе мы соберемся втроем: Айриш, ты и я. Он наверняка захочет услышать о моей поездке. Тогда я все объясню подробно.

– Как ты думаешь, сколько бы заплатил за такую информацию Деккер?

Эйвери резко остановилась и схватила Вэна за руку:

– Ты этого не сделаешь! Вэн, пожалуйста!

– Могу, если ты не предложишь мне чего-нибудь повыгодней. – Он отбросил ее руку, отвернулся и кинул через плечо: – До встречи,

Эйвери!

Они уже были через дорогу от отеля. Она поспешила за ним, опять схватила за руку и повернула лицом к себе:

– Ты даже не представляешь, как высоки ставки в этой игре, Вэн. Я прошу тебя как друга.

– У меня нет друзей.

– Пожалуйста, не предпринимай ничего, пока я не смогу объяснить ситуацию.

Он опять высвободил руку:

– Я подумаю. Но постарайся найти объяснения получше, не то пеняй на себя.

Она смотрела, как он медленно удаляется. Казалось, в этом мире его ничто не заботит. Она, наоборот, увязла в заботах по уши. У Вэна на руках были все тузы, и он это прекрасно знал.

С ощущением, будто ее только что огрели по голове дубиной, она перешла дорогу. У входа в отель она подняла голову.

У самых дверей стоял Тейт и смотрел на нее.

Выражение его лица было чудовищно. Робким, неуверенным шагом, но с бесстрашно поднятой головой Эйвери направилась к нему, как преступник, который знает, что игра проиграна, но не хочет в этом признаться.

– Вот и она, мистер Ратледж, – сказал бодро швейцар. – Я же говорил, что она будет через минуту.

– А я уже начал волноваться, Кэрол.

Присутствие швейцара заставляло Тейта говорить спокойно. Но его пальцы с силой питона сдавили ей руку.

Он протащил ее через вестибюль. В лифте, уставившись взглядом в дверцы, оба молчали, но гнев грозовой тучей навис над ними.

Он отпер дверь их номера и пропустил ее вперед.

Дверь за ними защелкнулась на предохранитель. Ни тот, ни другой не зажгли свет, даже не подумали об этом. Им хватало ночника в форме морской раковины, который горел в ванной.

– Где тебя носило? – спросил Тейт без всяких предисловий.

– Я была в «Макдональдсе» за углом. Знаешь, на банкете я почти ничего не ела, и мне захотелось есть. Раз ты пошел с Джеком, я подумала...

– Кто был этот парень?

Она хотела было прикинуться непонимающей, но потом передумала. Он явно видел ее с Вэном, но не узнал его. Пока она размышляла, сказать ли ему правду или солгать, он опередил ее:

– Это был торговец? (Она от удивления открыла рот.) Торговец наркотиками? Я знаю, что иногда вы с Фэнси курили травку. Я надеюсь, ты не делала ничего худшего. Но жена кандидата в сенаторы не может покупать зелье на улице у незнакомого продавца. Кэрол, Боже мой, он мог быть тайным...

– Это был Вэн Лавджой! – зло выпалила она. (Имя явно не произвело впечатления. Он глупо уставился на нее.) – Оператор из «Кей-Текса». Он снимал тебя для телерекламы. Помнишь?

Она оттолкнула его в сторону, прошла к туалетному столику и стала снимать с себя драгоценности, роняя их прямо на стол, не

обращая внимания ни на их ценность, ни на хрупкость.

– Что ты делала с ним?

– Просто шла, – сказала она дерзко, обращаясь к его отражению в зеркале. При тусклом освещении он казался мрачным и устрашающим. Но ее не запугаешь. – Я встретила его в «Макдональдсе». Он и их репортер, кажется, остановились в «Холидей инн». – Врать, становилось все легче. Ведь у нее теперь был большой опыт. – В общем, он отругал меня за то, что я хожу одна, и взялся проводить до гостиницы.

– Сообразительный молодой человек. Гораздо сообразительнее тебя. Какого черта ты потащила одна в такую ночь?

– Мне хотелось есть! – Она повысила тон.

– Не могла заказать ужин в номер?

– Мне хотелось подышать воздухом.

– Открыла бы окно.

– Что тебе за дело до того, что я вышла? Ты же был с Джеком. Джек и Эдди. Лорел и Харди. Юла и волчок. – В такт словам она покачивала головой. – Если не у одного, то уж точно у другого найдется нечто срочное, что нужно обсудить с тобой... Один из них всегда стучится в твою дверь.

– Не увиливай. Мы говорим о тебе, а не о Джеке и Эдди.

– А что я?

– Почему ты так нервничала сегодня вечером?

– Я вовсе не нервничала.

Она хотела пройти мимо него, но он преградил ей путь и схватил за плечи.

– Что-то случилась. Я знаю. Что ты сделала? Лучше скажи мне сама, я все равно узнаю.

– Почему ты думаешь, что я что-то сделала?

– Потому что ты не смотришь мне в глаза.

– Да, я избегаю тебя, но только потому, что я рассержена, а не потому, что я вела себя недостойно.

– В прошлом ты часто вела себя так, Кэрол.

– Не называй меня... – Эйвери вовремя остановилась.

– Не называть тебя как?

– Никак. – Она ненавидела, когда он называл ее Кэрол. – Не называй меня лгуньей, – поправила она и, вызывающе откинув

голову назад, заявила: – Можешь узнать от меня, а не от кого-то там еще. Вэн Лавджой курил травку! И мне предлагал. Я отказалась. Ну, что, мистер Сенатор, я прошла испытание?

Тейт злобно покачивался взад-вперед:

– Не шляйся больше одна, понятно?

– А ты не держи меня на коротком поводке.

– Да мне наплевать, что ты делаешь! – Взревел он, крепко схватив ее за плечи. – Тебе небезопасно ходить одной.

– Одной? – повторила она с горечью. – Одной? Мы никогда не бываем одни.

– Сейчас мы одни.

Только сейчас они поняли, что стоят лицом к лицу. От возбуждения оба учащенно дышали. Кровь вскипела в жилах от гнева. Эйвери почувствовала, что нервы ее сейчас зашипят, как горячие провода, упавшие в лужу во время грозы.

Он обнял ее, сцепив пальцы на спине, рывком прижал к себе. Эйвери притихла от желания. Затем в одно мгновение их губы слились в жарком поцелуе. Она обвила его шею руками и соблазнительно выгнулась, упираясь в него грудью. Его руки скользили по ее заду, грубо подтягивая ее вверх и сильно прижимая к себе.

Было слышно дыхание и шуршание их вечерних туалетов. Их губы и языки слились, слишком жадные, чтобы вести утонченную игру.

Тейт придвинул ее к стене и, освободив руки, крепко притиснул к себе. Он обхватил пальцами ее голову и страстным поцелуем припал к ее губам.

Поцелуй был чувственный, пробуждающий желание. Он зажег те искорки, которые возбуждали Эйвери, как языки пламени возбуждали первобытного человека. Этот поцелуй обещал бесконечное наслаждение:

Она судорожно стала расстегивать его складчатую рубашку. Одна за другой пуговицы бесшумно падали на ковер. Она распахнула его рубашку и обнажила грудь. Ее открытый рот уткнулся в самую середину. Он застонал от удовольствия и потянулся к застежкам ее платья на спине.

Они не поддавались его неумелым пальцам. Ткань порвалась. Бусины попадали. Блестки посыпались дождем. Ни тот, ни другой не

обратил на это внимания. Он обнажил ее плечи и горячо поцеловал в грудь, вздымающуюся над открытым, без бретелек, бюстгальтером, затем потянулся к застежке.

Паника охватила Эйвери, когда бюстгальтер упал к ее ногам. Сейчас он узнает! Но глаза его были закрыты. Губы, не глаза были сейчас его проводниками. Он целовал ее грудь, ласкал языком соски, жадно засасывал их в рот.

Он желал ее. И ей это было необходимо. Она готова была отдать ему все.

Она тянула с него рубашку, даже не расстегнув запонки на манжетах, а он махал руками до тех пор, пока не освободился, затем под платьем, скользя руками вверх по ее бедрам, он добрался до резинки ее трусиков и снял их. Теперь ладонь его была между ее ног, пальцы проникли внутрь, она издавала хриплые, постанывающие звуки, звуки желания.

– Ты моя жена, – сказал он твердо. – Ты достойна лучшего, чем стоять у этой стены.

Он отпустил ее, отступив назад, стянул с себя ботинки и носки и бросил их вместе с брюками на ковер.

Эйвери сняла платье, скинула туфли и быстро прошла к кровати. Горничная уже расстелила ее. Смахнув с подушки мятлые шоколадки, она юркнула под одеяло. Щелкнула застежка ее черного кружевного пояса, она едва сняла чулки, как Тейт оказался рядом.

Она податливо откликнулась, как только он прижал ее к своей теплой груди. Их губы слились в глубоком влажном поцелуе. Его член был твердым и гладким. Он уткнулся в ее мягкий живот, затем устроился в темных кудряшках межножья.

Он взял в ладони ее грудь, поднял ее, нежно нажал на сосок большим пальцем и стал ласкать ее языком. Он раздвинул ей ноги, она не сопротивлялась. Промежность была мягкой, чувственной и бархатистой. Она отрывисто и коротко вздыхала, пока его пальцы ласкали ее.

Затем он перевернул ее на спину и направил свой упругий член в ее влажную овальную глубину. Она приняла его застенчиво, потому что он был большой и крепкий, а она – маленькая и мягкая. Мужчина и женщина. Как и должно быть. Его сила покорялась слабости. Ее слабость оттенялась силой.

Она поражалась абсолютности его обладания. Это было вторжение, сладостное, беспрепятственное и стремительное. Ее спина и шея выгнулись в полном подчинении. Он двигался глубже и глубже, она и не думала, что такое вообще возможно.

Он напрягался, чтобы продлить наслаждение, но нельзя было слишком многого требовать от тела, томимого столь долгим воздержанием.

Он всего пару раз вошел в нее, и его настиг оргазм.

В комнате было так тихо, что она слышала лишь тиканье часов на его руке у себя за головой на подушке. Она не отваживалась взглянуть на него. Дотронуться до него было и вовсе невозможно. Она лежала и слушала, как наконец его дыхание стало ровным. Он лежал спокойно, только грудь его поднималась и опускалась.

Все кончилось. Теперь она легла на бок, отвернувшись от него, подоткнула под щеку подушку и подтянула колени к груди. Ей было больно, но она не могла понять, от чего и где.

Прошло несколько минут. Когда она ощутила его руку у себя на талии, то подумала, что это оттого, что она так этого желала, ее воображение сыграло с ней шутку, заставив ее поверить в это. Его рука легла ей на талию и силой развернула ее опять на спину. Она подняла на него большие пытливые глаза и посмотрела на него с некоторым опасением.

– Я никогда не изменял тебе, – прошептал он.

Он провел костяшками пальцев по ее щеке, затем по губам, поцарапанным его щетиной. От этого нежного прикосновения у нее перехватило дыхание. Она хотела, но не смогла выразить того, что было у нее на сердце.

Он наклонился и нежно поцеловал ее. Потом помедлил и снова поцеловал. Своей щекой она почувствовала жар его щеки. Действуя инстинктивно, переполненная нежностью, она дотронулась до повязки на лбу, любовно погладила его взъерошенные волосы, потом провела ногтем по углублению на его подбородке.

Боже, как она любила этого человека!

Его губы прижались к ее губам. Язык проскользнул между ее губами. Мягко, возбуждающе он двигался взад-вперед, даруя любовь ее рту. Она издала тихий страстный звук. Он ответил ей, прижав ее

крепче к себе, так крепко, что его мягкий пенис уютно устроился в теплой влаге между ее ног.

Он поцеловал ее рот, шею, плечи, лаская при этом ее грудь. Его пальцы возбуждали и сделали напряженными ее соски. Жарко, влажно и страстно он сосал их до тех пор, пока она не стада беспокойно двигаться под ним. Он поцеловал ее округлый живот, низ живота над лобком.

Эйвери, целиком отдавшись прикосновениям его губ, водила руками по его волосам, крепко прижимаясь к нему.

Между ног у нее было ужасно скользко, но его пальцы без стеснения проникли туда. Он обнаружил маленький напряженный комочек между мягкими губами. Он нажимал на него, мягко касаясь, нежно обводил пальцами. Сквозь зубы она выдохнула его имя. Ее тело напряглось. Волнами по нему прошли короткие судороги. Инстинктивно она подняла колени.

– Я опять готов.

В его голосе звучало удивление. Случайно он проговорился о том, что поразило его. Он не ожидал, что так скоро и так страстно захочет ее опять.

Он вошел уверенней, чем прежде, хотя это заняло больше времени. И когда уже совсем проник в нее, то уткнулся в ее шею и легонько прикусил кожу. Тело Эйвери внезапно ответило. Внутренние мускулы крепко охватили его. С тихим стоном он стал раскачиваться на бедрах взад и вперед.

Она прильнула к нему. Каждый ритмический удар подводил ее ближе к свету, сверкающему в конце туннеля. Ресницы затрепетали. Ее увлекало все сильнее и быстрее.

Яркий свет разлился вокруг и поглотил ее.

Тейт издал долгий глубокий стон. Все его тело напряглось. Он входил и входил в нее, жарко и сильно, до полного последнего изнеможения.

Отодвинувшись от нее и не говоря ни слова, он повернулся к ней спиной, натянув простыню на покрытые бисеринками пота плечи.

Эйвери отвернулась к стене, стараясь плакать беззвучно. Физиологически все было потрясающе, ничего похожего на то, что она испытала со своими предыдущими любовниками. Их, к сожалению,

было очень мало. Отношения требуют времени, а она все его посвящала своей карьере. Совершенно другой была ее любовь сейчас.

Но для Тейта это началось и закончилось на физиологическом уровне. Его толкнул к Эйвери гнев, а не любовь или привязанность. Он довел ее до оргазма, но это было лишь выполнение супружеского долга, и не более.

Технически прелюдия была безукоризненной, но безличной. Они не насладились до конца, хотя она стремилась исследовать его обнаженное тело, ознакомиться глазами, руками и ртом с каждой его частью. Он не нашептывал ей никаких ласковых слов. Не клялся в любви. Он ни разу не произнес ее имени.

Он даже не знал его.

– Тейт, можно тебя на минуточку? – Эйвери вошла в большой кабинет на ранчо, прервав проходящее там совещание.

Джек, который как раз в тот момент выступал, так и остался стоять с поднятой рукой и открытым ртом.

– В чем дело? – спросил Тейт. Выглядел он при этом особенно недружелюбно.

Эдди хмурился в раздражении. Джек тихо выругался. Неудовольствие Нельсона было очевидно, но он пытался вести себя вежливо:

– Это срочно? Что-нибудь с Мэнди?

– Нет, Нельсон. Мэнди в школе.

– Может быть, Зи тебе поможет?

– Я боюсь, что нет. Мне нужен Тейт на минуту.

– Мы сейчас очень заняты, Кэрол, – сказал он раздраженно. – Это важно?

– Я не стала бы вас прерывать, если бы это было не важно.

– Подожди, пока мы закончим, или разберись с этим сама.

Она почувствовала, как от негодования щеки ее запылали. С тех пор как несколько дней назад они вернулись домой, он старательно избегал ее. К ее огромному разочарованию, но малому удивлению, он не вернулся в желтую спальню, где она спала, а остался в примыкавшем к ней кабинете.

Секс не сделал их ближе. Скорее пропасть между ними увеличилась. На следующее утро они избегали смотреть друг на друга. Слов было сказано мало. Настроение было подавленное, будто произошло что-то гадкое и ни один из них не хотел быть к этому причастным. Она поняла настроение Тейта и сделала вид, будто ничего не случилось в этой широкой кровати, но попытка сохранить безмятежность сделала ее сварливой.

Он заговорил об этом лишь раз, когда они ждали портье в номере, чтобы отправить с ним багаж.

– Мы не предохранялись вчера, – сказал он тихо и озабоченно, глядя в окно на очертания Далласа.

– У меня нет СПИДа, – зло огрызнулась она, стараясь сбить его напускное равнодушие. В этом она преуспела.

Он быстро среагировал:

– Я знаю. В больнице это обнаружили бы.

– Поэтому ты и решил, что можно, раз я не заразная?

– Я просто хотел узнать, – прорычал он, – не забеременела ли ты.

Она угрюмо покачала головой:

– Безопасные дни. Тебе повезло во всех отношениях.

Вот и весь разговор об их любви, хотя это слово не подходило к тому, что произошло, по крайней мере для Тейта. Она чувствовала себя бесплатной проституткой. Любое теплое женское тело стоило бы ему. Сейчас он удовлетворен. И она не понадобится ему некоторое время.

Ее возмущало такое положение. Попользоваться раз-другой и выбросить. Возможно, неверность Кэрол была оправдана. Эйвери стала подозревать, не относится ли Тейт с такой же легкостью к своему намерению стать сенатором, как и к сексу. Во всяком случае, он тратит больше времени на то, чем на развитие любовных отношений со своей женой, подумала она с раздражением.

– Хорошо, – сказала она тогда, – я справлюсь сама.

Она потянула за ручку двери, и дверь захлопнулась за ней с тяжелым стуком. Через несколько минут она вошла в дверь спальни Фэнси. Девушка сидела на кровати и красила ногти на ногах в пожарно-красный цвет. В пепельнице на ночном столике у кровати догорала сигарета, рядом стояла запотевшая банка с питьем. Фэнси была в стереонаушниках и жевала резнику в ритме музыки.

Возможно, она не слышала открывающейся двери через грохочущий рок в наушниках, но, вероятно, почувствовала что-то, так как взглянула на разъяренную Эйвери, держа фантик от жвачки в руках.

Фэнси сунула кисточку во флакон с лаком и стянула наушники на шею:

– Какого черта! Что ты делаешь в моей комнате?

– Я пришла, чтобы забрать свои вещи.

Больше ничего не говоря, она прошла к шкафу и открыла дверцу.

– Минуточку-минуточку! – воскликнула Фэнси. Она бросила наушники на кровать.

– Это мое, – сказала Эйвери, стаскивая блузку с вешалки. – И эта юбка. И это. – Она сняла ремешок с крючка.

Не найдя более ничего в шкафу, она направилась к туалетному столику Фэнси, который был завален обертками от конфет, фольгой от жвачки, флаконами духов и таким количеством косметики, что хватило бы на целый магазин.

Эйвери подняла крышку лакированной шкатулки и стала рыться в серьгах, браслетах, бусах и кольцах. Она нашла серебряные серьги, отсутствие которых обнаружила в Хьюстоне, браслет, часы.

Это были недорогие часы, так, бижутерия, но их ей купил Тейт. Они бродили по универмагу во время перерыва предвыборной поездки. Она увидела часы, заметила, как красив у них браслет в форме аллигатора, и Тейт заплатил за них.

Эйвери дорожила ими потому, что он купил их для нее, а не для Кэрл. Сегодня утром она обнаружила, что они пропали из ее шкатулки. Оттого-то ей и пришлось прервать совещание в поисках Тейта. Поскольку он сам отказался посоветовать ей, как быть с kleptomанией Фэнси, она взяла дело в свои руки.

– Ты мерзкая воровка, Фэнси.

– Я не знаю, как все эти вещи попали в мою комнату, – сказала Фэнси надменно.

– Ты мерзкая лгунья!

– Может быть, Мона...

– Фэнси! – закричала Эйвери. – Ты уже неделями тащишь мои вещи. Я знаю это. Не отрицай. Ты оставляешь следы.

Фэнси взглянула на обертку от жвачки, которая сейчас лежала на кровати:

– Ты скажешь дяде Тейту?

– Ты хочешь, чтобы я это сделала?

– Нет, конечно. – Она шлепнулась на кровать и стала изо всех сил трясти пузырек с лаком. – Делай что хочешь, только выйди из моей комнаты.

Эйвери уже собиралась уйти, но передумала. Она вернулась и села на кровать, сняла серебряные серьги, положила их в ладонь Фэнси и накрыла своей рукой.

– Возьми их себе. Я отдала бы их тебе, если бы ты попросила.

Фэнси отшвырнула серьги:

– Я не нуждаюсь в твоей чертовой благотворительности. – Ее красивые голубые глаза стали уродливыми от ненависти. – Кто ты такая, чтобы отдавать мне свои обноски? Мне не нужны твои серьги и ничего другого от тебя.

Эйвери выдержала атаку.

– Я верю тебе. Тебе не нужны ни серьги, ни все это. – Она кивнула на свои вещи, которые лежали рядом. – Ты хотела, чтобы тебя поймали.

Фэнси хмыкнула:

– Ты слишком долго была на солнце, тетя Кэрол. Солнце вредно для твоего прооперированного лица. Оно может растаять.

– Тебе не удастся меня оскорбить, – сказала Эйвери мягко. – Ты не сможешь, потому что я тебя понимаю.

Фэнси угрюмо взглянула на нее:

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе нужно мое внимание. Ты получала его, ворюя у меня. Так же как ты добивалась внимания родителей, делая то, что они бы не одобрили.

– Трахаясь с Эдди?

– Трахаясь с Эдди.

Фэнси была озадачена тем спокойствием, с которым Эйвери повторила ее дерзкие слова. Однако она быстро пришла в себя.

– Ты, небось, чуть не лопнула, когда увидела, как я выходила из его номера в отеле. Ты не знала, что я в Хьюстоне?

– Он слишком стар для тебя.

– Мы так не считаем.

– Он пригласил тебя в Хьюстон?

– Может, да, а может быть, и нет. – Она брызнула фиксатор на лак на ногтях и пошевелила ими, наслаждаясь своей работой.

Соскочив с постели, она направилась к ящику и вытащила бикини. Затем стянула с себя ночную рубашку. Ее тело было покрыто царапинами и ссадинами. Ее крепенькие ягодицы были все исполосованы. Эйвери отвернулась, ей стало нехорошо.

– У меня еще никогда не было такого любовника, как Эдди, – задумчиво проговорила Фэнси, натягивая трусики.

– Да? И какой же он любовник?

– А то ты не знаешь.

Эйвери промолчала. Она не знала, спала ли Кэрол с лучшим другом своего мужа.

– Он превосходный. – Она нацепила лифчик и наклонилась к зеркалу, выбрала помаду и накрашила губы. – Завидуешь?

– Нет.

В зеркале они встретились глазами. Фэнси глядела скептически:

– Дядя Тейт так и спит в другой комнате?

– Это не твое дело.

– Не мое, – зло ухмыльнулась она, – до тех пор, пока ты не спишь с Эдди.

– Звучит очень собственнически.

– Он больше ни с кем другим не спит. – Она согнулась в талии и перебросив вперед густые светлые волосы, стала расчесывать их щеткой.

– Ты в этом уверена?

– Я уверена. У него не остается больше сил.

– Расскажи мне о нем.

Фэнси перекинула волосы на один бок и лукаво посмотрела на Эйвери снизу вверх.

– Я поняла. Не ревнуешь, но интересуешься.

– Возможно. О чем вы с Эдди разговариваете?

– А о чем ты говоришь с мужиками? – Она громко рассмеялась. – Кстати, не найдется у тебя немного травки?

– Нет.

– Я так и думала, – выпрямляясь и откидывая волосы назад, сказала она с отвращением. – Дядя Тейт вышел из себя, когда поймал нас за этим. Интересно, как бы он себя повел, если бы застал нас с тем ковбоем?

Эйвери побледнела и отвернулась.

– Я больше этим не занимаюсь, Фэнси.

– Правда нет? – Фэнси казалась действительно удивленной.

– Правда нет.

– Знаешь, когда ты вернулась из больницы, я думала, ты все притворяешься. Играешь, будто стала ходячей добродетелью. А сейчас я вижу, что ты действительно переменилась с той катастрофы. Что случилось? Ты боишься умереть и попасть в ад?

Эйвери перевела разговор на другое:

– Эдди, конечно, рассказывает о себе. Где он вырос? Из какой он семьи?

Фэнси, уперев руки в бока, странно взглянула на Эйвери:

– Ты так же, как и я, знаешь, где он вырос. В каком-то захудалом городишке в Панхэндле. Ты что, не помнишь, у него же не было семьи, кроме бабушки, которая умерла, еще когда дядя Тейт был в университете.

– Чем он занимался до работы с Тейтом?

Фэнси уже стала раздражаться от вопросов:

– Слушай, мы трахаемся, а не разговариваем. Я хочу сказать, что есть вещи, которые касаются только его.

– Например?

– Он терпеть не может, когда я трогаю его вещи. Однажды ночью я полезла в ящик, искала рубашку, чтобы накинуть на себя. Он так разорвался, орал «не ройся в моих вещах». Я и не стала. Я не лезу. Каждый хочет, чтобы в его дела не лезли.

– Он никогда не говорил, чем занимался после Вьетнама, до тех пор пока не вернулся в Техас?

– Единственное, о чем я его спрашивала, был ли он женат. Он сказал, что нет. Он сказал, что долго искал себя. Я спросила: «Что, потерялся?» Я сказала это в шутку, а он вдруг так странно посмотрел на меня и пробормотал что-то вроде: «Ну да, было дело».

– Что, по-твоему, он хотел этим сказать?

– Я думаю, это было после войны, – проговорила неуверенно Фэнси.

– Почему?

– Может быть, потому, что дядя Тейт спас ему жизнь после того, как их самолет разбился, и дядя Тейт тащил его на себе в джунглях, пока они не встретили лесоруба, который их подобрал. Если ты видела его голым, то запомнила шрам у него на спине. Довольно жуткий. Его, должно быть, здорово разукрасили, когда они попали в плен к вьетконговцам. Эдди умолял, чтобы дядя Тейт оставил его умирать, но дядя Тейт не бросил.

– Я думаю, он понимал, что Тейт этого не сделает! – воскликнула Эйвери.

– Ты же знаешь лозунг летчиков-истребителей: «Лучше умереть, чем потерять лицо». Эдди, вероятно, слишком близко принял это к

сердцу. Дядя Тейт был героем, Эдди просто раненым. Должно быть, его это до сих пор грызет.

– Откуда ты все это знаешь, Фэнси?

– Ты что, издеваешься? Ты разве не помнишь, что дедушка часто говорил об этом?

– Конечно, но ты знаешь столько подробностей...

– Не больше, чем ты. Все, я иду в бассейн. Ты не возражаешь?

Она прошагала к двери и негостеприимно распахнула ее. Эйвери последовала за ней:

– Фэнси, если в следующий раз тебе что-нибудь понадобится, спроси у меня. – Фэнси закатила глаза, но Эйвери проигнорировала эту дерзость. Тронув девушку за плечо, она добавила: – И будь осторожна.

– С чем?

– С Эдди.

– Она велела мне быть с тобой поосторожней.

Комната в гостинице была дешевой, пыльной и сырой. Но Фэнси, жуящая куриную ножку, казалось, этого не замечала. За последние несколько недель она привыкла к этому убогому убранству.

Ей хотелось бы встречаться с Эдди в более элегантной гостинице, но «Сайдвиндер инн» находилась как раз на полпути из штаба избирательной кампании на ранчо, поэтому была удобна для встреч по дороге домой. Гостиница была убежищем для всякого рода тайных любовников. Комнаты в ней сдавались по часам. Персонал был снисходительный – от безразличия, а не от отзывчивости.

Поскольку Фэнси и Эдди работали сегодня допоздна, то сейчас они ужинали жареным цыпленком прямо на помятых простынях и обсуждали Кэрл Ратледж.

– Осторожней со мной? – удивился Эдди. – Но почему?

– Она сказала, что незачем иметь дело с мужчиной настолько старше себя, – сказала Фэнси, откусывая кусок мяса. – Но я думаю, причина не в этом.

Эдди разломил крылышко:

– В чем же причина?

– Причина в том, что она умирает от ревности. Она хочет казаться добропорядочной женой для дяди Тейта, на случай, если он победит и отправится в Вашингтон. Но на случай, если он проиграет, она хочет

иметь кого-нибудь про запас. Даже если она делает вид, что все не так, я-то знаю, как она тебя хочет. – Она игриво постучала по его груди куриной ножкой.

Эдди не откликнулся. Нахмурившись, он смотрел перед собой:

– Плохо, что она знает о нас.

– Давай не будем больше по этому поводу ссориться. Я же не нарочно. Я просто вышла из комнаты, а она тут как тут, прижимает к себе миску со льдом, и вид такой, будто язык проглотила.

– Она сказала Тейту?

– Не думаю.

Золотисто-коричневая крошка упала ей на голый живот, она облизала палец, подобрала крошку и отправила ее в рот.

– Скажу тебе больше, – таинственно прошептала она, – я думаю, она не в себе.

– Что ты имеешь в виду?

– Она задает глупые вопросы.

– Какие, например?

– Вчера я обмолвилась кое о чем, что она, даже если была контуженой, не должна бы забыть.

– О чем же?

– Ну, – протянула Фэнси, проводя по губам почти обглоданной косточкой, – тогда с соседнего ранчо покупали лошадей у деда. Когда пришел конюх, никого поблизости не было. Я и затащила его в конюшню. Он был великолепен.

– Я себе представляю, – насмешливо сказал Эдди. – При чем тут Кэрол?

– Она застала нас в тот момент, когда мы трахались как кролики. Ну, я думаю, все. Ведь это было три года назад, и мне только исполнилось 17. Но Кэрол и парень сразу поняли друг друга. И через минуту она уже была голая и кувыркалась с нами в сене.

Она стала обмахиваться косточкой, как веером.

– Боже, это была фантастика! Но когда я заговорила об этом вчера, она так на меня посмотрела, будто ее сейчас стошнит. Хочешь еще курицы?

– Нет, спасибо.

Фэнси засунула уже обглоданную косточку в корзинку и вытащила последнюю куриную ножку. Эдди схватил ее за лодыжку

сильными пальцами:

– Ты не выдала ей моих секретов?

Она засмеялась и пнула его босой ногой.

– Я не знаю ни одного твоего секрета.

– Что же вы с Кэрол говорили обо мне?

– Я просто сказала ей, что ты мой лучший мужчина. – Она поцеловала его масляными губами. – Это ты сам знаешь. Он у тебя такой крепкий, как сталь. Ты вообще очень меня возбуждаешь, есть в тебе что-то таинственное, даже опасное.

Это его развеселило:

– Доедай курицу. Пора домой.

Фэнси обняла его за шею и крепко поцеловала. Не отрывая от него губ, прошептала:

– Я раньше никогда не пробовала сзади.

– Я знаю.

Она резко откинула голову назад:

– Я все хорошо делала?

– Замечательно. Но признайся, это было для тебя неожиданностью?

– Я люблю неожиданности.

Эдди, придерживая рукой ее затылок, горячо поцеловал.

Они упали навзничь в нечистые, кисло пахнущие подушки.

– В следующий раз, когда тетя Кэрол начнет спрашивать тебя обо мне, – сказал он, натягивая презерватив, – скажи ей: не твое собачье дело. – И он вошел в нее.

– Да, да, Эдди, – проговорила она, постукивая его по спине куриной косточкой, которую все еще держала в руке.

– О, черт, – сказал Вэн Лавджой. Он сделал последнюю затяжку и чуть не обжег себе кончики пальцев. – Я не особо силен в шантаже, а то бы я...

– Ты пытался ее шантажировать? – Айриш посмотрел на оператора с возмущением. – Говоря о встрече с Эйвери, ты не упомянул об этом.

– Все в порядке, Айриш. – Эйвери мягко похлопала старика по руке. Легко усмехнувшись, она добавила: – Злитесь на нас, что не раскрыли ему секрет.

– Не шути так. У меня от этого секрета хроническое несварение желудка. – Айриш поднялся, чтобы налить себе еще виски из бутылки на кухонном столе.

– Ну-ка дай мне тоже, – сказал ему Вэн. Затем он повернулся к Эйвери: – Айриш прав. Ты увязла в дерьме и не замечаешь этого.

– Я знаю.

– Думаешь, выгребешь?

Она покачала головой.

– Ты что, чокнутая? Зачем делать такую глупость?

– Ты ему скажешь или я? – спросила она Айриша, когда тот вернулся и сел на диван. – Тебе карты в руки.

Пока Айриш и Вэн пили виски, Эйвери поведала свою невероятную историю еще раз. Вэн слушал внимательно, недоверчиво поглядывая на Айриша, который в подтверждение се слов кивал седой головой.

– Ратледж не знает? – спросил Вэн, когда она подошла к последним событиям.

– Никто не знает. По крайней мере, насколько мне известно.

– Кто же предатель в лагере?

– Еще не знаю.

– Ты получила от него еще что-нибудь?

– Да, вчера получила записку.

– Какую?

– Практически такую же, как первая, – ответила она уклончиво, стараясь не глядеть в пронизательные голубые глаза Айриша.

...Она нашла записку в ящике с бельем. Там было написано:

«Ты переспала с ним. Отлично. Он обезоружен».

Ей было неприятно думать об этом незнакомце, который, как оказалось, был в курсе того, что произошло в «Адольфусе». Обсуждали ли что-то Тейт с приятелями, или этот человек так близок Тейту, что может почувствовать настроение и разобраться в причинах. Очевидно, ей следовало радоваться, что Тейт не отнесся к этому акту, как к любовному, с ее стороны...

– Кем бы он ни был, – сказала она своим друзьям, – он по-прежнему намерен сделать это. – Мурашки побежали у нее по коже. – Но я не думаю, что он сам совершит убийство. – Она с трудом произнесла это слово. – Я думаю, кого-то наняли сделать это. Ты принес кассеты, о которых я просила?

Вэн кивнул на край стола, куда положил видеозаписи за несколько минут до прихода Эйвери.

– Айриш передал мне твою записку.

– Спасибо, Вэн, – поднявшись, она взяла кассеты, направилась к магнитофону и включила его. Затем она вставила кассету и вернулась на диван, держа в руке пульт. – Это все, что ты снял во время поездки?

– Ага. От прилета в Хьюстон до возвращения домой. Раз мы будем смотреть неотредактированные, сырые записи, мне надо выпить.

– В следующий раз придешь со своей бутылкой, – проворчал Айриш вслед уходящему на кухню Вэну.

– Заткнись, Маккейб.

Пропустив оскорбительное замечание мимо ушей, Айриш наклонился вперед и уперся локтями в колени. На экране появился Тейт, сходящий по трапу. Рядом с ним Эйвери и Мэнди. Все остальные на заднем плане.

– Ребенок здесь, а где же родители? – спросил Вэн, вернувшийся со стаканом виски.

– Они ехали на машине. Зи наотрез отказывается летать.

– Забавно для жены военного летчика.

– Не очень. Нельсон участвовал в бомбардировках Кореи, когда она одна с маленьким Джеком оставалась дома. Затем он был испытателем. Я думаю, она боялась остаться вдовой. Приятель Нельсона погиб, когда самолет разбился. Тейта называли в его честь.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я отправился в офис Тейта, якобы поменять рамки у фотографий. Мне удалось расспросить секретаршу о людях, изображенных...

– Стоп! Стоп!

Сообразив, что пульт у нее в руках, Эйвери остановила пленку, перемотала в обратную сторону и запустила вновь. Тихо со страхом произнесла:

– Он был в аэропорту, когда мы прилетели в Хьюстон.

– Кто? – хором спросили Вэн и Айриш.

Эйвери снова перемотала пленку.

– Вэн, это все еще аэропорт Хобби?

– Да.

– Вон, видишь, седой. В желтой тенниске.

– Где? Я не вижу, – проворчал Айриш.

– И что он? – спросил Вэн.

Эйвери перемотала пленку.

– Можно остановить?

– Да, черт возьми! – Айриш выхватил пульт у нее из рук. – Скажи когда, я не видел.

– Сейчас!

Он нажал на кнопку и остановил запись. Эйвери села на колени перед экраном и показала Айришу того человека. Он стоял сзади, сбоку.

– Он был в нашей гостинице, – сказала она, и эта мысль ее поразила. – Мы торопились на митинг, и он задержал для нас лифт.

Потому-то она и заметила его в Мидленде. Она только что видела его в Хьюстоне, но еще не успела сообразить, что потный мужчина, выходящий из спортивного зала гостиницы, и человек в ковбойском костюме – одно и то же лицо.

– Ну и?

– Он был и в Мидленде. Он был в аэропорту, когда мы приземлились. Позже я видела его в Далласе, в Саутфорке, на обеде по

сбору средств для предвыборной кампании.

Вэн и Айриш озабоченно переглянулись.

– Может быть, совпадение?

– Ты действительно так думаешь? – сердито спросила Эйвери.

– Ну ладно, возможно, он рьяный сторонник Ратледжа, следующий повсюду за своим кумиром...

– Он не состоит в штабе.

– Ты не можешь знать всех его членов.

– Я почти уверена, – сказала она. – Я практически каждый день бывала в штабе избирательной кампании, с тех пор как мы вернулись, но я не видела его среди добровольных помощников. К тому же он никогда не приближался к нам, а был всегда где-то в толпе, с краю.

– Ты делаешь поспешные выводы, Эйвери.

– Нет! – Возможно, это было сказано самым резким тоном, каким она когда-либо говорила с Айришем. Это неприятно удивило их обоих, но она лишь слегка смягчила тон, продолжая: – Я знаю, что ты думаешь, но ты не прав.

– Что же я думаю?

– Что я увлеклась, делаю поспешные выводы, не проверив факты, реагирую эмоционально, а не думаю.

– Ты сама это сказала. – Вэн откинулся на спинку дивана и поставил стакан с виски на свой впалый живот. – С тобой это случалось и раньше.

Эйвери взяла себя в руки.

– Давайте посмотрим все записи и увидим, ошибаюсь ли я.

Закончилась последняя пленка, экран засветился, и наступила тишина, нарушаемая лишь свистом перемотки.

Эйвери поднялась и повернулась к ним лицом. Она не стала тратить времени на доказательства своей правоты. Записи говорили сами за себя. Этот человек был почти на каждой пленке.

– Он знаком кому-нибудь из вас?

– Нет, – сказал Вэн.

– Он был во всех городах, где мы были. – Эйвери заговорила громче. – И вечно скрывался где-то на заднем плане.

– Не скрывался, а стоял, – поправил Айриш. – Стоял и пристально смотрел на Тейта.

– Как и ты, большую часть времени, – прибавил Вэн. – Это же не значит, что ты собираешься его убить.

Она медленно подняла глаза на него:

– Не кажется ли тебе странным, что человек сопровождает кандидата в сенаторы во всех его поездках, не являясь членом избирательного комитета?

Они переглянулись, пожав плечами.

– Это странно, – уступил Айриш. – Но у нас нет его фотографии с пальцем на спусковом крючке.

– Ты видела его на заводе «Дженерал моторс»? – поинтересовался Вэн.

– Нет.

– Это была самая большая враждебно настроенная аудитория, к которой Тейт обращался, – сказал Айриш. – Разве не удачное место, чтобы выполнить задуманное?

– Возможно, бросивший бутылку опередил его.

– Но ты сказала, что не видела Седого там, – сказал Вэн.

Эйвери прикусила губу, чтобы сосредоточиться. Этот день в ее памяти всплывал в каком-то тумане. Она хорошо помнила лишь Тейта, сидящего в маленькой комнате в больнице, в рубашке, перепачканной кровью. Рана болела потом несколько дней. А маленький шрам от нее остался под волосами. Она содрогнулась при мысли, что могло бы случиться, если бы Седой...

– Я вспомнила! – воскликнула она. – Я читала программу перед отъездом из гостиницы, – проговорила она в волнении. – Поездка на завод «Дженерал моторс» не была там упомянута. Ее втиснули позже. Никто, кроме Эдди, Джека и профсоюзных боссов на заводе не знал, что мы там будем. Поэтому, даже если Седой перехватил программу, он не мог знать, что Тейт собирается в Арлингтон.

– Вы оба так спокойно говорите о нем, будто это ваш школьный кореш, – сварливо возразил Айриш.

– Слушай, Эйвери, дело принимает опасный поворот. Скажи Ратледжу, кто ты, что ты подозреваешь, и отваливай.

– Я не могу. – Она остановила учащенное дыхание и мягко повторила. – Я не могу.

Они спорили с ней еще полчаса, но ничего не добились. Она перечислила им причины, по которым сейчас не могла его оставить, и

отвергла их аргумент, будто делает это только ради известности, которую ей принесет вся эта история, когда она кончится.

– Разве вы не понимаете? Я нужна Тейту и Мэнди. Я не оставлю их до тех пор, пока они не будут в безопасности, – и кончено.

Она торопилась, времени у нее было мало, собираясь, она крепко обняла их.

– Я буду чувствовать себя спокойнее, зная, что ты рядом, – сказала она Вэну. Айриш обещал ей, что направит Вэна для постоянной работы на избирательной кампании Ратледжа. – Будь моей второй парой глаз. Просматривай толпу. Дай мне сразу же знать, если заметишь Седого.

– Но уж, пожалуйста, оставьте ваши дурацкие клички, – засмеялся Айриш, заключая ее в медвежьи объятия. – У меня от тебя болит в печенках, – добавил он ворчливо. – Но я все равно не хочу потерять тебя снова.

– Не потеряешь. – Она обняла его и поцеловала в щеку.

Вэн сказал:

– Не подставляйся.

– Не буду. Обещаю.

Она быстро вышла и поспешила домой. Но опоздала.

– Знакомая картина, – злобно выпалил Тейт, встретив Эйвери у дверей в спальню Мэнди. – Хожу здесь взад-вперед, не зная, где ты болтаешься.

Едва отдышавшись, она вошла в комнату и села на край кровати. Мэнди спала, но на щеках ее видны были следы слез.

– Прости. Зи сказала мне, что у нее снова был кошмар.

Мать Тейта ждала ее в холле, когда она вошла.

Тейт казался встревоженным даже больше, чем Зи. Лицо его было усталым, волосы всклокочены.

– Это случилось час назад. Сразу после того, как она уснула.

– Она что-нибудь помнила? – Эйвери взглянула на него с надеждой.

– Нет, – ответил он сухо. – Ее разбудил собственный крик.

Эйвери погладила Мэнди по волосам и проговорила:

– Мне нужно было быть с тобой.

– Конечно же, черт возьми. Она звала тебя, где ты была?

– У меня были дела. – Его высокомерный тон задевал ее, но сейчас ее больше волновал ребенок, а не споры с Тейтом. – Я посижу с ней.

– Нет. Люди из «Вейкли и Фостер» ждут.

– Кто?

– Консультанты, которых мы наняли для ведения кампании. Мы прервали встречу из-за кошмара Мэнди, а их время дорого стоит. Мы заставили их долго ждать.

Он вывел ее из спальни Мэнди и подтолкнул к двери, выходящей во двор. Эйвери было запрямылась.

– Что тебя больше волнует – состояние дочери или эти важные персоны?

– Не испытывай моего терпения, – процедил он сквозь зубы, – я был здесь, чтобы утешить ее, а тебя не было.

Она уступила этому аргументу, виновато потупив взгляд.

– Я думала, ты против профессиональных консультантов в твоей кампании.

– Я передумал.

– Эдди и Джек за тебя передумали.

– Они внесли свою лепту, но окончательное решение принимал я.

В любом случае они уже здесь, и надо обсудить с ними стратегию.

– Тейт, подожди минуту, – сказала она, положив руку ему на грудь, когда он подошел ближе. – Если ты не чувствуешь, что это тебе нужно, скажи нет сейчас. До сегодняшнего дня эта кампания держалась на тебе – на том, кто ты и за что ты. Что, если эти так называемые эксперты попытаются изменить тебя? Ведь даже лучшие из них могут быть не правы. Пожалуйста, не позволяй заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь.

Он оттолкнул ее руку:

– Если бы меня можно было заставить что-то сделать, то я давно бы развелся с тобой. Меня убеждали сделать именно это.

На следующее утро, выйдя из ванны, завернутая в банную простыню, она стояла перед зеркалом и вытирала волосы полотенцем. Ей показалось, что она заметила движение в спальне через неплотно прикрытую дверь. Первой мыслью было, что это, возможно, Фэнси. Она распахнула дверь, но тут же отступила:

– Джек!

– Извини, Кэрол. Я подумал, ты слышала стук.

Он стоял уже далеко от двери комнаты. Если бы он постучал, она бы не позволила ему войти. Он лгал. Он не постучал. Скорее от гнева, чем от смущения, она плотнее обернула простыню вокруг себя.

– Чего тебе надо, Джек?

– Ребята оставили это для тебя.

Не отводя от нее глаз, он положил пластиковую папку на кровать.

Под этим пристальным взглядом она почувствовала себя неловко. Взгляд был похотливым и одновременно язвительным. Простыня не закрывала ее плеч и ног. Интересно, мог ли он отличить ее тело от тела Кэрол. Знал ли он, как выглядело тело Кэрол?

– Какие ребята? – спросила она, стараясь не обращать внимания на неловкость.

– Из «Векли и Форстер». Вчера вечером они не успели передать это тебе, перед тем как ты ушла со встречи.

– Я не уходила. Я пошла проверить Мэнди.

– И осталась там до их ухода.

Она не ответила.

– Тебе они не нравятся, да?

– Раз ты спросил, то нет. Удивляюсь, что они нравятся тебе.

– Почему?

– Потому что они узурпируют твои обязанности.

– Они работают на нас, а не наоборот.

– Мне так не показалось, – сказала она, – Они слишком авторитарны и требовательны. Мне не нравится такая манера, и я удивлюсь, если Тейт сможет терпеть их достаточно долго.

Джек рассмеялся:

– Боюсь, что с таким отношением тебе будет трудно переварить это, – и он показал на папку на кровати.

Эйвери с любопытством подошла к кровати и взяла папку. Открыв ее, она пробежала глазами первые страницы.

– Список, что можно и чего нельзя делать жене кандидата.

– Так точно, миссис Ратледж.

Она захлопнула папку и бросила ее на кровать.

– Я рад, что я лишь мальчик на посылках. Эдди озверееет, если ты не прочитаешь и не усвоишь всего, изложенного здесь.

– Пусть Эдди убирается к чертям. И ты туда же. И все те, кто хочет превратить Тейта в целующий младенцев и пожимающий руки автомат, который может произнести гладкую фразу, не имеющую никакого смысла.

– Ты стала самой яркой его сторонницей, верно? Вдруг готова для него на все.

– Да, черт возьми!

– Кого ты хочешь провести, Кэрл?

– Я его жена. Когда ты в следующий раз захочешь меня видеть, стучи громче.

Он решительно двинулся на нее. Лицо его горело от гнева.

– Выступай перед кем хочешь, но когда мы одни...

– Мамочка, я тебе нарисовала рисунок, – вошла Мэнди, помахивая листом чертежной бумаги.

Джек глянул на Эйвери, повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Она поздравила себя с тем, что хорошо держалась. Но сейчас

колени ее ослабели, и она опустилась на край кровати, крепко прижав к себе Мэнди. Трудно было понять, кто в ком сейчас нуждался больше.

– Мамочка!

– Что ты нарисовала, дай посмотреть. – Эйвери отпустила ее и стала рассматривать цветные пятна на листе. – Здорово! – сказала она, тепло улыбаясь.

За несколько недель, прошедших с визита к доктору Вебстеру, Мэнди сделала огромные успехи. Она постепенно вышла из раковины, в которую сама спряталась. Ее ум ожил. Маленькое крепкое тельце излучало энергию. Хотя ее уверенность в себе была еще хрупкой, но уже не настолько, как прежде.

– Это папочка, – сказала она, показывая на голубое пятно.

– Понимаю.

– Можно мне жвачку? Мона велела спросить тебя.

– Да, можно одну, только не глотай. Когда будет невкусно, принеси ее мне.

Мэнди поцеловала ее влажными губами:

– Мамочка, я тебя люблю.

– И я тебя. – Эйвери крепко прижала ее к себе. Она сидела с ней в обнимку до тех пор, пока девочка не высвободилась и не убежала за жвачкой.

Эйвери проводила ее до двери. Она решила запереться. В доме были люди, от которых хотелось запереться. Но были и такие, для которых надо держать дверь открытой. Например, Мэнди. И еще Тейт.

Вэн открыл банку с тунцом и взял ее с собой к видео-блоку. Наконец его желудок подал сигнал в мозг, что ему жизненно необходимо подкрепление. Иначе бы он и не вспомнил о еде, так был занят. Относительно чистой ложкой он засовывал в рот ломтики тунца в масле.

Зажав ложку с тунцом во рту, он освобождал руки и одной вынимал кассету из одного магнитофона, а другой уже ставил другую кассету в другой магнитофон. Действуя таким образом, он напоминал хорошо координированного осьминога. Положив в коробку с наклейкой первую кассету, он сейчас был занят просмотром второй. На экране сначала появились цветные полосы, потом пошла запись.

Вэн проглотил пищу, которая все еще была у него во рту, взял сигарету, глотнул виски, потом еще кусочек тунца и откинулся в рабочем кресле, положив ноги на край стола.

Он просматривал запись, которую сделал несколько лет назад для телевизионной станции в Де Мойне. Фильм был о детской порнографии. Это не была смягченная, отредактированная версия, которая потом вышла в эфир. Это была его собственная копия, содержащая каждый метр записи за 12 недель. Он сопровождал продюсера, репортера, звукооператора, Она была одной из сотен в его личной видеотеке.

Однако ничто из увиденного пока не подтвердило его интуитивного чувства, что он видел раньше кого-то из окружения Ратледжа, но это был не Седой, которого подозревала Эйвери. Вэн даже не знал, что он ищет, но с чего-то надо было начать. И он не остановится, пока не найдет то, что ищет – что бы «это» ни было. Пока он не вернулся к кампании Ратледжа, он мог тратить свое время как угодно – или провалиться ко всем чертям. А это он всегда успеет сделать позже.

– Где Эдди? – спросил Нельсон, восседающий во главе стола.

– Ему пришлось задержаться, – ответил Тейт. – Он просил не ждать его к ужину.

– Похоже, мы уже никогда не соберемся к ужину все вместе, – нахмурившись, заметил Нельсон. – Дороти-Рей, где твоя дочь?

– Она... она... – Похоже, она не знала, где дочь.

– Она была еще в штабе, когда я уходил, – пришел на помощь свояченице Тейт.

Джек улыбнулся родителям:

– Она проводит там много времени, да, мама?

– Работа ей на пользу.

– Это поначалу, – проворчал Нельсон.

Эйвери, сидящая наискосок от Джека, молчала. Она сомневалась, что Фэнси проводила все время в штабе за работой... Казалось, только она одна придавала значение тому, что Фэнси и Эдди часто возвращались вместе поздно.

Мэнди попросила намазать ей рогалик маслом. Когда Эйвери закончила и подняла глаза, она заметила, что Джек смотрит на нее. Он

улыбался, будто бы они вдвоем знали некий секрет.

Эйвери отвернулась и уставилась в тарелку, пока разговор не касался ее.

Фэнси вошла несколько минут спустя и шлепнулась на стул. Ее поза, равно как и лицо, выражали полнейшее неудовольствие.

– Ты ничего не хочешь сказать обществу, милая леди? – жестко спросил Нельсон.

– Черт побери, цветная капуста, – проворчала она, отпихнув блюдо на другой край стола.

– Я не желаю слышать таких выражений! – загремел Нельсон.

– Я забыла! – резко выкрикнула она.

Его лицо побагровело от злости:

– И не собираюсь мириться с подобными манерами.

Он бросил многозначительный взгляд на Джека, который покачал головой, и Дороти-Рей, которая потянулась за бокалом вина.

– Веди себя прилично. Сядь прямо и ешь!

– А что здесь есть? – заныла Фэнси.

– Как тебе не стыдно, Фэнси!

– Знаю, знаю, дедушка, что дети в Африке голодают. Прибереги проповедь для другого раза, хорошо? Я иду в свою комнату.

– Ты останешься здесь! – рявкнул он. – Ты член семьи, а в этой семье все ужинают вместе.

– Не надо кричать, – сказала Зи, дотрагиваясь до его рукава.

Фэнси едва сдержала негодование. Она с вызовом посмотрела на деда, презрительно на родителей, но осталась на месте.

Будто ничего не произошло, Нельсон возобновил разговор, прерванный при появлении Фэнси.

– Ребята из «Вейкли и Фостер» планируют еще одну поездку для Тейта. – Он сказал это для женщин, которые не присутствовали на встрече.

Эйвери посмотрела на Тейта.

– Я узнал об этом только сегодня, – сказал он виновато. – И у меня не было времени сказать тебе об этом раньше. Ты получишь программу.

– Куда мы едем?

– Да почти по всем закоулкам этого штата.

Зи промокнула салфеткой рот:

– Сколько времени вас не будет?

– Чуть больше недели.

– Не волнуйся о Мэнди, Кэрол. Дедушка о ней позаботится.

Правда, Мэнди?

Девочка улыбнулась Нельсону и кивнула. Она всегда с радостью оставалась с ними. Обычно Эйвери не возражала. Но у Мэнди был ночной кошмар – второй за неделю. Если вот-вот должен наступить кризис, то Эйвери хотела быть рядом. Мэнди могла бы поехать с ними. Это следовало обсудить с Тейтом, прежде чем отправляться в поездку.

Внезапно под арочным сводом дверей показался Эдди. Мона, которая убирала со стола после горячего, сказала, что его ужин еще теплый.

– Я сейчас принесу.

– Не беспокойтесь. – Он оглядел всех за столом. – Мне придется поесть позже.

У Фэнси сразу же улучшилось настроение. У нее засветились глаза, надутые губы растянулись в улыбке. Она выпрямилась и взглянула на него с нежностью и восхищением.

– Простите, что прерываю ваш ужин, – начал он.

Нельсон понимающе помахал рукой.

– Я вижу, ты огорчен чем-то.

Эйвери подумала, что это мягко сказано. Эдди был в бешенстве.

– Что-нибудь случилось? Нас обошли по опросам?

– Что-то не так?

– Боюсь, что да, – сказал Эдди, отвечая на последний вопрос, который задала Зи. – Ральф и Дерк пришли со мной, но я просил их подождать в гостиной, пока не поговорю с семьей.

Ральф и Дерк были люди из «Вейкли и Фостер», консультирующие кампанию Тейта. Их имена теперь часто упоминались в разговорах, что страшно раздражало Эйвери, потому что далее всегда говорилось то, к чему она относилась крайне отрицательно.

– В чем же дело? – нетерпеливо спросил Нельсон. – Выкладывай плохие новости сразу.

– Это касается Кэрол.

Все взгляды устремились на нее, сидящую между Тейтом и Мэнди.

– Врач, делавший ей аборт, собирается все рассказать.

Качество, необходимое летчику-бомбардировщику, – не ломаться ни под каким давлением. Нельсон не сломался. Эйвери потом вспоминала его выдержку, перебирая в памяти те минуты, когда она с замиранием сердца выслушала заявление Эдди.

Ей было странно, что он ничего не ответил, потому что сама она чувствовала себя так, словно вот-вот развалится на куски. Она не могла ни говорить, ни двигаться, ни даже думать. Ее мозг отказался функционировать. Казалось, земля ушла у нее из-под ног и она летит в невесомости черного безвоздушного пространства.

Нельсон энергично отодвинулся вместе со своим стулом от стола и поднялся:

– Я думаю, следует перенести обсуждение этого вопроса в гостиную.

Зи, бледная как полотно, но такая же решительная, как муж, встала за ним:

– Мона, сегодня не нужно десерта. Посмотри, пожалуйста, за Мэнди. Мы будем заняты некоторое время.

Дороти-Рей потянулась за бокалом с вином. Джек взял его у нее из рук и поставил обратно на стол. Он подхватил ее под локоть, поднял со стула и потащил в холл. Фэнси шла за ними. Внутри у нее все кипело от любопытства.

Когда они дошли до арочного проема, Джек сказал дочери:

– Ты в это не лезь.

– Ну вот еще. В первый раз у нас случилось что-то интересное, – сказала она с усмешкой.

– Это тебя не касается, Фэнси.

– Я тоже член семьи. Дед вот только что сказал. Кроме того, я работаю на избирательную кампанию. Я имею право участвовать в семейном совете. Больше, чем она. – И Фэнси указала на мать.

Джек порылся в карманах брюк, вытащил чек на 50 долларов и вложил его в руку Фэнси:

– Найди какое-нибудь другое занятие.

– Сукин сын, – проворчала она, уходя.

Тейт был бледен от ярости. Он медленно и аккуратно сложил салфетку, положил ее возле тарелки:

– Кэрл?

Эйвери подняла голову. Она готова была отрицать все, но ярость в его глазах остановила ее. Он твердой рукой вывел ее из столовой и провел через холл в большую гостиную.

Стояли сумерки. Из окон гостиной было видно небо на западе, расцвеченное красками заката, панорама захватывала дух. Как часто Эйвери восхищалась этим вечерним пейзажем, однако сейчас бескрайний горизонт давал ей ощущение незащищенности и одиночества.

Все до одного посмотрели на нее враждебно, когда она вошла в комнату. Особенно ожесточенными были лица двоих мужчин из фирмы по связям с общественностью.

Дерк был высокий, худой и мрачный. Он напоминал героя гангстерского фильма. Казалось, его лицо треснет, если он улыбнется.

Ральф был полной противоположностью Дерку – полный, кругленький и веселый. Он все время шутил, более ко всеобщему раздражению, чем к веселью. Когда он нервничал, то позвякивал мелочью в кармане. Сейчас монеты в его кармане гремели, как бубенцы на санях.

Эти люди не называли своих фамилий. Она полагала, что это особый прием для установления дружеских контактов с клиентами. Что касается ее, то это не сработало.

Нельсон взял на себя роль ведущего:

– Эдди, поясни, пожалуйста, то, о чем ты только что сказал в столовой.

Эдди сразу перешел к делу:

– Ты делала аборт?

Она открыла было рот, но не смогла произнести ни слова. Тейт ответил за нее:

– Да.

Зи вздрогнула, будто ее изящное тело пронзила стрела. Нельсон нахмурился. Брови его сомкнулись. Джек и Дороти-Рей уставились на Эйвери в недоумении.

– Ты знал об этом? – спросил Эдди у Тейта.

– Да.

– И ты никому не сказал?

– Это касается только нас. – Тейт зло огрызнулся.

– Когда это было? – спросил Нельсон. – Недавно?

– Нет, перед катастрофой. Незадолго.

– Великолепно, – пробормотал Эдди. – Лучше не придумаешь.

Черт вас побери!

– Как вы выражаетесь в присутствии моей жены, мистер Пэскел! – зарычал Нельсон.

– Извини, Нельсон, – выкрикнул тот, – но понимаешь ли ты, как это отразится на кампании Ратледжа, если это выйдет наружу?

– Понимаю. Но мы должны следить за собой. Что толку злостствовать сейчас. – Когда все успокоились, он произнес: – Как ты узнал об этом... аборте?

– Медсестра позвонила в штаб, чтобы поговорить с Тейтом, – рассказал Эдди. – Он уже ушел, и я взял трубку. Она сообщила, что Кэрол обратилась к ним с шестинедельной беременностью и просила сделать аборт.

Эйвери опустила на валик дивана и сложила перед собой руки.

– Мы должны обсудить это при них? – Она кивнула на парочку из фирмы по связям с общественностью.

– Пусть уйдут. – Тейт кивнул на дверь.

– Минутку, – возразил Эдди. – Им нужно знать все, что происходит.

– Но не о нашей личной жизни.

– Обо всем, Тейт, – сказал Дерк, – вплоть до дезодоранта, которым ты пользуешься. И никаких сюрпризов. Особенно неприятных. Мы вам об этом сказали с самого начала.

Тейт готов был взорваться:

– Чем угрожала сестра?

– Что расскажет прессе.

– Или?

– Или мы заплатим ей.

– Шантаж, – сказал Ральф, позванивая мелочью уже на другой мотив. – Не очень оригинально.

– Но эффективно, – сказал Эдди резко. – Мое внимание это привлекло. Ты понимаешь, что, возможно, все погубила? – набросился он на Эйвери.

Эйвери, пойманной в ловушку собственным обманом, приходилось терпеть их обвинения. Другого выхода у нее не было. Ее не заботило, что думают о ней другие. Но при мысли о чувствах Тейта, считавшего себя обманутым, ей хотелось умереть.

Эдди прошел к стойке со спиртным и налил себе виски без содовой:

– Пожалуйста, ваши предложения.

– А что доктор?

– Сестра там больше не работает.

– Ага! – Ральф перестал звенеть монетами. – Почему?

– Я не знаю.

– Выясните.

Последняя реплика принадлежала Эйвери. Она встала. Она видела лишь один способ хоть как-то оправдать себя в глазах Тейта – это помочь ему выпутаться из тяжелой ситуации.

– Выясни, Эдди, почему она больше у него не работает. Может быть, он выгнал ее за профнепригодность.

– Он? Но доктор – женщина. Боже, ты даже этого не помнишь?

– Ты хочешь помочь или нет? – накинулась на него Эйвери, пытаясь как-то замаять свою ошибку. – Если сестру уволили, то она не может выступать в качестве надежного свидетеля.

– В чем-то Кэрол права, – заметил Ральф, оглядывая суровые лица присутствующих.

– Ты заварила эту кашу, – сказал Эдди, надвигаясь на Эйвери. – Что ты теперь собираешься делать, нагло отрицать все?

– Да, – ответила она вызывающе.

Она почти услышала, как все усиленно заработали мозгами. Они всерьез обдумывали ее слова.

– А если у нее есть твоя история болезни?

– Данные можно фальсифицировать, особенно копии. Останется только мое свидетельство против ее свидетельства.

– Мы не можем лгать об этом, – сказал Тейт.

– Почему, черт возьми? – удивился Дерк.

Ральф рассмеялся:

– Ложь тоже составная часть кампании. Только лгать надо более уверенно, чем Рори Деккер. Вот и все.

– Если я стану сенатором, мне все равно придется смотреть в зеркало по утрам, – сердито сказал Тейт.

– Мне не придется лгать. И тебе тоже. Никто не узнает об аборте. – Эйвери повернулась лицом к Тейту и взяла его за руку. – Если мы объявим все это блефом, она отступится. Я почти уверена, что на местном телевидении ее не будут слушать, особенно если ее выгнали с работы.

Если «Кей-Текс», у которой самый высокий рейтинг, будет первой телевизионной станцией, на которую обратится медсестра, то Айриш Маккейб похоронит эту историю в самом зачатке. Если же к кому-нибудь другому...

Эйвери вдруг повернулась к Эдди:

– Она говорила, что кто-нибудь может подтвердить ее слова?

– Нет.

– Тогда ни один порядочный журналист не будет с этим связываться.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джек с другого конца комнаты.

– Я смотрела «И вся президентская рать».

– Бульварные газетки напечатают это и без подтверждения.

– Возможно, – согласилась она. – Но им никто не поверит. Если мы достойно проигнорируем эту скандальную историю, читатели сочтут ее омерзительной ложью.

– А если это попадет к людям Деккера? Они разнесут это от Тексарканы до Браунсвиля.

– И что с того? Это грязная история. Кто поверит, что я на такое способна?

– Почему ты сделала это?

Этот вопрос задала Зи, ошеломленная, страдающая за своего сына. Эйвери нечего было ей ответить. Повернувшись к ней, она наконец произнесла:

– Извини, Зи, это касается только меня и Тейта. Так нужно было.

Зи передернуло от отвращения.

Эдди же не интересовался сентиментальной стороной проблемы. Он шагал по ковру:

– Боже, как был бы счастлив Деккер получить такой подарок. У него есть рьяные сторонники. Просто фанатики. Я с ужасом думаю, как они могли бы это раздуть. Изобразили бы Кэрол убийцей.

– Это будет выглядеть, будто он просто поливает меня грязью, – сказала Эйвери, – до тех пор, пока он не приведет неопровержимых доказательств, чего он сделать не сможет. Симпатии избирателей будут на нашей стороне.

Дерк и Ральф посмотрели друг на друга и одновременно пожали плечами.

Дерк сказал:

– Она привела важные доводы, Эдди. Когда будешь в следующий раз говорить с медсестрой, скажи, что это блеф. Возможно, действительно она пытается взять нас на пушку и сразу испугается.

Эдди, раздумывая, прикусил щеку изнутри.

– Не знаю. Попробую.

– Но это самое лучшее, что мы можем сделать. – Нельсон встал и подал руку Зи. – Дальше сами разбирайтесь в этой мерзости. Я больше слышать об этом не желаю. – Выходя, ни он, ни Зи не взглянули на Эйвери.

Дороти-Рей направилась к бару. Джек же, злобно глядевший на жену брата, не заметил и не остановил ее.

Очевидно, никто из семьи до сегодняшнего дня не знал о беременности и аборте Кэрол. Это было шоком для всех, даже для Эйвери, которая не знала всего наверняка и проиграла, полагаясь на то, что никто ничего не обнаружит.

– Ну, какие еще свои семейные тайны ты от нас скрываешь?

Тейт развернулся и взглянул на своего брата с таким негодованием, какого он никогда и никому не выказывал. Он сжал руки в кулаки:

– Заткнись, Джек.

– Не смей затыкать ему рот, – закричала Дороти-Рей, ставя графин с водкой на стойку. – Не его вина, что твоя жена сука.

– Дороти-Рей!

– Что, не правда, Джек? Избавиться от ребенка, когда мой... мой... – Слезы навернулись ей на глаза, и она отвернулась.

Джек вздохнул. Наклонил голову и проговорил:

– Прости, Тейт.

Затем он направился к рыдающей жене, обнял ее за талию и повел из комнаты.

Несмотря на отвращение, которое она к нему испытывала, Эйвери не мог не тронуть этот добрый жест. Так же была тронута и Дороти-Рей. Она взглянула на него с благодарностью и любовью.

Дерк и Ральф, глухие к семейной драме, разговаривали между собой.

– Ты пропустишь эту поездку, – сказал Дерк Эйвери тоном, не допускающим возражений.

– Я поддерживаю, – отозвался Эдди.

– Как захочет Тейт, – сказала она.

Его лицо было бледным и непроницаемым:

– Хорошо.

Слезы уже наворачивались ей на глаза, но черта с два бы она разрыдалась в присутствии Дерка, его напарника и упрямого и хладнокровного Эдди Пэскела.

– Извините меня. – С гордо поднятой головой она вышла быстрым шагом.

Тейт пошел за ней. Он догнал ее в холле. Повернул к себе лицом:

– Где предел твоей лжи, Кэрол?

– Я понимаю, это плохо, но, Тейт...

– Плохо. – Он горько и сокрушенно покачал головой. – Если же ты сделала это, то почему не сказала прямо? Зачем лгала, что ребенка вообще не было?

– Потому что понимала, как это больно тебе.

– Дерьмо. Только о себе ты заботилась.

– Нет, – печально сказала она.

– «Скажи, что она блефует, что у нее нет свидетелей, фальсифицированные документы», – повторил он ее слова. – Если тебя поймают, ты всегда найдешь, как улизнуть. Много еще таких трюков у тебя в запасе?

– Я предложила все это, чтобы защитить тебя. Тебя, Тейт.

– Конечно. – Его губы искривила циничная усмешка. – Если ты что-нибудь хотела сделать для меня, то не сделала бы аборта. А еще лучше, если бы ты не забеременела. Или ты думала, что ребенок – это твой билет в Вашингтон?

Он внезапно отпустил ее, отняв руку, будто не желая больше до нее дотрагиваться.

– Постарайся не попадаться мне на глаза. Видеть тебя не могу!

Он вернулся в гостиную, где его ждали советники. Эйвери, прислонившись к стене, зажала рот руками, чтобы сдержать рыдания.

В новой попытке ответить за грехи Кэрол она только оттолкнула от себя Тейта.

На следующее утро Эйвери проснулась словно с похмелья. Голова гудела, глаза были опухшие, и их жгло от ночных слез. Накинув легкий халат, она пошла в ванную.

Открыв дверь, она сразу отпрянула к стене от ужаса, прочитав написанное ее губной помадой на зеркале:

«Тупая сука, ты все погубила».

Страх сначала сковал ее на мгновение, затем будто подтолкнул. Она бросилась к шкафу, наскоро оделась. Задержалась перед зеркалом лишь для того, чтобы стереть надпись, и выскочила из комнаты, будто ее преследовали демоны.

За несколько минут она оседлала лошадь. Быстрым галопом пронеслась по пастбищу, отдаляясь от красивого дома, таившего такое вероломство. Хотя первые лучи солнца согрели кожу, руки ее покрылись мурашками при мысли о том, что кто-то входил в спальню ночью.

Возможно, Айриш и Вэн были правы. Надо быть действительно безумной, чтобы продолжать этот маскарад. Она может поплатиться жизнью за мерзкие махинации другой женщины. Какой журналистский материал стоит этого? Ей нужно скрыться, пока ее не разоблачили.

Она может исчезнуть, поехать куда-нибудь, переменить имя. Она умна и энергична. Многим интересуется. Журналистика – не единственный способ приложения своей силы.

Но все это были варианты, продиктованные паникой и страхом. Эйвери знала, что не поступит так. Она не вынесет еще одного профессионального провала, тем более такого мощного. А что, если вследствие этого Тейт погибнет? Он и Мэнди сейчас значили для нее больше, чем любой успех. Она должна остаться. Выборы через несколько недель. Конец уже виден.

Из слов на зеркале она поняла, что непредсказуемость Кэрол разозлила врага Тейта. Он занервничал. Нервничающие люди

допускают ошибки. Ей нужно быть более внимательной, чтобы не пропустить его саморазоблачения и чтобы нечаянно не выдать себя.

В конюшне никого не было, когда она вернула лошадь в загон. Она расседлала ее, дала ведро корма и насухо вытерла.

– Я искал тебя.

Эйвери в страхе уронила скребницу и круто повернулась.

– Тейт! – Она приложила руку к бешено колотящемуся сердцу. – Я не слыхала, как ты подошел. Ты меня напугал.

Он стоял у входа в конюшню. Около его ног, вывалив язык, послушно сидел Шеп.

– Мэнди требует на завтрак твои французские тосты. Я сказал ей, что пойду тебя поищу.

– Я ездила кататься, – сказала она, хотя это и так было ясно.

– А куда же подевались те затейливые брючки?

– Что-что?

– Ну те... – Он похлопал себя по бедру.

– Галифе? – Ее джинсы и ботинки и впрямь нельзя было назвать затейливыми, а простую хлопчатобумажную рубашку она оставила незаправленной. – Я в них теперь чувствую себя как-то нелепо.

– А! – Он шагнул прочь.

– Тейт! – Он обернулся, и она нервно провела языком по губам. – Я знаю, что все просто в ярости из-за меня, но мне важно только твое отношение. Ты ненавидишь меня?

Шеп улегся на прохладный цементный пол конюшни, положил голову на передние лапы и возвел на нее скорбный взор.

– Я лучше вернусь к Мэнди, – проговорил Тейт. – Ты идешь?

– Да, сию минуту.

Но ни он, ни она не двигались с места, продолжая стоять и смотреть друг на друга. Тишина в конюшне время от времени нарушалась лишь стуком подкованного копыта или фырканием лошади. В полосах солнечного света, падавшего из окон, плясали пылинки. неподвижный воздух был напоен приятным запахом сена, лошадей и кожи. И пронизан вожделением.

Эйвери вдруг стало тесно в одежде. Волосы казались слишком тяжелыми, кожа будто стала мала для тела. Ее неудержимо потянуло подойти к Тейту, обнять его, прижаться щекой к его груди и ощутить биение его сердца, как тогда, когда он проникал в нее. Ей так хотелось,

чтобы он вновь устремился к ней со всей жаждой страсти, пусть даже ему было от нее нужно только кратковременное наслаждение.

В ней кипели желание и отчаяние одновременно, это сочетание было поистине непереносимо. Она отвела глаза и небрежно потрепала бархатную морду мерина. Тот оторвался от своей порции овса и стал ласково тыкаться ей в плечо.

– Странно.

Она опять взглянула на Тейта:

– Что странно?

– Раньше, стоило тебе оказаться поблизости, у него искры сыпались из ноздрей. Ты хотела, чтобы его продали на бойню. А теперь вы с ним лижетесь. Что случилось?

Она посмотрела прямо в серые глаза Тейта и мягко произнесла:

– Он научился мне доверять.

Он понял, это было несомненно. Выдержав ее долгий взгляд, он слегка поддел собаку носком ботинка:

– Пошли, Шеп. – И уже на ходу бросил ей через плечо: – Мэнди ждет.

– Ну, будь папиной умницей. – Тейт опустился перед дочкой на колени и крепко ее обнял. – Ты и оглянуться не успеешь, как я приеду и привезу тебе подарок.

Обычно при виде широкой улыбки Мэнди Эйвери поневоле начинала посмеиваться сама, но этим утром, в день отъезда Тейта, ей было не до веселья. Он поднялся:

– Позвони мне, если у нее будут срывы.

– Обязательно.

– Или рецидивы.

– Да.

– Я всем дал знать, что если будут звонить по поводу Мэнди, меня следует при любых обстоятельствах тут же позвать к телефону.

– Если что-то случится, я тут же позвоню.

Нетерпеливо ожидавший за рулем Джек посигналил. Рядом с ним, разговаривая по недавно установленному сотовому телефону, сидел Эдди.

– Теперь о другом, – сказал Тейт тем же доверительным тоном. – По твоему совету Эдди потребовал у медсестры неопровержимых доказательств того, что ты делала аборт. И как следует припугнул, дав понять, с чем ей предстоит столкнуться, вздумай она сунуться со своей историей к людям Деккера или в газеты. Затем он навел кое-какие справки. Как ты и предположила, ее выгнали с работы, и ей не больше нашего улыбалось впутывать врача в это дело. Эдди этим тоже воспользовался, пригрозив судебным преследованием. На время ее удалось застрашать.

– Ой, Тейт, я так рада. Было бы ужасно, если бы это омрачило твою кампанию.

Он издал короткий смешок:

– Куда уж больше ее омрачать, дальше просто некуда.

– Не унывай. – Она положила ладонь ему на руку. – Результаты опросов еще не истина в последней инстанции, они в любой момент могут оказаться противоположными.

– Что-то они не торопятся так меняться, – мрачно заметил он. – Ноябрь уже на носу.

А до ноября его жизнь будет в опасности, о чем она даже не может его предупредить. В этой поездке она его не сопровождает, и некому будет высматривать высокого седого человека. Может быть, все-таки надо об этом упомянуть – пусть он хотя бы немного будет настороже.

– Тейт... – начала она.

Джек снова загудел.

– Мне пора. – Он наклонился и еще раз поцеловал Мэнди в щеку. – До свидания, Кэрол. – Ее он не поцеловал, не обнял, даже не удостоил взглядом, садясь в машину.

– Мама! Мама!

Похоже, Мэнди звала ее уже давно. Когда Эйвери наконец оторвала взгляд от поворота, за которым скрылась машина, и взглянула на девочку, у той было озадаченное выражение.

– Прости, милая. Что?

– Что это ты плачешь?

Эйвери смахнула слезы со щек и заставила себя широко улыбнуться:

– Мне взгрустнулось оттого, что папа уезжает. Но ты ведь тоже можешь составить мне компанию, пока его нет, правда?

Мэнди усиленно закивала, и они вместе вернулись в дом. Если на какое-то время она будет не в состоянии ничем помочь Тейту, по крайней мере она сделает все, что в ее силах, для его дочери.

Дни не шли, а ползли. Она почти все время проводила с Мэнди, но никаких занятий и развлечений, которые изобретала Эйвери, не хватало, чтобы занять бесконечные часы. Она не преувеличила, много недель назад сказав Тейту, что ей необходимо какое-то серьезное занятие. С другой стороны, ей не доставало побудительных мотивов, чтобы что-то делать, а не глядеть непрерывно в пространство, беспокоясь о нем.

Каждый вечер она смотрела выпуски новостей, с тревогой выискивая в попадавшей в кадр толпе Седого. Айриш был бы удивлен тем, что она не поехала с Тейтом, поэтому она позвонила ему по автомату из Кервиля и объяснила про неприятность с абортom.

– Его консультанты, прежде всего Эдди, полагают, что мне лучше оставаться в тени. Я стала парией.

– Даже для Ратледжа?

– До некоторой степени и для него. Он, как всегда, предупредителен, но и с его стороны определенно чувствуется холодок.

– Я слышал об экспертах вроде «Вейкли и Фостера». Якобы они дают команду, и Ратледж лает, так?

– Они дают команду, Тейт сперва на них огрызается, а потом лает.

– Хм-м, ладно, я скажу Вэну, чтобы он был начеку насчет того человека, который кажется тебе таким опасным.

– Я уверена, что он опасен. Пусть Вэн мне звонит, как только его заметит.

– Если заметит.

По всей видимости, этого не произошло, поскольку Вэн так и не позвонил. Во всех выпусках новостей «Кей-Текс» по меньшей мере один раз толпа попадала в объектив: Вэн давал ей понять, что Седой не терся среди тех, кто окружал Тейта во время встреч.

Впрочем, это почти не умерило волнения Эйвери. Ей хотелось находиться подле Тейта и самой удостовериться в том, что ему не грозит непосредственная опасность. По ночам ей представляли страшные в своей явственности картины его гибели. Днем же, если она не была занята с Мэнди, беспокойно слонялась по дому.

– Мы все еще в миноре?

Эйвери подняла голову и увидела Нельсона, который неслышно вошел в гостиную.

– А разве заметно? – слабо улыбнулась она.

– Ясно как божий день. – Он опустился в одно из кресел.

– Допускаю, что в последнее время общаться со мной было не слишком весело.

– Скучаешь по Тейту?

Из-за скрытого осуждения семьи дни тянулись еще медленнее. Тейт всего неделю с небольшим как уехал, а казалось, минула вечность.

– Да, Нельсон, страшно скучаю. Думаю, вам трудно в это поверить. Зи, во всяком случае, не верит. Она и глядеть на меня не хочет.

Он посмотрел ей прямо в глаза с такой суровой пронизательностью, что она поежилась. Потом сказал:

– Гнусное дело было с этим абортom.

– Я не собиралась никому о нем говорить.

– Кроме Тейта.

– Ну, он-то должен был знать.

– Да? Ребенок был от него?

Она колебалась лишь секунду:

– От него.

– И ты удивляешься, почему мы так с тобой неприветливы? Ты убила нашего внука. В моих глазах это непростительно, Кэрол. А как к Тейту относится Зи, ты и сама знаешь. Не станешь же ты ожидать, что после такого поступка она кинется тебе на шею?

– Не стану.

– При том, какой матерью она всегда была для мальчиков, ей и помыслить невозможно о том, что ты натворила. И, говоря по чести, мне тоже.

Эйвери взглянула на раскрытый семейный альбом, который держала на коленях. Когда вошел Нельсон, она рассматривала давние снимки, запечатлевшие совсем юную красавицу Зи и статного удальца Нельсона в голубой летной форме. Были здесь и детские фотографии Джека и Тейта, сделанные в разное время. Типичная американская семья.

– Зи наверняка тяжело пришлось, когда вы отправились в Корею.

– Само собой. Я ведь оставил ее одну с крошечным Джеком.

– А Тейт родился уже после войны, верно?

– Да, почти сразу.

– Он был совсем маленьким, когда вы переехали в Нью-Мексико. – Эйвери снова принялась листать альбом в надежде, что он добавит какие-нибудь подробности к голым фактам, которые она с таким трудом для себя установила.

– Куда меня послала армия, туда я и поехал, – пояснил Нельсон. – Сушая глухомань. Зи прямо возненавидела пыль и пустыню. А заодно и мою работу. В те времена летчиков-испытателей не очень-то берегли.

– Как не берегли вашего друга Брайана Тейта?

Его черты разгладились, словно он мысленно вновь переживал свои лучшие дни. Потом грустно покачал головой.

– Я тогда как будто потерял кого-то из родных. Даже оставил испытательные полеты, как-то к ним остыл, а если ты остыл, то имеешь больше шансов разбиться. Может быть, так и случилось с Брайаном. В любом случае, умирать мне не хотелось, слишком многое я еще собирался в жизни делать. Меня перевели в Лекленд. По крайней мере, какой-никакой дом. Подходящее место, чтобы растить детей. Отец мой уже состарился, после его смерти я вышел в отставку и завел ранчо.

– Но вам по-прежнему хочется летать?

– Ну... да что там, конечно, – признался он с усмешкой, точно осуждая самого себя. – В мои-то годы, а я все помню, как было там, наверху. Ни с чем не сравнимое чувство. Как, кстати, и во время разговоров с другими летчиками за кружкой пива. Женщине не понять, что значит иметь таких друзей.

– Таких, как Брайан?

Он кивнул.

– Он был замечательным пилотом. Лучшим из нас. – Улыбка сбежала с лица Нельсона. – Но он стал безрассудным и поплатился за это жизнью. – Тут глаза полковника утратили задумчивость и вновь обратились на Эйвери: – Все мы расплачиваемся за свои ошибки, Кэрл. Иной раз вроде и сойдет с рук, а потом выходит, только до поры. Рано или поздно ошибки напомнят о себе.

Чувствуя неловкость, она отвела взгляд:

– То есть вам кажется, что именно это со мной и происходит из-за аборта?

– А разве нет?

– Очень может быть.

Он подался вперед, упершись локтями в колени:

– Ты уже расплачиваешься стыдом, который тебя мучает. Остается надеяться, что за твою ошибку не придется отвечать хотя бы Тейту, и он не проиграет выборы.

– Я тоже на это надеюсь.

Несколько мгновений он пристально ее изучал.

– Ты сама знаешь, Кэрл, с того дня, как ты вошла в нашу семью, я много раз вставал на твою защиту и неоднократно принимал твои слова на веру.

– Что вы имеете в виду?

– Ни от кого не укрылось, насколько ты изменилась после катастрофы.

Сердце Эйвери заколотилось. Значит, они обсуждали между собой происшедшие с ней перемены?

– Да, я изменилась. И надеюсь, к лучшему.

– Согласен, но Зи считает это сплошным притворством. Ей кажется, что ты просто прикидываешься, что твоя тяга к Мэнди чистая игра, а Тейту ты вдруг стала выказывать такое внимание, чтобы сохранить его хорошее отношение и уехать с ним в Вашингтон.

– Не очень-то лестная рекомендация... – не удержалась Эйвери. – А вы сами что думаете?

– Думаю, что ты красивая, умная женщина – слишком умная, чтобы начать воевать со мной. – Он резко ткнул в ее сторону пальцем. – Лучше тебе и впрямь быть такой, какой ты притворяешься. – Несколько секунд с его лица не сходило неприязненное выражение. Внезапно он широко ухмыльнулся: – Но если ты действительно стараешься загладить ошибки прошлого, что же, хвалю! Чтобы победить на выборах, Тейту необходима стопроцентная поддержка всей семьи.

– Моя стопроцентная поддержка ему обеспечена.

– Большого и желать нельзя. – Он встал, но у дверей обернулся. – Веди себя как подобает жене сенатора, и со мной у тебя никогда не будет неприятностей.

По всей видимости, он поговорил с Зи, потому что за обедом Эйвери показалось, что та слегка оттаяла. Ее голос прозвучал вполне искренне, когда она поинтересовалась:

– Приятно прокатилась сегодня, Кэрол?

– Замечательно. Стало прохладнее, и я могу дольше быть на воздухе.

– Но ты ездила на Призраке. Удивительно, правда? Вы всегда недолюбливали друг друга.

– Наверное, раньше я просто его боялась. Теперь мы с ним прониклись взаимным доверием.

Тут в столовую вошла Мона, чтобы позвать Нельсона к телефону:

– Это Тейт, полковник Ратледж.

Эйвери подавила шевельнувшееся в ней разочарование – ведь Тейт хотел поговорить не с ней, – но внутри у нее все так и

затрепетало от одного сознания, что в соседней комнате в трубке звучит его голос. Нельсон отсутствовал несколько минут и вернулся с чрезвычайно довольным видом.

– Дамы, – объявил он, обращаясь не только к супруге с невесткой, но и к Дороти-Рей, Фэнси и даже Мэнди. – Вечером собирайте чемоданы. Завтра едем в Форт Уорт.

Реакция была разной.

– Все вместе? – спросила Зи.

– Но мне-то, наверное, не надо, – предположила Дороти-Рей.

Фэнси подскочила на стуле с диким воплем необузданного ликования:

– Ух ты, похоже, наконец-то случилось что-то стоящее.

Мэнди вопросительно уставилась на Эйвери, ожидая объяснений, почему все вдруг так всполошились.

У Эйвери тоже был свой вопрос:

– Завтра? Почему?

Нельсон ответил ей в первую очередь:

– Из-за результатов опросов. У Тейта дела идут с каждым днем все хуже.

– Не вижу повода к общесемейным торжествам, – заметила Зи.

– Его консультанты находят, что семье все-таки следует больше появляться на публике, – объяснил Нельсон. – Чтобы он не выглядел каким-то бродягой, у которого ни кола ни двора. А я, например, рад, что мы снова будем все вместе.

– Получается, они уже не хотят, чтобы я держалась в тени? – спросила Эйвери.

– Получается, что да.

– Я соберусь сама и уложу вещи Мэнди. – Все тревожные мысли разом вытеснила радость от скорого свидания с Тейтом. – Во сколько мы выезжаем?

– Как только все будут готовы. – Нельсон взглянул на Дороти-Рей, которая явно ударилась в панику. Лицо ее цветом напоминало овсяную кашу, и она судорожно ломала руки. – Мона, будьте добры помочь Дороти-Рей справиться со сборами.

– А мне действительно нужно ехать? – еле выговорила та дрожащими губами.

– Так мне было сказано. – Строгий взгляд Нельсона адресовался в равной мере и ей, и Фэнси, которую, в отличие от матери, просто распирало от восторга. – Полагаю, вам можно не напоминать о необходимости вести себя наилучшим образом. Избирательная кампания вступает в заключительную фазу. Ко всем Ратледжам будет приковано общественное внимание, нас будут изучать, точно под увеличительным стеклом. Поэтому извольте держаться соответственно.

Когда они добрались до Форт Уорта, шел дождь. Нельсон повел машину прямо к гостинице в центре города, но, поскольку из-за плохой погоды и частых остановок дорога по холмистой местности заняла больше времени, чем они ожидали, Джек, Эдди и Тейт уже отправились на митинг избирателей.

Утомленные путешественники поспешно вселились в свои комнаты. Мэнди устала и раскапризничалась, закатив сцену, и даже быстро поданный в номер ужин ее не утихомирил.

– Кушай, Мэнди, – уговаривала ее Зи.

– Не буду, – огрызнулась она, выпятив нижнюю губу. – Вы сказали, что мы едем к папе. Хочу к папе.

– Он придет попозже, – в сотый раз ответила Эйвери.

– Будь хорошей девочкой, это же пицца, – пыталась умаслить внучку Зи. – Ты так ее любишь.

– Мне она не нравится.

Нельсон нетерпеливо взглянул на свои часы военного образца.

– Почти семь. Надо выезжать, иначе опоздаем.

– Давайте я с ней останусь, – с надеждой вызвалась Дороти-Рей.

– И много проку от тебя будет? – ядовито поинтересовалась Фэнси. – По мне, так пусть эта маленькая паршивка поголодает.

– Ради Бога, Фэнси, – взмолилась Зи. – Хватит нам на сегодня одного трудного ребенка. – Сама она тоже жаловалась на усталость и предложила побыть с Мэнди, пропустив митинг.

– Спасибо, Зи, – поблагодарила Эйвери. – Это очень кстати. Боюсь, сегодня ей лучше не появляться на публике. Нельсон, пусть с вами едут Дороти-Рей и Фэнси. Я буду попозже.

– Дерк и Ральф сказали... – начал Нельсон.

– Неважно, что они сказали, – перебила Эйвери. – Тейту не понравится, если я брошу Мэнди на Зи, когда она так себя ведет. Как только мы ее уложим, я возьму такси. Передайте, что я подъеду, как только смогу.

Нельсон, Дороти-Рей и Фэнси вышли.

– Давай, Мэнди, – сказала Эйвери, – поужинай, чтобы я могла похвастать папе, какая ты умница.

– Хочу мой сюрприз.

– Кушай, лапочка, – взмолилась Зи.

– Не буду!

– Тогда, наверное, ты хочешь в теплую ванночку?

– Нет! Хочу сюрприз! Папа обещал мне что-то подарить.

– Мэнди, прекрати, – строго велела Эйвери. – Кончай фокусничать и ешь.

Вместо ответа Мэнди толкнула поднос с едой, и он с шумом обрушился на пол.

– Ах так! – Эйвери сдернула ее со стула, повернула и отвесила ей несколько сильных шлепков по мягкому месту. – Это вам даром не пройдет, юная леди.

От потрясения Мэнди сначала даже никак не среагировала, а лишь вытаращила на Эйвери изумленные глаза. Потом ее нижняя губа скривилась, рот широко распахнулся, и оттуда вылетел вопль, способный разбудить и мертвого.

Зи потянулась было к ней, но Эйвери оттеснила ее и прижала Мэнди к груди. Детские ручки обхватили ее шею, и малышка уткнулась лицом в ее плечо.

Эйвери ласково погладила ее по спине.

– И не стыдно тебе, что тебя пришлось отшлепать? Папа ведь думает, что ты хорошая девочка.

– Я хорошая.

– Не сегодня. Ты безобразничала, и прекрасно об этом знаешь.

Плач продолжался несколько минут, а когда он наконец утих, Мэнди подняла красную мордашку:

– Можно мне теперь мороженого?

– Нет, нельзя. – Эйвери сняла со щек Мэнди прилипшие к ним мокрые пряди волос. – По-моему, ты не заслужила угощения, правда? – Нижняя губа девочки все еще подрагивала, но она согласно кивнула. – Если ты будешь вести себя как следует, то я разрешу папе разбудить тебя, когда он приедет, и подарить тебе подарок. Хорошо?

– Хочу мороженого.

Эйвери покачала головой:

– Мне жаль, но за плохое поведение сладкого не полагается. Понимаешь?

Мэнди снова покаянно кивнула. Эйвери спустила ее с колен:

– Ладно, тогда пойдем в ванную, а потом наденем тебе пижамку, чтобы вы с бабушкой могли спать. Чем скорее ты уснешь, тем скорее приедет папа.

Двадцать минут спустя Эйвери уложила ее в постель. Мэнди так устала, что заснула чуть ли не прежде, чем ее голова опустилась на подушку. Эйвери тоже совершенно вымоталась: скандал вытянул из нее остатки сил. Она совсем не была расположена ссориться с Зи, которая так и тряслась от возмущения.

– Тейт узнает об этой взбучке.

– И прекрасно. Ему будет полезно узнать.

На пороге соседней комнаты ее настиг звонок Тейта.

– Ты едешь или нет? – безо всякого вступления спросил он.

– Да, я еду. Тут вышли кое-какие сложности с Мэнди, но сейчас она в кровати. Я беру такси и...

– Я внизу, в вестибюле. Поторопись.

Эйвери попыталась сделать все возможное за те пять минут, которые она решила себе предоставить. Если результат ее стараний и нельзя было назвать ослепительным, все же он оказался достаточно удовлетворительным для того, чтобы Тейт дважды окинул ее взглядом, когда она выходила из лифта.

На ней был модный, элегантный костюм. Сапфирово-синий шелк дополнительно подчеркивал ее яркую внешность. Локоны, правда, пострадали от влаги, поэтому она предпочла изощренно-драматический образ, придав ему законченность с помощью массивных золотых серег.

– Что, черт побери, такое? – спросил Тейт, ведя ее к вращающимся дверям. – Отец сказал, Мэнди сильно расстроилась.

– Расстроилась? Это не то слово. Как с цепи сорвалась.

– Почему?

– Да потому, что ей всего три, и она целый день протряслась в машине. Я вполне понимаю, отчего она себя так вела, но и понимание имеет пределы. Боюсь, я неприятно поразила Зи, но я ее отшлепала.

Они как раз подошли к машине, припаркованной под порткошером. Рука Тейта замерла на ручке дверцы.

– Что-что ты сделала?

– Переключила ее внимание. И это сработало.

Секунду он всматривался в ее решительное лицо, потом мотнул головой, указывая на сиденье, и резко сказал:

– Садись.

Затем, торопливо сунув чаевые швейцару, который присматривал за машиной, сел на водительское место и осторожно выехал на улицу. Дворники трудились вовсю, ведя неравную борьбу с проливным дождем.

Тейт повел автомобиль по Мэйн-стрит, обогнул импозантное здание окружного суда и, оставив позади мост через Тринити, помчался дальше, в северную часть Форт Уорта, история которого создавалась на знаменитых скотных дворах ковбоями и головорезами.

– Зачем ты сам за мной поехал? – спросила Эйвери, пока машина неслась сквозь грозу. – Я ведь могла взять такси.

– Мне все равно было нечего делать, кроме как околачиваться за сценой. Я решил, что хоть с пользой проведу время, если поработаю за таксиста.

– Дерк и Ральф ничего не сказали, когда ты собрался ехать?

– Ничего. Они и не знали.

– Как!

– Когда они спохватятся, что меня нет, будет поздно кричать вдогонку. Да и вообще, я чертовски от них устал, готовя текст речи.

Он вел машину безрассудно быстро, но она решила не обращать на это внимания. Он был явно не расположен выслушивать замечания, пребывая в беспросветной мрачности.

– Почему нас к тебе вызвали? – поинтересовалась она, надеясь выведать причину его раздражительности.

– Ты следила за результатами опросов?

– Конечно.

– Тогда ты сама должна знать, зачем меняют стратегию. Мои консультанты считают, что пора идти на крайние меры. Это турне затевалось, чтобы еще больше возбудить энтузиазм и заручиться дополнительной поддержкой избирателей. Вместо этого, с момента его начала, я отстал еще на три пункта.

– Нельсон что-то говорил о твоём неприкаянно-холостяцком имидже.

Тейт тихо ругнулся:

– Это они так думают.

– Кто они?

– Да Ральф с Дерком, кто же еще? Они считают, что шеренга родственников у меня за спиной убедит избирателей, что я не склонен пороть горячку. Якобы семейный человек производит более солидное впечатление. Черт его знает! Но они мне все уши прожужжали, так что я почти оглох.

Он въехал на автостоянку при комплексе «Билли Бобс Тексас», имеющего славу самого большого значного места в мире, с крытой ареной для родео. Избирательный комитет Тейта снял его на вечер, и в кампании по сбору средств должны были участвовать несколько исполнителей кантри и актеров вестернов.

Тейт поставил машину прямо перед входом. Из дверного проема возникла фигура ковбоя в желтом непромокаемом плаще и фетровой шляпе, с широких полей которой капала вода. Он направился к машине. Тейт опустил стекло.

– Здесь нельзя ставить машину, мистер.

– Я...

– Придется вам ее убрать. Вы закрыли проход.

– Но я...

– Через дорогу есть еще парковка, но там тоже все может быть забито из-за столпотворения. – Он покатал во рту комок табака. – Короче, здесь нельзя.

– Я Тейт Ратледж.

– Бак Бердин. Рад познакомиться. Но здесь все равно парковаться нельзя.

Бак самым очевидным образом был далек от политики. Тейт взглянул на Эйвери. Она дипломатично опустила глаза, изучая свои сложенные на коленях руки и кусая губу, чтобы не рассмеяться.

Тейт сделал еще одну попытку:

– Я баллотируюсь на пост сенатора.

– Послушайте, мистер, вы переставите машину, или мне придется выкатить ее пинками?

– Думаю, лучше ее переставить.

Несколько минут спустя он поставил автомобиль на аллее в квартале от комплекса, между обувной мастерской и пекарней.

Выключив мотор, он посмотрел на Эйвери, а она, в свою очередь, покосилась на него. И они одновременно расхохотались.

– О Боже, – выговорил он наконец, потирая переносицу. – Я жутко измотался, а посмеяться так здорово. Пожалуй, Бака Берлина стоит поблагодарить. – Дождь налетал шквальными порывами, заливая окна машины. Улицы точно вымерли. Мастерская и пекарня были закрыты, и лишь неоновые вывески расплывчато светили им сквозь стекло розовым и голубым.

– Пришлось очень туго, да, Тейт?

– Да. Очень. – Он бездумно водил пальцем по шву мягкого замшевого чехла на руле. – День ото дня я теряю позиции, вместо того, чтобы их укреплять. В последние предвыборные недели моя кампания хиреет, а должна бы, наоборот, с каждым часом набирать силу. Похоже, Деккер опять добьется своего. – Он ударил кулаком по рулю.

В этот момент Эйвери не видела ничего вокруг, только его. Она была целиком поглощена его словами, понимая, что он нуждается как бы в резонаторе, который воспринимает звуковую волну, но сам молчит. Он мог и не говорить ей про усталость. От уголков его рта и глаз протянулись красноречивые морщины.

– Я никогда ни секунды не сомневался, что мне самой судьбой назначено служить своему штату в Сенате США. – Он повернул голову и посмотрел на нее.

Она кивнула, но ничего не сказала, не зная, как лучше ему ответить. Банальностей и общих мест он не примет.

– Я даже не стал баллотироваться в Палату представителей и решил сразу идти к своей конечной цели. Но теперь я начал сомневаться и спрашивать себя, не поверил ли я людям, которые говорили мне только то, что я хотел слышать. Может, у меня мания величия?

– Без сомнения. – Она улыбнулась, заметив его удивление по поводу такого ответа. – Но попробуй назови мне хоть одного политика, у которого ее нет. Принять на себя ответственность за тысячи жизней может только более чем самоуверенный человек.

– Значит, все политики – самовлюбленные люди?

– Это всего лишь здоровое самоуважение, которого не стоит стыдиться. Способность быть лидером – особый дар, вроде музыкального слуха или математического таланта.

– Но никакого вундеркинда-математика не обвинят в том, что он – эксплуататор.

– При твоей честности ты никого не сможешь эксплуатировать, Тейт. Идеалы, которые ты провозглашаешь, – не просто лозунги. Ты не какой-нибудь Рори Деккер. Вот он как раз пустозвон, за его словами ничего нет. В конце концов избиратели это поймут.

– Ты все еще думаешь, что я выиграю?

– Абсолютно уверена.

– Да?

– Да.

Дождь по-прежнему стучал по крыше и хлестал в стекла, а в машине вдруг стало совсем тихо и как-то укромно. Тейт протянул руку и положил ладонь на грудь Эйвери, так что его мизинец и большой палец легли на ключицы.

Ее глаза сами собой закрылись, и она слегка подалась к нему, будто кто-то потянул за невидимую нить. Когда же Эйвери опять открыла глаза, он оказался гораздо ближе к ней, подвинувшись на сиденье и пристально вглядываясь в ее лицо.

Его рука скользнула выше, к ее горлу, а потом легла сзади на основание шеи. Стоило их губам встретиться, как обоим будто обдала горячая волна. Они целовались как сумасшедшие, одновременно пытаясь добраться друг до друга сквозь одежду. Его руки скользнули сверху вниз по ее груди, обтянутой элегантно, сшитым на заказ жакетом, потом принялись сквозь дорогую ткань тереть ее соски.

Эйвери гладила волосы, щеки, шею, плечи Тейта, пока наконец не привлекла его к себе и не откинулась в угол сиденья.

Он расстегнул две пуговицы на ее левом плече и вступил в борьбу с чередой крючков. Когда он наконец распахнул жакет, золотой медальон с фотографиями его и Мэнди попал во впадину между ее грудями. На ее коже радужно переливались неоновые отблески, и, дрожа, скользили тени от потоков воды, бежавшей по стеклам.

Он наклонил голову и поцеловал сначала пышные округлости, а потом тенистую складку между ними. Сквозь кружево бюстгальтера она ощущала жадные, страстные прикосновения его языка.

– Тент, – простонала она, чувствуя, как возбуждение охватывает каждую клеточку ее тела. – Тейт, я так тебя хочу.

Он неуклюже выбрался из брюк и потянул ее руки вниз. Пальцы Эйвери сомкнулись вокруг его набухшего члена. Она принялась ласкать его бархатистую головку подушечкой большого пальца, а он зарылся лицом меж ее грудями и, задыхаясь, что-то блаженно бормотал.

Его руки забрались под ее узкую юбку. Она помогла ему снять с себя трусики. Их губы встретились в неистовом жарком поцелуе, что было весьма нелегко сделать на переднем сиденье.

– Дьявол! – выругался он пересохшими губами.

Внезапно Тейт выпрямился и сел, посадив ее к себе на колени. Он приподнял ее, поддерживая под ягодицы, и она опустилась, вобрав его плоть в себя. У обоих вырывались радостные вскрики, быстро сменившиеся стонами наслаждения.

Их губы вновь сошлись, а языки неутомимо трудились. Он тискал ее упругий зад и гладил бедра над чулками и между кружевными подвязками пояса. Она уперлась коленями в сиденье и двигалась вверх-вниз, временами будто нарочно дразня его и рискуя упустить его сокровище, но тут же вновь впуская его глубоко внутрь. Она скакала на нем верхом, доила его.

– Черт, умеешь же ты трахаться!

С трудом выговорив это, Тейт начал поддевать головой ее лифчик, и после нескольких попыток освободил груди. Несколько раз лизнув напрягшийся сосок, он взял его в рот, потом просунул руку между ее влажными бедрами. Его пальцы прошли по мягкой поросли на лобке, нырнули в расщелину и стали играть маленьким выростом.

Эйвери припала головой к его плечу и громко, прерывисто задышала. Стенки ее влагалища со всей силой сжимались вокруг его члена, вся она так и стремилась навстречу сладостным поглаживаниям его пальцев. Завершилось это для нее восхитительно долгим взрывом наслаждения, которого в тот же миг достиг и Тейт.

Добрых пять минут ни один из них не мог шелохнуться из-за одолевшей их необоримой слабости. Наконец, Эйвери сползла с его колен и подняла с резинового коврика свои трусики. Тейт молча протянул ей носовой платок.

Она с достоинством его приняла:

– Благодарю вас.

– Все нормально? Я не сделал тебе больно?

– Нет, с чего бы вдруг?

– Ты... ты на ощупь такая маленькая.

Она первой отвела глаза после долгого красноречивого взгляда, которым они обменялись.

Приведя себя в порядок и расправив безнадежно измятый костюм, она опустила солнцезащитный козырек и в смятении воззрилась на свое отражение в зеркале.

От прически остались лишь воспоминания. Вокруг ее головы этаким ореолом стояли дыбом пряди волос. Не хватало одной серьги. Тщательно нанесенная губная помада была размазана по всему подбородку.

– На кого я похожа!

Тейт постарался по возможности выпрямиться и заправил в брюки рубашку. Галстук сбился на сторону, а пиджак болтался на одном плече. Он шарил в поисках молнии и успел пару раз отпустить крепкое словцо, прежде чем ему удалось застегнуть ширинку.

– Постарайся хоть что-то поправить, – сказал он, подавая ей сережку, на которую только что сел.

– Постараюсь. – С помощью содержимого косметички она устранила ущерб, нанесенный макияжу, и, как могла, пригладила волосы. – Думаю, гибель моей прически мы спишем за счет погоды.

– А засос на чей счет спишем? – Тейт тронул уголок ее рта. – Очень больно?

Она лишь чуть пожала плечами и застенчиво улыбнулась. Он тоже улыбнулся в ответ, выбрался из машины и обошел ее, чтобы открыть ей дверцу.

Когда они оказались за подмостками, где до предела взведенный Эдди вышагивал туда-сюда, а Ральф нервно позванивал мелочью в карманах, вид у них и впрямь был самый непрезентабельный: оба растрепанные, промокшие, но необычайно счастливые.

– Где тебя, черт подери, носило? – От негодования Эдди едва мог говорить.

– Ездил за Кэрл, – с отменной сдержанностью ответил Тейт.

– Так нам и сказала Зи, когда мы позвонили в гостиницу, – подал голос Ральф, оставив в покое свою мелочь. – Что тебе вступило в башку, если ты откидываешь такие идиотские фортели? Она сказала, что вы полчаса как уехали. Где вы застряли?

– Не было мест на стоянке, – отрезал Тейт, которому надоел этот допрос. – А где Джек и все остальные?

– Закрывают амбразуру. Неужто не слышишь? – Эдди кивком указал в сторону зала, откуда доносился дружный топот множества ног и распеваемое под патриотический марш: «Даешь Тейта! Даешь Тейта!»

– Тем приятнее им будет меня увидеть, – невозмутимо заметил Тейт.

– Вот твоя речь. – Эдди попытался сунуть ему в руки какие-то листки, но тот не стал их брать.

Тейт, слегка хлопнув себя по голове, объяснил:

– Тут моя речь.

– Не вздумай еще раз сыграть такую шутку и исчезнуть, – начальственным тоном предупредил его Ральф. – Глупо не поставить в известность хотя бы одного из нас троих о том, где ты находишься.

Молчал один Дерк. Его и без того темное лицо почти почернело от ярости, но направлена она была не на Тейта, а на Эйвери. С того мгновения, как они, запыхавшись, примчались к сцене, он не сводил с нее своих блестящих глазок, но она с вызовом держалась под его злобным взглядом. Когда он в конце концов заговорил, его голос дрожал от бешенства:

– Миссис Ратледж, когда вам в следующий раз захочется, чтобы вас употребили, выбирайте для этого более подходящее время.

В тот же миг Тейт с каким-то диким рычанием кинулся на него и сбил бы его с ног, если бы за спиной Дерка не оказалась стена, по которой он и распластался. Рука Тейта наподобие стальной балки легла ему на горло, а колено уперлось в промежность. Дерк нечленораздельно хрюкнул от неожиданности и боли.

– Ты окончательно спятил, Тейт? – завопил Эдди.

Он попробовал отвести его руку от горла Дерка, но не смог ее даже сдвинуть. Нос Тейта был менее чем в дюйме от носа его жертвы, а на лице читалась бесстрастная целеустремленность человека, решившегося на убийство. Напротив, лицо Дерка все больше отливало синевой.

– Тейт, ну пожалуйста, – безнадежно залепетала Эйвери, кладя руку ему на плечо. – Не обращай на него внимания. Меня совсем не трогает, что он там говорит.

– Ради всего святого, Тейт. – Эдди отчаянно силился втиснуться между двух тел. – Пусти его. Нашел время. Господи, подумай же головой!

– Если ты еще хоть раз, хоть один-единственный раз оскорбишь мою жену, – медленно, срывающимся голосом выговорил Тейт, – то насмерть подавишься своими же словами. Понял меня, сукин сын? – Он поддал коленом Дерку в мошонку.

Тот, перепуганный, только беспомощно мотнул головой.

Тейт неторопливо опустил руку. Дерк согнулся пополам, прижимая руки к ушибленному месту, кашляя и брызгая слюной. Ральф бросился на помощь соратнику. Тейт пригладил волосы, повернулся к Эдди, холодно бросил: «Пошли» – и предложил руку Эйвери.

Она приняла ее и проследовала с ним на сцену.

Мэнди настояла, чтобы вместо ночной рубашки ей надели подаренную Тентом футболку. Было далеко за полночь и впору было чуть ли не завтракать, когда ее разбудили.

– Ну вот, теперь ты у нас почетный болельщик «Далласских ковбоев», – сказал он, надевая футболку на девочку.

Она полюбовалась броскими серебряными буквами у себя на груди и одарила его чарующей улыбкой:

– Спасибо, папочка, – потом широко зевнула, снова сгребла в охапку своего Винни-Пуха и опять уткнулась в подушку.

– Все правильно, учится быть женщиной.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Эйвери, когда они проходили через гостиную в свою спальню.

– Принимает подарки, но уже не спешит обнять или поцеловать в ответ.

– Значит, мне стоит предупредить избирательниц, что за твоей репутацией защитника прав женщин скрывается коварный женоненавистник? – подбоченилась Эйвери.

– Нет уж, не надо. Для меня каждый голос – на вес золота.

– Мне кажется, сегодня все прошло очень хорошо.

– Ты имеешь в виду, с того момента, как я добрался до сцены.

– И до того тоже. – Теплые нотки в голосе Эйвери заставили его поднять на нее глаза. – Спасибо, что заступился за меня, Тейт.

– Тебе незачем меня за это благодарить.

Они обменялись долгим взглядом. Наконец, Эйвери отвернулась и начала раздеваться. Пройдя в ванную, она торопливо приняла душ, накинула пеньюар и освободила помещение для Тейта.

Лежа в постели, она прислушивалась к журчанию воды за стеной. Ей уже было известно по опыту, что в гостиницах он никогда не вешает полотенце обратно на сушилку, а оставляет лежать влажным комом рядом с раковиной.

Когда он вышел из ванной, она повернулась к нему, намереваясь пожурить за эту привычку. Но не сказала ни слова.

Он был обнажен. Рука его лежала на выключателе, но глаза были устремлены на нее. Она села на кровати, всем своим видом выражая удивление.

– Раньше я мог заставить себя не думать о тебе, – хрипло проговорил он. – А теперь вот не могу. Сам не знаю почему. Не знаю, что такого ты делаешь сейчас, чего не делала прежде, или, наоборот, что ты перестала делать, но только у меня больше не получается не обращать на тебя внимания, будто тебя нет на свете. Никогда не прощу тебе ни аборта, ни лжи, но после того, что сегодня вечером случилось в машине, мне легче об этом забывать. С той ночи в Далласе я стал как наркоман. Все время тебя хочу, хочу со страшной силой. Стараясь справиться с самим собой, схожу с ума и почти погибаю. Последние несколько недель были порядочным испытанием и для меня, и для всех окружающих. Так что, пока ты моя жена, я буду выполнять супружеские обязанности. – Секунду он помолчал. – Имеешь ты что-нибудь мне на это сказать?

– Имею.

– Ну?

– Выключи свет.

Напряжение покинуло его великолепное тело. Губы дрогнули в улыбке. Он щелкнул выключателем, скользнул под одеяло и привлек ее к себе.

Ее ночная сорочка сразу куда-то подевалась, будто растаяла под ласками его рук. Какое-то мгновение, и она уже лежала обнаженная под ним, и он водил кончиками пальцев по ее телу. Целуя ее, он время от времени отрывался от ее губ, чтобы припасть к ее плечу, шее, груди.

Ее пронизывало желание, непрерывно прибывавшее и затопившее ее так, что даже в конечностях стало ощущаться биение. Она отзывалась на каждое его прикосновение: вот его волосы слегка пощекотали ее кожу, когда он наклонил голову для поцелуя, вот его стройные, сильные бедра постепенно заставили ее раздвинуть ноги.

Когда он привстал на локтях, собираясь войти в нее, она чуть продлила предвкушение кульминации – обхватила его руками и поцеловала соски, едва трогая их губами. Наградой ей был вылетевший у Тейта стон. Они вновь поцеловались – с жадностью, горячо, сладко... И таким же жадным, горячим, сладким показалось ему ее тело, когда он им овладел.

Неся Мэнди на плечах по корпусу гостиницы, Тейт притворно споткнулся и чуть не упал, так что малышка взвизгнула и двумя руками вцепилась ему в волосы, отчего громко охнул уже он сам.

– Тише вы! – цыкнула на них Эйвери. – Так нас просто отсюда выставят.

Они направлялись к себе в номер, после того как позавтракали внизу в ресторане. Они бы остались выпить кофе с Нельсоном и Зи, но Мэнди начала шалить. Ресторан – не самое подходящее место для непоседливого ребенка.

Тейт протянул Эйвери ключ. Они вошли. Гостиная была полна озабоченными людьми.

– Что тут, черт возьми, происходит? – спросил Тейт, опуская Мэнди на пол.

Эдди на миг прекратил штудирование утренних газет и вынул изо рта кусок датского пирога:

– Нужно было собраться, а гостиная есть только у тебя в номере.

– Располагайтесь как дома, – саркастически отозвался Тейт.

Они уже сами с успехом это сделали, не забыв заказать соки, кофе и пирожные. Фэнси сидела по-турецки на кровати и листала модный журнал. Дороти-Рей потягивала нечто, цветом смахивающее на «Кровавую Мэри», с отсутствующим видом глядя в окно. Джек разговаривал по телефону, заткнув свободное ухо пальцем. Ральф смотрел «Новости дня». Дерк с видом завсегдатая дешевых распродаж рылся в шкафу Тейта.

– Вчера ты получил хорошую прессу, – невнятно объявил Эдди, жуя сладкую булочку.

– Что же, прекрасно.

– Я отведу Мэнди в другую комнату. – Эйвери обняла девочку за плечи и повела к двери.

– Нет, останьтесь, – вмешался Дерк, выныривая из шкафа. – Не стоит вспоминать вчерашнее, о'кей? Всем нам достается. А теперь обстановка разрядилась.

Он был непробиваем. Эйвери так и подмывало закатить ему пощечину, чтобы стряхнуть с этой кислой физиономии деланно

дружескую ухмылку. Она посмотрела на Тейта. Не обращая на своего эксперта никакого внимания, он сказал ей:

– Думаю, тебе лучше побыть здесь.

Джек повесил трубку.

– Все улажено. В пять Тейт даст интервью в прямом эфире по пятому каналу. Ему необходимо быть на месте не позднее четырех тридцати.

– Чудненько! – Ральф потер руки. – А есть еще что-нибудь с далласского телевидения?

– Жду звонков.

В дверь постучали. Пришли Нельсон и Зи, а с ними какой-то незнакомый Эйвери человек. Фэнси вскочила и по очереди обняла бабушку и деда. С самого приезда в Форт Уорт в ней просто бурлило ликование.

– Доброе утро, Фэнси. – Зи бросила неодобрительный взгляд на мини-юбку и ковбойские ботинки Фэнси, но удержалась от замечаний.

– Кто это? – спросил Тейт, кивнув на мужчину, топтавшегося на пороге.

– Парикмахер. – Дерк втащил ошеломленного таким сборищем человека в комнату. – Садись, Тейт, пусть приступает. Он вполне может щелкать ножницами, пока мы потолкуем. Сделайте поконсервативнее, – добавил он, обращаясь к парикмахеру.

Тот запахнул вокруг шеи Тейта сине-белое полосатое покрывало и принялся его расчесывать.

– На вот, – Ральф сунул Тейту под самый нос кипу листов, – просмотри быстренько.

– Что это?

– Твои сегодняшние выступления.

– Я уже сам написал текст, – возразил он, но никто и не думал его слушать.

Зазвонил телефон, и Джек поднял трубку.

– Четвертый канал! – возбужденно бросил он остальным.

– Зи, Нельсон, садитесь, пожалуйста, и давайте начнем. А то утро кончается, – распорядился Дерк, явно опять почувствовав себя в родной стихии. – Как уже сказал Эдди, вчера в «Билли Бобс» мы произвели фурор и собрали солидную сумму в наш фонд. Видит Бог,

эти денежки нам весьма кстати. Как только мы перестаем набирать очки, наши сторонники перестают раскошелиться.

– И пусть даже теперь мы все еще значительно отстаем, мы не собираемся показывать, что сдались, – вставил Ральф, брэнча мелочью в карманах.

– Люди с четвертого канала говорят, что будут на «Дженерал дайнемикс» и запишут выступления Тейта, но большего не обещают, – сообщил Джек, кладя трубку.

Дерк кивнул:

– Не Бог весть что, но лучше, чем ничего.

– Так что, Тейт, – продолжал гнуть свое Ральф, будто не слыша параллельного разговора, – даже если ты проиграешь, нельзя, чтобы это выглядело капитуляцией.

– А я не собираюсь проигрывать. – Тейт посмотрел на Эйвери и подмигнул ей.

– Как же, конечно, нет. – Замявшийся Ральф издал неловкий смешок. – Я только хотел сказать...

– Вы снимаете недостаточно, – брюзгливо сказал парикмахеру Дерк, – я же сказал, поконсервативнее.

Тейт отвел суетливые руки парикмахера.

– Что это такое? – Он ткнул пальцем в один из абзацев подготовленной для него речи. Но его снова проигнорировали.

– Эй, послушай! – Эдди что-то вычитал в газете. – Деккер тут прямо называет тебя подстрекателем толпы.

– По-моему, он испугался, – заметил Нельсон, и внимание Дерка сразу переключилось на него.

– Нельсон, я хочу, чтобы сегодня, когда Тейт будет выступать на «Дженерал дайнемикс», вы были заметной фигурой на подиуме. Они зависят от военных контрактов. Вы – бывший летчик, это пойдет нам в плюс.

– Мне тоже надо ехать? А Мэнди? – спросила Зи.

– Я с радостью посижу с Мэнди, – предложила Дороти-Рей.

– Поедут все. – Дерк хмуро поглядел на пустой стакан у нее в руке. – И все должны выглядеть наилучшим образом. Эткими идеально чистенькими американцами. Включая вас, дамочка, – обратился он к Фэнси. – Никаких мини-юбок.

– Катись к чертовой бабушке!

– Фрэнсис Ратледж! – прогремел Нельсон. – Еще одно подобное выражение, и тебя тут же отправят домой!

– Извиняюсь, – буркнула она. – Но с какой стати эта задница указывает мне, как одеваться?

Дерк и бровью не повел.

– В плане одежды с вами, как правило, все бывает в порядке, – повернулся он к Эйвери. – Но сегодня воздержитесь от излишней эффектности. Там будут простые работяги, живущие на зарплату. Тейт, а для тебя я выбрал серый костюм.

– Не забудь напомнить ему про рубашку, – подсказал Ральф.

– Ах да, надень голубую. Белая хуже смотрится по телевизору.

– Все мои голубые рубашки грязные.

– Я ведь говорил тебе, чтобы ты ежедневно сдавал их в стирку!

– А я забыл, понятно? – внезапно он обернулся и выхватил у парикмахера ножницы. – Хватит меня стричь. Мне и так нравится.

Тоном, каким он стал бы увещевать Мэнди, Дерк возразил:

– Но так слишком длинно, Тейт.

Тейт сорвался со стула:

– Кто так считает? Избиратели? Рабочие «Дженерал дайнемикс»? Аудитория пятого канала? Или ты один?

Эйвери хотелось заплодировать. В отличие от всех остальных, она не была поглощена идущими вокруг разговорами. Она следила за Тейтом. Чем дальше он читал текст, который вручил ему Ральф, тем сильнее хмурился. Она чувствовала, что он вот-вот взорвется, и оказалась права.

Он сдернул с себя покрывало, разметав кругом обрезки волос. Запустив руку в карман, вытащил пятидесятидолларовую купюру, сунул ее парикмахеру и проводил его до порога:

– Спасибо большое.

Дверь номера с шумом захлопнулась. Когда он вернулся, его лицо было так же сумрачно, как до сих пор тянувшиеся по небу низкие облака.

– В следующий раз, Дерк, если я решу подстричься, то сам дам тебе знать, если сочту, что это тебя касается, хотя, говоря по совести, пока я так не считаю. И я буду тебе чрезвычайно признателен, если ты прекратишь шарить по моим шкафам и будешь советоваться со мной, прежде чем ко мне вторгаться.

– Но у нас не было другого места для сбора, – вмешался Эдди.

– Черта с два! – выпалил Тейт, набрасываясь на своего друга, который осмелился подать голос. – В этой гостинице несколько сотен комнат. Но коли вы уже здесь, – продолжал он, беря листы бумаги, которые перед тем бросил на туалетный столик, – то соблаговолите объяснить, что бы это значило?

Ральф наклонился и прочел несколько строк.

– Это твоя позиция по поводу нового закона об образовании.

– Как бы не так. Это туфта! – Он хлопнул по странице ладонью. – Сплошная прилизанная, выхолощенная, гладенькая туфта.

Зи встала:

– Мы с Мэнди пойдем в другую комнату смотреть телевизор. – Она взяла девочку за руку.

– Ба, хочу на горшок.

– Хорошо, солнышко. Фэнси, ты, наверное, хочешь пойти с нами?

– Еще чего. Да я за десять миллионов отсюда не свалю, – ответила та с кровати, вскрыла пачку жевательной резинки и отправила в рот очередную пластинку в дополнение к той, которую уже мусолила.

Когда дверь за Зи и Мэнди закрылась, Ральф попытался снизить накал страстей:

– Тейт, нам просто показалось, что по некоторым вопросам твою позицию следует несколько смягчить.

– Ничего мне не сказав? – возмутился тот, глядя на него с высоты своего роста. – Это моя позиция! – Он ударил себя кулаком в грудь. – Моя!

– Но по результатам опросов ты отстаешь, – рассудительно заметил Ральф.

– Так было и до того, как я нанял вас для консультаций, с тех пор я скатился еще ниже.

– Правильно, потому что нас не слушал.

– Вот и нет. – Тейт упрямо затряс головой. – Как раз напротив, я слушал вас чересчур много.

Эдди поднялся со стула:

– На что ты намекаешь?

– Я не намекаю. Я прямо заявляю, что не нуждаюсь в том, чтобы мне выбирали костюмы и рубашки или вызывали парикмахеров. Я прямо говорю: не желаю, чтобы мне смягчали позицию, пока она не

станет настолько мягкой, что я сам перестану ее узнавать. Те, кто поддержал меня именно из-за этой моей позиции, решат, что я рехнулся. Или, хуже того, что я их предал.

– Ты делаешь из мухи слона.

Тейт посмотрел прямо в лицо своему брату, который подал эту реплику.

– Джек, тут не тебе волосы стригли.

– С таким же успехом могли бы постричь и мне, – вскинулся тот в ответ. – Я, как и ты, весь в этом деле.

– Тогда ты должен понимать, как для меня важно оставаться самим собой.

– Но ты и остаешься, – сказал Эдди.

– Черта с два! Что плохого в том, как я одет? Неужто вы и впрямь думаете, что для рабочих «Дженерал дайнемикс» важно, какого цвета на мне рубашка? Да им на это плевать! Им важно, поддерживаю ли я крупные оборонные программы или считаю, что расходы на оборону надо сокращать, поскольку мой голос в Сенате может в свое время определить, будет ли у них работа на ближайшие годы.

Он перевел дух и взъерошил волосы. К своей радости, Эйвери увидела, что парикмахер не успел их сильно укоротить.

– Гляньте, ребята, вот он я, – заговорил он снова и встал, растопырив руки. – Такой, каким попал в список кандидатов. Таким я вышел к техасским избирателям. Измените меня – и они меня не признают.

– Да мы не хотим изменить тебя, Тейт, – горячо запротестовал Дерк. – Мы хотим всего лишь тебя усовершенствовать.

Он похлопал Тейта по плечу, но тот сбросил его руку:

– Джентльмены, я хотел бы побеседовать с членами моей семьи.

– Если что-то надо обсудить...

Тейт поднял руку, предупреждая их возражения:

– Попрошу вас.

Они нехотя потянулись к двери. Прежде чем выйти, Дерк бросил на Эдди многозначительный взгляд.

– Кэрол, не нальешь мне чашечку кофе?

– С удовольствием! – Она встала, а Тейт опустил в кресло. Подав ему чашку, она села на мягкий подлокотник.

Тейт одной рукой взял чашку, а другую небрежно положил ей на колено.

– Ну и речь ты закатил! – прокомментировал Эдди.

– Я старался сделать по-твоему, Эдди. Вопреки своему убеждению, я позволил тебе их нанять. – Он открыто взглянул на друга и без обиняков закончил: – Но они мне не нравятся.

– Я поговорю с ними и попрошу немного сбавить обороты.

– погоди. – Тейт остановил Эдди, который направился было к двери. – Этого мало. Они же просто не слушают.

– Ладно, скажу им, что к концу турне мы рассчитываем на радикальные изменения результатов общественных опросов и так далее.

– И этого мало.

– Так что же ты предлагаешь?

Тейт обвел взглядом всех присутствующих и ответил:

– Дать им отставку.

– Уволить их? – воскликнул Джек. – Но это невозможно!

– Почему? Мы же наняли их, разве не так?

– Нельзя дать от ворот поворот таким людям, как «Вейкли и Фостер». Ты больше никогда не сможешь к ним обратиться.

– Невелика потеря.

– Говорю тебе, так нельзя, – не сдавался Джек.

– Тейт, прошу тебя, обдумай все как следует, – взмолился Эдди.

– Я уже обдумал. Мне они не по нутру. Как не по нутру и то, что они пытаются делать.

– И что же они такого пытаются делать? – Джек весь набычился.

– Пытаются меня изменить так, как им кажется лучше, превратить в какого-то другого человека. О'кей, возможно, мне и впрямь нелишне было бы слегка пообтесаться. Я не возражаю, чтобы меня чуть-чуть поднатаскали, научили быть более гибким. Но я совсем не хочу, чтобы мной управляли, чтобы заставляли произносить слова, с которыми я совершенно не согласен.

– Ты просто артачишься, – заявил Джек. – Совсем как в детстве. Стоило мне сказать тебе, чтобы ты чего-нибудь не делал, и ты тут же костыми был готов лечь, чтобы сделать это – лишь бы показать мне свою самостоятельность.

Тейт глубоко вздохнул:

– Джек, я выслушал твой совет, а твое мнение всегда много для меня значило. Я не хочу упрекнуть тебя за решение их нанять...

– Но на самом деле именно это ты и делаешь.

– Нанимал их и я тоже, – повысил голос Тейт. – А теперь даю отбой.

– Вот так, запросто? – щелкнул пальцами Эдди. – За несколько недель до выборов ты вздумал менять лошадей на переправе?

– Нет же, черт побери, меняют лошадей как раз они! – Тейт вскочил и указал на дверь, куда перед тем вышли Ральф с Дерком. – Они решили перекроить меня заново, так что меня не узнали бы избиратели, поддержавшие меня с самого начала. Послушай я их, и я бы, считайте, продался. Стал бы скользким дерьмом не лучше Деккера. Переметной сумой. Двурушником. – Он остановился, почувствовав стену молчаливого неприятия, которой отгородились от него Эдди и Джек. Он повернулся к Нельсону: – Папа! Хоть ты помоги!

– Зачем тебе теперь моя помощь? Ты уже дал волю эмоциям. Не позволяй себе срываться, Тейт. Просто поставь на своем.

– Как?

– Победи на выборах.

– Молча принимая их советы?

– Если они тебя не компрометируют.

– Но как раз так и получается. Я скорее готов проиграть, будучи самим собой, чем выиграть, зная, что по всем статьям пошел на компромисс. Жаль, что никто из вас с этим не согласен.

– Я – за Эдди, – объявила вдруг Фэнси. – Если, конечно, кого-нибудь интересует мое мнение.

– Оно никого не интересует, – заверил ее Джек.

– Кэрл, а ты?

Она не вмешивалась в спор, предполагая и дальше молчать, пока Тейт к ней не обратится. Когда же это случилось, она подняла на него взгляд, в котором читалось молчаливое понимание, свойственное счастливым любовникам.

– Для меня будет верным любое твое решение, Тейт. Я до конца буду на твоей стороне.

– Ах ты Господи! Да с каких это пор? – взорвался Джек. – Ты тут толковал о компромиссах, братишка. Так вот, ты пошел на самый большой компромисс в своей жизни, когда начал снова с ней спать!

– Хватит, Джек! – взревел Нельсон.
– Папа, тебе не хуже моего известно, что...
– Хватит! Критикуй жену Тейта, когда научишься держать в рамках свою!

Джек испепелил взглядом отца и брата, потом вдруг весь сник и почти выбежал из комнаты. Дороти-Рей поднялась со стула и нетвердыми шагами направилась вслед за ним.

– Полагаю, ты сейчас тоже ринешься восвояси, – бросил Тейт Эдди после напряженной паузы, следовавшей за их уходом.

Эдди криво улыбнулся.

– А вот и не угадал. В отличие от Джека, я не воспринимаю все это как личную обиду. Думаю, ты не прав, но... – Он неопределенно пожал плечами. – Выборы покажут. – Он похлопал друга по спине. – Пожалуй, надо пойти и сообщить неприятные новости нашим бывшим консультантам.

Он ушел; за ним поспешила Фэнси.

Зи привела Мэнди. Напряжение по-прежнему витало в воздухе, и она натянуто заметила:

– Мне послышалось, кто-то сильно шумел.

– Мы тут кое-что выясняли, – ответил Нельсон.

– Надеюсь, ты одобряешь мое решение, папа.

– Ты сам сказал, что решение твое, а не чье-то еще. Надеюсь, ты готов принять последствия.

– Я был вынужден так поступить ради своего душевного спокойствия.

– Тогда перестань извиняться за то, что уже сделал...

– Я обещала Мэнди, что мы с ней сходим на Санджс-сквер, – прервала неприятный разговор Зи. – Вряд ли снова пойдет дождь.

– Я с вами. – Нельсон подхватил внучку на руки, явно опять придя в хорошее расположение духа. – Разомну ноги. И не страшно, если дождь все-таки пойдет, верно, Мэнди?

– Спасибо за то, что поддержала меня, – сказал Тейт, оставшись с Эйвери наедине. – Раньше ты не всегда так поступала.

– О чем мне так бесцеремонно напомнил Джек.

– Он был сильно расстроен.

– Дело не только в этом, Тейт. Он меня презирает.

По-видимому, он не желал этого обсуждать. Возможно, он чувствовал не хуже Эйвери, что Джек не любит его жену, но это не мешает ему желать ее. Наверное, Тейт инстинктивно старался игнорировать столь прискорбное обстоятельство в тщетной надежде, что все как-то образуется.

– Почему ты встала на мою сторону? – спросил он. – Просто потому, что ты – моя жена?

– Вовсе нет, – обиделась она. – Я тебя поддержала, потому что, по-моему, ты прав. Мне они с их советами и манерой во все встречать нравились не больше, чем тебе.

Кроме того, ей приходило в голову, что люди «Вейкли и Фостера» могли иметь какое-то отношение к плану покушения на Тейта, и это было для нее еще одной веской причиной радоваться их увольнению.

После недавнего жаркого спора комната вдруг показалась им очень тихой. И, как ни странно, без всей этой толпы гостиная выглядела меньше, а не наоборот. Внезапное молчание и одиночество действовали угнетающе.

Эйвери чуть потянулась.

– Что ж, я, пожалуй...

– Молодцы отец с мамой, что взяли Мэнди на прогулку.

– Конечно.

– Ей будет интересно.

– А ты сможешь спокойно просмотреть тексты выступлений.

– Хм-м.

– Хотя не думаю, что тебе так уж необходимо их просматривать.

– Да, за сегодняшнюю программу я не беспокоюсь.

– Это хорошо.

Секунду-другую он изучал носки своих ботинок. Потом вскинул на нее глаза и поинтересовался:

– Как ты полагаешь, дождь будет?

– Я, э-э... – Она покосилась на окно. – Да нет, вряд ли.

– Похоже... – Он потянулся к ней, прижал к себе и поцеловал в шею.

– Тейт!

– Угу? – Он повел ее к дивану.

– Я думала, что после вчерашней ночи ты вряд ли...

– Напрасно думала.

– У-у-у. – Фэнси с воем выскочила из-за двери, пытаясь испугать вошедшего в свой номер Эдди.

Он даже не вздрогнул.

– Как ты сюда попала?

– Дала на лапу горничной.

– Что же ты могла ей дать?

– Бандаж дяди Тейта.

– Чокнутая.

– Балдеж, правда?

– А это что? – Он указал на стол, стоявший напротив большого окна. Стол был накрыт белой скатертью и сервирован на двоих.

– Ланч. Миленький такой крабовый салатик в половинках авокадо.

– Фэнси, надо было сначала меня спросить.

– Ты разве не проголодался?

– Проголодался или нет, все равно у меня только минута.

Эдди присел на край кровати и взял телефонную трубку. Вытащив из кармана рубашки клочок бумаги и заглянув в него, набрал номер.

– Пожалуйста, мистера Джорджа Мэлоуна.

Фэнси встала на колени позади него и прижалась бедром к его спине.

– Мистер Мэлоун? Говорит Эдди Пэскел из команды Ратледжа. Вы нам звонили? – Он отстранился, когда она наклонилась к его плечу и слегка прикусила ему мочку уха. – Боюсь, у мистера Ратледжа слишком насыщенная программа. Что вы планируете? Сколько будет народу? Ага. – Она поцеловала его в шею, осторожно втягивая в рот кожу. Он прикрыл трубку рукой и бросил: – Отвяжись, Фэнси, я занят.

Надувшись, она спрыгнула с кровати, перешла к зеркалу и взбила волосы. Потом наклонилась, мотая густой гривой. Распрямившись, она, к своей радости, заметила, что Эдди посматривает на ее ладную попку, повернулась к нему, широко расставила ноги и начала дюйм за дюймом кокетливо приподнимать свою юбочку.

– Как скоро вам надо это знать?

Он продолжал деловито беседовать по телефону. Фэнси провела ладонями по бедрам снизу вверх, и ее большие пальцы сошлись на красном сатиновом треугольнике, прикрывавшем лобок. Погладив его раз-другой, она мигом стащила трусики и помахала ими у Эдди перед носом.

– Я поговорю с мистером Ратледжем и сразу с вами свяжусь. В любом случае, мы благодарны вам за вашу заинтересованность. Спасибо за приглашение.

Он повесил трубку, но, к огорчению Фэнси, прошел мимо нее в ванную. Там он причесался и вымыл руки.

– Что с тобой, к чертовой матери, творится? – резко спросила она, последовав за ним.

– Ничего. Спешу, только и всего.

– Ты злишься оттого, что дядя Тейт заставил тебя выгнать этих задниц, да?

– Я не злюсь. Я просто с этим не согласен.

– Тогда не вымещай на мне свое настроение.

– Я не вымещаю. – Он поправил галстук и проверил запонки.

– Ничего была сценка утром, а? Никогда не видела, чтобы дядя Тейт так разошелся. И был такой симпатичный, когда завелся. Люблю, когда мужчина на взводе. – Она обняла Эдди сзади и нажала ладонями ему на ширинку. – Сдерживаемая ярость – это ужасно сексуально.

– У меня нет сейчас на тебя времени, Фэнси. – Он отвел ее руки и вернулся в спальню.

Она плюхнулась на кровать и стала смотреть, как он перебирает бумаги в своем дипломате – такой красавчик с сосредоточенно нахмуренным лбом.

Опять вдохновившись, Фэнси перекатилась на постели, облокотилась о деревянную спинку, стянула с себя белую хлопчатобумажную водолазку и швырнула ее на пол, где уже валялись ее трусики. Потом, оставшись в одной мини-юбке и красных ковбойских ботинках, она тихонько его окликнула. Он повернул к ней голову. Она медленно провела языком по нижней губе и прошептала:

– Доводилось тебе поиметь пастушку?

– Между прочим, доводилось, – бесстрастно проговорил он. – Вчера ночью. В задницу. Забыла, что ли?

Ее широко разведенные колени сошлись вместе так стремительно, точно захлопнулся капкан. Она свесилась с кровати, схватила свою водолазку и напялила ее обратно, отчаянно пытаясь с ходу попасть руками в рукава.

Когда она заглянула ему в лицо, у нее на глазах блестели слезы.

– По-моему, так нехорошо.

– Похоже, прошлой ночью ты так не думала.

– Я не о том! – выкрикнула она.

Эдди невозмутимо закрыл кейс и взял свой пиджак.

– Странно слышать от тебя такое слово – нехорошо. – Он направился к двери.

Она схватила его за рукав:

– Почему ты сегодня со мной такой гадкий?

– Я тороплюсь, Фэнси.

– Значит, ты не злишься?

Он прошел мимо нее:

– Не злюсь.

– Я еще увижу тебя?

– Вечером на митинге. – Похлопав по карману и убедившись, что ключ от номера там, он взялся за ручку двери. Фэнси загородила ему проход.

– Ты ведь знаешь, о чем я. Увидимся позже? – С обольстительной улыбкой она принялась щупать его сквозь брюки.

– Да, я знаю, о чем ты. – Он оттолкнул ее руки и вышел, несмотря на все попытки помешать ему. – Постарайся пока не путаться под ногами.

Дверь за ним закрылась, и Фэнси от души выругалась. Она предвкушала интимный ланч, а после скоротечную, но буйную любовную схватку, а если бы позволило расписание Эдди, то и целых полдня неторопливых утех.

Надоело, с негодованием думала она. Все только и твердят, что о выборах. Ей, к чертям собачьим, обрыдло об этом слушать. Как будет замечательно, когда все закончится и Эдди сможет сосредоточиться единственно на ней.

Она опять облокотилась о спинку кровати и включила телевизор. Пара героев «мыльной оперы» барахталась под простыней. Кипя от зависти и разочарования, она нажала кнопку на пульте и переключила

на другую программу. Джеральдо Ривера коротко излагал суть перепалки между проповедником-ортодоксом и обновленцем. Она снова сменила канал – теперь кучка домохозяек по очереди нюхала арахисовое масло в баночках. Пришлось вернуться к «мыльной опере».

Она была страстно влюблена в Эдди, но не могла не признать, что его притягательность отчасти состояла в некоторой отстраненности. Она знавала молодцов, которые, оседлав девчонку, в буквальном смысле слова теряли последние мозги. Рухни такому крыша на голову, он и не заметит, пока не кончит.

Другое дело Эдди. Исполнял он все по высшему разряду, но мысли его были при этом где-то далеко. Даже самые интимные действия никогда не требовали от него эмоционального участия. Он держался скорее как сторонний наблюдатель.

Такой железный самоконтроль восхищал ее. Это было нечто необычное, интригующее.

Но иногда ей хотелось, чтобы Эдди смотрел на нее с тупым обожанием, так, как идеально сложенный герой-любовник из «мыльной оперы» созерцал свою шикарную возлюбленную. Целуя кончики ее пальцев, он взглядом так и изливал на нее потоки неизреченной любви.

Завоевать сердце Эдди Пэскела значило бы одержать выдающуюся победу. Был бы просто восторг, знай она, что он следует за ней взглядом по комнате, не в силах оторвать глаз.

Вот если бы Эдди был настолько ею поглощен!

Вот если бы он был поглощен ею так же, как дядя Тейт – тетей Кэрл.

* * *

Дороти-Рей напала на нее, когда они сидели в лимузине и ждали мужчин. Поначалу она бессмысленно таращилась в окно на хлопавшее по ветру сине-красно-белое полотнище, но неожиданно зашипела на Эйвери, точно кошка.

– Ты довольна, да?

Головка Мэнди лежала у Эйвери на коленях. Девочка устала от митинга на открытом воздухе, стала беспокоиться и капризничать, поэтому они вернулись в машину до окончания программы. Дороти-Рей пошла вместе с ними и первое время сидела так тихо, что Эйвери почти о ней забыла.

– Прости, ты что-то сказала? – рассеянно отозвалась она.

– Сказала, что ты, видно, довольна.

Эйвери решительно ничего не поняла и недоуменно покачала головой:

– Чем довольна?

– Тем, что Джек утром оказался в глупом положении.

Опять пьяная? Эйвери взглянула на нее попристальнее. Нет, напротив, похоже, недопила. Глаза Дороти-Рей были ясными, но в них стояло какое-то неменяемое выражение. В руках она комкала влажную бумажную салфетку.

– Чем же я, по-твоему, поставила его в такое положение?

– Встав на сторону Тейта.

– Он же мой муж.

– А Джек – мой.

Мэнди было проснулась, но, едва успев открыть глаза, снова уснула. Дороти-Рей заговорила тише:

– И это не помешало тебе попытаться увести его от меня.

– Я не пыталась его увести.

– Ну, может быть, в последнее время и нет, – ответила она, промокая глаза салфеткой, – но до катастрофы пыталась.

Эйвери промолчала.

– А самое мерзкое тут в том, что на деле он не был тебе нужен, – продолжала Дороти-Рей. – Стоило ему проявить к тебе интерес, и ты дала ему от ворот поворот. Тебе было плевать, что этим отказом ты его растоптала. Ты хотела получить Тейта, заигрывая с его братом.

Эйвери не отрицала этих злобных обвинений, поскольку они вполне могли оказаться правдой. С Кэрл вполне сталось бы без зазрения совести крутить роман с братом мужа или, по крайней мере, делать ему авансы, получая особое удовольствие от разлада, который в результате возникал в семье. Вероятно, это было частью плана Кэрл, имевшего целью уничтожить Тейта.

– Я не имею никаких видов на Джека, Дороти-Рей.

– Еще бы, ведь он не на первых ролях. – Она, как клещ, вцепилась в руку Эйвери. – И никогда не был. Ты прекрасно это знаешь, почему же не оставила его в покое? Какое право ты имеешь так играть чужой жизнью?

Эйвери высвободила руку:

– А ты за него боролась?

Дороти-Рей не была готова к ответной атаке и оторопело на нее уставилась:

– Что?

– Боролась ты со мной за Джека или каждый день упивалась вдрызг, пустив все на самотек?

Лицо Дороти-Рей задергалось, а обведенные красными кругами глаза покраснели еще больше и опять набрякли слезами:

– Так говорить жестоко.

– Тебе слишком долго боялись это сказать. Вся семья закрывает глаза на твою болезнь.

– У меня нет никакой...

– Есть. Алкоголизм – это болезнь.

– Я не алкоголичка! – слезливо выкрикнула она, повторяя многолетние оправдания собственной матери. – Я просто иногда...

– Нет, ты пьешь, чтобы напиться и быть пьяной. Замыкаешься в жалости к себе, а потом удивляешься, почему твоего мужа тянет к другим женщинам. Посмотри на себя. Ты совсем опустилась. Разве не понятно, отчего Джек потерял к тебе интерес?

Дороти-Рей схватилась за ручку дверцы:

– Я не обязана здесь сидеть и все это выслушивать!

– Нет, обязана. – Разгорячившаяся Эйвери удержала ее за руку. – Пора кому-нибудь поговорить с тобой пожестче и открыть тебе на кое-что глаза. Мужа твоего никто не уводил. Ты сама заставила его от себя отвернуться.

– Неправда! Он клялся, что ушел не из-за меня!

– Ушел?

Дороти-Рей непонимающе на нее воззрилась:

– Ты забыла, Кэрол? Вскоре после того, как вы с Тейтом поженились.

– Я... да нет, конечно, я помню, – замялась Эйвери. – Его ведь тогда не было целых...

– Шесть месяцев, – жалобно протянула Дороти-Рей. – Самые долгие шесть месяцев в моей жизни. Я не знала, где он, что делает и вернется ли когда-нибудь.

– Но он ведь вернулся.

– Он сказал, ему нужно время, чтобы кое в чем разобраться. У него ведь столько причин для расстройства.

– Какие же это причины?

Она беспомощно развела руками:

– Ну, надежды Нельсона на адвокатскую фирму, кампания Тейта, мое пьянство, Фэнси.

– Фэнси нужна мать, Дороти-Рей.

Она горько усмехнулась:

– Но не такая, как я. Меня она ненавидит.

– Откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь, как и к чему она относится? Ты с ней хоть разговаривала?

– Пробовала, – проскулила Дороти-Рей. – Она невыносима.

– Она боится, что ее никто не любит. – Эйвери коротко вздохнула. – А я боюсь, что она права.

– Я люблю ее, – запротестовала Дороти-Рей. – Она всегда получала от меня все, что ни попросит.

– Ты отделивалась от нее безделушками, чтобы заботы о ней не мешали тебе пить. Оплакиваешь двух потерянных детей за счет своего единственного ребенка.

Дороти-Рей упомянула о своих мертворожденных детях в день, когда выплыла на свет история с абортом Кэрл. Позднее Эйвери выведала у Фэнси кое-какие детали. Во многом она теперь понимала, отчего Дороти-Рей так несчастна. Наклонившись к ней, она продолжала:

– Фэнси играет с огнем. Ты ей очень нужна, как и отец. Ей нужна твердая рука. Может быть, Джек мог бы уделять больше времени и внимания родительским обязанностям, если бы его не угнетало так твое пьянство. Этого я не знаю. Но зато знаю наверняка, что если вы ничего не предпримете, причем быстро, она будет и дальше вести себя, как сейчас, совершая всяческие сумасбродства, и в конце концов зайдет слишком далеко, так далеко, что попадет в беду.

Дороти-Рей откинула со лба прядь прямых волос.

– Фэнси всегда была не подарок; ни я, ни Джек никогда не могли с ней справиться, – попробовала защищаться она. – Слишком своенравна. Она же еще подросток. Только и всего.

– Да что ты говоришь? Подросток? А знаешь ты, что на днях она явилась домой после того, как ее поколотил парень, которого она подцепила в баре? Да-да, именно так, – добавила Эйвери, заметив, как побледнела Дороти-Рей, явно не поверившая своим ушам. – Психолог я, конечно, доморощенный, но мне кажется, Фэнси считает, что просто не заслуживает ничего лучшего. Думает, что не стоит любви, ведь никто ее не любит, хотя она из кожи вон лезла, чтобы вы ее замечали.

– Неправда, – упрямо затрясла головой Дороти-Рей.

– Боюсь, что правда. Как и кое-что еще. – Эйвери решила отбросить осторожность. В конце концов, на карту была поставлена жизнь совсем молоденькой женщины. – Она спит с Эдди Пэскелом.

– Я тебе не верю! – У Дороти-Рей сел голос. – Он в отцы ей годится.

– Несколько недель назад в Хьюстоне я видела, как она выходила из его номера в гостинице.

– Это еще не значит...

– Уже заря занималась, Дороти-Рей. Да и, глядя на нее, было совершенно ясно, чем она занималась ночь напролет. У меня есть все основания полагать, что их связь до сих пор продолжается.

– Он такого не сделает.

Как ни грустно, Дороти-Рей надеялась на порядочность друга семьи, но не собственной дочери.

– Он это делает.

Несколько мгновений Дороти-Рей переваривала сообщение Эйвери. Потом ее глаза вдруг сузились:

– Не тебе бросать камни в мою дочь.

– Ты меня не поняла. Я не осуждаю Фэнси, а беспокоюсь за нее. Ты ведь понимаешь, что человеку вроде Эдди она нужна только для одного. И что, учитывая его дружбу с Тейтом, вряд ли он станет поддерживать эти отношения сколько-нибудь долго и будет смотреть на них серьезно. Но больше всего меня волнует то, что Фэнси считает свое чувство к нему любовью. Если он ее бросит, это может еще больше снизить и без того низкую самооценку.

Дороти-Рей пренебрежительно усмехнулась:

– Уж что-что, а самооценка у моей дочери всегда была вполне высокой.

– И поэтому она там и сям цепляет незнакомых молодчиков и позволяет им себя обрабатывать? Поэтому прыгает от мужчины к мужчине, разрешая делать с собой все, что им заблагорассудится? Поэтому нацелилась на мужчину, который определенно ей не пара? – Эйвери покачала головой. – Нет, Фэнси совсем не нравится самой себе. И наказывает себя за то, что ее якобы нельзя любить.

Дороти-Рей затеребила салфетку. Потом тихо сказала:

– У меня никогда не получалось держать ее в узде.

– Правильно, потому что ты себя не можешь удержать.

– Ты жестока, Кэрол.

Эйвери захотелось обнять эту женщину и прижать к себе. Захотелось сказать: «Нет же, нет. Я говорю тебе это не из жестокости, а для твоего же блага».

Вместо этого она ответила так, как могла бы ответить Кэрол:

– Просто мне надоело отвечать за твои семейные неурядицы. Будь Джеку женой, а не плакальщицей.

– Какой в этом прок? – безнадежно вздохнула она. – Джек меня ненавидит.

– Почему ты так решила?

– Сама знаешь. Потому что уверен, что я обманом его на себе женила. А я действительно думала, что беременна. У меня была задержка.

– Если бы Джек тебя ненавидел, разве прожил бы он с тобой все эти годы? – возразила Эйвери. – Разве возвратился бы после того ухода?

– Возвратился, потому что ему велел Нельсон, – грустно пояснила Дороти-Рей.

Вон оно что. Джек всегда поступал так, как велел отец. Его привязывал к жене долг, не любовь. Он был рабочим битюгом, а Тейт – выставочным скакуном. Как много взаимной неприязни могло родиться из такого неравенства! Вероятно, Джек старался найти способ как-то посчитаться с братом и родителями.

Эйвери взглянула на Дороти-Рей совсем другими глазами и была вынуждена признать, что и сама она, чего доброго, зашла бы, попав в капкан безлюбовного брака, который держался лишь на родительской

воле. А для Дороти-Рей такое положение должно было быть особенно тяжким, потому что она, без сомнения, очень любила Джека.

– Держи. – Эйвери вынула из косметички чистую салфетку и подала ее Дороти-Рей. – Вытри глаза и подкрась губы.

Едва та успела с этим покончить, как дверь машины открылась, и к ним присоединилась Фэнси, усевшаяся напротив на одно из откидных мест.

– Боже, вся эта кампания – сущее дерьмо. Гляньте, что стало с моими волосами из-за этого вонючего ветра.

Дороти-Рей неуверенно покосилась на Эйвери, которая, однако, сохранила полную бесстрастность. Собравшись с духом, мать все же обратилась к дочери:

– Фэнси, нельзя употреблять такие выражения.

– С какой стати?

– Потому что леди не пристало произносить такие вещи.

– Леди? Точно, – вызывающе подмигнула Фэнси. – Пребывай и дальше в счастливом заблуждении, маман. И выпивай по этому поводу. – Она развернула пластинку фруктовой жвачки и отправила ее в рот. – Сколько нам тут еще торчать? Где в этой штуковине радио?

– Я бы попросила тебя не включать радио, Фэнси, – сказала Эйвери, – а то Мэнди проснется.

Фэнси тихо чертыхнулась и постучала друг о друга своими красными ботинками.

– Вечером на митинг тебе надо будет надеть что-нибудь более подходящее, – заметила Дороти-Рей, поглядев на едва прикрытые юбкой стройные ноги дочери.

Фэнси вытянула руки вдоль спинки своего сиденья:

– Да ну? Знаешь, у меня и нет ничего подходящего. Слава тебе Господи.

– Когда мы вернемся в отель, я просмотрю твои вещи и...

– Так тебе и дадут, жди! – вскинулась Фэнси. – Одну то, что пожелаю, черт возьми. К тому же я тебе ясно сказала, у меня нет...

– Как вы насчет пройтись по магазинам сегодня после обеда? – Фэнси и Дороти-Рей уставились на Эйвери, застигнутые врасплох ее неожиданным предложением. – Вы наверняка подыщете какое-нибудь платьице – подходящее, но в меру экстравагантное. Сама я, разумеется, пойти не смогу, но вы вполне можете взять такси и вдвоем съездить в

супермаркет, пока Тейт будет давать интервью на телевидении. Собственно говоря, – добавила она, чувствуя, что они колеблются, – у меня есть список вещей, которые вы могли бы заодно мне купить.

– А кто сказал, что я еду? – заартачилась Фэнси.

– Давай съездим, а?

Фэнси вскинула глаза на мать, говорившую совершенно спокойно, даже чуть робко. Девушка была определенно сбита с толку. Ее взгляд выражал недоверие, но и любопытство тоже. Эйвери вдруг почудилось, как из-под напускной бравады на миг проступила неуверенность и ранимость.

– Почему бы нам не поехать? – Голос Дороти-Рей чуть дрогнул. – Мы целую вечность не делали ничего такого вместе. Может быть, я тоже купила бы себе платье, если ты поможешь мне выбрать.

Фэнси даже приоткрыла рот, будто прежде хотела попробовать эту идею на вкус, но после минутного размышления снова напустила на себя наплевательски-залихватский вид:

– Ну, если уж тебе так хочется, почему бы и не смотаться. – Она выглянула из окна и увидела Эдди, шагавшего впереди группы мужчин к ожидающим лимузинам. – Тем более ясно как день, что ничего лучшего мне пока не светит.

– Здравствуйте, мистер Лавджой.

Вэн, наклонившись, возился со своей камерой. Он поднял голову и откинул назад длинные волосы.

– А, привет, Эй... э, миссис Ратледж.

– Рада вас снова видеть.

– Как и я. – Он вставил новую пленку и повесил аппарат на плечо. – Мне вас недоставало первую неделю турне, но, как я погляжу, семья воссоединилась.

– Да, мистер Ратледж пожелал, чтобы мы к нему приехали.

– Правда? – Вэн многозначительно посмотрел на нее. – Ну не прелестно ли?

Она ответила ему укоризненным взглядом. В течение дня она несколько раз видела Вэна, и они кивали друг другу, но только теперь ей представилась возможность с ним поговорить. Вторая половина дня прошла как в тумане, особенно после много ей объяснившего разговора с Дороти-Рей.

– Как идут дела? – поинтересовался Вэн.

– Кампания? Тяжелая работа. Сегодня пожало, наверное, тысячу рук, и это капля в море по сравнению с тем, что пришлось сделать Тейту.

Понятно, почему он был таким измотанным в вечер ее приезда. А ведь на людях ему полагалось всякий раз излучать бодрость и энтузиазм.

На сегодня это было последнее мероприятие. Официально банкет уже завершился, но многие, слушавшие выступление Тейта, продолжали толпиться вокруг него, чтобы теперь лично с ним побеседовать. Эйвери беспокоилась из-за того, что после трудного дня на него опять ложится такая нагрузка, но была рада случаю ускользнуть и поискать Вэна.

– Я слышал, он выпер этих ублюдков от «Вейкли и Фостера»?

– Слухом земля полнится.

– Пэскел уже сделал заявление по этому поводу. По мне, так Ратледж вовремя дал им пинка. Они попросту никого к нему не

подпускали. Добираться до него было все равно как трахаться, нацепив кой-куда подшипник вместо старой доброй резинки.

Эйвери понадеялась, что никто из окружающих не расслышал последнего изысканного сравнения. Если такой оборот и сошел бы для разговора с коллегой, то для ушей супруги потенциального члена Конгресса он вряд ли годился. Она поспешно сменила тему:

– Ролики, которые вы отсняли на ранчо, теперь идут по телевизору.

– Вы их видели?

– Великолепная работа, мистер Лавджой.

Он показал в улыбке кривые зубы:

– Благодарю, миссис Ратледж.

– Вы видели здесь кого-нибудь из знакомых? – невзначай спросила она, окидывая взглядом находящуюся в непрерывном движении толпу.

– Не в этот раз. – То как Вэн выделил слово «этот», заставило ее тут же посмотреть ему в лицо. – Но днем видел.

– Вот как? – Она вглядывалась в мелькавшие лица, но, к своему огромному облегчению, Седого среди них не находила. – Где? Здесь, в гостинице?

– На «Дженерал дайнемикс», а потом и на базе ВВС в Карсуэлле.

– Понятно, – выговорила она срывающимся голосом. – Это в первый раз за турне?

– Ага, – кивнул он. – Прощения просим, миссис Ратледж. Профессиональные обязанности. Мне сигналит репортер, пора сваливать.

– О, простите, что задержала вас, мистер Лавджой.

– Нет проблем. Рад помочь. – Он пошел прочь, но обернулся. – Миссис Ратледж, вам часом в голову не приходило, что этот кое-кто здесь следит за вами, а не за... э, вашим мужем?

– За мной?

– Совсем не приходило? А зря. – Во взгляде Вэна было предостережение. Мгновение спустя он растворился в людском круговороте.

Эйвери стояла не двигаясь и обдумывала намек, от которого у нее мурашки побежали по коже. Она не замечала движения толпы, шума и суматохи, не видела, что некто наблюдает за ней через комнату и

размышляет, о чем это она так долго беседовала с каким-то потрепанным телеоператором.

* * *

– Джек?

– Хм-м?

– Ты заметил мою новую прическу?

Впервые за много-много лет Дороти-Рей любовалась собственным отражением. В юности, когда она была самой популярной из девочек своего колледжа в Лампасасе, на общение с зеркалами уходила львиная доля ее времени. Но потом очень долго любоваться было нечем.

Джек устроился с газетой на кровати.

– Выглядит мило, – механически обронил он в ответ.

– Сегодня мы с Фэнси проходили мимо одного из этих модных салонов в супермаркете, где все парикмахеры одеты в черное, и у всех по несколько сережек в каждом ухе. (Джек хмыкнул.) И я возьми да скажи: «Фэнси, я подстригусь». Мы зашли, и одна из тамошних девушек сделала мне прическу, макияж и маникюр.

– Угу.

Она разглядывала себя в зеркале, поворачивая голову то влево, то вправо.

– Фэнси сказала, что мне надо осветлить волосы, вот тут, вокруг лица. И что это меня омолодит. А ты как думаешь?

– Думаю, я остерегся бы принимать какие бы то ни было советы от Фэнси.

Воспрявшая было Дороти-Рей слегка поникла, но подавила искушение отправиться в бар за живительной влагой.

– Я... я бросила пить, Джек.

Он опустил газету и впервые за вечер по-настоящему на нее посмотрел. Новая стрижка была короче, пышнее и шла Дороти-Рей. Искусно наложенная косметика несколько разгладила сухие морщины, залегшие от неумеренного употребления спиртного, и оживила прежде бледное, неухоженное лицо.

– С каких это пор?

Вновь обретенная уверенность в себе опять поколебалась, столкнувшись с его скептицизмом, но она по-прежнему высоко держала голову.

– С сегодняшнего утра.

Джек сложил газеты, бросил их на пол и протянул руку, чтобы выключить лампу в изголовье.

– Спокойной ночи, Дороти-Рей.

Она подошла к его кровати и включила свет. Он удивленно воззрился на нее.

– Джек, на этот раз я говорю всерьез.

– Ты говорила всерьез каждый раз, когда собиралась завязать.

– Теперь все будет по-другому. Я пройду обследование в какой-нибудь из тех больниц, куда ты хотел меня послать. Конечно, после выборов. Я ведь понимаю, сейчас не самое подходящее время, чтобы определять кого-то из членов семьи Тейта в больницу для алкоголиков.

– Ты не алкоголичка.

Она грустно улыбнулась.

– Алкоголичка, Джек. Самая настоящая. Тебе бы давно надо было заставить меня это признать. – Она протянула руку и робко коснулась его плеча. – Но я тебя не виню. Только я сама в ответе за то, во что превратилась.

Тут ее нежный подбородок, изящную линию которого не смогли погубить ни запои, ни горе, приподнялся еще чуть выше. С горделиво поднятой головой Дороти-Рей даже на миг напомнила на миг ту жизнерадостную студенточку, королеву красоты, в которую Джек когда-то влюбился.

– Я больше не хочу быть ни на что не годной пьянью.

– Увидим.

Он произнес это без особого оптимизма, но, по крайней мере, ей удалось завладеть его вниманием, а это было уже кое-что. Ведь в половине случаев он ее вообще не слушал, поскольку она редко могла сообщить ему что-нибудь мало-мальски интересное.

Она заставила его подвигнуться, присела рядом с ним на край кровати и чинно положила руки на колени.

– Надо постараться лучше присматривать за Фэнси.

– Желаю удачи, – фыркнул он.

– Да нет, я понимаю, что ее не посадишь на поводок. Она уже слишком взрослая.

– И слишком далеко зашла.

– Может, и так. Но я надеюсь, еще нет. Мне хочется, чтобы она знала: мне безразлично, что с ней происходит. – Губы Дороти-Рей тронула легкая улыбка. – На самом деле мы с ней сегодня вполне ладили. Она мне помогла выбрать платье. А ты заметил, как она была одета вечером? Тоже несколько кричаще, но, по ее меркам, даже строго. Даже Зи похвалила. Фэнси необходима твердая рука. Только тогда она будет чувствовать, что мы ее любим. – Она помолчала, неуверенно глядя на мужа. – А еще я хочу тебе помочь.

– В чем это?

– В том, чтобы оправиться от разочарований.

– Разочарований?

– В особенности с Кэрол. Не надо ничего признавать или отрицать, – поспешно добавила она. – Сейчас я трезва как стеклышко и знаю, что твои желания мне не просто померещились с пьяных глаз. И неважно, удовлетворил ты их или нет. Разве я могу винить тебя за неверность? Временами очередная рюмка была мне милее, чем ты. Я знаю, ты влюблен в Кэрол. Во всяком случае, увлечен ей. Она играла тобой и больно тебя ранила. Мне хочется помочь тебе ее забыть. Еще я хочу помочь тебе пережить разочарования вроде утреннего, когда Тейт поступил вопреки твоему мнению. – Набравшись смелости, на сей раз она погладила его по щеке. Ее рука лишь чуть-чуть подрагивала. – Не знаю, ценит ли тебя кто другой за то, что ты такой хороший, но я ценю. Ты всегда был моим героем, Джек.

– Тоже мне герой! – саркастически усмехнулся он.

– Для меня – герой.

– К чему ты все это, Дороти-Рей?

– Я хочу, чтобы мы опять друг друга любили.

Какое-то мгновение он смотрел на нее так, как не смотрел уже долгие годы, без прежнего равнодушия:

– Сомневаюсь, что это получится.

Ее испугала безнадежность в его голосе, но она все-таки заставила себя слабо улыбнуться:

– Мы попробуем. Вместе. Спокойной ночи, Джек.

Она выключила свет и легла рядом с ним. Он не ответил ей, когда она обняла его, но и не отвернулся, как это обычно делал.

После выхода Кэрол из больницы бессонница стала нормой. Однако ночи вынужденного бодрствования были поистине благословенны. Ночью лучше всего думается. Кругом никого; нет ни движения, ни шума, отдающегося в мозгу. Ночь несла озарение.

Но вот логику не удавалось восстановить даже ночью. Потому что, сколько ни анализируй данные, «логичная» гипотеза представлялась абсурдной.

Кэрол была не Кэрол.

Всевозможные «как», «почему» и «зачем» тоже требовали ответа, но все же значили неизмеримо меньше, чем сам по себе несомненный факт: Кэрол Наварро Ратледж кем-то подменили. Потеря памяти лишь отчасти объясняла полное изменение ее личности. На это можно было списать то, что она снова влюбилась в своего мужа, но оставалось совершенно непонятным, откуда она приобрела совершенно новые черты характера. Такое представлялось возможным, только если допустить, что на ее месте оказалась другая женщина.

Кэрол была не Кэрол.

Тогда – кто она?

Мучительный вопрос, если учесть, сколько поставлено на карту. План, вынашиваемый долгие годы, должен вот-вот воплотиться в жизнь... если на пути не встанет какое-то неожиданное препятствие. Все звенья цепи пришли в движение. При всем желании поворачивать назад было бы поздно. Сладость мести иногда замешана на горьких жертвах. Возмездие должно совершиться.

Но до того, как это произойдет, за самозванкой под личиной Кэрол необходимо наблюдать. Она выглядит совершенно невинной, но береженого Бог бережет. Кто она такая и почему ей вздумалось выдавать себя за другую – если, конечно, так оно и есть, – совершенно непонятно.

Сразу по возвращении домой нужно будет найти ответы на эти вопросы. Наверное, надо еще раз подкинуть ей приманку и посмотреть, как она себя поведет и к кому метнется. Да, и еще одно. Нельзя, чтобы она насторожилась, догадавшись, что ее хотят раскрыть.

Тут партнер, конечно, согласится. Отныне им необходимо следить за каждым ее шагом и выяснить, кто она.

Начнем с того, что выясним, кто же в действительности погиб в катастрофе рейса 398... И кто остался жив.

– Привет.

– Привет, Джек. Присаживайся. – Тейт указал брату на стул напротив и знаком попросил официанта налить ему кофе.

– Ты никого не ждешь?

– Нет. Кэрол с Мэнди сегодня проспали. Я встал, пробежался, оделся, а они только проснулись. Кэрол сказала, чтобы я их не ждал и спускался. Ненавижу есть в одиночестве, хорошо, что ты пришел.

– В самом деле?.. – хмыкнул Джек. – Завтрак номер три. Проследите, пожалуйста, чтобы свинину хорошо зажарили, – последние слова адресовались официанту.

– Обязательно, мистер Ратледж.

– Неплохо иметь знаменитого брата, – заметил Джек, когда официант удалился с заказом. – Обслуживание по высшему классу тебе гарантировано.

Тейт откинулся на стуле, положив руки по обеим сторонам тарелки:

– Может, объяснишь, что ты имел в виду, когда меня поддел?

– Поддел? – Джек высыпал в свою чашку два пакетика с сахаром.

– Да. Ты спросил, в самом ли деле мне приятно с тобой завтракать?

– Я просто думал, что после вчерашнего...

– Вчера все сложилось блестяще.

– Я о разговоре с Дерком и Ральфом.

– Ты все еще на взводе из-за того, что я их выгнал?

– Ладно, это твоя кампания.

– Это наша кампания.

– Черта с два.

Тейт был готов возразить, но появился официант с завтраком Джека, и ему пришлось подождать, пока они снова останутся вдвоем. Подавшись вперед, он миролюбиво произнес:

– Я поступил так не потому, что пренебрегаю твоим мнением.

– А для меня это выглядело именно таким образом. Как и для всех прочих.

Тейт разглядывал остатки сосисок с вафлями, остывавшие у него в тарелке, но не спешил опять взяться за вилку.

– Прости, если ты все принял так близко к сердцу, но их тактика ничего мне не приносила. Я выслушал тебя, Эдди, папу...

– И в результате сделал, как сказала Кэрол.

Тейта изумил злобный тон, которым это было сказано:

– При чем здесь Кэрол?

– Тебе виднее.

– Она моя жена.

– Это твоя забота.

Тейт был совсем не расположен обсуждать с братом свои семейные проблемы и вернулся к основному предмету их размолвки:

– Джек, ведь баллотируюсь я, а не кто-то другой. В конечном итоге, только я несу ответственность за то, как проходит моя кампания. И только мне предстоит отвечать за то, как я зарекомендую себя в Конгрессе, если меня туда изберут. Мне, Тейту Ратледжу, и никому больше, – подчеркнул он.

– Я это понимаю.

– Тогда работай вместе со мной, а не против меня! – Разгорячившись, Тейт отодвинул тарелку и уперся локтями в стол. – В одиночку мне не справиться. Черт, неужели ты думаешь, я не понимаю, как ты отдаешься нашему делу?

– Больше всего на свете мне хотелось бы видеть тебя в Сенате.

– Да знаю я, Джек. Ты же мой брат, и я тебя люблю. Я ценю твое упорство, самоотреченность, ценю то, что благодаря тебе могу не беспокоиться о множестве деталей. И отдаю себе отчет – причем, возможно, больше, чем тебе кажется, – что, пока я гарцую на белом коне, ты тихонько убираешь навоз.

– Я никогда не претендовал на то, чтобы гарцевать на белом коне, Тейт. Мне просто хочется, чтобы иногда мне воздавали должное за образцовую уборку навоза.

– Более чем образцовую, – отозвался Тейт. – Жаль, что мы вчера разошлись, решая этот вопрос, но временами мне приходится следовать инстинкту, что бы мне ни советовали. Да и стали бы вы сами мне помогать, будь все наоборот? Годился бы я в кандидаты на

государственную должность, если бы меня можно было уговорить пойти на какие-то вроде бы вполне целесообразные, правильные, выгодные действия, которые мне самому ужасно не по нутру?

– Наверное, нет.

Тейт печально улыбнулся:

– Так что в конце концов выходит, задницу на всеобщее обозрение выставляю все-таки я.

– Только не жди, что я буду ее целовать, когда считаю, что ты не прав.

Оба рассмеялись. Джек первым стал опять серьезным и подозвал официанта, чтобы тот убрал тарелки и добавил им кофе.

– Тейт, если уж мы устраняем старые недоразумения...

– То?

– У меня такое впечатление, что вы с Кэрол сейчас ладите лучше.

Тейт внимательно посмотрел на брата:

– Пожалуй.

– Что ж, это... это хорошо. Если приносит тебе счастье. – Джек теребил пустой пакетик из-под сахара.

– А с какой стати я должен ждать из-за этого неприятностей?

Джек откашлялся и неловко заерзал на стуле.

– Даже не знаю, тут есть что-то... – Он провел рукой по редющим волосам. – Нет, ты решишь, что я совсем спятил.

– Проверь, решу или нет.

– Что-то тут непонятно.

– То есть?

– Да не знаю даже. Черт возьми, это ты с ней спишь. И если уж ничего не замечаешь, значит, мне точно мерещится. – Он помолчал, ожидая в ответ подтверждения или опровержения, но не получил ни того, ни другого. – Ты видел, как вчера вечером она разговаривала с тем телевизионщиком?

– Каким телевизионщиком?

– Который был оператором, когда снимались коммерческие ролики на ранчо.

– Его зовут Вэн Лавджой. Он освещает мою кампанию для «Кей-Текс».

– Ага. – Джек развел руками и издал сухой смешок. – Просто странно, что Кэрол нашла необходимым побеседовать с ним во время

вчерашнего сборища, вот и все. Потихоньку потянулась за ним сразу, как только он сошел с подиума. А ведь это не совсем ее тип. (Тейт поднял голову.) Я имею в виду... – забормотал Джек, – что он не... Черт, ты сам понимаешь.

– Да, я сам понимаю. – Голос Тейта был совершенно спокоен.

– Ну, мне, наверное, пора подняться и растолкать Фэнси с Дороти-Рей. Эдди хочет, чтобы к половине двенадцатого все собрались в вестибюле, готовые к отъезду. – Уже на ходу он ласково хлопнул брата по плечу. – По-моему, завтрак удался.

– По-моему, тоже.

Тейт невидящими глазами смотрел куда-то за окно. Значит, вчера вечером Кэрол разговаривала с Вэном Лавджоем? Зачем?

Он не сказал брату, что она уже беседовала однажды с этим оператором. Стало быть, вопреки ее пространному объяснению, которое он тогда от нее услышал, тот разговор на тротуаре около «Адольфуса» был не так уж невинен.

В тот раз она самым очевидным образом лгала. Он это понимал, но потом поцеловал ее, она поцеловала его, и за этим он совсем забыл, с чего началась размолвка. У них все шло так замечательно. И надо же было набежать этой тучке сомнения.

Раньше постель никогда не приносила им столько радости и удовлетворения. Да, их секс и прежде был не менее пылким. И изощренным. Но теперь создавалось ощущение, что изощренным сексом с ним занималась настоящая леди, а это было еще лучше. Отныне она не форсировала предварительные игры. Не бросала грязных словечек. Не вскрикивала, изображая полное удовлетворение, а лишь прерывисто дышала, и, на его взгляд, это было гораздо эротичнее. К тому же он мог поклясться, что все ее оргазмы были непритворными. В ее объятиях он ощущал какую-то новизну, подобие тайны, будто их любовь была чуть ли не запретной. Как ни банально это звучит, но каждый раз для него был словно бы первым. Он неизменно обнаруживал в ней нечто ранее ему неизвестное.

Ее никогда не отличала стыдливость, она без тени смущения то и дело разгуливала в голом виде. Однако в последнее время она предпочитала разжигать его с помощью пикантного нижнего белья, а не демонстрацией обнаженных прелестей. Вчера утром, когда они

занимались любовью на диване в гостиной, она настояла, чтобы сначала он задернул занавески. Ему пришло в голову, что ее щепетильность объяснялась нежеланием показывать уже почти неразличимые шрамы на руках.

Такая почти девическая скромность восхищала его. Она соблазняла своей сдержанностью. Ему еще не привелось увидеть при свете дня то, что его руки и губы ласкали в темноте. И будь он неладен, если он не желал ее из-за этого еще сильнее.

Вчера он весь день неотвязно думал о ней. Участвовал ли он в дебатах, произносил ли зажигательную речь, его постоянно томило вожделение. Когда бы они ни встретились глазами, их взгляды выражали лишь нетерпение и желание скорее опять очутиться в постели.

У него появилась привычка подсознательно следить за тем, где она находится, и изобретать предлоги, чтобы оказаться рядом и прикоснуться к ней. Но, может быть, она водит его за нос? Может быть, ее застенчивость – только трюк, чтобы его оплести? Откуда у нее этот необъяснимый интерес к какому-то оператору?

С одной стороны, Тейту хотелось незамедлительно получить ответы на все вопросы. Но если ради этого пришлось бы пожертвовать миром в семье и радостями постели, он был готов на неопределенный срок отложить разгадку всех секретов.

Зинния Ратледж стояла и рассматривала развешанные на стене фотографии в рамках. Из-за этих снимков ей и нравился весь офис, она могла бы часами вот так на них глядеть, чего она, конечно, никогда не делала. Фотографии вызывали у нее дорогие, но в то же время горькие воспоминания.

Звук открывающейся двери заставил ее обернуться.

– Здравствуйте, Зи, я вас напугала?

Зи торопливо сморгнула стоявшие в глазах слезы и взяла себя в руки:

– Здравствуй, Кэрол. Ты действительно застала меня врасплох. Я ведь ждала Тейта. – Они собирались встретиться у него в офисе и пообедать наедине, только он и она.

– Поэтому он и послал меня сюда. Боюсь, я принесла плохие новости.

– Он не сможет приехать, – догадалась Зи, не скрывая разочарования.

– К сожалению, не сможет.

– Надеюсь, все в порядке?

– Почти. В хьюстонском отделении полиции проходят дебаты по вопросам труда.

– Знаю. Об этом сообщали все газеты.

– Так вот, сегодня утром выяснилось, что ситуация близка к переломной. Час назад Эдди решил, что Тейту следует туда отправиться и выступить с заявлением. Если верить последнему опросу, Тейт сокращает разрыв и теперь отстает от Деккера всего на пять пунктов. Весы колеблются, и в Хьюстоне Тейту представилась прекрасная возможность изложить кое-какие свои идеи не только по вопросам рабочей силы и менеджмента, но и насчет законодательного обеспечения. Они летят частным самолетом и вернутся через несколько часов, так что обед отменяется.

– Тейт любит летать не меньше своего отца, – заметила Зи с горькой улыбкой. – Перелет будет ему в радость.

– Смогу ли я хоть немного заменить его сегодня?

Робкое предложение вывело Зи из задумчивости.

– Ты приглашаешь меня вместе пообедать?

– Что в этом такого ужасного?

Зи оглядела невестку и не нашла в ее облике практически ничего, к чему можно было бы придраться. После выздоровления Кэрол почему-то стала намного утонченнее. Одевалась она по-прежнему эффектно, но теперь делала упор больше на элегантность, нежели на соблазнительность.

Броскость, которой Кэрол так любила раньше злоупотреблять, всегда вызывала у Зи отталкивающее чувство, и она была рада, что в этом отношении невестка изменилась. Но пусть и безукоризненно одетая, стоящая перед ней женщина внушала ей сейчас такое же отвращение, как и в первую их встречу.

– Боюсь, я должна отказаться.

– Почему?

– Ты никогда не понимала, когда надо перестать на чем-то настаивать, Кэрол. – Зи взяла свою сумочку.

– Почему вы не хотите со мной пообедать?

Эйвери встала в дверях, не дав свекрови с достоинством удалиться.

– Я настроилась на обед с Тейтом, – сказала Зи. – Я понимаю, почему он отменил нашу встречу, но все равно разочарована и не собираюсь этого скрывать. В последнее время мы так редко бываем с ним наедине.

– Это-то и выводит вас из себя, правда?

Миниатюрная фигурка Зи подобралась от напряжения. Если Кэрол хочет открытого столкновения, она не станет уклоняться.

– На что ты намекаешь?

– Для вас невыносимо, что Тейт проводит со мной больше времени, чем с вами. Вы ревнуете: ведь наши отношения день ото дня становятся прочнее.

Зи рассмеялась негромко и презрительно:

– Ах, как бы тебе самой хотелось в это верить, а, Кэрол? Тебе спокойнее воображать, будто я просто-напросто ревную, а сама ведь знаешь, что я с самого начала была против вашего брака.

– Вот как?

– Не притворяйся. Тейт ведь знает, и я уверена, что вы это между собой обсуждали.

– Конечно. Да если бы и не обсуждали, я все равно не могла не понять, как вы меня не любите. Не слишком-то хорошо вы скрывали свои чувства, Зи.

Зи улыбнулась, но скорее печально.

– Ты бы диву далась, знай ты, насколько я в действительности научилась прятать свои мысли и чувства. Я теперь специалист по этой части. – Заметив во взгляде Кэрол насмешку, Зи насторожилась и закончила ледяным тоном: – Ты пытаешься как-то подправить ваши с Тейтом отношения. Нельсон в восторге. Я – нет.

– Почему же? Я знаю, что вы желаете Тейту счастья.

– Именно. Но, угодив тебе в когти, он никогда не будет счастливым. Послушай, Кэрол, мне прекрасно известно, что вся твоя любовь и забота – сплошное притворство. Они насквозь фальшивы, как и ты сама.

Со злорадным удовлетворением Зи заметила, как побледнело лицо Кэрол под тщательно наложенным макияжем. Ее голос прозвучал глухо:

– Фальшивы? Как это понимать?

– Вскоре после того как вы поженились, и я начала чувствовать, что у вас не все в порядке, я наняла частного сыщика. Гадко, что и говорить. Ничего унижительнее мне не приходилось переживать ни до, ни после, но я пошла на это ради своего сына. Сыщик оказался на редкость гнусной личностью, но дело свое знал блестяще. Ты наверняка сообразила, что он составил на тебя полное досье, раскопав, чем ты занималась до прихода в фирму «Ратледж и Ратледж».

Зи прямо чувствовала, как у нее поднимается давление и внутри у нее все будто плавится, подогреваемое ненавистью к женщине, которая с холодной расчетливостью агента КГБ пустила пыль в глаза всем мужчинам из семейства Ратледжей и влюбила в себя Тейта.

– Мне вряд ли стоит подробно распространяться о всей той мерзости, которая там собрана, верно? Одному Богу известно, что еще осталось за пределами этого досье. Но могу тебя заверить, что оно среди прочего сжато излагает историю твоей карьеры в качестве танцовщицы стриптиза. Наряду с описанием достижений на других поприщах, – добавила она, брезгливо пожав плечами. – Сценические

псевдонимы ты себе выбирала звучные, но, на мой взгляд, не слишком оригинальные. Детектив прекратил свои разыскания прежде, чем выяснил имя, которое ты получила при рождении, но оно никому не интересно.

Казалось, Кэрол сейчас стошнит. Она сглотнула так громко, что звук разнесся по всему офису, к счастью, пустовавшему: секретарша Тейта вышла пообедать.

– Кто-нибудь еще знает об этом... этом досье? Тейт знает?

– Нет, – ответила Зи, – хотя я много раз испытывала искушение показать ему папку, в последний раз – когда я поняла, что он опять в тебя влюблен.

– Разве? – тихо выдохнула Кэрол.

– К моему большому смятению, похоже на то. Во всяком случае, он тобой очарован. Возможно, вопреки доводам своего рассудка. Он увлекся той Кэрол, что заново родилась после катастрофы. Наверное, в следующий раз ты назовешься Фениксом: ты ведь восстала из пепла.

Склонив голову набок, Зи какое-то мгновение созерцала свою собеседницу.

– Ты необыкновенно умная молодая женщина. Твое превращение из второразрядной стриптизерши в очаровательную леди и возможную жену сенатора просто поразительно. Сколько всего нужно было спланировать, изучить, как над собой поработать! Ты даже сочинила себе испанскую фамилию. Очень выигрышно звучит для жены техасского политика. Но уж совсем потрясающе, что ты чуть ли не сама уверовала во все эти перемены. Я была даже готова решить, что ты и впрямь не притворяешься, но вовремя вспомнила, какой ты была с Тейтом и Мэнди утром перед катастрофой, и сравнила с тобой теперешней. – Зи покачала головой. – Никому не дано так стремительно меняться, будь человек хоть семи пядей во лбу.

– Откуда вы знаете, может быть, я так изменилась из-за любви к Тейту? Я стараюсь стать такой, какая ему нужна.

Скользнув по ней взглядом, Зи отстранила ее и взялась за дверную ручку:

– Я знаю одно: ты не та, за кого себя нам выдаешь.

– И когда вы думаете меня разоблачить?

– Никогда.

Кэрол вздрогнула от изумления.

– Пока Тейт доволен и счастлив, я не буду его разочаровывать. Папка останется нашим секретом. Но только попробуй опять начать его мучить, Кэрол, и я тебя уничтожу.

– Этим вы уничтожите и самого Тейта.

– Я не собираюсь устраивать публичного разоблачения. Достаточно будет показать досье Тейту. Он не допустит, чтобы его дочь растила шлюха, пусть и перевоспитавшаяся. Для меня это тоже невыносимо, но выбора нет. Нам очень редко предоставляется возможность по-настоящему выбирать.

На лице Кэрол появилось выражение предельного отчаяния. Она схватила Зи за руку:

– Не рассказывайте ничего Тейту. Пожалуйста, Зи. Это его убьет.

– Только поэтому я и смогла так долго продержаться, – ответила Зи, высвободив руку. – Но ты уж поверь мне, Кэрол, если мне придется выбирать, причинить ли ему временное страдание или постоянно видеть его несчастным, я любой ценой постараюсь предотвратить последнее.

На пороге она добавила:

– Я уверена, что ты станешь искать досье. Не затрудняй себя попытками его уничтожить. Существует дубликат в сейфе, который могу открыть только я сама или, в случае моей смерти, Тейт.

* * *

Эйвери отперла входную дверь своим ключом и вошла:

– Мона! Мэнди!

Обнаружив их на кухне, она обняла девочку, прижавшись к ее личику холодной щекой. Всю дорогу из Сан-Антонио она вела машину с опущенными оконными стеклами. После выбившей ее из колеи беседы с Зи она вся горела. К тому же прохладный воздух прогонял тошноту, которая одолевала ее при мысли о грязной истории Кэрол Наварро.

– Вкусный супчик, моя хорошая?

– Угу, – ответила Мэнди, отправив в рот ложку куриной лапши.

– Я не ждала никого к обеду, миссис Ратледж, но могу быстро что-нибудь приготовить.

– Спасибо, Мона, не надо. – Эйвери повела плечами, сбросив пальто, и села к столу. – Я не хочу есть. Чашечку чая я бы еще выпила, если это вас не очень затруднит.

Она нервно ломала пальцы, пока экономка не поставила перед ней дымящуюся чашку с ароматным чаем.

– Вы хорошо себя чувствуете, миссис Ратледж? У вас так горят щеки.

– Все в порядке. Немного озябла.

– Надеюсь, это не грипп. Его вокруг столько – легко заразиться.

– Все в порядке, – повторила она со слабой улыбкой. – Допивай сок, Мэнди, и я почитаю тебе перед сном.

Она старалась отвечать на болтовню Мэнди, которая явно продолжала делать успехи, но мысли ее постоянно возвращались к Зи и собранным той скандальным сведениям о Кэрл.

– Все?

Она похвалила Мэнди, которая гордо протянула ей две пустые тарелки, допила чай и повела девочку в спальню. Там она помогла ей расшнуровать ботиночки, уложила в кровать, укрыла стеганым одеялом и устроилась рядом, взяв большую книжку с картинками. В детстве такую книжку ей читал отец. Она была полна изумительных иллюстраций: златокудрых красавиц выручали из беды мужественные герои, преодолевавшие невообразимые препятствия. Самые ранние и дорогие воспоминания были связаны для нее с этим чтением. Она лежала под одеялом или сидела у отца на коленях, а его голос постепенно ее убаюкивал.

Это были драгоценные, долгожданные минуты: отец был дома и занимался с ней. В сказках, которые он читал, отцы-короли обязательно обожали своих дочерей-принцесс. И добро неизменно торжествовало над злом. Конечно. Недаром сказка – это то, что существует лишь в слове, лишь рассказывается. Они парят над реальностью, в которой отцы порой месяцами не дают о себе знать, а зло берет верх слишком часто.

Когда Мэнди заснула, Эйвери выскользнула из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь. Мона после обеда всегда уходила на пару часов к себе, чтобы посмотреть сериал и отдохнуть, перед тем как готовить ужин.

Больше в доме никого не было, но к тому крылу, где жили Зи с Нельсоном, Эйвери кралась на цыпочках. Она не задумывалась о правомерности своего поступка. При других обстоятельствах о столь чудовищном вторжении невозможно было и помыслить. Но те обстоятельства, которые имелись налицо, сделали его необходимым.

Она легко определила, где находится их спальня. Очень уютная комната. Шторы были задернуты, чтобы не пропускать чересчур яркий свет осеннего дня. В воздухе ощущалось легкое цветочное благоухание, которое ассоциировалось у нее с Зи.

Стала бы она держать столь шокирующую документацию в изящном бюро в стиле королевы Анны? А почему бы и нет? Оно казалось вне подозрений, как юная монахиня. Кому придет в голову туда лезть? Нельсон занимался делами фирмы за массивным столом в кабинете на первом этаже. С какой стати ему копать в бюро супруги?

Эйвери взяла с туалетного столика пилочку для ногтей и поддела ей миниатюрный золотой замок на выдвижном ящике. Она даже не пыталась скрыть следы преступления. Зи ведь ожидала, что она постарается проверить ее слова.

Замок был не самый надежный. Через несколько секунд Эйвери выдвинула ящик. В нем оказалось несколько плоских коробочек с почтовыми принадлежностями, помеченными инициалами Зи, альбом марок, записная книжка и две Библии в черном переплете – одна с отгиснутым золотом именем Джека, другая – с именем Тента.

В глубине ящика лежала картонная папка. Эйвери вынула ее и расстегнула металлический зажим.

Пять минут спустя она вышла из комнаты бледная и дрожащая. Ее всю трясло как в лихорадке и мутило. Безобидный чай бунтовал у нее в желудке. Она кинулась к себе и заперлась. Облокотившись спиной о дверь, она вбирала в себя освежающие потоки воздуха из окна.

Тейт. Ох, Тейт. Если только ему доведется заглянуть в эту папку...

Надо принять душ. Скорее. Немедленно.

Она сбросила туфли, стянула свитер, распахнула шкаф. И вскрикнула.

Отшатнувшись, она обеими руками зажала рот, из которого продолжали вылетать нечленораздельные звуки. От движения

открывающейся двери предвыборная афиша Тейта закачалась на красном шнуре, точно тело на виселице.

Посередине лба Тейта красной краской было намалевано отверстие от пули. Краска стекала по его лицу, чудовищно контрастируя с его улыбкой. Через всю афишу шли слова: «В день выборов!»

Эйвери кинулась в ванную, и ее стошнило.

– Это было кошмарно. Так мерзко.

Эйвери сидела, почти уткнувшись в стакан с бренди, который налил ей Айриш, уверяя, что это ее успокоит. Первый же с трудом давшийся глоток едва не воспламенил ее внутренности, но она все сжимала стакан в руке, потому что ей надо было за что-то держаться.

– Вся эта дерьмовая история – мерзость от начала и до конца, – объявил в ответ воинственный хозяин. – Я всегда так считал. Разве я тебя не предупреждал? Не предупреждал я тебя, а?

– Ну, предупреждал. Чего заладил?

– А к тебе кто обращался? – накинулся Айриш на Вэна, который под сурдинку потягивал кое-что, несколько отличавшееся содержимым от обычной сигареты. Впрочем, Айриш был слишком расстроен, чтобы это заметить.

– Эйвери ко мне обратилась. Позвонила и сказала, чтобы я во все лопатки чесал сюда, ну, я и чесанул.

– Я спрашиваю, кого тут интересует твое мнение?

– Да прекратите вы оба! – выкрикнула Эйвери. – И потом, Вэн, брось ты эту дрянь, Христа ради! Меня тошнит от ее запаха.

Она провела пальцами по губам, будто боялась, что ее снова вывернет.

– Афиша меня просто в ужас привела. Он действительно собирается это сделать. Я знала, всегда знала, но теперь...

Она поставила стакан на столик для кофе и поднялась, растирая себе руки. Даже в свитере она никак не могла согреться.

– Кто он, Эйвери?

Она покачала головой:

– Не знаю. Он может быть кем угодно. Я не знаю.

– А кто имеет доступ в твою комнату?

– Я пришла в полдень, так что до этого момента туда любой мог попасть. Мона говорит, в доме впору турникет устанавливать. Одни входят, другие выходят, и так все время. Ведь скоро выборы.

– Откуда ты знаешь, что никто за тобой не увязался по пути из усадьбы?

– Я постоянно смотрела в зеркало заднего вида и несколько раз развернулась. К тому же, когда я уезжала, дома никого не было.

– А в папке, которую ты отыскивала в столе у свекрови, никакого ключа к этому делу не обнаружилось?

В ответ на бесцеремонный вопрос Вэна Эйвери лишь растерянно покачала головой.

– Странная она какая-то, – заметил он.

– Почему ты так думаешь?

– Я много ее снимал. Вечно улыбается, машет ручкой, но черта с два я поверю, что она и впрямь весела и счастлива.

– Понятно, о чем ты. Она очень скрытная и мало говорит. Во всяком случае, до сегодняшнего дня говорила мало.

– Расскажи-ка нам лучше о Кэрол Наварро, – сказал Айриш. – Она важнее для дела, чем Зи Ратледж.

– Кэрол, или как там ее в действительности звали, была потаскушкой. Танцевала в самых низкопробных ночных клубах...

– Сиськи показывала, – уточнил Вэн.

– ...под разными пикантными и соблазнительными именами. Два раза арестовывалась, первый раз за непристойное поведение в общественном месте, второй – за проституцию, но оба обвинения были сняты.

– Ты уверена в этих сведениях?

– Частный детектив, возможно, и правда был гнусной личностью, но потрудились он на совесть. С помощью информации, которую он передал Зи, я с легкостью отыскивала несколько мест, где она подвизалась.

– Когда же ты успела? – удивился Айриш.

– Перед тем как ехать сюда. Я даже переговорила кое с кем из ее знакомых – с другими танцовщицами, нанимателями и так далее.

– Они не принимали тебя за нее? – спросил Вэн.

– Да, все. Я объяснила наше сходство, представившись двоюродной сестрой. Говорила, что мы давно не виделись.

– И что они о ней сообщили?

– Она оборвала все связи. Никто не знал, что с ней случилось. Мне попался один голубой, который за двадцать долларов рассказал, что она якобы вознамерилась распрощаться с ночной жизнью, пойти в

школу бизнеса и выбиться в люди. Больше он ничего не помнит. И ни разу ее не видел с тех пор, как она уволилась из клуба.

– Все это, конечно, одни предположения, но мне кажется, Кэрол постаралась совершенно себя изменить, максимально облагородилась, чтобы попасть в фирму Ратледжей. И когда оказалась там, то обнаружила способ подняться еще выше, выйдя замуж за Тейта. Помнишь, Айриш, несколько лет назад я делала репортаж о проститутках?

– Когда ты работала на детройтском вещании? Конечно, а как же. Ты же прислала мне пленку. Но при чем здесь это?

– Видимо, Кэрол по своему складу сродни тем женщинам. Почти все они заявляют, что ненавидят мужчин. Наверное, она была такой же.

– Ты ведь не знаешь наверняка.

– Да? А ты взгляни, как она обошлась с Джеком. Флиртовала с ним направо и налево, чуть не разрушила семью, но при этом, похоже, он так и не получил то, чего хотел. Что это, как не жестокость, не злоба? Ну хорошо, сформулируем предельно осторожно: она не слишком одобряла мужчин и решила сломать жизнь наиболее одаренному из них, заодно возвысив себя.

– Но разве она не боялась, что ее кто-нибудь узнает, и ее темное прошлое выплывет наружу?

Эйвери уже и сама размышляла об этом.

– Да разве ты не видишь, что для нее здесь был самый смак? Ведь Тейт оказался бы в ужасно унижительном положении, если бы вдруг выяснилось, кем была раньше его жена.

– Ну и остолоп же он, если на нее клюнул, – буркнул Вэн.

– Ты не понимаешь, насколько она все просчитала, – встала на защиту Тейта Эйвери. – Она стала для него всем. Расставила ловушку с собственной персоной в качестве идеальной приманки. Красивая, живая, сексуальная. Но дело не только в этом. Кто-то, хорошо знающий Тейта, как следует натаскал ее, научил, на какие кнопки нажимать, чтобы чисто плотское влечение переросло в любовь.

– Тот, кто хочет его убить?

– Именно, – мрачно кивнула Эйвери, подтвердив догадку Вэна. – Этот человек не хуже Зи чувствовал двуличие Кэрол.

– Почему же, когда он к ней подкатился, она не выложила все Тейту?

– Этого я не понимаю, – созналась она. – В моей теории еще есть недостающие звенья. Может быть, ее больше прельщала роль убитой горем вдовы политика, нежели жены сенатора.

– Тот же статус, но без мужа, который ей только мешал, – предположил Айриш.

– Угу. К тому же она не была уверена, что Тейт пробьется в Сенат. Или сообщник поманил ее деньгами. В любом случае, после того как они поженились, в ее обязанности входило всячески изводить Тейта, и уж тут она резвилась, как могла.

– Но почему все-таки кому-то понадобилось его изводить? – спросил Айриш. – Мы постоянно упираемся в этот вопрос.

– Не знаю. – В голосе Эйвери звучало тихое отчаяние. – Я бы все отдала, чтобы узнать.

– А какие выводы ты сделала из последней их весточки? – задал очередной вопрос Айриш.

Она провела рукой по волосам:

– Совершенно очевидно, что они собираются действовать в день выборов. И воспользуются для этого ружьем или чем-нибудь вроде того.

– Ну, не знаю, – задумчиво произнес Айриш. – Уж больно они на этот раз откровенны.

– То есть?

– Как тебе сказать... – Он слегка прикусил губу, продолжая размышлять. Потом машинально взял стакан с бренди, который отставила Эйвери, и сделал внушительный глоток. – Куда подевалась прежняя иносказательность? Либо тебя испытывают, либо он – самый наглый сукин сын из всех, какие мне попадались.

– Может, вся его наглость оттого, что поздно дать отбой, – угрюмо заявил Вэн. – Дело на мази, все расставлены по местам.

– В том числе Седой? – спросила Эйвери.

Вэн пожал плечами.

– Слушай, а тот материал, который ты сегодня отснял в Хьюстоне, – там его нет?

– Не-а. С самого Форт Уорта не появлялся. Эйвери ведь дома сидит. – Его взгляд стал туманным от марихуаны, но на Эйвери он

посмотрел так многозначительно, что от Айриша это не укрылось.

– Так-так. Ну вы, двое, о чем я еще не знаю?

Эйвери провела языком по губам:

– Вэн считает, что Седой, возможно, следит за мной, а не за Тейтом.

Голова Айриша повернулась на толстой шее, и он взглянул на Вэна:

– С чего ты взял?

– Так, с потолка, но...

– На всех пленках он смотрит на Тейта, а не на меня, – рассудительно возразила Эйвери.

– Трудно сказать. Ты же всегда стоишь совсем рядом с ним.

– Эйвери. – Айриш взял ее за руку, усадил на диван, опустился перед ней на корточки. – Теперь послушай меня внимательно. Ты должна сообщить властям.

– Я...

– Сказал тебе, слушай. Значит, молчи в тряпочку и слушай. – Он собрался с мыслями. – Ты здорово влипла, детка. Я понимаю, почему ты на это пошла. Захватывающая идея, единственный в жизни шанс сделать себе имя, а между делом и кое-кого спасти. Но ситуация вышла из-под контроля. Твоя жизнь в опасности. И пока ты не прекратишь этот маскарад, под угрозой и жизнь Ратледжа. И девочки. – Было похоже, что его последний довод произвел на Эйвери впечатление, поэтому Айриш сел рядом с ней, продолжая, правда, сжимать ее руки в своих. – Давай позвоним в ФБР.

– Легавым? – пискнул Вэн.

– У меня есть дружок в местном бюро, – продолжал Айриш, не обращая на него внимания. – Он обычно работает под прикрытием, ловит травку, которая идет из Мексики. Это не его область, но он скажет нам, с кем связаться, и посоветует, что делать.

Он еще не закончил фразу, но Эйвери уже затрясла головой:

– Нельзя, Айриш. Ты же понимаешь: узнает ФБР – все узнают. Если Тейт ни с того ни с сего появится в окружении вооруженной охраны и агентов секретной службы, тут же возникнет масса подозрений. Все сразу раскроется.

– То-то и оно! – рявкнул он. – Ты не хочешь, чтобы Ратледж узнал! Не хочешь, потому что тогда тебе придется освободить уютное

местечко в его постели.

– Нет, не поэтому! – крикнула она. – Власти смогут защитить его от кого угодно, кроме членов собственной семьи. А нам известно, что смерти ему желает кто-то из близких, кто-то якобы его любящий. Нельзя уведомить одного Тейта, не уведомив при этом всю семью.

Она с трудом перевела дух, но тут же заговорила снова:

– Кроме того, если эту историю кому-нибудь рассказать, то все решат, что мы либо врем, либо чокнутые. С другой стороны, если нашу сказку примут на веру, что сделают со мной?

– А что могут сделать с тобой? – поинтересовался Вэн.

– Точно не знаю, но пока они станут разбираться, Тейта будет некому защитить.

– Так что ты думаешь делать? – спросил Айриш.

Она закрыла лицо руками и заплакала:

– Не знаю.

Вэн встал и накинул поношенную кожаную куртку:

– Ладно, пойду, поброжу при луне.

– Чего это вдруг?

Вэн равнодушно пожал плечами в ответ на вопрос Айриша:

– Поперебираю кое-какие свои пленки.

– Зачем?

– Внутренний голос велит.

Эйвери взяла его за руку:

– Спасибо за все, Вэн. Если что-нибудь увидишь или услышишь...

– Сообщи.

– Ключ от абонентского ящика, который я тебе дал, еще у тебя? – спросил Айриш.

– Да, только зачем он мне нужен? Когда я в городе, то тебя каждый день вижу на работе.

– Но может случиться так, что тебе понадобится что-то мне прислать, когда ты куда-нибудь уедешь с Ратледжем. Что-нибудь такое, что лучше не посылать на студию.

– Усек. Пока.

Едва за ним закрылась дверь, как Айриш обронил:

– Вот тупица. Нам бы союзника ненадежнее.

– Не принижай его. Меня он тоже иногда раздражает, но вообще-то ему цены нет. Он всегда был мне другом, а, видит Бог, друзья мне ох

как нужны.

Она взглянула на свои часики – подарок Тейта. С тех пор как выудила их у Фэнси, Эйвери их не снимала.

– Мне пора. Уже поздно. Когда я задерживаюсь, Тейт начинает задавать вопросы, и я уже не в силах придумывать приемлемые объяснения. Так, чего доброго, он решит, что я просто поселилась в своем любимом магазине. – Попытка пошутить получилась тяжеловесной.

Айриш обнял ее и неуклюже погладил своей ручищей по волосам. Она уткнулась ему в плечо.

– Ты любишь его. – Это был не вопрос, а утверждение. Она кивнула. – О Господи, – вздохнул он. – И отчего все всегда так чертовски сложно?

Она зажмурилась; горячие слезы оставили расплывчатые пятна на рубашке Айриша.

– Люблю. Так, что болит.

– Я знаю, каково это.

Эйвери была слишком поглощена своими переживаниями, чтобы заметить упоминание его неразделенной любви к ее матери.

– Что мне делать? Я не могу ни рассказать ему, ни защитить. – Она припала к Айришу, ища опоры.

Он крепче прижал ее к себе и смущенно поцеловал в висок.

– Розмари обрушилась бы на меня всеми своими девяноста восемью фунтами, знай она, что я позволяю тебе рисковать жизнью.

Эйвери улыбнулась в его влажное от ее слез плечо.

– Может быть. Она ведь доверяла нас твоему попечению.

– И теперь я ее подвожу. – Он еще крепче обнял ее. – Я боюсь за тебя, Эйвери.

– С сегодняшнего дня, после того как у меня кровь застыла при виде этой афиши, за себя боюсь меньше всего. Меня-то тоже числят в заговорщиках. И да поможет мне Бог, если выяснится, что все наоборот.

– Ты не передумала, может, мне все-таки позвонить куда следует?

– Пока не надо. Будет смысл это сделать только тогда, когда я буду знать наверняка, покажу пальцем и скажу: «Вот он».

Айриш слегка отстранился и взял ее за подбородок:

– Тогда может оказаться поздно.

Об этом Эйвери можно было и не предупреждать. Она и сама прекрасно все понимала. Возможно, сейчас уже поздно спасти свою журналистскую карьеру и надеяться на семейное счастье с Тентом и Мэнди. Но она должна попытаться. Еще раз обняв Айриша на пороге и поцеловав его в колючую щеку, она вышла в темноту.

А темнота стояла такая, что ни он, ни она не заметили припаркованной невдалеке машины.

Скоропалительная поездка в Хьюстон для выступления перед недовольными жизнью полицейскими прошла для Тейта удивительно удачно и принесла ему еще три пункта по результатам опроса общественного мнения. Теперь он, наконец, настиг Деккера.

Чувствуя, что Тейт на подъеме, Деккер стал подпускать в своих речах всякого рода непорядочные намеки, изображая его опасным либералом, угрожающим «тем традиционным идеалам, которые дороги нам, истинным американцам и техасцам».

Для него наступил самый подходящий момент, чтобы вытащить на свет Божий историю с абортom Кэрол. Это сбило бы с темпа кампанию Тейта и, возможно, поправило бы его собственные дела. Но по всей видимости, Эдди избрал для борьбы с медсестрой-шантажисткой верную тактику. Прошло некоторое время, стало очевидно, что семейный секрет Деккер не выведал, и все Ратледжи вздохнули с облегчением.

Правда, Деккер имел поддержку в лице нынешнего президента, совершившего поездку по штату, добиваясь переизбрания. Странники Ратледжа опасались, что президентское турне сведет на нет захватывающий дух рывок их кандидата.

По сути дела, однако, в Техасе президент уже цеплялся за соломинку. Митинги, на которых он делил трибуну с Деккером, предоставляли ему последнюю возможность склонить на свою сторону еще не определившихся избирателей. В результате его отчаянных демаршей Тейт больше приобрел, чем потерял. А когда второй претендент на президентский пост тоже приехал в Техас и повел свою кампанию вместе с Тейтом, его позиции стали совсем прочными.

После утомительного, но обнадеживающего посещения семи городов в течение двух дней вся команда Ратледжа горела предвыборным нетерпением. Хотя, по данным официальных опросов, Деккер еще сохранял небольшое преимущество перед Тейтом, перелом, похоже, уже наступил. По всеобщему впечатлению, Тейт Ратледж день ото дня выглядел все лучше. А когда он выиграл

предварительные выборы, оптимизм достиг апогея. Все просто светились ликованием.

Все, кроме Фэнси.

Она слонялась по комнатам штаб-квартиры, плюхалась на освободившиеся стулья, фыркала по поводу толкотни и следовала за Эдди взглядом, полным тоски и негодования.

Уже больше недели они не оставались наедине. Если он и смотрел в ее сторону, то видел явно пустое место. Когда же она, подавив гордость, сама к нему подходила, он не находил ничего лучшего, чем дать ей какое-нибудь мелкое поручение. Один раз даже засадил за телефон обзванивать зарегистрированных избирателей и уговаривать их идти голосовать. Она согласилась на эту нудную работу единственно потому, что, пока она ее выполняла, Эдди оставался в ее поле зрения. Иначе ей пришлось бы вообще сидеть дома.

Эдди пребывал в постоянном движении, лающим голосом старшины отдавал приказы и выходил из себя, если они, на его взгляд, выполнялись недостаточно быстро. Казалось, он существовал исключительно на кофе, содовой и консервах, первым появляясь в штабе утром и последним его покидая, если не оставался там ночевать.

В последнее воскресенье перед выборами Ратледжи перебрались в «Паласио дель Рио», двадцатидвухэтажную гостиницу на Риверуок в центре Сан-Антонио. Оттуда двумя днями позже им предстояло следить за ходом выборов.

Тейт с женой и дочкой занял апартаменты «Империал» на двадцать первом этаже, остальные члены семьи разместились в соседних номерах. Ко всем телевизорам подключили записывающую аппаратуру, чтобы впоследствии можно было проанализировать выпуски новостей и комментарии. Провели дополнительную телефонную связь. Во всех лифтах расставили охранников, для того чтобы обеспечить кандидату если не безопасность, то хотя бы покой.

Двадцатью этажами ниже рабочие драпировали зал «Корт риэл боллрум» красной, белой и синей тканью. На заднике за возвышением установили увеличенные фотографии Тейта. Сами подмости тоже задрапировали и украсили флажками, расположив по краям горшки с белыми хризантемами в красно-синем целлофане. На потолке была укреплена огромная сеть с тысячами воздушных шаров, которые должны были выпустить по сигналу.

Сквозь шум и неразбериху, поднятую лебезящей гостиничной службой, вьедливыми телевизионщиками и торопящимися телефонными мастерами, Эдди тцился докричаться до Тейта, сидя с ним субботним вечером в гостиной его апартаментов.

– Из Лонгвью полетишь в Тексакрану. Там пробудешь час, от силы полтора, и сразу – в Вичита Фолз, потом в Эбилен и домой. Ты должен быть здесь...

– Пап!

– Да Господи ты Боже ж мой, Тейт! – Эдди опустил папку, весь излучая негодование.

– Тише, Мэнди. – Тейт приложил палец к губам. Во время инструктажа девочка сидела у него на коленях, но ее терпение давно иссякло.

– Ты меня слушаешь или нет?

– Слушаю, слушаю, Эдди. Лонгвью, Вичита Фолз, Эбилен, домой.

– Тексакрану забыл.

– Прими мои извинения. Я уверен, что вы с пилотом уж точно не забудете. Есть там в корзинке еще бананы?

– Господи! – завопил Эдди. – Ему осталось два дня до выборов, а он о бананах думает. Ты чертовски легкомыслен!

Тейт спокойно взял поданный ему женой банан и очистил его для Мэнди.

– Ты ужасно перенапрягаешься, Эдди. Расслабься. А то ты всех с ума сведешь.

– Истинно так! – мрачно изрекла Фэнси, которая смотрела фильм, свернувшись калачиком в кресле.

– Вот победишь, тогда и расслаблюсь. – Эдди снова уткнулся в свою папку. – Я уже с вами вообще забыл, о чем шла речь. А, ну да, сюда ты прилетишь завтра вечером, около семи тридцати. Я закажу на твое семейство ужин в ресторане. Потом пойдешь спать.

– А сделать пи-пи и почистить зубы? Я имею в виду, перед сном?

Все рассмеялись, хотя Эдди эта шпилька остроумной не показалась.

– Утром во вторник мы все скопом двинемся на твой избирательный участок в Кервиле, проголосуем и возвратимся сюда, чтобы волноваться и ждать.

Тейт отобрал у Мэнди банановую кожуру, с которой она указательным пальцем соскребала мякоть, собирая ее под ногтем.

– Я выиграю.

– Не надо излишней самоуверенности. По результатам опросов ты все еще отстаешь от Деккера на два пункта.

– А ты вспомни, с чего мы начинали, – сказал ему Тейт, сверкнув серыми глазами. – Я выиграю.

На этой оптимистической ноте собрание завершилось. Нельсон и Зи отправились к себе в номер, чтобы прилечь. Тейту было нужно поработать над текстом речи, с которой ему предстояло выступить сегодня вечером в церкви для испаноязычных прихожан. Дороти-Рей уговорила Джека пойти с ней на прогулку на Риверуок.

Фэнси выждала, пока все разошлись, и направилась к комнате Эдди. Несколько дверей отделяли ее от командного поста, как он называл апартаменты Тейта.

– Кто там? – спросил он, когда она тихонько постучала.

– Я.

Он открыл, но даже не придержал для нее дверь. Повернувшись к ней спиной, он подошел к шкафу и вынул оттуда свежую рубашку. Фэнси закрыла дверь и заперла ее на задвижку.

– А почему бы тебе не остаться без рубашки? – Она недвусмысленно прильнула к нему и пощекотала языком его сосок.

– Вряд ли будет приличным появиться в штабе выборов без рубашки. – Он просунул руки в накрахмаленные рукава и принялся застегиваться.

– Ты что, сейчас туда идешь?

– Совершенно верно.

– Но ведь воскресенье.

Он поднял брови:

– Не станешь же ты мне говорить, что стала соблюдать Божий день.

– Я ходила утром в церковь, как и ты.

– И по той же причине, – отозвался он. – Я ведь всем велел там быть. Ты разве не видела телекамеры? Надо продемонстрировать избирателям набожность Тейта.

– Я молилась.

– Как же.

– Молилась, чтобы твой причиндал сгнил и отвалился, – пылко заявила Фэнси.

Он только рассмеялся в ответ. Когда он стал заправлять рубашку в брюки, она попыталась ему помешать.

– Эдди, – покаянно захныкала она, – я шла сюда вовсе не ссориться. Прости меня за то, что я тут ляпнула. Мне хочется быть с тобой.

– Так пошли вместе. Тебе наверняка найдется масса работы.

– Я думала не о работе.

– Прости, но именно работа стоит на повестке дня вплоть до самых выборов.

Что ж, испытывать ее гордость можно было лишь до определенного предела.

– Ты вот уже несколько недель меня отшиваешь, – сказала она, уперев в бока сжатые кулаки. – Какая муха тебя укусила?

– Не тебе меня спрашивать. – Он пригладил светлые волосы. – Я стараюсь помочь твоему дядюшке Тейту пройти в Сенат США!

– Трахнуть бы его, Сенат США!

– Уверен, с тебя бы случилось, – скривился он. – Дай тебе волю, ты бы всех почтенных законодателей наградила гонореей. А теперь прошу меня извинить.

Он направился к дверям. Она загородила ему дорогу и опять взмолилась:

– Не уходи, Эдди. Ну хотя бы не сразу. Остайся ненадолго. Закажем пива, посмеемся, а? – И промурлыкала, игриво подталкивая его бедром: – Позанимаемся любовью.

– Любовью? – с издевкой переспросил он.

Она схватила его руку и сунула к себе под юбку, в промежность:

– Я уже вся теку.

Он высвободился, легко приподнял ее, убрав с дороги, и опустил на пол позади себя:

– Да когда ты не течешь? Просушись с кем-нибудь другим. Сейчас у меня есть занятие поинтереснее.

Фэнси замерла с открытым ртом, уставившись в захлопнувшуюся дверь, потом схватила и с яростью запустила в нее первую же вещь, которая подвернулась под руку. Это была стеклянная пепельница. Она

швырнула ее со всей силы, но пепельница не разбилась, а отскочила от двери и с глухим стуком упала на ковер, взбесив Фэнси еще больше.

Никогда еще ей так безоговорочно не давали отставку. Никто, ни один мужчина не был способен отвергнуть Фэнси Ратледж, когда ей приспичивало. Пулей вылетев из комнаты Эдди, она заскочила к себе лишь затем, чтобы влезть в облегающий свитер и совсем уж тесные джинсы. Затем она направилась в гостиничный гараж за своим «мустангом».

Черт ее возьми, если она и дальше будет существовать только ради этой треклятой предвыборной возни!

* * *

– Это я. Что там у тебя происходит?

– Привет, Айриш. – Вэн зажал трубку между плечом и ухом, протирая воспаленные глаза. – Я, собственно, едва вошел. Ратледж выступал в церкви для латиносов.

– Знаю. Как все прошло?

– Похоже, они его теперь любят не меньше горячего тамале.

– Эйвери там была?

– Все были, кроме девчонки, Фэнси, и все с виду – сама чистота, прямо реклама мыла «Айвори».

– Эйвери удалось перекинуться с тобой словечком?

– Нет. Их сразу осадила туча лопочущих мексиканцев.

– Ну а Седой? Появлялся?

Вэн прикинул, стоит ли выкладывать Айришу все как есть, и решил сказать правду:

– Да.

Айриш выдал замысловатую цепочку ругательств.

– Но ведь в толпе латиносов он должен быть как белая ворона?

– Он был снаружи и толкся вместе с нами, будто тоже выбирая позицию.

– То есть изобразил, что он из вашей братии?

– Точненько.

– Рассмотреть его получше смог?

– Здоровущий дылда. Морда каменная.

- Каменная?
- Жесткая, такой шутить не будет.
- Короче, типичный наемный убийца.
- Ну, это мы гадаем.
- Да, но мне это все не нравится. Может, все-таки позвонить в ФБР, а Эйвери ничего не говорить?
- Она тебе никогда не простит.
- Но зато останется жива.

Оба замолкли, думая каждый о своем и прикидывая возможные варианты. И оба снова ощутила себя в тупике.

– Завтра оставайся здесь. Не надо ехать с Ратлсджем, – наконец прервал паузу Айриш.

– Я так и рассчитывал, – отозвался Вэн. – Завтра вечером поеду в аэропорт. В пресс-релизе сказано, что он прилетает в полвосьмого.

– Хорошо. Тогда опять попробуешь поговорить с Эйвери. А то она жаловалась, что из отеля звонить ей трудно.

– Принято.

– Утром в день выборов сперва заскочи на студию. Оттуда я тебя отправлю в «Паласио дель Рио». Нужно, чтобы ты хвостом ходил за Эйвери. Весь день. заметишь хоть что-нибудь подозрительное, хоть что-нибудь, слышишь, к черту все ее возражения, звони копам.

– Понял, что я, дурак?

– И поскольку у тебя завтра выходной, – угрожающе повысил голос Айриш, – не вздумай никуда завалиться и наклюкаться.

– Не наклюкаюсь. У меня и тут дел полно.

– Да ну, это каких же?

– Все еще просматриваю пленки.

– Ты вроде их и раньше смотрел. Что ты ищешь-то?

– Найду – скажу.

Они попрощались. Вэн зашел в ванную комнату, облегчился и вернулся к своему аппарату, возле которого вот уже несколько дней проводил почти все свободное время. Непросмотренных пленок осталось значительно меньше, но все же порядком. Ему предстояло провести за этим занятием еще много часов.

Он сам пока толком не знал, за чем гоняется, потому и сказал Айришу, что поймет это только, когда увидит собственными глазами. Возможно, он просто зря угрожает уйму времени.

Но коли уж он оказался таким идиотом, что втравился в это шизофреническое занятие, то у него достанет идиотизма, чтобы добить его до конца. Вэн высыпал на палец порцию наркотика, запил его горячительным и зарядил очередную пленку.

* * *

Айриш скорчил гримасу в пустой стакан, из которого только что вылил себе в глотку антацид. Его так и передернуло от мерзкого привкуса во рту. А ведь пора бы привыкнуть, он же глотает эту дрянь галлонами. Эйвери ничего не знает. Никто не знает. Ему не хотелось, чтобы кто-то проведал о преследующих его болях в желудке, и его заменили парнем помоложе, прежде чем он заработает себе пенсию в размере полного жалованья.

Он уже достаточно давно занимался своим делом, чтобы уяснить, какие ублюдки им руководят. Бессердечие было их главным качеством. Они носили дорогую обувь, костюмы-тройки и невидимую броню, защищавшую их от всякого сострадания. В их глазах все его полезные связи в муниципалитете, налаженные за долгие годы каторжного труда, его неутомимые рыскания в поисках сюжета если не для заметки, то хотя бы для сообщения в несколько строк, не стоили и ломаного гроша.

Зачем им новости, им нужно игровое кино в шесть и в десять, чтобы продавать спонсорам коммерческое время.

Им не доводилось стоять у горящего дома и слышать несущиеся изнутри крики людей, не доводилось пробиваться сквозь полицейский заслон к магазину «Севен-Элевен», где какой-то чокнутый с «магнумом» калибра 0.357 захватил заложников, не приходилось видеть, какие зверства могут творить люди над своими ближними.

Этим ребятам досталось, что почище. А он копался в грязи и по-другому свою работу не мыслил. Но хотел, чтобы его уважали за то, что он делал.

Все обстояло прекрасно, пока его выпуски новостей обеспечивали «Кей-Текс» самую большую аудиторию, но если показатели хоть чуть-чуть ухудшатся, эти сволочи в костюмах из дорогой шерсти начнут избавляться от неудобных. И тут-то человека в годах, с большим

желудком и несговорчивым характером вполне могут вышвырнуть, как ненужный хлам.

А посему он подавлял отрывку и прятал свои бутылки с лекарством. Выключив свет в ванной, он поплелся в спальню, сел на край кровати и завел будильник. Ежевечерняя рутина. Следуя ей, Айриш потянулся к тумбочке и вынул оттуда четки.

Сам он, наверное, и под угрозой пытки не признал бы, что для него это обязательный ритуал. Ни на исповедь, ни к мессе он никогда не ходил. Церкви в его глазах существовали для церемоний, таких, как похороны, свадьба или крещение.

Но молился Айриш постоянно. Сегодня он жарко молился за Тейта Ратледжа и его маленькую дочь, просил защиты для Эйвери, умоляя Всевышнего сохранить ей жизнь, какие бы беды ни выпали при этом всем остальным.

Под конец он, как всегда, помянул бессмертную душу Розмари Дэниелз, истово испрашивая прощения Господа за свою любовь к чужой жене.

Тейт открыл дверь своего номера и вопросительно посмотрел на стоявших у порога троих полицейских.

– Что происходит?

– Извините, что беспокоим вас, мистер Ратледж, – сказал один из них. – Вы знакомы с этой девушкой?

– Что там, Тейт? – спросила Эйвери, присоединяясь к мужу. – Кто здесь? Фэнси?

Та стояла, сердито насупившись. Один из полицейских крепко держал ее за руку выше локтя, причем прежде всего чтобы не дать ей упасть. Она тяжело на него опиралась и явно была нетрезва.

– В чем дело? – Эдди тоже подошел к дверям и обозрел вновь прибывшую группу. – О Боже! – с отвращением процедил он сквозь зубы.

– Может, вы скажете им, кто я такая, чтобы они от меня на фиг отвязались? – воинственно потребовала Фэнси.

– Это моя племянница, – холодно сообщил полицейским Тейт. – Ее зовут Фрэнсин Ратледж.

– Так и значилось в ее водительских правах, но нам пришлось поверить ей на слово, когда она нам заявила, что приходится вам родственницей.

– Разве была необходимость доставлять ее сюда под конвоем?

– Иначе пришлось бы отправить ее в тюрьму, мистер Ратледж.

– А по какому же обвинению? – вмешалась Эйвери.

– Превышение скорости, вождение в нетрезвом состоянии. Она делала девяносто пять миль.

– Девяносто восемь, – дерзко поправила Фэнси.

– Спасибо, что привезли ее нам в целости и сохранности. Я поговорю с ее родителями. Фэнси сбросила руку полицейского:

– Да уж, спасибо вам большое.

– Сколько нам будет стоить замять эту историю? – спросил Эдди.

Один из полисменов брезгливо на него покосился, а другой вообще не удостоил его внимания и обратился прямо к Тейту:

– Мы посчитали, что сейчас вам совсем не нужна такая реклама наоборот.

– Я это ценю.

– Мы знаем о вашем выступлении в Хьюстоне, где вы поддержали сотрудников полиции. И решили, что хоть так вам поможем.

– Спасибо большое.

– Успехов вам на выборах, мистер Ратледж. – Они почтительно отковыряли и пошли по застланному ковровой дорожкой коридору к лифтам и глазеющим на них охранникам.

Эйвери закрыла дверь. Кроме них четверых, все уже легли. Мэнди спала в соседней комнате. В гостиной повисло зловещее молчание, затишье перед бурей.

– Фэнси, где ты была? – мягко спросила ее Эйвери.

Та вскинула руки и изобразила неуклюжий пируэт.

– На танцах. Шикарно провела время, – пропела она, кокетливо взмахнув ресницами в сторону Эдди. – Само собой, вам меня не понять, вы тут все такие старые. Такие занудные. Такие...

– Ты безмозглая, маленькая потаскуха. – Эдди ударил ее по губам тыльной стороной ладони так, что она упала.

– Фэнси! – Эйвери бросилась к ней.

Девушка была оглушена, с распухшей нижней губы капала кровь.

– Эдди, что с тобой, черт возьми? – Тейт схватил его за руку.

Эдди оттолкнул Тейта и наклонился над Фэнси:

– Ты что, хочешь пустить все псу под хвост? Да ты знаешь, что случилось бы, не взбреди этим двум копам на ум притащить тебя сюда? Эта шлюшка могла стоять нам выборов! – орал он.

Тейт схватил его за воротник и оттащил.

– Ты соображаешь, что ты делаешь?

– Ее давно пора было взгреть!

– Но не тебе! – прорычал Тейт и так толкнул Эдди, что тот закачался и едва не упал навзничь.

Обретя вновь равновесие, он ощерился и кинулся на Тейта.

– Немедленно прекратите! – Эйвери вскочила и вклинилась между ними. – Разнесете эту гостиницу в пух и прах, и с какими заголовками выйдут завтра газеты?

Двое мужчин стояли друг против друга, точно быки, готовые к бою, но кричать, к счастью, перестали. Эйвери опять наклонилась над

Фэнси и помогла ей встать. Та была до сих пор настолько ошеломлена, что совершенно не сопротивлялась и только поскуливала от боли и стыда.

Тейт осторожно потрепал ее по щеке, вновь взглянул на Эдди и резко ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Никогда, никогда больше не смей трогать никого из моих родных.

– Прости, Тейт. – Эдди пригладил взлохмаченные волосы. Его голос снова звучал тихо и сдержанно – перед ними был прежний человек-айсберг.

– Я считаюсь с твоим мнением всегда, кроме тех случаев, когда речь заходят о моей семье, – жестко отчеканил Тейт.

– Я же извинился. Чего еще ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты перестал с ней спать.

Его заявление застало всех врасплох. Эдди и Фэнси не подозревали, что Тейту все известно. Эйвери делилась с ним своими подозрениями, но уже давно, когда сама она ничего не знала наверняка. Растерявшиеся женщины молчали. Эдди направился к двери.

– Полагаю, всем нам надо слегка поостыть, – сказал он, перед тем как выйти.

Эйвери устремила на Тейта взгляд, в котором читалась безграничная любовь и уважение перед решительностью, с которой он поспешил заступиться за Фэнси. Потом обняла пострадавшую за плечи:

– Пошли, я провожу тебя в твой номер.

Там она дождалась, пока Фэнси примет душ. Она появилась из ванной в длинной футболке вместо ночной рубашки, заколов волосы, чтобы они не падали на лицо со ссадиной на губе. В таком виде она казалась совсем невинной маленькой девочкой.

– Я тут соорудила для тебя кое-что вроде пузыря со льдом. – Эйвери вручила ей целлофановый пакет с кусочками льда и подвела к расстеленной кровати.

– Спасибо. У тебя это хорошо получается.

Фэнси откинулась на спинку кровати и приложила пакет к нижней губе, которая больше не кровоточила, но потемнела и вздулась. Из ее

зажмуренных глаз по мокрым щекам текли слезы. Эйвери села на край кровати и взяла ее за руку.

– Сукин сын. Ненавижу его!

– Ну нет, вряд ли, – мягко откликнулась Эйвери. – Тебе ведь казалось, что ты его любишь.

Фэнси открыла глаза.

– Казалось?

– По-моему, тебе нравилось тешить себя мыслью о том, что ты в него влюблена. А много ли ты о нем на самом деле знаешь? Тебя, скорее всего, тянуло к нему оттого, что в глубине души ты сознавала, что вы друг другу не пара, и ваша связь кончится ничем.

– Ты что, подалась в психиатры?

Фэнси могла вывести из себя кого угодно, но Эйвери ответила ей абсолютно спокойно:

– Я стараюсь быть тебе другом.

– Ты стараешься уговорить меня выбросить его из головы, потому что сама на него глаз положила.

– Да ты сама-то веришь в это?

Фэнси посмотрела на нее долгим взглядом, и глаза ее постепенно наполнились слезами. Наконец она опустила голову.

– Нет. Всякому сразу видно, что ты любишь дядю Тейта. – Она шмыгнула носом. – И что он тоже на тебя не надышится. – Она закусила губу. – Боже мой, ну почему меня никто так не любит? Что со мной не так? Отчего все обращаются со мной как с дерьмом или в упор не видят?

Ее прорвало, наружу вместе со слезами рвалась вся ее неуверенность в себе.

– Ведь Эдди я нужна только для того, чтобы пары спустить! Я все надеялась, что он со временем меня полюбит, что будет со мной не только ради постели. Соображать надо было, – горько закончила она упавшим голосом.

Эйвери притянула ее к себе и обняла. Фэнси попробовала было вырваться, но потом с рыданиями уткнулась ей в плечо, позволив себя утешать. Когда она немного успокоилась, Эйвери отпустила ее.

– Знаешь, кто должен бы сейчас быть на моем месте?

– Кто? – Фэнси вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Твоя мама.

– Шутишь?

– Нет. Она нужна тебе, Фэнси. – Эйвери положила ей руку на колено. – И более того, ты ей нужна. Она так старается исправить ошибки, которые нас совершала в прошлом. Почему бы не дать ей такую возможность?

На какое-то время Фэнси задумалась, потом угрюмо кивнула.

– Что ж, ладно, пусть старушка разок почувствует свою важность.

Эйвери набрала номер и услышала в трубке сонный голос Джека.

– Послушай, Дороти-Рей еще не спит? Не могла бы она зайти к Фэнси?

– А что случилось?

Эйвери взглянула на губу Фэнси и решила приврать:

– Ничего. Так, посиделки.

Меньше чем через минуту Дороти-Рей постучала в дверь. Она была в халате.

– Что у вас тут, Кэрол?

– Заходи.

Увидев лицо дочери, она замерла с прижатыми к груди руками:

– Ох, малышка моя, что с тобой приключилось!

Губы Фэнси начали кривиться, из глаз с новой силой хлынули слезы, она протянула руки и слабым, дрожащим голосом позвала:

– Мамочка!

– ...Оставила их, плачущих друг у друга в объятиях, – отчитывалась Эйвери Тейту несколько минут спустя. – Пожалуй, это самое лучшее, что могло произойти.

– Не припомню, чтобы Эдди хоть раз так занесло. – К ее приходу Тейт успел раздеться до трусов и в таком виде продолжал мерить комнату шагами и кипятиться.

– Он изо всех сил стремится помочь тебе победить. И если что-то вдруг начинает угрожать твоему успеху, он взрывается.

– Да, но ударить женщину! – Тейт недоверчиво покачал головой.

– А ты давно знал, что он спит с Фэнси?

– Уже несколько недель.

– Он сам тебе сказал?

– Нет. Я просто обратил внимание на кое-какие детали.

– И ничего ему не сказал?

– А что я мог ему сказать? Он взрослый человек, да и она тоже. Видит Бог, не он ее совратил и лишил невинности.

– Да уж, – вздохнула Эйвери. – Но даже при всем своем опыте интимной жизни она очень ранима, Тейт. Он сделал ей больно.

– Не надо понимать меня превратно. Я ведь его не защищаю...

– Стой!

Эйвери подняла руку и прислушалась. В следующую секунду они одновременно ринулись в спальню Мэнди.

Девочка с отчаянным плачем извивалась на кровати, колотя по ней руками и ногами. Маленькое личико было искажено, по нему струился пот, на губах вздувались и лопались пузыри.

– Мама! Мама! – выкрикивала она.

Эйвери инстинктивно потянулась к ней, но Тейт удержал ее за плечо:

– Нельзя. Возможно, это то самое.

– Ах нет, Тейт, пожалуйста.

Он непреклонно покачал головой.

– Нельзя.

Эйвери села с одной стороны от Мэнди, Тейт с другой. Оба они молча переживали тот же ад, что царил сейчас в ее подсознании.

– Нет, нет! – Малышка хватала воздух широко раскрытым ртом. – Мама! Я тебя не вижу. Я не могу выбраться.

Эйвери посмотрела на Тейта. Сложив ладони лодочкой, он уткнулся в них ртом и носом, но глаза его были прикованы к бьющемуся в муках ребенку.

Вдруг Мэнди села на постели так резко, будто ее подбросило пружиной. Бурно дыша, она глядела перед собой широко распахнутыми, немигающими глазами, но по-прежнему оставалась во власти кошмара.

– Mamочка! – заголосила она. – Возьми меня! Мне страшно! Забери меня!

Тут ее веки затрепетали, и дыхание, пусть еще прерывистое, уже не вырывалось из груди со свистом, словно она пробежала много миль и каждый вздох мог оказаться для нее последним.

– Mamочка меня нашла, – прошептала она. – Mamочка взяла меня на ручки. – С этими словами она упала навзничь и тут же проснулась.

Она испуганно переводила прояснившийся взгляд с Эйвери на Тейта и обратно и, наконец, кинулась в объятия матери.

– Мамочка, ты спасла меня. Вынесла меня из дыма.

Эйвери обняла Мэнди и крепко прижала к себе. Зажмурившись, она возблагодарила Бога за то, что Он даровал исцеление ребенку, к которому она так привязалась. Открыв глаза, она встретила взглядом, с Тейтом. Он похлопал ее по щеке и положил руку на голову дочери.

Та встрепенулась и объявила:

– Я проголодалась. Можно мне мороженого?

С облегчением рассмеявшись, Тейт сгреб ее в охапку, а потом высоко подбросил. Она радостно взвизгнула.

– Конечно, можно. Какого тебе?

По телефону он заказал мороженое и заодно попросил заменить влажное, перекрученное постельное белье Мэнди свежим. Пока они ждали заказ, Эйвери передела девочку в чистую ночную рубашку и расчесала ей волосы. Тейт сидел и с удовольствием наблюдал, как она это делает.

– Мне приснился плохой сон, – деловито объяснила им Мэнди, терзая другой расческой шерстку своего Винни-Пуха. – Но я уже не боюсь, потому что пришла мама и меня забрала.

Управившись со своим мороженым, она снова захотела спать. Они уложили ее в постель, сели в ногах и подождали, пока она уснет. Теперь они знали, что доктор Вебстер был прав и отныне ее не будут больше преследовать ночные кошмары. Когда они, обнявшись, выходили из комнаты, Эйвери заплакала.

– Все кончилось, – тихо пробормотал Тейт и поцеловал ее в висок. – Теперь все будет хорошо.

– Слава Богу.

– Тогда зачем плакать?

– Я так измоталась, – с усмешкой созналась она. – Мне надо подольше полежать в горячей ванне. Этот день тянется уже лет двадцать.

Он вместе с ней был рядом с Фэнси, когда той пришлось туго, вместе с ней сидел подле Мэнди, которую мучили кошмары, но не знал, какое напряжение выпало на долю Эйвери в церкви, когда у

нефа, в толпе оттесняющих друг друга журналистов, она заметила роковой силуэт.

Когда они благополучно добрались до машины, она вся так и прильнула к Тейту, взяв его под руку. То, что он принял за проявление необузданной нежности, было реакцией на сильнейший испуг.

Полчаса спустя Эйвери вышла из ванной, свежая и благоухающая. На фоне освещенного дверного проема он мог видеть сквозь тонкую ткань рубашки соблазнительные очертания ее тела.

– Все еще чувствуешь себя измотанной? – спросил он.

В комнате было сумрачно. Постель была расстелена, Эйвери отметила это про себя, но мимоходом, потому что смотрела только на Тейта. Забавно растрепанный, он казался еще привлекательнее. Свет из ванной золотил волосы, завитками покрывавшие его грудь, курчавившиеся вокруг пупка и шелковистой полоской уходившие вниз, под расстегнутые брюки.

– Уже не очень, – чуть хриловато отозвалась она. – Не до такой степени, если у тебя на уме что-то помимо сна.

– У меня на уме позаниматься любовью со своей женой, – проговорил он, подходя к ней.

Одна его рука легла ей на шею, а другая уверенно скользнула под ночную рубашку и коснулась груди. Глядя ей в глаза, он принялся ласкать сосок.

– Я хочу не просто совокупиться с женщиной, на которой я оказался женат, – прошептал он, легко задевая пальцами самый кончик соска. – Я хочу заняться любовью со своей женой.

Он приподнял ее лицо за подбородок, летуче притронулся к векам, потом прижался губами к ее губам. В этом поцелуе было что-то новое. Эйвери мгновенно ощутила почти неуловимую и вместе с тем огромную разницу. Тейт вроде бы делал все то же самое, его язык осторожно, но властно проникал к ней в рот, но теперь в этом чувствовалось нечто гораздо более личное, интимное, самозабвенное.

Через несколько минут они были в постели, и Тейт лежал на ней голый, следуя губами за краем ночной сорочки, которую медленно, дюйм за дюймом, стягивал с Эйвери.

Когда она тоже оказалась обнаженной, он положил голову ей на живот и пылко поцеловал упругую, нежную плоть.

– Никогда бы не поверил, что буду снова тебя любить, но, будь я проклят, если я не люблю тебя больше прежнего после всего, что ты сделала для Мэнди. И для меня, – быстро добавил он.

Приподняв ее бедра, он чуть согнул ей ноги в коленях и полуоткрытыми губами провел по гладкой коже внизу живота, поцеловал кудрявый треугольник и зарылся в него носом. Темные колечки дрожали от его дыхания.

Эйвери запустила пальцы ему в волосы и выгнулась, открываясь навстречу его ласкающему рту. Он захватил губами влажную шелковистую плоть, впитывая в себя ее вкус и аромат, его жадно трепещущий, снующий язык заставлял Эйвери раз за разом достигать головокружительной кульминации.

Потом она перевернулась и ответила ему тем же, взяв губами гладкую головку его пениса и кончиком языка собирая скопившиеся в бороздке жемчужные капли. Когда же она вобрала его в рот, Тейт вознес молитву безымянным богам и изверг семя с хриплыми стонами.

Позже, когда они лежали порознь и почти задремали, он вдруг опять привлек ее к себе и обнял сзади, целуя мягкий загривок и теребя зубами плечо. Он будто бы молча ждал от нее разрешения продолжать.

Сперва она лишь мурлыкала, точно сонная кошечка, но начала отвечать ему, когда он согнул ей ноги в коленях, чтобы открыть себе путь внутрь. Их тела совершали едва заметные волнообразные движения. Соитие было плавным и нежным.

Он теребил и тискал ее груди, играл напрягшимися, в пупырышках, сосками.

Она прижалась к нему ягодицами и потерлась ими о густую поросль вокруг его напрягшейся мужской плоти. Он застонал и еще теснее приник к ней.

Он ласкал ее спереди со сводящим с ума сладострастием и временами вынимал пенис из ее лона и погружал туда неутомимые пальцы, пока наконец, подобно теплему, ароматному весеннему дождю без грома, молний и бури, ее не окатило волной чистого, незамутненного, благословенного наслаждения.

Ритмические сокращения ее оргазма тут же подвели к пику и его. Тело Тейта напряглось, а дыхание замерло на несколько восхитительных секунд.

Когда все кончилось, и оба они расслабились и обмякли, она повернула к нему голову. Их губы сошлись в долгом, неторопливом, влажном поцелуе.

Потом они уснули.

Поскольку утром им предстояло встать очень рано, Эйвери настроила себя на то, чтобы проснуться раньше Тейта, и ей это удалось. Она осторожно высвободилась из его объятий и с большим трудом распутала пряди собственных волос, обвившихся вокруг его пальцев.

Вставая, она оглянулась на него через плечо. Во сне он был таким красивым. Одна нога высовывалась из-под одеяла, обросший подбородок темнел на фоне наволочки. Эйвери вздохнула просто от удовольствия видеть его, заодно перебирая в памяти волнующие мгновения прошлой ночи, и на цыпочках прокралась в ванную.

Краны скрипнули, когда она открывала воду, и Эйвери досадливо поморщилась. Тейту обязательно нужно было выспаться. Сегодня его ожидала более чем насыщенная программа: многие часы перелетов, а в промежутках – выступления, рукопожатия и обращения к избирателям.

Этот день накануне выборов был, наверное, решающим для его кампании. Сегодня сделают свой выбор те колеблющиеся, от которых в конечном итоге и зависит результат.

Эйвери встала под упругие струи. Намылив волосы, она принялась за тело, на котором еще виднелись следы пылких любовных игр Тейта. На внутренней стороне бедра остался бледный кровоподтек от особенно страстного поцелуя. Царапины на груди саднило от горячей воды. Она рассматривала себя с умиленной улыбкой, как вдруг чья-то рука отдернула клеенчатую занавеску.

– Тейт!

– Доброе утро.

– Ты...

– Я решил, что мы можем принять душ вместе, – игриво протянул он. – Сэкономим время. Сэкономим отелю горячую воду.

Эйвери задрожала, точно Ева в Эдеме перед лицом Господа, обнаружившего ее прегрешение. Горячие потоки в эту минуту казались ей ледяными и острыми; они будто впивались в ее кожу холодными иглами. Румянец сошел с ее лица, губы посинели, глаза как бы запали,

из-за чего глазницы выглядели черными провалами. Она зябко поежилась.

Тейт удивленно наклонил взлохмаченную со сна голову набок.

– Тебе точно привидение явилось. Я что, тебя так напугал?

Она сглотнула. Открыла и опять закрыла рот, не в силах выдать ни звука.

– Кэрол! Что с тобой такое?

Он оглядел ее, ища объяснения. Его озадаченный взгляд скользнул сверху вниз по дрожащему телу и обратно. С упавшим сердцем Эйвери следила, как он вновь и вновь рассматривает ее всю – груди, живот, лобок, бедра – места, доступные лишь взору любовника или мужа.

И он увидел. Увидел шрам от операции аппендицита, давнишний, бледный, едва различимый при обычном освещении. По его реакции Эйвери поняла: у Кэрол шрама не было.

– Кэрол? – В его голосе было то же изумление, что и в глазах.

Пытаться спрятать роковую отметину значило выдать себя с головой, но Эйвери все-таки прикрыла низ живота одной рукой, просительно протянув другую к Тейту:

– Подожди, я...

Он вперил в нее жалящий взгляд.

– Ты не Кэрол. – Его мозг еще пытался справиться с открывшимся ему несообразием, и сначала он произнес эти слова совсем тихо. Но вот смысл сказанного им же самим обрушился на него со всей силой своей неумолимости. – Ты не Кэрол! – с нажимом повторил он.

Он выбросил вперед руку сквозь завесу падающих струй, схватил ее за запястье и выдернул из ванны. Она больно ушиблась голенью о бортик; ее мокрые ноги заскользили по кафельному полу. Скорее от душевной, чем от телесной боли, у Эйвери вырвался крик:

– Тейт, не надо, я...

Он швырнул ее мокрое, голое тело прямо на стену и намертво прижал ее к холодным плиткам. Его рука сжала ее шею под подбородком:

– Ты кто такая, черт побери? Где моя жена? Кто ты?

– Не кричи, – просипела она. – Мэнди проснется.

– Говори, чтоб тебя... – Он понизил голос, но взгляд его был по-прежнему страшен, а рука еще сильнее стиснула ее горло. – Кто ты?

У нее так стучали зубы, что она еле-еле смогла выговорить:

– Эйвери Дэниелз.

– Кто?

– Эйвери Дэниелз.

– Та, с телевидения?..

Она с трудом кивнула.

– Где Кэрол?

– Она погибла в авиакатастрофе, Тейт. А я осталась жива. Нас перепутали, потому что в самолете мы поменялись местами. Мне удалось выбраться с Мэнди на руках, и меня приняли...

Он зажал ее мокрое лицо в ладонях:

– Кэрол погибла?

– Да. – Эйвери сглотнула. – Да. Прости.

– Еще тогда? В катастрофе? То есть все это время ты... ты жила...

Она опять коротко кивнула.

Ее сердце разрывалось на части при виде того, как он пытается осмыслить невысказанное. Он медленно разжал руки, отпустил ее и слегка попятился.

Она сорвала с вешалки на двери халат и надела его, торопливо подпоясавшись. Затем закрыла краны, о чем немедленно пожалела. Установилась звенящая тишина, пропитанная недоверием и подозрительностью.

В этой тишине он задал ей единственный вопрос:

– Зачем?

Пришла пора платить по счетам. Эйвери знала, что рано или поздно она придет, но не ожидала, что именно сегодня, и была к этому не готова.

– Все очень сложно.

– Мне плевать на то, сложно или нет, – отрезал он дрожащим от гнева голосом. – Лучше начинай говорить, пока я не вызвал полицию.

– Я не знаю, когда возникла эта путаница, – в смятении сказала она. – Я очнулась в больнице, с головы до ног в бинтах, и не могла ни двигаться, ни говорить. Все называли меня Кэрол. Сначала я ничего не понимала. Было так больно, так страшно, я совершенно потерялась. У меня несколько дней ушло на то, чтобы начать разбираться в том, что случилось.

– Но ты разобралась и ничего не сказала! Почему?

– Да не могла я! Говорить не могла, – взмолилась она, хватая его за руку, но он тут же вырвался. – Тейт, я пыталась хоть что-то тебе объяснить, прежде чем мне сделали лицо Кэрол, но ничего не получалось. Всякий раз, когда я начинала плакать, ты думал, что это от страха перед операцией. Так оно и было, но, кроме того, у меня собирались отнять мое «я» и навязать чужое. А хоть что-нибудь сообщить мне не удавалось.

– Господи, фантастика какая-то! – Тейт взъерошил волосы. Потом вдруг понял, что до сих пор стоит совершенно голый, схватил полотенце и обернул его вокруг бедер. – Но ведь прошло уже несколько месяцев!

– Мне было необходимо какое-то время оставаться Кэрол.

– Почему?

Она подняла голову и уставилась в потолок. То, что выпало ей до этой минуты, – цветочки, по сравнению с тем, что ее ожидает после того, как она объяснит, в чем дело.

– Это, конечно, прозвучит ужасно...

– К дьяволу, как это прозвучит! – угрожающе заявил он. – Я желаю знать, с какой стати ты изображала мою жену.

– Потому что тебя хотят убить! – выпалила она.

Несмотря на весь свой воинственный пыл, он явно был ошарашен и даже дернул головой, словно получил апперкот в челюсть.

– Когда я лежала в больнице, – начала она, сжимая руки, – ко мне кто-то приходил.

– Кто?

– Не знаю. Выслушай меня, прежде чем засыпать вопросами. – Она глубоко вздохнула и торопливо продолжала: – Я была в повязках и не могла разглядеть. Кто-то, называвший меня Кэрол, предостерег, чтобы я не делала никаких признаний на смертном одре. Сказал, что все планы в силе и что ты умрешь прежде, чем займешь свой пост.

Секунду-другую он стоял не двигаясь, затем уголки его губ приподнялись в улыбке. Он издал лающий, презрительный смешок:

– И ты надеешься, что я тебе поверю?

– Это правда!

– Правда то, что ты отправишься за решетку. И сейчас же! – Он повернулся и шагнул к телефону.

– Тейт, нет! – Она снова схватила его за руку и заставила обернуться. – Я не виню тебя за то, что ты так плохо обо мне подумал.

– Да ты даже отдаленно не можешь себе представить, насколько плохо.

Его слова больно резанули Эйвери, но в такой момент она не имела права обращать на это внимание.

– Я говорю правду. Клянусь тебе. Кто-то хочет тебя убить, прежде чем ты сядешь в кресло сенатора.

– Меня еще никто не избирал.

– Похоже, это вопрос времени.

– Значит, ты не можешь назвать мне имя этой таинственной личности?

– Пока нет. Я стараюсь это выяснить.

Мгновение он вглядывался в ее серьезное лицо. Потом проворчал:

– Не могу понять, чего я тут стою и слушаю подобную околесицу. Все эти месяцы ты жила ложью, А теперь хочешь меня убедить, будто какой-то злокозненный чужак пробрался к тебе в палату и наплел тебе всю эту чушь? – Он покачал головой, словно поражаясь ее нахальству и собственной тупости.

– Не чужак, Тейт. Кто-то из твоих близких. Даже из родственников.

У него отвисла челюсть, и он оторопело воззрился на нее:

– Ты что, хочешь сказать...

– Подумай сам! В реанимацию допускают только родных!

– Что ты несешь! Кто-то из членов моей семьи замышляет меня убить?

– Знаю, звучит невероятно, но так оно и есть. Я ничего не выдумываю. И не брежу. Ведь были еще и записки.

– Записки?

– Да. Их оставляли для Кэрл в местах, о которых знала только она. Так ей давали знать, что план по-прежнему в силе. – Эйвери бросилась к шкафу, открыла молнию одного из своих чемоданов и принесла ему все послания, включая обезображенную предвыборную афишу.

– Это отпечатано на машинке, которая стоит в доме на ферме, – объяснила она.

Он долго разглядывал каждый листок.

– Но ты и сама могла их отстучать на тот случай, если тебя поймают, и надо будет вывернуться.

– Ничего я не отстукивала! – закричала она. – Так сообщник Кэрол сообщал ей...

– Подожди-ка минутку. – Он отложил записки и поднял обе ладони. – Час от часу не легче. Стало быть, Кэрол и потенциальный убийца замыслили это дело вместе?

– Совершенно верно. Еще тогда, когда вы с ней познакомились. Если не раньше.

– Но с чего бы Кэрол желать мне смерти? У нее никогда никакой склонности к политике не было.

– Это не политика, Тейт. Это личные счеты. Кэрол задалась целью выйти за тебя замуж. Она постаралась стать женщиной, способной тебя увлечь, а сообщник ее хорошенько натаскал, чтобы она смогла заставить тебя влюбиться. Кто вас познакомил?

– Джек, – слегка пожал плечами Тейт. – Когда она пришла наниматься.

– То, что она устроилась именно к тебе, могло и не быть простой случайностью.

– Она предъявила безупречные рекомендации.

– Еще бы. Уж наверное, она об этом заранее позаботилась.

– Например, напечатала, – съязвил он. – Весь твой бред яйца выеденного не стоит!

– Я знаю, что говорю.

– И уж конечно, можешь это доказать, – с издевкой произнес он и выжидательно сложил руки на груди.

– Мне нет нужды что-то доказывать. Все уже доказала Зи.

Он был определенно шокирован. Его руки бессильно повисли вдоль туловища.

– Моя мать?

– Она собрала на Кэрол Наварро полное досье. Я его видела. Принимая меня за Кэрол, она пригрозила, что разоблачит меня, если я буду портить тебе жизнь.

– Почему она это сделала?

– Ей почудилось, что ты снова полюбил жену. – Она многозначительно заглянула ему в лицо. – И после сегодняшней ночи у меня появились веские основания тоже так думать.

– Забудь о сегодняшней ночи. Сама прекрасно понимаешь, все это было сплошным обманом. – Он сердито отвернулся.

Эйвери постаралась унять жгучую боль от нанесенной этими словами сердечной раны. Залечивать ее предстояло позже. Сейчас необходимо было решать более неотложные проблемы.

– Если ты и не разглядел истинное лицо Кэрол с самого начала, то Зи это вполне удалось. Она наняла частного детектива, чтобы раскопать ее прошлое.

– И что он выяснил?

– Мне не хотелось бы обсуждать с тобой...

– Что он выяснил? – жестко повторил вопрос Тейт, снова резко оборачиваясь к ней. – Не ломайся ты, Бога ради.

– Она занималась стриптизом. И ее арестовывали, в том числе за проституцию. – Увидев, как исказилось его лицо, Эйвери попробовала взять его за руку, но он отдернул ее. – Ладно, можешь мне не верить. – Она повысила голос, чувствуя, как закипает из-за его нелепой, непробиваемой мужской заносчивости. – Попроси у своей матери папку. Она собиралась использовать ее, когда того потребуют обстоятельства. Для тебя это не должно оказаться таким уж открытием, Тейт, ты же сам презирал меня в образе Кэрол за измены, за аборт и наркотики. Мне пришлось месяцами терпеть твою антипатию, которая на деле предназначалась ей.

Он посмотрел на нее, прикусив нижнюю губу.

– Хорошо, предположим на секунду, что ты права насчет этого смехотворного заговора. Но неужели ты надеешься мне внушить, что решила закрыть амбразуру просто по доброте сердечной? Почему не предупредила меня еще несколько месяцев назад, при первой же возможности?

– А что, тогда ты поверил бы мне охотнее, чем сейчас? – Он не ответил, и она ответила за него: – Нет, Тейт, ты и тогда бы не поверил. У меня не было выхода. Я и себя-то защитить не могла, не говоря о тебе. К тому же, нельзя было рисковать. Ведь узнай тот человек – кто бы он ни был – о том, что нашептывал свои планы тележурналистке Эйвери Дэниелз, я бы долго не прожила.

Он прищурился и медленно кивнул:

– Пожалуй, теперь я вижу, для чего тележурналистка Эйвери Дэниелз устроила всю эту путаницу. Ради сенсационного материала.

Так?

В смущении она нервно облизнула губы:

– Не только. Хотя признаю, поначалу мной двигали и карьерные соображения тоже. – Она опять потянулась к его руке и на этот раз все-таки взяла ее в свою. – Но не теперь, Тейт, когда я так полюбила... Мэнди. Попав в эту историю, я уже не могла из нее просто так выбраться. Не могла исчезнуть, оставив все как есть.

– Так сколько же ты намеревалась изображать мою жену? Нам что, предстояло трахаться в темноте до конца дней своих? И я так и не смог бы увидеть тебя раздетой? Сколько еще ты собиралась лгать? Всю жизнь?

– Нет. – Она выпустила его руку и в отчаянии тяжело опустилась на стул. – Я бы тебе рассказала, только...

– Когда?

– Когда поняла бы, что Мэнди поправилась, а ты в безопасности.

– Ну вот, мы снова вернулись к коварному заговору.

– Перестань говорить об этом так беспечно! – воскликнула Эйвери. – Тебе грозит совершенно реальная опасность. И с каждым днем она реальнее...

– Тогда скажи, кого ты подозреваешь. После того, как ты вышла из больницы, ты жила с теми же людьми, что и я. – Он опять покачал головой, горько рассмеявшись собственной слепоте. – Господи, сколько всего вдруг объяснилось. Провалы в памяти. Шел. Лошадь. – Окинув ее взглядом, он зло повторил: – Да, очень многое объяснилось. – И прокашлявшись, добавил: – И как это я не увидел...

– А ты и не смотрел. Вы с Кэрл давно стали друг другу чужими.

Он нарочито пропустил ее слова мимо ушей и ухватился за свою прежнюю мысль:

– Так кого ты подозреваешь в желании ухлопать меня? Моих родителей? Брата? Лучшего друга? Дороти-Рей? О, погоди-ка, знаю, Фэнси! Как же, как же... – Он щелкнул пальцами. – Пару лет назад она на меня надулась за то, что я не дал ей свою машину покататься. И теперь мечтает меня прикончить!

– Не шути так! – Эйвери прямо трясло от негодования.

– Все это – злая шутка, – тихо произнес он, наклонившись к ее лицу. – Гнусная, грязная шутка, которую сыграла с нами со всеми амбициозная нечистоплотная сучка. Согласен, я был непроходимым

идиотом, но зато теперь вижу тебя насквозь. Это ты около года назад пустила газетную утку, что-то там с непроверенными, голословными обвинениями и так далее? Ну да, по-моему, именно ты. И разработала схему, чтобы исправить свой промах и обелить себя в глазах коллег. Ты из тех газетчиков, которым подавай что-нибудь горяченькое, вот и смастерила себе историю!

Она покачала головой и скорбно, но без особой убежденности ответила:

– Нет.

– Позволь отдать тебе должное, Эйвери Дэниелз. Ради репортажа ты идешь на что угодно, правда? На этот раз даже согласилась на разврат. Уж наверное, тебе не впервой. Ты как, ложишься под всех, у кого берешь интервью? Так ты с ними расплачиваешься за их откровенность?

Она плотнее закуталась в халат, но это мало помогло – настолько сильно ее колотило.

– Почему разврат? С моей стороны в отношении к тебе не было обмана.

– Так я и поверил!

– Нет, не было!

– Я спал с самозванкой.

– И любил самозванку!

– Ну еще бы, ведь трахаться ты гораздо не меньше, чем лицедействовать!

Этот залп совершенно убил в ней всякие силы возмущаться. Ее умоляющие глаза наполнились слезами:

– Ты не прав. Пожалуйста, Тейт, поверь мне. Будь осторожен. – Она указала на афишу. – Он собирается сделать это в день выборов. Завтра.

Он упрямо затряс головой:

– Тебе никогда не убедить меня, что кто-то из моих родных хочет продырявить мне лоб.

– Подожди! – вскинулась она, припомнив вдруг кое-что, о чем забыла упомянуть. – Из города в город за тобой следует высокий седой мужчина. – Она торопливо перечислила места, где замечала в толпе Седого. – У Вэна есть пленки, где он снят.

– Ах, ты о том операторе «Кей-Текс», – криво улыбнулся он. – Теперь и с ним все ясно. А кто еще развлекался с тобой за компанию?

– Айриш Маккейб.

– Кто это?

Она объяснила, кем ей приходится Айриш, и рассказала, как он по ошибке опознал ее тело.

– У него хранятся украшения Кэрол, если ты хочешь получить их обратно.

– А медальон?

– Подарок моего отца.

– Очень умно, – ядовито похвалил он. – Быстро соображаешь и ловко прячешь концы в воду.

– Послушай, Тейт. Если я заберу у Вэна пленки, ты просмотришь их, чтобы взглянуть на того человека? – Она изложила ему цепочку умозаключений, которые привели их к выводу о том, что заговорщики решили нанять убийцу-профессионала.

– У вас сложилась замечательная тройца, где каждый мечтает как следует разжиться за счет семейства Ратледжей.

– Ничего подобного.

– Так-таки ничего?

– Ничего!

Внезапный стук в дверь заставил их одновременно обернуться.

– Кто там? – спросил Тейт.

Пришел Эдди.

– Через двадцать минут встречаемся внизу для последней прикидки. Одновременно завтракаем и едем в аэропорт. (Несколько секунд Тейт неотрывно смотрел в испуганные глаза Эйвери.) Все в порядке? – справился Эдди.

Она умоляюще сложила руки и прошептала:

– Пожалуйста, Тейт, может быть, у тебя нет достаточных причин, но ты должен на меня положиться.

– Все нормально, – неохотно подал голос Тейт. – До встречи в столовой через двадцать минут.

Эйвери с облегчением опустилась на стоящий рядом диван.

– Нельзя ничего говорить, Тейт. Дай слово, что никому не скажешь. Никому.

– С какой стати я стану доверять тебе больше, чем моим родным и близким?

Она постаралась говорить спокойно:

– Если я сказала тебе правду, молчание спасет тебя от гибели. Если же мои слова – злонамеренная ложь, оно предотвратит твой публичный позор. Ни в том, ни в другом случае ты ничего не выгадаешь, если немедленно меня разоблачишь. Поэтому прошу тебя еще раз: никому ничего не говори.

Он пронзил ее долгим холодным взглядом:

– Ты изворотлива не меньше Кэрол.

– Мне ужасно больно оттого, что ты так считаешь.

– Я обязан был верно истолковать факты, признать, что эти перемены в тебе, вернее, в ней, не могли быть правдой, слишком уж все стало хорошо. Как и твое отношение к Мэнди, когда ты вышла та больницы.

– Она почти поправилась, Тейт. Разве ты не видишь, что я по-настоящему ее люблю?

– Я вижу только, что ты разобьешь ей сердечко, когда уйдешь отсюда.

– Это разобьет и мое сердце.

Он не обратил внимания на ее признание.

– Сейчас я понимаю, почему ты вдруг так заинтересовалась выборами, почему стала интеллигентнее выражаться, почему... – Он перевел глаза на ее губы. – Почему столько всего изменилось. – Казалось, какое-то время он внутренне преодолевал притяжение мощного магнита, которое влекло его к Эйвери, и наконец, злобно выругавшись, шагнул прочь.

Эйвери бросилась за ним, чтобы не дать ему запереть себя:

– Что ты собираешься делать?

– В настоящее время ничего. Слишком далеко все зашло. Твой подлый розыгрыш не сможет помешать мне победить на выборах ради меня самого, моей семьи и всех, кто мне доверяет.

– А что будет со мной?

– Не знаю, – откровенно признался он. – Если я тебя раскрою, то выставлю на посмешище и себя, и своих родных. – Он сгреб ее волосы на затылке и заставил Эйвери взглянуть ему в лицо: – А если ты нас выдашь, я тебя убью.

Он не шутил.

– Я не лгу тебе, Тейт. Все, что я тебе рассказала, – правда.

Он резко отпустил ее:

– Пожалуй, я с тобой разведусь, как собирался развестись с Кэрол.

И в наказание ты на всю жизнь останешься бывшей миссис Тейт Ратледж.

– Но умоляю, будь осторожен. Тебя попытаются убить.

– Эйвери Дэниелз погибла, и ее уже несколько месяцев как похоронили. Похороненной она и будет отныне числиться.

– Высматривай в толпе рослого седого мужчину. Держись от него подальше.

– И не будет ни головокружительной карьеры на телевидении, ни захватывающего, сенсационного сюжета. – Он окинул ее уничижительным взглядом. – Зря вы так бились, мисс Дэниелз.

– Билась ради любви к тебе.

Он захлопнул дверь прямо ей в лицо.

Поиски Вэна увенчались успехом лишь в самый канун дня выборов. Несколько мгновений он не мог отвести взгляд от экрана, не в силах поверить, что в конце концов обнаружил то, что нужно.

На рассвете он позволил себе прилечь, заметив пробивающийся сквозь прорехи в шторах утренний свет и поняв, что провел за просмотром видеопленок всю ночь. Проспал Вэн около часа, после чего выпил кружку крепчайшего кофе и вернулся к своей аппаратуре. Стол был завален обертками из-под еды, пустыми банками из-под содовой, выпотрошенными сигаретными пачками и заставлен вонючими, битком набитыми пепельницами.

Он не обращал внимания на этот разор. Ему было на него наплевать, как и на то, что вот уже двое суток он толком не ел и не мылся. Охота стала пуще неволи и переросла в одержимость: просмотр превратился прямо-таки в смысл существования.

Закончил Вэн к половине десятого вечера пленкой, отснятой им три года назад. Тогда он работал на филиале Эн-Би-Си в штате Вашингтон и даже успел позабыть шифр студии, но помнил свое задание. Он извел четыре двадцатиминутных пленки, которые были ужаты до пятиминутного репортажа для вечернего выпуска новостей. Шла неделя определения популярности телекомпаний, и репортаж был в струе: телезрители поеживались и горестно качали головами у экранов, но смотрели не отрываясь.

Проверяя себя, Вэн прокрутил все восемьдесят минут от начала до конца несколько раз. Удостоверившись, что не ошибся, он вставил чистую кассету и принялся переписывать самую важную, самую разоблачительную часть.

Перезапись занимала те же двадцать минут, которые надо было как-то убить. Пошарив среди скомканных бумажек, которые усеивали стол, он наконец извлек одинокую гнутую сигарету, зажег ее и набрал по телефону номер гостиницы «Паласио дель Рио».

– Алло, мне нужно переговорить с миссис Ратледж. С миссис Тейт Ратледж.

– Сожалею, сэр, – подчеркнуто вежливо ответила телефонистка, – я не могу вас соединить, но если вы оставите ваше имя и номер...

– Вы не поняли. У меня сообщение лично для Эйв... для Кэрол Ратледж.

– Я передам его служащим, которые просматривают...

– Слушай, ты, сучка, это жутко важно, поняла? Срочный звонок!

– По какому поводу, сэр?

– Я не могу вам сказать. Мне необходимо побеседовать лично с миссис Ратледж.

– Извините, сэр, – телефонистка была по-прежнему невозмутима. – Я не могу вас соединить. Если вы оставите...

– Провались ты!

Пока продолжалась запись, Вэн вышагивал из угла в угол, стараясь придумать, как побыстрее известить о своем открытии Айриша и Эйвери. Главное, чтобы пленка попала в руки Эйвери, но каким образом? Если даже телефонистку он не сумел уговорить с ней связаться, то уж приблизиться к ней сегодня настолько, чтобы передать кассету, и подавно не получится. А она должна ее просмотреть до наступления завтрашнего дня.

Дубликат был готов, а Вэн так ничего и не придумал. Единственное, что ему оставалось делать, это найти Айриша, а уж он бы дал какой-нибудь совет.

Но и после того, как он полчаса кряду обрывал телефон дома у Айриша и на студии, результат был нулевой. Никто не отвечал. Тогда Вэн решил все-таки отвезти своему боссу пленку на дом. Ведь он мог подождать его и там. Правда, придется пилить через весь город, но что с того? Дело слишком важное.

И, только подойдя к стоянке, Вэн сообразил, что его фургон в ремонте. После того, как несколько раньше сегодня вечером они с другим оператором засняли прилет Ратледжа в Сан-Антонио, напарнику пришлось подбросить его до дома.

– Елки-палки. Что делать-то?

Абонентский ящик. Ему было сказано воспользоваться им, если не будет иной возможности установить контакт. Он вернулся к себе и раскопал в куче исписанных бумажек ту, на которой нацарапал номер ящика. Запечатал кассету в плотный конверт с обратным адресом, набросил куртку и побежал со всех ног.

До ближайшего почтового ящика было каких-нибудь два квартала, но и такая пробежка потребовала от Вэна значительно больше сил, чем он мог предположить.

Он купил сигарет, упаковку баночного пива, марок – если даже их не хватит на оплату почтовых расходов, Айриш покроет разницу – и бросил конверт в ящик. Судя по висевшему на передней стенке расписанию, в очередной раз почту должны были вынуть в полночь. Уже к утру кассета вполне могла оказаться в руках у Айриша.

Где ему еще быть, старому обормоту, если не дома и не на студии? Должен же он возникнуть рано или поздно. Тогда они вдвоем обсудят, как предупредить Эйвери, или хотя бы прикинут, насколько реальна опасность, угрожающая Ратледжу.

Потягивая пиво, Вэн побрел к себе, вошел, сбросил куртку и снова сел к аппарату. Зарядив одну из четырех кассет, он стал в очередной раз ее просматривать.

Где-то в середине он снял трубку и набрал номер Айриша. После пяти гудков раздался щелчок и связь прервалась. Подняв глаза, он увидел руку в перчатке, нажавшую на рычажок, а еще выше – приятно улыбающееся лицо.

– Весьма интересно, мистер Лавджой, – негромко произнес посетитель, кивнув на мерцающий экран. – А я-то все никак не мог припомнить, где я вас видел.

С этими словами он поднял пистолет и выстрелил в упор.

* * *

Айриш влетел к себе и схватил телефонную трубку на шестом звонке, как раз в тот момент, когда на том конце дали отбой.

– Черт! – Он сильно задержался на работе, готовясь к кошмарному дню, который завтра предстояло пережить.

Он проверял и перепроверял расписания, просматривал списки репортерских назначений и всячески стремился убедиться, что абсолютно все знают, куда, зачем и когда ехать. Такие дни торжества новостей Айриш особенно любил, но именно они приносили ему жуткую изжогу, сродни той, которая терзала сейчас его желудок. Надо ж ему было слопать на бегу ту тарелку оладьев.

Проглотив стакан антацида, он опять подошел к телефону и позвонил Вэну, но бросил трубку, выслушав не меньше двадцати гудков. Ну, если этот олух где-нибудь слоняется, налижавшись и нанюхавшись, он его просто приберет. Рано утром он как штык должен быть на месте и во вменяемом состоянии.

Айриш предполагал отправить его вместе с репортером снимать в Кервилле голосующих Ратледжей, а потом отрядить на весь день и весь вечер в «Паласио дель Рио», где те будут ожидать результатов.

Айриш сомневался, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы назначить покушение на день выборов, но Эйвери, похоже, всерьез полагала, что все произойдет именно тогда. И если при виде Вэна она тревожится хоть чуть-чуть меньше, Айриш пошлет его туда, чтобы он постоянно был у нее на глазах, и в случае чего она могла с ним переговорить.

Дозвониться ей не было никакой возможности. С утра, когда он впервые постарался это сделать, ему сказали, что миссис Ратледж неважно себя чувствует. По крайней мере, так сообщила команда Ратледжа, когда Тейт в одиночку отбыл в заключительную поездку по Северному Техасу.

Второй раз ему было заявлено, что семья обедает. По-прежнему беспокоясь, он по пути домой заглянул на почту и проверил свой ящик. Там ничего не оказалось, и его волнение несколько улеглось.

Он считал, что отсутствие новостей есть само по себе хорошая новость. Если бы он был нужен Эйвери, она знала бы, где его найти.

Помолившись на ночь, он снова попробовал связаться с Вэном. И снова никто не ответил.

* * *

Канун выборов Эйвери провела в мучительнейшей тревоге. Тейт со всей категоричностью объявил ей, что в последнюю поездку он отправится без нее, и, несмотря на мольбы, своего решения не изменил.

Когда он благополучно возвратился, ее облегчение было столь велико, что она прямо-таки обессилела. А по дороге в ресторан к ней как бы невзначай присоединился Джек и потихоньку спросил:

– Как, тебя все еще прихватывает?

– Что-что?

– Тейт сказал, ты сегодня не поехала, потому что у тебя месячные.

– А, ну да, – ответила она, покрывая ложь Тейта. – Утром мне действительно пришлось туго, но сейчас все хорошо, спасибо.

– Ты уж постарайся к утру быть в порядке. – Джека интересовало отнюдь не ее здоровье, а то, как ее присутствие или отсутствие может повлиять на результат выборов. – Завтра тебе надо показать себя в лучшем виде.

– Попробую.

Тут Джека отозвала Дороти-Рей, которая уже не одну неделю воздерживалась от спиртного. Перемены в ней были налицо. Она утратила свой болезненный, перепуганный вид и очень заботилась о своей наружности. Гораздо более уверенная в себе, она редко выпускала Джека из поля зрения, и уж тем более, если поблизости находилась Эйвери. По всей видимости, она до сих пор опасалась Кэрл, но отныне была готова побороться за своего супруга.

Эйвери надеялась, что Тейт, благодаря своему врожденному такту, сумеет сделать так, чтобы никто не заметил перелома в их отношениях. Обедали всей семьей, в отдельном кабинете, и Тейт держался с ней с отменной вежливостью. Она засыпала его вопросами о том, как прошел день и как его принимали во время поездки. Он отвечал весьма предупредительно, но без особых подробностей. Стальной холод его глаз пронизывал ее до костей.

Он шутил с Мэнди. Рассказывал внимательно слушающим родителям о забавных моментах путешествия. Внимал последним советам Джека. Слегка поддразнивал Фэнси и немного с ней болтал. Препирился с Эдди по поводу того, во что ему следует одеться.

– Я не собираюсь специально наряжаться, чтобы явиться на избирательный пункт – во всяком случае, не больше, чем рядовой избиратель, – и переоденусь в костюм с галстуком, только если мне придется выступить, чтобы поблагодарить за поздравления.

– Тогда я должна попросить, чтобы на завтра тебе погладили костюм, – убежденно заявила Эйвери.

– Нет, вы послушайте! – Нельсон восхищенно стукнул по стону кулаком.

Тейт бросил на нее колючий взгляд, точно хотел сорвать с нее маску двуличия. Если в узком кругу он и подозревал кого-то в измене, то прежде всего ее. Если у него и имелись какие-то сомнения насчет надежности и преданности своих родных, он умело их скрывал. И был до невероятия спокоен для человека, вся жизнь которого могла резко измениться не далее как на следующий день.

Тем не менее Эйвери догадывалась, что его бесстрастность была напускной. Он излучал непоколебимую уверенность лишь ради того, чтобы, глядя на него, не нервничали остальные. Вполне в его духе, подумала она.

С нетерпением ожидая, когда они вернутся в гостиницу и останутся наедине, она обрадовалась тому, как быстро Тейт обо всем условился с Эдди и Джеком.

– Пойду пройду по Риверуок, – сказал Джек, облачаясь в пиджак. – Дороти-Рей и Фэнси смотрят в номере фильм. Сентиментальная муть, я такое не перевариваю, так что лучше сбегу ненадолго.

– Я спущусь с тобой вниз, – решил Эдди. – Хочу проверить, не забыли ли мы поставить в вестибюле стенд для газет.

Они ушли. Мэнди уже спала у себя в комнате. Эйвери подумала, что сейчас у нее будет время еще раз объясниться с Тейтом. Возможно, на этот раз он не осудит ее так безоговорочно. Но, к ее разочарованию, он взял с собой ключ от номера и направился к двери.

– Пойду посижу немного у родителей.

– Тейт, ты видел в аэропорту Вэна? Я пыталась дозвониться ему дамой, но его еще не было. Хочу, чтобы он привез пленки, чтобы...

– Ты, похоже, устала. Не жди меня.

Он ушел и никак не возвращался. Наконец, измученная длинным, ужасным днем, большую часть которого она провела в заточении, Эйвери легла.

Тейт так и не пришел к ней. Проснувшись среди ночи, не ощущая рядом тепла его тела и не слыша его дыхания, она в панике ринулась из спальни и распахнула дверь.

Он спал на диване в гостиной.

Это добило ее.

Сначала он был потерян для нее на долгие месяцы из-за подлостей Кэрол. А теперь – из-за ее собственной лжи.

Боли, терзавшие внутренности Айриша вечером перед сном, не шли ни в какое сравнение с желудочной пыткой, выпавшей на его долю утром в день выборов.

Рассвет выдался ясным и прохладным. В связи с прекрасной погодой во всем штате намечалась повышенная активность избирателей. Но атмосфера в редакции новостей «Кей-Текс» была совсем не такой безоблачной. Начальник означенной редакции определенно вышел на тропу войны.

– Никчемный ты сукин сын, – торжественно отчеканил Айриш, швыряя телефонную трубку. Когда Вэн не объявился у него и в шесть тридцать, как предусматривалось программой, он снова принялся звонить ему на квартиру. И снова не дождался ответа. – Куда он пропал?

– Может, едет? – подал из лучших чувств голос другой оператор.

– Может, – буркнул Айриш, зажигая сигарету, которую первоначально собирался просто держать во рту. – А пока он едет, я посыпаю туда тебя. Если поспешишь, еще захватишь отъезд Ратледжей из гостиницы. А нет – жарь что есть духу за ними в Кервиль. И отчитывайся каждые пять минут, – прорычал он в спину оператору, который стремглав кинулся из комнаты вместе с корреспондентом. Оба благодарили Бога за то, что уносят ноги целыми и невредимыми.

Айриш опять схватился за телефон и набрал номер, который уже успел запомнить наизусть.

– Доброе утро, – проворковал приятный голос. – «Паласио дель Рио».

– Мне необходимо говорить с миссис Ратледж.

– Извините, но я не могу вас...

– Знаю, но это важно.

– Если вы назовете свое имя и но...

Он нажал на рычаг, прервав ее слащавые рулады, и тут же позвонил Вэну. Потянулись бесконечные гудки, под аккомпанемент которых Айриш метался по комнате, насколько ему позволял телефонный провод.

– Ну дайте мне только до него добраться, – отобью ему яйца ко всем чертям.

Тут он схватил за шиворот посыльного, который на свою беду попался ему под руку:

– Эй, поезжай туда и вытряхни эту задницу из кровати.

– Кого, сэр?

– Вэна Лавджоя. О ком еще может идти речь, дурья башка? – нетерпеливо взревел Айриш. И почему это именно сегодня все или куда-то запропали, или вконец отупели? Он накарябал адрес Вэна на листке бумаги, сунул его мальчишке, который был ни жив ни мертв от страха, и грозно предупредил: – Без него не возвращайся.

* * *

Эйвери появилась на пороге отеля, сжимая влажными пальцами ладошку Мэнди, а другой рукой машинально держась за локоть Тейта. Улыбаясь перед бесчисленными камерами, она от души надеялась, что ее лицо не дергается и не кривится. По пути к лимузину, ожидавшему у подъезда, Тейт показывал поднятый вверх большой палец и самым обворожительным образом улыбался в нацеленные на него объективы. Они так похожи на дула пистолетов, мелькнула у Эйвери мрачная мысль. Уверенный голос Тейта перекрыл шум городского транспорта и гул толпы:

– Чудесная погода, как раз для выборов. Хороша и для избирателей, и для кандидатов.

На него обрушился шквал вопросов, касавшихся значительно более серьезных тем, чем погода, но Эдди быстро провел их к машине и усадил на заднее сиденье. К своему большому огорчению, Эйвери поняла, что он тоже едет с ними в Кервиль, и она снова не сможет побыть наедине с Тейтом. Утром тоже ничего не получилось. Когда она проснулась, он уже встал и оделся. Завтракать он тоже спустился один, пока Эйвери приводила в порядок себя и Мэнди.

Лимузин тронулся с места, и она оглянулась, пытаясь разглядеть через заднее стекло Вэна. На глаза ей попала команда «Кей-Текс» из двух человек, но камеру держал не Вэн, а какой-то другой оператор. Приему? – недоумевала она. Где же он?

Не оказалось его и в толпе репортеров, собравшихся на избирательном участке в Кервиле. Ее беспокойство росло с каждой минутой, и в конце концов Тейт наклонился к ней и прошептал:

– Улыбнись же, Бога ради. А то ты выглядишь так, будто я уже проиграл.

– Я боюсь.

– Боишься, что я проиграю еще до конца голосования?

– Нет. Боюсь, что ты погибнешь. – Несколько мгновений она выдерживала его взгляд, пока не вмешался Джек с каким-то вопросом.

Обратная дорога в Сан-Антонио казалась просто нескончаемой. В этот день движение было более сильным и за городом, и в центре. Когда они выходили из лимузина, Эйвери снова окинула взглядом толпу у подъезда. И заметила знакомое лицо, но совсем не то, которое хотела увидеть. Через улицу, у дверей зала для приемов, стоял седой мужчина. А Вэна опять нигде не было.

Ведь Айриш ей обещал.

Что-то случилось. Когда они вошли к себе в номер, она извинилась, прошла в спальню и позвонила. После десяти звонков в редакции новостей сняли трубку.

– Айриша Маккейба, пожалуйста, – выдохнула она.

– Айриша? Хорошо, пойду его поищу.

Ей самой доводилось работать в дни выборов, и она знала, какой это кошмар и какие нагрузки выпадают тогда на службу информации. Все трудились с предельной интенсивностью. «Айриш», – шептала она в нетерпении. И все вспоминала, как стоял на тротуаре Седой, неподвижный и настороженный, словно часовой.

– Алло?

– Айриш? – воскликнула она, сразу обмякнув от облегчения.

– Нет. Так вы с ним хотели поговорить? Секунду.

– Это Эйв... – Она едва не всхлипнула, когда ее опять не стали слушать.

Но тут трубку взяли еще раз.

– Алло? – неуверенно произнес мужской голос. – Алло?

– Да, кто там? Эдди, ты, что ли?

– Я.

– Это, э... Кэрл.

– Господи, где ты?

– В спальне. Разговариваю. – Видимо, он ответил ей по спаренному аппарату из гостиной.

– Ладно, только давай побыстрее, о'кей? Нам нельзя занимать телефон.

Он повесил трубку, она продолжала ждать. Но у тех, кто находился в ту минуту в редакции, были дела поважнее, чем разыскивать шефа в день, когда и без того дел по горло. В унынии она, наконец, нажала на рычаг и присоединилась к семейству, собравшемуся в гостиной.

Улыбаясь и поддерживая разговор, она тем не менее по-прежнему терялась в догадках и успокаивала себя, воображая, что Вэн сейчас внизу, в зале, устанавливает штатив с камерой, чтобы вечером запечатлеть, как она надеялась, празднование победы Тейта.

Пока Эйвери все равно не могла ничего предпринять. Наверное, изменение планов у Айриша произошло по какой-то вполне безобидной причине, подумала она. А у нее от неведения просто разыгралось воображение. Айриш и Вэн знают, где ее искать, если в этом будет необходимость. Твердо решив держать себя в руках и не паниковать, она подошла к дивану, на котором вытянулся Тейт.

Верный своему слову, он ездил на избирательный участок одетый совсем по-будничному, в кожаную куртку и джинсы. С совершенно невозмутимым видом он обсуждая с Зи меню ленча.

Эйвери присела на подлокотник дивана. Он машинально положил руку ей на бедро и стал по-хозяйски поглаживать ее по колену. Зи отошла, и он с улыбкой взглянул на нее:

– Привет.

– Привет.

И тут он все вспомнил. Она видела это по его глазам, ласковое выражение которых быстро поглотила холодная непримиримость. Он убрал руку.

– Я тут хотел задать тебе один вопрос.

– Какой?

– Ты предохранялась?

– Нет. Как и ты.

– Вот кошмар.

Но в этот день даже его откровенная неприязнь не могла заставить ее держаться от него в отдалении. Она намеревалась до самой ночи

находиться с ним бок о бок.

* * *

– Айриш, тебя спрашивают по второму каналу.

– Ты что, не видишь, что я уже и так на телефоне? – заорал он в ответ, перекрывая всеобщий гвалт. – Пусть подождут. Так, – это было сказано в трубку, которую Айриш держал в руке, – ну а стучать ты пробовал?

– Да я все руки отшиб, мистер Маккейб. Его нет.

Айриш отер ладонью багровое лицо. То, что говорил ему курьер, ни в какие ворота не лезло.

– В окна заглядывал?

– Пытался, но шторы опущены. Я даже слушал через дверь, но там внутри – ни звука. По-моему, там никого нет. И стоянку я проверил, тоже пусто, машины нет.

Айриш как раз собирался сам спросить про машину и, когда его вопрос предупредили, лишь пробормотал: «Бог ты мой». Он надеялся, что Вэн просто отсыпается после разгульной ночи, но теперь стало окончательно ясно, что это не так. Раз нет его фургончика, то как пить дать нет и его самого.

Айриш рассудил, что продравший глаза Вэн тоже ему не дозвонился и отправился напрямик в «Паласио дель Рио», но, связавшись с работавшей там командой, убедился, что они тоже его не видели.

– Ладно, спасибо. Возвращайтесь сюда. – Он нажал на светящуюся кнопку на панели и хмуро буркнул: – Маккейб слушает. – В ответ раздался длинный гудок. – Эй, меня ведь вроде спрашивали по второму аппарату?

– Спрашивали.

– Там гудок.

– Наверное, повесили трубку.

– Это был мужчина? – забеспокоился он.

– Женщина.

– Назвалась?

– Нет. Но была вроде как малость не в себе.

У Айриша моментально подскочило давление.

– Почему ты мне не сказал?

– Да говорил я!

Господи! Спорить с этими остолопами не имело смысла. С шумом захлопнув за собой дверь, он ввалился к себе в кабинет. Айриш не знал наверняка, что звонила именно Эйвери, но внутренний голос подсказывал ему, что это была она. Может, нутро у него так жутко и ныло из-за этого несчастного внутреннего голоса.

Хлебнув антацида прямо из бутылки, он опять схватил трубку, набрал номер гостиницы и услышал все тот же невозмутимый голос. Когда он потребовал, чтобы его соединили с апартаментами Ратледжей, телефонистка завела все ту же песню.

– Послушай ты, сучонка, я плевать хотел на все твои фиговые инструкции и каких там кретинов ты должна соединять по первому требованию. Мне нужно, чтобы ты немедленно позвонила ей в номер. Немедленно, поняла? Не соединишь, я лично туда к вам заявлюсь, чтобы свернуть твою сучью башку.

Она отключилась.

Айриш метался по кабинету, пыхтя и изрыгая клубы дыма, как паровоз. Эйвери, наверное, места себе не находит, она может решить, что они ее просто бросили.

Этот недоносок Вэн не явился в отеле, как было условлено. Будь он там, она бы его видела и знала, что ей есть на кого положиться. А самого Айриша с ней не соединяли – так откуда ей знать, что он отчаянно пытается с ней связаться.

Выскочив из кабинета, он торопливо набросил куртку.

– Я ненадолго выйду.

– Выйдете?

– Оглохли вы все, что ли? Вый-ду!! Позвонит кто или придет, пусть ждет или оставит сообщение. Вернусь, как только смогу.

– Но куда же?.. – Вопрос подчиненного повис в воздухе вместе с дымом от сигареты кинувшегося прочь Айриша.

* * *

– Вы уверены, что его нет? – Эйвери не верила своим ушам. – Я звонила совсем недавно, и...

– Мне кто-то сказал, что он ушел, и в комнате я его не вижу, так что, похоже, он действительно вышел.

– Куда?

– Никто не знает.

– Но не мог же Айриш взять и уйти с работы в день выборов.

– Послушайте, мадам, тут у нас дурдом, в особенности после того, как смылся Айриш, поэтому вы скажите, оставить ему сообщение или нет?

– Нет, – отрешенно произнесла она. – Никаких сообщений. – Чувствуя себя брошенной на произвол судьбы, она повесила трубку, снова прошла в гостиную и автоматически поискала глазами Тейта.

Он беседовал с Нельсоном. Зи тоже стояла рядом, якобы прислушиваясь к их разговору, но ее выдавало свойственное ей выражение завороченности, с которым она неотрывно смотрела на Тейта. Ее занимал явно он один.

Джек и Эдди были внизу, наблюдая за приготовлениями в зале и пристально следя за постоянно поступающими результатами. До закрытия участков оставалось еще несколько часов, но предварительные данные показывали, что Тейт пока опережает Деккера. Большого отрыва не было, но новичку удалось по меньшей мере дать хорошую острастку напыщенному сенатору.

Дороти-Рей некоторое время назад пожаловалась на головную боль и удалилась к себе в комнату, чтобы ненадолго припечь. Фэнси устроилась на полу вместе с Мэнди. Они вместе раскрашивали картинки.

Вдруг Эйвери осенило.

– Фэнси! – окликнула она. – Пойди-ка сюда на минутку.

– Зачем?

– Я хочу... хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Бабушка велела мне заниматься ребенком.

– Я сама ее займу. К тому же ей скоро спать. Ну, пожалуйста. Это важно.

Фэнси неохотно поднялась и пошла за Эйвери в спальню. После достопамятного происшествия с ней стало намного приятнее иметь

дело. Время от времени в ней просыпалась прежняя строптивость, но в целом она держалась гораздо дружелюбнее.

Закрыв за собой дверь, Эйвери поспешно выложила ей в ладонь маленький ключик:

– Слушай, надо кое-что сделать.

– Вот с этим ключом?

– Он от абонентского ящика. Нужно, чтобы ты туда съездила и взглянула, нет ли в нем чего. Если есть, вези сюда и отдай мне, только мне, в собственные руки.

– Что, собственно, происходит?

– Пока не могу тебе объяснить.

– Не могу же я нестись куда-то неизвестно зачем и...

– Пожалуйста, Фэнси. Это ужасно важно.

– Тогда почему ты просишь меня? Мне если и дают какие поручения, то сплошь дерьмовые.

– Я думала, мы друзья, – вспыхнула Эйвери. – Мы с Тейтом недавно выручили тебя из переделки. За тобой должок.

Фэнси немного поразмышляла, потом пару раз подбросила ключик на ладони:

– А где это?

Эйвери дала ей адрес почтового отделения.

– Ба, да это за тыщу миль.

– Сама жаловалась полчаса назад, что тебе надоело сидеть на привязи в этой собачьей гостинице. Да, точно так ты и заявляла, слово в слово. Ну так что?

Должно быть, сам вид Эйвери и ее горячность убедили Фэнси в срочности и серьезности данного ей поручения. Она пожала плечами:

– О'кей.

– Спасибо! – Эйвери стиснула ее в объятиях. Уже на пороге спальни она опять остановилась: – Не афишируй свой уход. Просто уйди как можно незаметнее. Если станут спрашивать, я тебя прикрою.

– С чего это такая конспирация? Ты часом не кадришься к почтальону, а?

– Поверь, это очень важно для Тейта, для всех нас. И быстрее возвращайся.

В гостиной Фэнси подхватила свою сумку и направилась к дверям.

– Скоро вернусь, – бросила она через плечо.

Никто даже не оглянулся на нее.

Фэнси села на табурет и положила на полированную стойку небольшой прямоугольный пакетик, который вынула из ящика. К ней подошел усатый, крепко сбитый бармен.

Ему досталась поистине ангельская улыбка:

– Джин-тоник, пожалуйста.

В его добродушных голубых глазах появилось сомнение:

– А сколько вам лет?

– О, вполне достаточно.

– Сделайте два джина с тоником, – на соседнюю табуретку присел какой-то мужчина. – Я плачу за даму.

– Ради Бога, – пожал плечами бармен.

Фэнси бросила оценивающий взгляд на нежданного союзника. Похож на чиновника. Какое-нибудь там страхование или компьютеры. Лет около тридцати. Возможно, женат. Ищет, как бы отвлечься от тяжелых обязанностей, которые взвалил себе на плечи ради костюмчика от модельера и шикарной тикалки на руке.

Место было фешенебельное, сюда наведывались и семейные, и холостяки. Кругом безвкусный антиквариат и кущи какой-то растительности с огромными глянцевыми листьями. В час коктейля, когда толпами подваливала на своих «БМВ» и «поршах» денежная братия, тут все ходуном ходило.

Пока Фэнси изучала своего соседа, он изучал ее. Судя по тому, как разгорелись у него глаза, он считал, что ему хорошо подфартило.

– Спасибо за джин, – сказала она.

– Пожалуйста. Ведь в вашем возрасте уже вполне можно пить, верно?

– Разумеется. В моем возрасте пить можно, нельзя только самой платить.

Они засмеялись и чокнулись.

– Джон.

– Фэнси.

– Фэнси?

– Фрэнсин, если вам так больше нравится.

– Значит, Фэнси.

Ее начинали обхаживать. Фэнси без труда распознала ритуал, ей были прекрасно знакомы все правила. Черт возьми, да она, можно сказать, сама изобрела большую их часть. Часа через два, а то и меньше, если они быстро распалются, она окажется в постели с новым знакомым.

После того как Эдди нанес ей такую сердечную рану, она поставила крест на мужиках. Все они сволочи. Все хотят от нее одного – того же, что запросто могли бы купить у самой дешевой потаскухи.

Мать сказала ей, что когда-нибудь она встретит парня, которому будет по-настоящему небезразлична и который станет относиться к ней с уважением и добротой. Однако Фэнси не слишком этому поверила. Неужто она должна теперь сидеть, помирая со скуки, пока совсем не разучится разводить ноги, и поджидать принца, который опять ее разработает?

Фигушки. Она уже три дня как пай-девочка. Пора и порезвиться. И этот Джим, или Джо, или Джон, как и всякий другой, сгодится на то, чтобы ее слегка развлечь.

Она как шарахнутая поскакала за тридевять земель по поручению Кэрол, но уж стремглав нестись обратно в гостиницу, чтобы вместе со всеми прочими приклеиться к телевизору, она не намерена. Рано или поздно она, конечно, туда доберется. Но сначала чуть-чуть повеселится.

* * *

Припарковаться в непосредственной близости от гостиницы оказалось невозможно. Наконец, Айриш отыскал свободное местечко через несколько кварталов. До вестибюля он добрался уже порядком взмокший. Даже если дорогу в апартаменты Ратледжей придется торить с помощью подкупа, он готов на это пойти. Необходимо встретиться с Эйвери. Вместе они могут сообразить, куда подевался Вэн.

Вероятно, он совершенно напрасно переживает, и они уже отыскали друг друга. Господи, лишь бы так оно и было.

Он принялся пробиваться сквозь тургруппу из какой-то азиатской страны, дружно стоявшую в очередь на регистрацию. Терпение никогда не входило в число добродетелей Айриша. Прокладывая себе путь с помощью локтей в толпе туристов, которые трещали без умолку, он так и чувствовал, как у него поднимается давление.

Вдруг посреди всей этой неразберихи кто-то тронул его за локоть:

– Привет.

– А, привет, – ответил он, увидев знакомое лицо.

– Вы Айриш Маккейб, правильно? Друг Эйвери.

– Да.

– Она вас ищет. Пойдемте.

Они пересекли шумный вестибюль. Спутник Айриша провел его через несколько дверей к служебным лифтам. Они вошли, и за ними сомкнулись серые двери.

– Спасибо, – сказал Айриш, вытирая рукавом вспотевший лоб. – А что, Эйвери сама... – Еще не договорив, он осознал, что прозвучало ее подлинное имя. Он поднял глаза: – Так вы все знаете?

Улыбка:

– Да. Знаю.

Айриш увидел пистолет, но не успел даже отметить в сознании, что ствол направлен прямо ему в лицо. Сердце его дало сбой, он схватился за грудь и, словно подкошенный, рухнул на пол лифта.

Лифт спустился на самый нижний этаж. Пистолет был снова поднят и направлен на открывающиеся двери, но необходимости стрелять не возникло. Снаружи никто не ждал.

Убийца поволок тело Айриша по короткому коридорчику в узкий закуток, где стояли автоматы с едой, которыми пользовались служащие отеля. Закоулок освещался четырьмя люминесцентными трубками под потолком, но их было легче легкого разбить глушителем, укрепленным на стволе пистолета.

Засыпанное матовыми осколками и укрытое непроницаемым мраком, тело Айриша Маккейба осталось лежать на полу у автоматов. Торопливо возвращавшийся к лифту человек был уверен, что к тому времени, как труп обнаружат, известие о гибели старого тележурналиста затмится сообщением о другой смерти.

Телевизионное время было практически целиком отдано отчетам о ходе выборов. В гостиной апартаментов Тейта стояли три телевизора, и Ратледжи смотрели одновременно три программы. За президентский пост шла упорная борьба, и подводить итоги до сих пор было рано. Несколько раз освещался и ход событий в Техасе, где разворачивался один из самых захватывающих в стране поединков за место в Сенате между пока занимающим его Рори Деккером и бросившим ему вызов Тейтом Ратледжем.

Когда сообщили, что Ратледж несколько опережает своего соперника, по гостиной пронесся радостный гул. От неожиданности и испуга Эйвери прямо подскочила. Она была в полном смятении, ощущая себя на краю пропасти и на грани нервного припадка.

Всеобщее возбуждение передалось Мэнди, и она вконец разбаловалась. В конце концов, пришлось пригласить гостиничную няню, чтобы та занималась с девочкой в соседней комнате, а семья могла полностью сосредоточиться на результатах выборов.

Поскольку Мэнди была на время пристроена, Эйвери целиком погрузилась в тревожные мысли о Тейте, заодно недоумевая, куда же пропали Вэн и Айриш. Их исчезновение ставило ее в тупик. Она три раза звонила в редакцию. Ни того, ни другого там не оказалось, и никто ничего о них не знал и не ведал.

– Но в полицию-то вы сообщили? – спросила она в последний свой звонок. – С ними же могло что-то случиться.

– Послушайте, если вы хотите заявить об их исчезновении, валяйте. Но кончайте названивать и дергать людей. Мне и без того есть чем заняться.

Трубку бросили. Эйвери порывалась было кинуться в редакцию, но оставить Тейта она тоже боялась. Нестерпимо тянулись вечерние часы, и она непрерывно думала о двух вещах, в которых была абсолютно уверена. Во-первых, Тейт должен был вот-вот завоевать пост сенатора. Во-вторых, с ее друзьями приключилось нечто ужасное.

Что, если Седой и впрямь охотился за ней, а не за Тейтом, как предполагал Вэн? Что, если он заметил интерес, который она проявляет к обыкновенному оператору? Что, если сегодня утром он подкараулил Вэна по пути на работу? И выманил Айриша из редакции?

Ее тошнило от страха при мысли, что враг находится тут же, в гостинице, под одной крышей с Тейтом и Мэнди.

А куда сгинула Фэнси? Ее нет уже несколько часов. Неужели и с ней стряслась беда? Если все в порядке, почему она хотя бы не позвонила и не предупредила, что задерживается? Даже со скидкой на интенсивность движения в день выборов, дорога до почтового отделения и обратно не должна была занять больше часа.

– Тейт! – Эдди пулей влетел в дверь. – По одной из программ передали, что ты победил! Ну что, готов ты спуститься вниз?

Эйвери стремительно повернулась к Тейту, с замиранием сердца ожидая его ответа.

– Нет, – сказал он. – Никуда я не пойду, пока остается хоть малейшая тень сомнения. Пока Деккер, как положено, сам не подтвердит результат звонком.

– По крайней мере, переоденься.

– Я разве плохо одет?

– Ты собираешься препираться со мной по этому поводу до последней капли крови?

– До победного конца! – со смехом отозвался Тейт.

– Ну и ладно, лишь бы ты победил!

Нельсон подошел к сыну и пожал ему руку:

– Ты добился своего. Достиг всего, что я от тебя ожидал.

– Спасибо, папа, – произнес Тейт с легкой дрожью в голосе. – Но давай подождем считать цыплят. – Тем временем его горячо обнимала Зи.

– Браво, братишка! – Джек слегка потрепал Тейта по щеке. – Как насчет того, чтобы в следующий раз замахнуться на Белый дом?

– Без тебя у меня ничего бы не вышло, Джек.

Дороти-Рей наклонилась к себе Тейта и поцеловала его.

– Ты молодец, что так сказал.

– Я всегда с радостью благодарю тех, кому действительно обязан, – с неприкрытым осуждением он посмотрел поверх голов на Эйвери. Его окружали те, кто его любит. Она одна была здесь отщепенкой.

Дверь опять открылась, и Эйвери вскинулась, надеясь увидеть Фэнси. Но вошел один из добровольных помощников из штаба компании:

– Внизу в зале все готово. Толпа скандирует имя Тейта, оркестр вовсю играет. Господи, как же здорово!

– Я бы сказал, что пришло время открыть шампанское, – заметил Нельсон.

Когда хлопнула первая пробка, Эйвери едва не лишилась чувств.

* * *

Джон как бы невзначай задел грудь Фэнси. Она отстранилась. Он потерся бедром о ее бедро. Она снова положила ногу на ногу. Все его пассы были наперед ей известны и почему-то начинали раздражать. Наверное, у нее просто не то настроение. Напитки вдруг потеряли всякий вкус. Она не получала привычного удовольствия.

«Я думала, мы друзья».

Слышавшийся ей голос Кэрол перекрывал преувеличенно чувственную хрипотцу Рода Стюарта и гомон отмечающей час коктейля публики.

Последние несколько месяцев – собственно, после выхода из больницы, – Кэрол относилась к ней вполне по-людски. То, что она ей говорила насчет самоуважения, пожалуй, оказалось не такой уж туфтой. Откуда у нее взяться хоть какому-то самоуважению, если любой молодчик может подцепить ее в заведении на манер вот этого – а оно было, считай, приличным, по сравнению с теми притонами, в которые ее иногда заносило, – получить, что хотят, а потом вышвырнуть ее, точно использованный презерватив.

Похоже, Кэрол не считала ее кретинкой, раз дала ей ответственное поручение. И чем она ей отплатила? Подвела, вот и все.

Джон наклонился к ней и прихватил губами мочку ее уха.

– Мне вообще-то пора, – внезапно объявила она и едва не столкнула его с табурета, потянувшись за кошельком и конвертом, до сих пор лежащим на стойке. – Спасибо за угощение.

– Эй, куда ты? Я думал, ну... сама знаешь.

– Ага, знаю. Извини.

Он соскочил со стула и подбоченился:

– Ну и что ты мне теперь прикажешь делать?

– Полагаю, спустить самому.

На пути к гостинице она то со всей силы нажимала на газ, то сбрасывала скорость, высматривая радары и держась подальше от полицейских машин. Пьяной она не была, но при случае прибор показал бы наличие алкоголя в ее дыхании. Сумасшедшее движение в центре города окончательно превратило путаницу улиц в кошмар для водителя, но в конце концов она все-таки добралась до гостиничного гаража.

Вестибюль был набит битком. Предвыборные афиши с портретами Тейта Ратледжа качались над головами стоявших вплотную друг к другу людей. Казалось, все голосовавшее за Тейта население округа Бексар явилось сюда праздновать победу.

– Разрешите, разрешите, – Фэнси начала ввинчиваться в толпу. – О черт, это же моя нога! – вскрикнула она, когда кто-то попятился и наступил ей на пальцы. – Пропустите меня!

– Эй ты, беленькая, изволь подождать лифта вместе со всеми! – попыталась одернуть ее какая-то дама, бюст которой словно броня покрывали ряды значков с изображением улыбающегося Тейта.

– Как бы не так! – огрызнулась Фэнси. – Пропустите!

Ей казалось, что она уже добрых полчаса пробивается сквозь толпу, которая клочкотала и бурлила, словно полное ведро мальков. Но, привстав на цыпочки, она, к своей растерянности, обнаружила, что практически совсем не приблизилась к лифтам.

– С меня на фиг хватит, – пробормотала она и схватила под руку стоявшего рядом мужчину. – Проведите меня в лифт, и я вас так ублагодворю, век не забудете.

* * *

Зазвонил телефон, и в гостиной мгновенно воцарилась тишина. Все глаза разом устремились к аппарату.

– Ну вот, – спокойно произнес Эдди, – это он.

Тейт взял трубку.

– Алло? Да, сэр, это Тейт Ратледж. Спасибо, что позвонили, сенатор Деккер.

Эдди вскинул руки над головой и потряс кулаками, словно боксер, выигравший бой нокаутом. Зи сжала руки под подбородком. Нельсон

кивнул точно судья, в присутствии которого присяжные только что вынесли справедливый приговор. Джек и Дороти-Рей улыбнулись друг другу.

– Да, сэр. Благодарю вас, сэр. Я тоже. Благодарю вас. Очень признателен вам за звонок. – Он положил трубку и несколько секунд сидел, свесив сцепленные руки между коленями. Потом поднял голову и сказал с мальчишеской усмешкой: – Похоже, теперь я новоиспеченный сенатор от штата Техас.

В гостиной мгновенно все встало вверх дном. Несколько помощников с идиотскими воплями попрыгали на стулья. Эдди рывком поставил Тейта на ноги и подтолкнул к двери в спальню:

– Уж теперь-то тебе можно переодеться. Кто-нибудь пусть сбегает вызовет лифт и займет его. Я позвоню вниз и попрошу их потерпеть еще пять минут. – Он схватил телефонный аппарат.

Эйвери стояла, заломив руки. Ей хотелось тоже аплодировать и кричать от радости. Хотелось обнять Тейта и поцеловать его, поздравив с триумфом, хотелось разделить с ним ликование великого часа. Вместо этого она тряслась от страха, как осиновый лист.

Когда она вошла в спальню, он уже разделся до белья и облачался в брюки.

– Тейт, не ходи туда.

Он резко поднял голову:

– Что?

– Не ходи вниз.

– Я не могу...

Она вцепилась ему в руку:

– Человек, о котором я тебе говорила – тот седой – он здесь. Я видела его утром. Тейт, ради всего святого, не ходи.

– Но я должен.

– Пожалуйста. – На глазах у нее выступили слезы. – Пожалуйста, поверь мне.

Он застегивал светло-голубую рубашку. Его пальцы замерли.

– С какой стати?

– Я люблю тебя. Потому-то и выдавала себя за твою жену. Я влюбилась в тебя еще в больнице. Еще до того, как смогла говорить. И все, что я тебе рассказала, – правда. На твою жизнь покушаются. Да, мне представился шанс написать необыкновенно захватывающий

репортаж, но... – Тут она стиснула его плечи и умоляюще закончила: – Но все, абсолютно все я делала только ради того, чтобы тебя защитить. Я люблю тебя и любила с самого начала.

– Тейт, они... – в комнату ввалился Эдди. – Что тут, черт подери, происходит? Я думал, ты уже одет. Они там внизу чуть не стены крушат, требуя тебя. Все с ума сходят. Пошевеливайся. Идем.

Тейт перевел взгляд со своего друга на Эйвери.

– Даже если бы я тебе поверил, – произнес он с тихой беспомощностью, – у меня нет выбора.

– Тейт, пожалуйста, – снова взмолилась она прерывающимся голосом.

– У меня нет выбора.

Он отвел ее руки и быстро завершил туалет под наставления Эдди относительно того, кому надлежит публично выразить признательность.

– Кэрол, ты кошмарно выглядишь. Сотвори-ка что-нибудь со своим лицом, прежде чем спускаться вниз, – распорядился он, подталкивая Тейта к выходу.

Но Эйвери ринулась за ними. Теперь в гостиной скопилось еще больше народа. В коридоре толкались полчища работавших на кампанию Тейта людей, которые старались протиснуться в двери и хотя бы одним глазком увидеть своего героя. Шум стоял оглушительный, но Эйвери каким-то чудом уловила, что кто-то зовет Кэрол, и обернулась.

Перед ней, пытаясь вырваться, отчаянно извивалась зажатая справа и слева Фэнси. Когда ей это удалось, инерция бросила ее напрямиком в объятия Эйвери.

– Фэнси! Где ты пропадала?

– Только не читай мне нотаций! Я едва не сгнула, добираясь сюда. Там в холле топчется один парень, и он вроде как сильно на взводе, потому что я его надула, а другой, по имени Джон...

– В ящике что-нибудь было?

– Вот. – Фэнси сунула ей в руку пакет. – Надеюсь, это стоит моих мытарств.

– Кэрол! И ты, Фэнси, пошли! – крикнул им Эдди, указывая на дверь поверх голов участников торжества.

Эйвери вскрыла конверт и увидела кассету:

– Задержи их, если получится.

– А? – Фэнси оторопело смотрела, как она кинулась в спальню, прикрыв за собой дверь. – Господи, кто здесь на хрен спятил, я или все остальные?

Около нее вырос совершенно незнакомый ей человек, который, пританцовывая, заставил ее взять фужер шампанского. Она сделала внушительный глоток.

Тем временем Эйвери торопливо зарядила кассету в магнитофон, попятилась к кровати и села на покрывало. Нажимая кнопки на пульте, она быстро перемотала пленку на самое начало. Шифр студии был ей знаком: кажется, штат Вашингтон? Фамилия журналиста ничего ей не говорила, но оператором в титрах значился Вэн Лавджой.

В ней поднялась волна ликования. Раз Вэн послал запись Айришу, в ней должно содержаться нечто чрезвычайно важное. Однако минуты шли, а она так и не поняла, что же именно. Уж не пошутил ли Вэн?

Репортаж был посвящен некоей военизированной организации, стремящейся к захвату власти. Она базировалась в никому не известном месте, где-то в чаще лесов. На уик-энды члены организации съезжались туда и строили планы уничтожения всех, кто хоть чем-то от них отличался. Их основной целью было взять власть над всей Америкой, чтобы создать наконец чистую в расовом отношении нацию.

Насколько знала Эйвери, сам Вэн с полным безразличием относился к политике в любых ее проявлениях, но, вероятно, его потрясло дикое человеконенавистничество, которым были пропитаны идеи группировки. Он заснял их учения, раздачу оружия и боеприпасов, тренировки новичков (их обучали партизанской тактике ведения военных действий) и занятия с детишками (этим вдалбливали, что они выше всех прочих). Все это преподносилось под прикрытием христианского учения.

Сюжет был захватывающий, и ее журналистская натура восставала, когда приходилось включать перемотку. Время от времени она запускала нормальную скорость, желая уловить, в чем же особая ценность пленки, заставившая Вэна послать ее Айришу, но никак не могла обнаружить ничего существенного.

Камера запечатлела сидящую группу вооруженных до зубов мужчин в военном обмундировании. Эйвери отмотала пленку назад и

снизила скорость, чтобы как следует взглядеться в каждое лицо. Командир промывал мозги жадно внимающим подчиненным.

Вэн дал крупным планом лицо одного из мужчин, и Эйвери ахнула. Она узнала его. И почувствовала приступ головокружения.

Выглядел он непривычно. Сквозь короткий ежик волос просвечивала кожа головы, лицо было в разводах маскировочной краски, но она опознала его в первый же миг. Как-никак он несколько месяцев жил с ней бок о бок.

«То, что все люди созданы равными – чистой воды брехня, – надсаживался в микрофон инструктор. – Треп разной неполноценной швали, надеющейся, что кто-нибудь да клюнет».

Человек, которого узнала Эйвери, заплодировал и засвистел. В его глазах вспыхнула злоба.

«Мы не желаем жить рядом с ниггерами, жидами и голубыми, верно?»

«Верно!»

«Мы не потерпим, чтобы они развращали наших детей своим коммунячьим бредом, верно?»

«Верно!»

«Так как же тогда мы поступим с теми, кто утверждает, что это необходимо?»

Вся группа, как один, вскочила на ноги. Объектив Вэна по-прежнему был направлен на лицо самого, наверное, фанатичного и оголтелого участника действия.

«Мы уничтожим это отребье! Убьем подонков!» – орал он, и его раскрашенное лицо зловеще искажалось.

И тут кто-то открыл дверь. Эйвери поспешно выключила видеомагнитофон и вскочила.

– Джек! – Она подняла к губам бескровные пальцы. Ноги отказывались ее держать.

– Меня послали за тобой. Мы уже должны быть внизу, но я рад, что у нас есть минутка наедине.

Эйвери стояла, прислонившись спиной к телевизору. Бросив взгляд через плечо Джека, она увидела, что гостиная опустела. Все ушли вниз.

Он надвигался на нее:

– Я хочу знать, зачем ты это сделала.

– Что сделала?

– Зачем так со мной обошлась?

Грудь Эйвери поднялась и опала в единственном, словно последнем вздохе:

– Джек...

– Нет, я обязательно хочу это знать. Дороти-Рей говорит, что я тебе никогда и даром не был нужен, что ты заигрывала со мной, стараясь сравнить меня с Тейтом. Зачем, черт тебя возьми? Я чуть не поссорился с братом. Едва не сломал из-за тебя свою семью.

– Джек, мне очень жаль, что так случилось, – серьезно сказала она. – Честное слово, жаль, но...

– Хотела выставить меня таким шутком, да? Думала самоутвердиться, унизив Дороти-Рей?

– Джек, пожалуйста, выслушай меня.

– Нет уж, изволь ты меня выслушать. Ты мизинца ее не стоишь. Ты хоть заметила, как она совершенно без посторонней помощи бросила пить? И ведь любит меня, несмотря на...

– Джек, когда Эдди начал работать на Тейта?

Он тихо чертыхнулся и нетерпеливо переступил с ноги на ногу:

– Я для чего, спрашивается, тут разоряюсь, чтобы ты...

– Это важно! – крикнула она. – Как Эдди смог настолько втереться в доверие Тейту, что тот сделал его руководителем своей кампании? Кто-нибудь проверял его данные?

– Что ты мелешь? Тебе не хуже моего известно, что никуда он не втирался. Его специально взяли для этой работы.

– Взяли? – пискнула она. – Кто, Джек? Кому такое пришло в голову? Кто его взял?

Джек непонимающе на нее воззрился, потом слегка пожал плечами:

– Папа.

Корт Риэл был приятным местом, но не вполне подходящим для празднования успеха Тейта Ратледжа, поскольку имел единственный вход. Массивные двустворчатые двери вели в зал через короткую узкую арку. И разумеется, там сразу начали образовываться заторы.

Через тесный проход новоизбранного сенатора почти внесла в зал толпа восторженных и шумных родственников, друзей и сподвижников. Свет телекамер золотил его волосы, создавая вокруг головы подобие нимба. В его улыбке сквозила уверенность в себе и застенчивость – сочетание, способное поднять хорошего человека до истинного величия.

Тем временем, не сводя с Тейта глаз, высокий седой мужчина прокладывая себе дорогу к разукрашенной платформе у противоположной от входа стены зала. Оттирая в сторону репортеров и поклонников Ратледжа, он каким-то образом умудрялся не привлекать к себе внимания. За долгие годы он в совершенстве овладел этим искусством.

Правда, с недавних пор он засомневался, не изменяет ли ему профессионализм, потому что был почти уверен: миссис Ратледж не единожды выделяла его взглядом из толпы.

Вспомнив о ней, он вдруг осознал, что ее не было среди тех, кто вместе с Тейтом направлялся к подмосткам. Зоркие глаза Седого тут же обратились к дверям. А, вот и она, замыкает шествие, явно расстроена – очевидно, из-за того, что отстала от остальных.

Он вновь сосредоточился на молодом многообещающем лидере, чье появление в зале повергло публику в счастливое неистовство. Когда он начал подниматься по ступенькам, из сетки под потолком выпустили воздушные шары. Сумятица еще более возросла, а разглядеть что-нибудь стало еще труднее.

На сцене Ратледж обменялся рукопожатиями с наиболее влиятельными из своих сторонников, в их числе с несколькими спортивными звездами и киноактрисой родом из Техаса. Затем помахал своим приверженцам, и они бурно его приветствовали.

Седой отвел угол свисающего сверху плаката, который едва не угодил ему по лбу. Он по-прежнему смотрел только на героя дня, и среди всеобщего восторга лишь его лицо сохраняло выражение мрачной решимости.

Верный своей цели, он неуклонно продвигался вперед, к возвышению. Царящее вокруг буйство могло смутить кого угодно, но не его. Он лишь немного досадовал, не более того. И неумолимо приближался к Тейту Ратледжу.

* * *

Запыхавшаяся Эйвери примчалась к дверям зала. Ее сердце готово было разорваться, а ноги горели после того, как она на одном дыхании преодолела двадцать лестничных пролетов.

Она даже не пробовала вызвать лифт, сразу бросившись к лестнице вместе с Джеком, которому было впопыхах сказано, что жизни его брата угрожает непосредственная опасность. Где-то на полпути Джек отстал и сейчас все еще сражался с бесчисленными ступеньками.

На миг она остановилась, чтобы перевести дух и чуточку прийти в себя, но тут же бесстрашно вклинилась в толпу, пробиваясь к подмосткам. Люди стояли сплошной стеной, но Эйвери каким-то чудом удавалось между ними протискиваться.

Она увидела Тейта в тот момент, когда он с гордо вскинутой головой шагнул к ступеням, ведущим на сцену.

Он услышал ее зов и обернулся, но не успел ее разглядеть, потому что кто-то сразу принялся от души трясти ему руку.

Эйвери шарила глазами в поисках Эдди и обнаружила его за трибуной, где он выстраивал полукругом Нельсона, Зи, Дороти-Рей и Фэнси. Затем он указал Тейту на подставку для микрофонов, на которой был установлен добрый десяток этих приспособлений, призванных многократно усилить звучание первых слов его выступления в качестве сенатора.

Тейт направился к трибуне.

– Тейт! – Перекричать грохочущий оркестр было невозможно. Толпа бушевала, славя своего героя. – О Боже мой, нет! Пропустите!

Пропустите меня!

Выброс адреналина в кровь придал Эйвери дополнительную энергию. Забыв о вежливости, она пустила в ход кулаки и ногти, тараня толпу и отмахиваясь от колыхающихся в воздухе шаров.

Тут, наконец, к ней присоединился Джек.

– Кэрол, – пропыхтел он. – Почему ты сказала, что жизнь Тейта в опасности?

– Помоги мне к нему пробраться, Джек, ради Бога, помоги!

Он с удвоенной решимостью принялся рассекать толпу, и, заметив, что впереди открывается свободный пятачок, Эйвери подпрыгнула и отчаянно замахала руками:

– Тейт! Тейт! Седой!

Он стоял у края платформы, и его частично скрывал флаг штата Техас.

– Нет! – закричала она. – Тейт!

Джек подтолкнул ее сзади, она споткнулась о ступеньку, едва не упала, но сумела устоять на ногах.

– Тейт!

Наконец расслышав ее крик, он все с той же победительной улыбкой повернулся и протянул к ней руку, и она кинулась вперед, но не к нему.

Она не сводила глаз со своего врага. А он – с нее. И его взгляд точно остекленел, как только он понял, что она все знает.

Будто в замедленной съемке Эйвери увидела, как Эдди запускает руку в карман. Ее губы двигались, но сама она не сознавала, что истошно кричит: «Нет!» при виде того, как он вытаскивает пистолет и целится Тейту в затылок.

Она ринулась к Тейту и оттолкнула его. Миллионной долей секунды позже в нее угодила пуля Эдди, швырнув ее в объятия ошарашенного Тейта.

До нее донеслись чьи-то испуганные вопли, хриплое «Не может быть!» Тейта, перед глазами проплыли полные ужаса и недоумения лица Джека, Дороти-Рей и Фэнси.

Она встретила взглядом с Нельсоном Ратледжем как раз в тот миг, когда вторая пуля оставила у него посреди лба аккуратную дырочку, но совершенно разнесла его череп сзади. Зи обдало фонтаном крови. Она закричала.

На лице Нельсона отразилось изумление, потом злость, потом ярость. С этим выражением он и испустил последний вздох еще до того, как его тело грянулось о доски сцены.

Эдди соскочил с подмостков в гущу объятых паникой зрителей. По полотнищу тexasского флага пробежала дрожь, из-за него выступил человек, разрядил свой пистолет, и голова Эдди Пэскела словно взорвалась.

Откуда-то издалека до Эйвери долетел голос Зи:

– Брайан! Боже мой, Брайан!

– Я решил, что нам лучше всего встретиться вот так, всем вместе. Мне проще объяснить всем сразу.

Тайный агент ФБР Брайан Тейт обращался к хмурой группе людей, собравшихся в больничной палате Эйвери Дэниелз. Изголовье ее кровати было немного приподнято, так что она полулежала. Ее глаза покраснели и опухли от слез, левое плечо было забинтовано, рука – в фунде.

Остальные – Джек с семьей, Зи и Тейт – сидели на стульях и подоконнике, либо стояли, прислонившись к стене. Все держались на почтительном расстоянии от постели Эйвери. Она вызывала у них естественное любопытство, поскольку Тейт открыл им, кто она на самом деле. После трагических событий минувшего вечера Мэнди отправили на ранчо к Моне.

– Все вы видели, что произошло, – продолжал Брайан Тейт, – но никто из вас не знает настоящих причин случившегося. А говорить о них нелегко.

– Расскажи им все, Брайан, – мягко произнесла Зи. – Не надо ни о чем умалчивать ради меня. Я хочу, нет, мне необходимо, чтобы они все поняли.

Высокий, видный, он стоял около ее стула, положив руку ей на плечо.

– Мы с Зи полюбили друг друга много лет назад, – без оковичностей заявил он. – Ни она, ни я не хотели этого и не могли предвидеть. Все произошло вопреки нашей воле. Влечение было запретным, но неодолимым, и в конце концов мы ему поддались. – Он стиснул пальцами плечо Зи. – Последствия же оказались далеко идущими. И разрешились вчерашней трагедией.

Он рассказал, как вернулся из Кореи на несколько месяцев раньше своего друга Нельсона.

– По его просьбе я несколько раз заезжал проведать Зи. Когда Нельсон возвратился, наши с ней отношения уже не сводились к обычной дружбе или взаимной симпатии. Мы поняли, что любим друг друга и нам придется глубоко ранить Нельсона.

– К тому же я знала, что беременна. – Зи накрыла руку Брайана своей ладонью. – Беременна тобой, Тейт. Я сообщила Нельсону всю правду, без утайки. Он остался абсолютно спокоен, но поставил мне ультиматум. Если я уйду к любовнику, то никогда больше не увижу Джека. – С глазами, полными слез, она улыбнулась старшему сыну: – Ты был еще совсем малыш, Джек, я так тебя любила. Нельсон это прекрасно знал и использовал. Когда я поклялась ему никогда не видаться больше с Брайаном, он сказал, что прощает меня и будет растить Тейта как собственного сына.

– Что он и сделал, – заметил Тейт.

Он встретился взглядом с Брайаном. Этот человек был его отцом, хотя до вчерашнего вечера они ни разу не встречались. А мужчину, которого он знал и любил как отца, застрелили у него на глазах.

– Мне ничего не было известно об ультиматуме Нельсона, – снова взял слово Брайан. – Я просто получил записку от Зи, в которой говорилось, что наш роман – меня потрясло это пошлое слово – кончен, и лучше бы ему было вообще никогда не начинаться.

С отчаяния он добровольцем принял участие в опасной зарубежной экспедиции. Когда в полете его самолет забарахлил и вошел в пике над океаном, он в душе приветствовал скорую гибель, потому что жизнь без Зи была для него равносильна смерти. Но вмешалась судьба. Его спасли.

Во время лечения к нему стало проявлять интерес ФБР. Ему и раньше приходилось выполнять задачи разведывательного характера. Было предложено считать Брайана Тейта погибшим, с тем чтобы он инкогнито начал работать на Бюро. Этим он и занимался последние тридцать лет.

– Как только у меня появлялась возможность, я приезжал взглянуть на тебя, Тейт, – сказал он сыну. – Несколько раз я смотрел, как ты играешь в футбол. На расстоянии, так, чтобы не столкнуться с Нельсоном или Зи. И даже целую неделю ходил за тобой по пятам вокруг базы во Вьетнаме. Присутствовал на выпускной церемонии в колледже, а потом и на юридическом факультете. И никогда не переставал любить тебя и твою мать.

– А Нельсон так ничего не забыл и не простил меня. – Зи опустила голову, сморкаясь в салфетку.

Брайан ласково провел рукой по ее волосам и продолжал рассказ. Последний раз ему дали задание внедриться в расистскую организацию, действующую в северо-восточных штатах. В результате он вышел на крайне озлобленного ветерана вьетнамской войны, в котором узнал Эдди Пэскела, делившего в колледже комнату с Тейтом.

– У нас уже накопился на него большой материал, поскольку его подозревали в участии в подрывных неофашистских акциях, включая несколько политических убийств, но чтобы его осудить, не хватало улик.

– Господи, и как это меня угораздило с ним спать, – поежилась Фэнси.

– Ну ты же не знала, – ласково утешила ее Дороти-Рей. – Он всех нас обвел вокруг пальца.

– По мне, лучше бы ему остаться в живых, – признался Брайан. – Он был столь же умен, сколь беспощаден, и мог весьма пригодиться моему ведомству. – Он взглянул на Тейта: – Вообразите мое изумление, когда с ним вдруг связался Нельсон, в особенности учитывая, что ваши взгляды были совершенно противоположными. Нельсон поднатаскал Пэскела, создал ему абсолютно новый имидж, оплатил ускоренный курс обучения общественным связям и рекламному делу, после чего привез в Техас и поставил руководить твоей кампанией. Тут-то я и понял, что у Нельсона были какие-то свои намерения.

Тейт прислонился к стене, прижавшись затылком к прохладной штукатурке:

– Значит, все это время он хотел меня убить. Все с начала и до конца было подстроено. Он готовил меня к государственной службе, поощрял мои амбиции, нанял Эдди. Он все предусмотрел.

– Боюсь, что так, – угрюмо согласился Брайан.

Зи поднялась со своего места и подошла к Тейту:

– Родной мой, прости меня.

– Тебя? За что?

– Он наказывал тебя за мои грехи, а не за твои, – ответила она. – Ты был для него жертвенным агнцем. Он хотел причинить мне страдание, и понимал, что самая ужасная кара для матери – увидеть смерть своего ребенка, тем более в его звездный час.

– Не могу поверить! – воскликнул Джек, тоже вставая.

– А я могу, – тихо проговорил Тейт. – Теперь, когда я обдумываю все это задним числом, я верю. Ты ведь помнишь его постоянные проповеди о справедливости, честности, воздаянии за несправедность. Он считал, что вы поплатились за свой грех жизнью, – сказал он, кивнув Брайану, – но маме еще предстояло ответить за измену.

– Нельсон был очень изворотлив и хитер, – добавила Зи. – До вчерашнего вечера я даже не отдавала себе отчета, насколько он умен, вернее, насколько мстителен. Тейт, это он подстроил твой брак с Кэрол еще и затем, чтобы эта женщина постоянно напоминала мне о собственной неверности. Мне приходилось закрывать глаза на ее вопиющую непорядочность. Как я могла осуждать ее за то, что некогда совершила сама?

– Это не одно и то же, Зи.

– Знаю, Брайан. Но Нельсон не разбирался в таких тонкостях. Прелюбодеяние оставалось в его глазах прелюбодеянием и каралось смертью.

Джек был подавлен, после горькой бессонной ночи на его бледном лице застыло измученное выражение.

– Все равно это не укладывается у меня в голове. Если он так ненавидел Брайана, зачем тогда назвал ребенка Тейтом?

– Таким образом он опять сыграл со мной злую шутку, – пояснила Зи. – Тейт стал еще одним живым напоминанием о моем падении.

Джек задумался:

– А почему же он всегда был ласковее с Тейтом? Я его родной сын, но он всегда давал мне повод ощутить, что мне далеко до младшего брата.

– Рассчитывал на слабость человеческой природы, – ответила Зи. – Нарочито подчеркивал свою любовь к Тейту, чтобы вызвать у тебя возмущение. Ваши раздоры должны были опять-таки лечь на меня тяжким бременем.

Но Джек упорно затряс головой:

– Все-таки я не могу поверить, что он был до такой степени коварен. Нет. Только не папа.

Дороти-Рей взяла его руку в свои и сочувственно сжала.

Зи повернулась к Эйвери, которая до сих пор не проронила ни слова:

– Он задался целью рассчитаться со мной. Устроил так, что Тейт женился на Кэрол Наварро. Даже узнав о ее темном прошлом, я долго не догадывалась о том, что ее превращение из стриптизерши в супругу состоялось благодаря Нельсону. Но теперь я верю, что это его рук дело, как и появление Эдди. В любом случае, в какой-то момент они заключили союз. Кэрол было велено всячески изводить Тейта. Ведь Нельсон знал, что, чем несчастнее Тейт, тем несчастнее я. И Кэрол выполняла все, что скажут, да еще и от себя добавляла. Единственное, что она сделала на свой страх и риск, это аборт. Не думаю, чтобы Нельсон был в курсе. Он пришел в бешенство, но только оттого, что опасался, как бы в результате Тейт не проиграл выборы.

Зи подошла к кровати и взяла Эйвери за руку:

– Вы сможете простить мне все мои обвинения?

– Вы же не знали, – хрипло отозвалась она. – А Кэрол вполне заслуживала такого отношения.

– Мне жаль, что так вышло с вашим другом мистером Лавджоем, мисс Дэниелз. – Лицо Брайана вдруг сделалось очень добрым, совсем не таким, как в то мгновение, когда он прицелился и выстрелил в Эдди. – За Пэскелом присматривал наш человек, но в ту ночь он все-таки ускользнул.

– На самом деле именно Вэн спас Тейта, – взволнованно произнесла Эйвери. – Должно быть, он много часов просидел перед видео, пока не отыскал нужную пленку и не понял, отчего Эдди Пэскел кого-то ему напоминает. И по всей видимости, мистер Тейт, Эдди несколько раз уходил из-под вашего надзора, потому что он определенно следил за мной, когда я ездила к Айришу. Тогда-то он и сообразил, что они с Вэном связаны. А заодно понял, кто скрывается под именем Кэрол.

– Вам известно, как дела у мистера Маккейба?

Она улыбнулась сквозь слезы:

– Я настояла, и утром меня к нему водили. Он все еще в реанимации, и положение довольно серьезное, но врачи надеются, что он выберется.

– По иронии судьбы, обширный инфаркт спас мистеру Маккейбу жизнь. Пэскел решил, что стрелять нет надобности. Он совершил ошибку: вытащил его из лифта, не проверив, жив он или мертв.

– Я благодарю за это Господа.

– А скажите, мисс Дэниелз, – поинтересовался Брайан, – как вы напали на мысль, что Пэскел намерен покуситься на жизнь Тейта?

За Эйвери ответил сам Тейт:

– Ей говорили.

Все, как один, удивленно переглянулись. Первым это удивление выразил Джек:

– Говорили? Кто же? Когда?

– Когда я еще вся в бинтах лежала в больнице, – начала объяснять Эйвери, – и меня все принимали за Кэрол. – Она рассказала, что происходило с ней с того времени, вплоть до вечера предыдущего дня, когда она выскочила на сцену. Закончив, она виновато взглянула на Брайана: – Я ведь думала, вы наемный убийца.

– Вы меня-таки заприметили?

– У меня наметанный репортерский глаз.

– Нет, – возразил он. – Просто я был лично причастен к этому делу и меньше обычного соблюдал осторожность. Ради того, чтобы находиться поближе к Тейту, я нередко пренебрегал опасностью быть узнанным.

– Я до сих пор не могу вспомнить, чей же это тогда был голос. Но все-таки мне кажется, тогда в больнице со мной говорил Нельсон, а не Эдди, – заметила Эйвери. – Хотя признаюсь, такое мне ни разу не пришло в голову.

– Мисс Дэниелз не могла никому ничего рассказать, не подвергая свою жизнь опасности, – вставил Брайан.

– И жизнь Тейта тоже, – добавила она, застенчиво опуская глаза, когда он пристально на нее посмотрел.

– Ты, вероятно, предполагала, что это я охочусь за своим братом. Каин и Авель, – сказал Джек.

– У меня не раз появлялась эта мысль, Джек. Прости меня.

Они с Дороти-Рей по-прежнему держались за руки, поэтому она удержалась от напоминания о его увлечении Кэрол.

– По-моему, ты классно это провернула, – объявила Фэнси. – В смысле, когда прикинулась Кэрол.

– Вряд ли это было так уж легко. – Дороти-Рей взяла мужа под руку. – Уверена, ты рада, что все наконец открылось. – Во взгляде, который она устремила на Эйвери, читалась благодарность. Теперь она понимала, отчего с некоторых пор ее свояченица выказывала ей

столько сочувствия и готовности помочь. – Это все, мистер Тейт? Мы свободны и можем идти, чтобы Эйвери отдохнула?

– Зовите меня Брайан. Да, на сегодня все.

Посетители потянулись к выходу. Зи еще раз подошла к Эйвери:

– Как мне отплатить вам за спасение сына?

– Мне не надо никакой платы. Не все здесь было игрой. – Женщины обменялись многозначительными взглядами.

Зи погладила Эйвери по руке и скрылась за дверью вместе с Брайаном.

В палате повисла тяжелая тишина. Наконец Тейт оторвал спину от стены и встал в изножье кровати.

– Возможно, они поженятся, – заметил он.

– И как ты к этому отнесешься?

Некоторое время он изучал носки своих ботинок. Потом поднял голову:

– Кто их осудит? Они любят друг друга дольше, чем я живу на свете.

– Теперь легко себе представить, отчего Зи всегда казалась такой печальной.

– Психологически она была папиной узницей. – Он издал сухой смешок. – Пожалуй, мне уже не следует называть его папой, а?

– Почему? Ведь для тебя Нельсон был отцом, и хорошим отцом, что бы им ни руководило.

– Наверное. – Он посмотрел на нее долгим взглядом. – Мне следовало поверить тебе вчера, когда ты пыталась меня предупредить.

– Для тебя все это звучало невыносимо, вот ты и не поверил.

– Но ты была права.

Она покачала головой:

– Я никогда не подозревала Нельсона. Эдди – да. Джека тоже. Но только не Нельсона.

– Хочу о нем горевать, но стоит мне снова вспомнить, как жесток он был с моей матерью... Или как нанял моего лучшего друга, чтобы тот меня убил... Господи. – Он вздохнул и запустил руку себе в волосы. На глазах у него появились слезы.

– Не кори себя, Тейт. На тебя так много всего свалилось. – Ее тянуло обнять и утешить его, но он об этом не просил, а пока он не просил, она не имела права ему навязываться.

– Когда ты будешь делать свой фильм, я попрошу тебя об одной услуге.

– Никакого фильма не будет.

– Нет, будет, – твердо заявил Тейт. Обойдя кровать, он сел на самый край. – Тебя ведь уже провозгласили героиней.

– Зря ты сегодня утром рассказал, кто я такая. – Она смотрела прямой репортаж с пресс-конференции, проходившей в вестибюле «Паласио дель Рио». – Ты мог бы развестись со мной как с Кэрол, ты ведь так собирался поступить?

– Я не могу начинать политическую карьеру со лжи, Эйвери.

– Ты сейчас впервые назвал меня настоящим именем, – прошептала она, замирая.

Они опять посмотрели друг на друга. Наконец, он сказал:

– Пока никто, кроме тех, кто был сейчас тут в комнате, и, возможно, нескольких агентов ФБР, не знает, что заговор подготовил Нельсон Ратледж. Все считают, что Эдди действовал в одиночку и объясняют его озлобление разочарованием в послевоенной Америке. Я прошу тебя подать все именно в таком виде. Ради моей семьи. Прежде всего, ради матери.

– Если меня станут об этом спрашивать, я так и отвечу. Но никакого фильма снимать не буду.

– Нет, будешь.

Ее глаза увлажнились, и она порывисто схватила его за руку:

– Для меня невыносимо, что ты видишь за этим только мое желание поживиться за твой счет или добиться славы и признания.

– Я вижу за этим единственную причину. Ту, о которой ты мне говорила вчера и в которую я никак не хотел верить, – ты любишь меня.

Ее сердце чуть не выскочило из груди. Она погрузила пальцы в его волосы:

– Люблю, Тейт. Больше жизни.

Он взглянул на повязку у нее на плече, слегка поежился и зажмурился. Когда он опять открыл глаза, они были затуманены слезами.

– Я знаю.

Эпилог

– Снова смотришь?

Сенатор Тейт Ратледж вошел в гостиную комфортабельного дома в Джорджтауне, где жил с женой и дочерью. В этот день он застал Эйвери за просмотром документального фильма, который она выпустила по настоянию Тейта.

В течение шести месяцев после того, как он занял место в Сенате, фильм транслировался по каналу Пи-Би-Эс на всю страну. Факты были представлены объективно, сжато и без прикрас, несмотря на личное участие автора в изложенных событиях.

Тейт убедил Эйвери, что зрители имеют право знать о причудливой цепочке происшествий, начавшихся с катастрофы рейса 398 и разрешившихся кровопролитием вечером в день выборов.

Еще он сказал ей, что никто другой не сумеет так проникнуть в суть происходившего и так его прочувствовать. Последним же его аргументом было то, что ему было бы неприятно, если бы его первый срок пребывания на посту сенатора постоянно омрачали всяческие вымыслы и спекуляции. Он считал, что лучше, если люди будут знать правду, нежели что-то домысливать.

Фильм не принес Эйвери Пулитцеровскую премию, хотя его с восторгом приняли обозреватели, критика и коллеги-журналисты. Сейчас она рассматривала ряд предложений осветить еще несколько тем.

– Все греешься в лучах славы, да? – Тейт поставил портфель на угловой столик и сбросил пиджак.

– Не дразни меня. – Она взяла его за руку, поцеловала запястье и заставила сесть рядом с собой на диван. – Просто сегодня звонил Айриш. И обо всем мне напомнил.

Айриш благополучно оправился от инфаркта, полученного в лифте отеля «Паласио дель Рио». Он уверял, что тогда действительно умер, а потом ожил. Как же Пэскел мог так ошибиться и не уловить биения пульса? Он божился, что помнит, как воспарил над собственным телом, посмотрел вниз и увидел Пэскела, который вытаскивал его из лифта.

Понятно, все знакомые Айриша всласть поострили насчет его кельтских предрассудков и доморощенного католичества. Но для Эйвери значение имело лишь то, что она его не потеряла.

В самом конце фильма, когда обрывались документальные кадры, на экране появлялась надпись: «Посвящается памяти Вэна Лавджоя».

– Мы далеко от его могилы, и я не могу положить на нее цветы, – хрипло проговорила она. – Поэтому я чту его память, когда смотрю его съемку. – Она выключила видео и отложила пульт.

Злоумышления Нельсона сильно сказались на их жизни. Им никогда полностью не избавиться от тревожащих воспоминаний. Джек все еще тщился преодолеть разочарование в отце. Он даже предпочел остаться в Сан-Антонио и заниматься делами юридической фирмы, а не присоединиться к штату сотрудников Тейта в Вашингтоне. Но несмотря на разделявшее их расстояние, сводные братья никогда раньше не были друг другу ближе, чем сейчас. Оба надеялись, что время постепенно залечит нанесенную им рану.

Тейт тоже ежечасно силился осознать содеянное Нельсоном, но в душе поневоле скорбел о человеке, которого звал отцом. Для Тейта он как бы существовал в двух совершенно разных лицах.

По отношению к Брайану Тейту он испытывал противоречивые чувства. Он симпатизировал ему, уважал его и ценил за счастье, которое обрела с ним Зи, когда они поженились. Но к тому, чтобы называть его отцом, он готов не был, не мог в открытую признать их родство, пусть даже и признавая его внутренне.

В минуты борьбы с противоречивыми чувствами он обретал неоценимую поддержку в любви своей жены.

Размышляя об этом, Тейт привлек ее к себе, находя желанное успокоение. Он долго сидел так, обнимая ее и уткнувшись лицом ей в шею.

– Я тебе когда-нибудь говорил, какая ты изумительная, мужественная женщина, если смогла все это совершить, не боясь поставить под угрозу собственную жизнь? Боже мой, я все вспоминаю тот вечер, когда почувствовал, как у меня по рукам течет твоя кровь. – Он крепко поцеловал ее в щеку. – Я снова влюбился в свою жену и не мог взять в толк, с чего бы это. И, не успев по-настоящему тебя оценить, едва тебя не потерял.

– Я думала, тебе будет все равно, – призналась она. Он поднял голову и вопросительно взглянул на нее. – Я опасалась, что когда ты узнаешь, кто я такая, я тебе больше не буду нужна.

Он снова сжал ее в объятиях.

– Ты была мне нужна, и нужна сейчас. – То, как он это произнес, рассеяло ее последние сомнения. А то, как он ее поцеловал, скрепило его слова клятвой не менее священной, чем та, которую они дали несколько месяцев назад.

– Я ведь до сих пор постигаю тебя, хотя уже так близко тебя знаю, – прошептал он, почти не отрывая губ от ее рта. – Ближе, чем любую другую женщину. Видит Бог, это правда. Я знаю, что ты чувствуешь и какова на вкус каждая клеточка твоего тела.

Он снова поцеловал ее с любовью и неутолимым вожделением.

– Тейт, – она вздохнула, когда они чуть отстранились друг от друга, – кого ты видишь, когда на меня смотришь?

– Женщину, которой обязан жизнью. Женщину, которая подарила Мэнди отнятую у нее материнскую любовь. Женщину, которая носит моего ребенка. – Он ласково погладил ее высокий живот. – Женщину, которая мне дороже жизни.

– Нет, я не о том.

– Я понимаю, о чем ты.

Он подложил ей под спину диванные подушки, взял ее лицо в ладони и легко коснулся губами ее губ:

– Я вижу Эйвери.

notes

Примечания

1

Фильм ужасов американских кинорежиссеров Стивена Спилберга и Джона Лэндиса (1983 г.)